

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР

МИГРАЦИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В США

ПИСЬМА О К. МАРКСЕ (1841—1849 гг.)

КОЛЧАКОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

КЭМП-ДЭВИД: ЯЩИК ПАНДОРЫ

АРБАТ

3

МОСКВА · 1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 3

МАРТ

1983

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В. И. Буганов, Г. А. Трукан — Источниковедение отечественной истории на современном этапе 3
- Н. А. Якименко (Полтава) — Аграрные миграции в России (1861—1917 гг.) 17
- В. В. Согрин — Буржуазные революции в США: общее и особенное 32
- М. А. Полтавский — Становление и развитие австрийской народности 47

ПУБЛИКАЦИИ

- Из писем 1840-х годов о К. Марксе (Вступительная статья и примечания Я. Г. Рокитянского и А. Ю. Рыбиковой) 60

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- С. Г. Лившиц (Барнаул) — Колчаковский переворот 79
- Ю. В. Глухов — Кэмп-Дэвид: ящик Пандоры 91

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории и Научных советах АН СССР

- Академик Б. А. Рыбаков — 70-летие П. А. Жилина 106
- И. К. Эльдарова — Историография социалистической культуры 107
- В. В. Кучер (Новосибирск), Г. А. Бочанова (Новосибирск) — Симпозиум по истории сибирской политической ссылки 109
- С. А. Красильников (Новосибирск), А. Н. Сагайдачный (Новосибирск) — Обсуждение проблем разгрома белогвардейцев и интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке 111

Обзоры

- Е. В. Бернадская (Ленинград) — По страницам сборника «Средние века» 114

Рецензии

- И. Е. Зеленин, О. М. Вербицкая — Р. П. Толмачева, Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.); Р. П. Толмачева, Колхозы Урала в 50-е годы 121

В. А. Китаев (Горький), А. М. Нейман (Горький), Н. И. Смоленский (Горький) — Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки	124
Р. П. Конюшая — Л. В. Купринова. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века.	126
Б. И. Краснобаев — Г. Н. Моисеева. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века.	128
Е. Л. Немировский — Я. Д. Исасевич. Пресмники первопечатника	131
М. Б. Свердлов (Ленинград) — А. Н. Сахаров. Дипломатия Святослава	133
А. Г. Судейкин — Рабочее движение Великобритании: национальные и расовые проблемы	136
С. Н. Искюль (Ленинград) — Д. М. Туган-Барановский. Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799—1812 гг.)	139
Н. П. Комолова — К. Э. Кирова. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805—1872)	141
Г. Н. Пирогов — О. В. Чернышева. Швеция в годы второй мировой войны	143
Р. Е. Кантор — Политические партии США в новое время; Политические партии США в новейшее время	145
В. А. Аркатов — М. С. Капица, Н. П. Малетин. Сукарно. Политическая биография	149
Л. П. Лашук, С. Ф. Иванов — Г. М. Коростелев, В. С. Краев. Буржуазные концепции народонаселения	151
Новые книги	154
Статьи в советских периодических изданиях	156
Хроникальные заметки	159

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

В. В. Рогинский — Симпозиум историков СССР и Швеции	163
Ю. Огнев — Научная конференция в Улан-Баторе	165

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Ю. С. Уральский — Хитцер Ф. Под именем доктора Иорданова: Ленин в Мюнхене	167
Ю. Г. Беловолов (Донецк) — Куба и защита Испанской республики (1936—1939)	169

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	171
Рецензии на советские издания	174
Хроникальные заметки	175

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Н. В. Козлова — Крепостной труд на Серпуховской мануфактуре Кишкиных в 30—40-е годы XVIII века	178
--	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Т. В. Антонова — «Капитал» в революционном подполье России 1870-х годов	180
С. К. Романюк — Московская улица Арбат	183
Сведения об авторах	189
Резюме статей на английском языке	190

СТАТЬИ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В. И. Буганов, Г. А. Трукан

Задача настоящей статьи — обобщить итоги исследований в области источниковедения истории СССР за период между XXV и XXVI съездами КПСС: проанализировать изданные за это время труды о ленинской методологии и методике работы с историческими источниками и основные работы по общим теоретико-методологическим проблемам источниковедения, охарактеризовать многочисленные исследования различных групп категорий и комплексов источников, относящихся к советскому и дооктябрьскому периодам.

Ведущим направлением современного советского источниковедения является изучение трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Марксистско-ленинское требование рассматривать источник в связи с породившей его эпохой и классом, марксистское понимание природы источника составляет теоретическую, методологическую основу конкретного источниковедческого анализа.

За время между XXV и XXVI съездами КПСС достигнуты значительные результаты в источниковедческом изучении трудов В. И. Ленина по отечественной истории, его творческой лаборатории. К 100-летней годовщине со дня рождения Ленина был подготовлен XXXIX Ленинский сборник, в котором публикуется впервые 264 документа. Среди них — статьи, записки, многочисленные подготовительные материалы (таблицы, выписки, конспекты, библиографические заметки). Преобладающая часть документов сборника характеризует многогранную деятельность Ленина в советское время. Каждая публикация ленинских трудов — новое свидетельство неисчерпаемости сокровищницы ленинизма.

Начиная с 1970 г. стали выходить в свет тома научного издания «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924», подготовленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Создание этого фундаментального труда стало возможным в результате многолетней исследовательской работы в области лениноведения. В издание включено свыше 39 тыс. фактов из жизни Владимира Ильича, то есть в несколько раз больше, чем приводится в «Датах жизни и деятельности В. И. Ленина», опубликованных в томах Полного собрания его сочинений. В них представлено полностью или частично свыше 6 тыс. ранее не публиковавшихся ленинских документов (писем, записок, телеграмм, резолюций, дополнений и вставок к различным документам). В научный оборот введено большое количество новых материалов о партийной и государственной деятельности Ленина. Они существенно пополняют опубликованное ленинское наследие. Уже известные факты даются более подробно, многие из них уточнены. Публикация всех 12 томов Биохроники выдвинула задачу углубленного анализа

обширного комплекса исторических источников, на базе которого подготовлено это издание.

Характерным для источниковедческой Ленинианы является стремление авторов глубже проникнуть в ленинскую лабораторию исторического исследования, активно использовать ленинскую методику анализа источников при работе с подобными документами. В современных исследованиях важное место занимают работы, призванные познакомить читателя с подготовительными материалами Ленина, с первичной, источниковой базой его трудов. Речь идет о выписках, конспектах, беглых записях мыслей в записных книжках, пометках в тексте и на полях прочитанных книг, журналов, газет (маргиналиях). В новейших трудах характеризуются такие черты ленинского метода работы с источниками, как всесторонний подход к явлениям, событиям, фактам, людям, необыкновенная глубина, охват всей литературы по теме, огромного количества источников, их внимательная проработка, теснейшая взаимосвязь почерпнутых из них фактов, цифр с обобщениями теоретического, государственно-практического плана, глубочайшая фундированность его трудов («Очередные задачи Советской власти», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и мн. др.), внимательно прослеживается процесс работы Ленина над сочинениями К. Маркса, Ф. Энгельса, над различными источниками (статистические данные, пресса, партийные документы и др.)¹. Маргиналии, изученные исследователями, являются неотъемлемой составной частью ленинской творческой лаборатории, необходимым дополнением его трудов².

Важные источниковедческие аспекты исследования работ В. И. Ленина связаны с изучением истории подготовки им тех трудов, которые сохранились вместе с подготовительными материалами. Изучение создания Лениным произведения «Очередные задачи Советской власти» позволило раскрыть ленинский метод выявления, отбора, систематизации источников, методику оценки их полноты, достоверности, представительности и научной значимости, установить ленинские приемы выявления как прямой, так и косвенной информации из источников, проследить все этапы творческого процесса, путь его научного поиска³.

Внутренняя специализация научного знания привела к созданию в источниковедении своего теоретико-методологического раздела, в котором накоплен в последние годы большой новый материал. Наряду с общими теоретическими вопросами методология источниковедения требует проникновения и в более конкретную сферу исторического исследования. Это хорошо показано в монографии Е. М. Жукова⁴. В разделе «Лаборатория исследователя» автор рассматривает понятие исторического источника, вопросы классификации источников, предмет источниковедения, критикует буржуазные теории исторического источника.

Третья Всесоюзная конференция по актуальным проблемам источниковедения, проходившая в Новороссийске в сентябре 1979 г., особо отметила значение диалектико-материалистической методологии для дела обобщения достижений источниковедения, совершенствования

¹ Иванов В. В. Ленинский историзм; методология и методика исследования. Казань. 1976; Шарапов-Антонов Ю. П. Изучение В. И. Лениным исторических источников и литературы. Некоторые вопросы методологии и методики. 1917—1923. Автореф. док. дисс. М. 1977.

² Шарапов Ю. П. Ленин как читатель. М. 1976; его же. Рукою Владимира Ильича. О ленинских пометках на книгах, журналах, газетах.— Коммунист, 1979, № 7; Стеллиферовская Е. Н., Юницкая Р. З. Настольные календари В. И. Ленина как источник для изучения его партийной и государственной деятельности.— Вопросы истории КПСС, 1980, № 7, и др.

³ Савицкая Р. М. Задачи победившего пролетариата. О работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». М. 1981.

⁴ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М. 1980.

средств научного поиска. Рассматривая пути дальнейшего развития источниковедения, участники конференции подробно осветили методологические аспекты вопроса об объеме и содержании понятия «исторический источник». Как отмечалось, сущность исторического источника может быть понята только на основе ленинской теории отражения⁵.

Широкий круг теоретических проблем исследуется в ряде работ. О. М. Медушевская рассматривает вопросы соотношения методологии и методики источниковедения, его терминологии, ленинских методов работы с источниками, развития отечественного источниковедения, в том числе теоретического, классификации исторических источников. А. А. Курносов ставит вопрос о необходимости точной оценки изучаемого источника в истории данного вида источников, знания истории этого вида с целью более глубокого проникновения в источник, выявления в нем нужной информации, намеренной и «скрытой», «ненамеренной», определения ее достоверности. С этой точки зрения источниковедение не только специальная наука об исторических источниках, но и научная дисциплина, изучающая историю последних⁶.

Важную проблему интеграции данных источниковедения и других специальных исторических дисциплин ставит и решает чл.-корр. АН СССР В. Л. Янин⁷. Опираясь на данные нумизматики и других специальных исторических дисциплин, автор показывает, что один и тот же вид источника может быть предметом исследования со стороны представителей разных дисциплин. Дочерние дисциплины истории, по мнению В. Л. Янина, слишком далеко разошлись друг от друга, и поэтому необходимы синтетическое исследование источников, разработка новых методов их комплексного изучения.

Исследования, посвященные методическим проблемам источниковедения, опубликовал А. П. Пронштейн⁸. В них обосновывается взгляд на методику исторического исследования как на особую научную дисциплину, дается классификация исторических источников, характеризуются их виды. Автор детально описывает приемы работы с источниками (прочтение и уяснение текста, восстановление оригинала по сохранившимся видам, редакциям источника), вопросы истолкования источников, установления времени, места, условий их возникновения, авторства, выявления и анализа подделок. Приводится анализ законодательных, актовых и повествовательных источников, говорится о выявлении источников (эвристика).

Развитие исторической науки ведет к постоянному росту потребности в информации, которая непосредственно не выражена в источниках. Поэтому принципиальное значение приобретает выяснение общих возможностей повышения информационной отдачи источников и основных путей их реализации. В связи с этим высказаны весьма плодотворные идеи о необходимости обращения к современному учению об информации, открывающему огромные возможности для источниковедения⁹.

⁵ Варшавчик М. А. О предмете и основных принципах марксистско-ленинской методологии исторического источниковедения. В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции (Новороссийск). М. 1979; Пронштейн А. П., Лубский А. В. Методологические проблемы источниковедения в современной советской литературе. Там же.

⁶ Курносов А. А. К вопросу о природе видов источников.— Источниковедение отечественной истории, 1976 (далее — ИОИ). М. 1977; Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М. 1977 (уч. пособие).

⁷ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. В кн.: Средневековый Новгород. М. 1977.

⁸ Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону. 1976 (уч. пособие); его же. Методика работы над историческими источниками (Феодализм в России). М. 1977.

⁹ Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке вопроса). В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР.

В последние годы в источниковедческой литературе был высказан ряд перспективных соображений о социальных функциях источника. Отмечалось, что следует признать социальные функции источников одной из кардинальных историко-источниковедческих категорий¹⁰. Задача, которая стоит перед историками в настоящее время,— дать целостную картину, осветить не отдельные, а все основные вопросы этой методологической проблемы источниковедения.

В последнее десятилетие в общественных науках в связи с быстрым ростом «стыковых» проблем, интеграцией знания, усложнением объектов изучения неуклонно возрастает роль общенаучных, междисциплинарных методов. Этим объясняется все более широкое применение наряду с традиционными математических методов в исторических исследованиях. Использование вычислительной техники и математических методов дает дополнительные возможности (наряду с применением традиционной методики источниковедческого исследования) для анализа массовых источников¹¹.

Главное место среди математических методов, привлекающихся для изучения отечественной истории, занимают методы математической статистики и теории информации. Они использовались в двух направлениях: при изучении достоверности и репрезентативности данных, содержащихся в массовых источниках, и при анализе взаимосвязей сложнейших социально-экономических процессов.

В связи со сказанным возникают вопросы о границах и возможностях применения математических методов в исторических исследованиях, их взаимоотношений с методами традиционными, которые, как нам представляется, являются главными, ведущими. Актуальными являются вопросы: какие из количественных методов следует применять, в каком сочетании с обычными методами, какое место должны занимать математические методы в общем арсенале методов историка и т. д. Важно при этом соблюдать равновесие между математическим и историческим материалом, так как пренебрежение вторым наносит ущерб правильной оценке роли математических методов в исторической науке и приводит к искажению исторических процессов¹².

Пределы применения количественных методов в исторических исследованиях ставятся и состоянием источниковой базы. Здесь дело не только в наличии необходимых источников, но и в той форме, в которой они дошли до нас. Попытки восполнить пробелы в источниках средствами математического моделирования могут вести к субъективизму, на что справедливо указывалось в советской научной литературе¹³.

Важным участком советского источниковедения, его борьбы с буржуазными фальсификаторами истории является критический анализ теории и практики современного буржуазного источниковедения. Серьезным вкладом в критическое осмысление опыта буржуазного теоретического источниковедения является монография В. И. Салова¹⁴. Особый интерес представляет специальный раздел, посвященный критике подходов к пониманию исторического источника и исторического факта. Здесь дана цельная картина состояния решения вопросов теории источниковедения, где акцент сделан на анализе англо-американской буржуазной историографии. В новейших исследованиях аргументированно доказано, что современная буржуазная историография в

¹⁰ См. Курносоев А. А. Ук. соч.

¹¹ Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М. 1977.

¹² Подробнее см. Голубцова Е. С., Кошеленко Г. А. История древнего мира и «новые методики». — Вопросы истории, 1982, № 8.

¹³ Ковальченко И. Д. О моделировании исторических явлений и процессов. — Там же, 1978, № 8.

¹⁴ Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М. 1977.

интерпретации сущности, места и роли источника исходит из идей релятивизма, иррационализма, презентивизма, постпозитивизма и других субъективно-идеалистических концепций¹⁵. Это, в свою очередь, означает, что источник и факт оказываются лишь некими конструктами и концептами воображения историка, созданными на основе произвольного прочтения источника. Таким образом, лишенное своей объективной основы, буржуазное источниковедение превращает исторический источник в средство фальсификации событий прошлого, узаконивает произвол в их подборе, анализе, использовании.

В ряде работ содержится критика источниковедческой практики буржуазной историографии¹⁶. В тесной связи с разработкой общих, теоретических вопросов источниковедения осуществляется изучение различных групп, категорий и отдельных источников по истории СССР советской эпохи. Среди них особое место занимают документы КПСС, в которых раскрывается роль партии как руководящей и направляющей силы советского общества, ядра советской политической системы. Особую ценность представляют программы партии, протоколы, стенографические отчеты партийных съездов, конференций, пленумов ЦК. Источниковедческий анализ партийных документов предполагает изучение их происхождения, рассмотрение вопросов, касающихся их общей характеристики, установление исторических условий, причин составления и хода разработки каждого документа, выявление источников, которые легли в основу партийного документа, изучение процесса его обсуждения и утверждения. Анализу приемов и методов источниковедческого анализа документов КПСС, их классификации посвящены труды по этой проблеме¹⁷.

Потребности развития исторической науки стимулировали углубленное изучение массовых исторических источников. «Массовыми,— пишет И. Д. Ковальченко,— являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойство и состояние самих систем»¹⁸. Исходя из этого определения, к массовым источникам следует отнести различные типы и виды источников: статистические материалы, различного рода переписи и обследования, материалы делопроизводства и личного учета, систематизированные справочные материалы и др.

С несколько иных позиций подошел к определению массовых источников Б. Г. Литвак. Он выделил три основных признака, отличающих массовые источники от других разновидностей исторических источников: ординарность обстоятельств происхождения; однородность, повторяемость содержания; однотипность формы, тяготеющей к стандарту. Самое же массовость автор не включил в число признаков массового

¹⁵ Медушевская О. М. Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения. М. 1979 (уч. пособие).

¹⁶ Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три революции в России и буржуазная историография. М. 1977; Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970-е годы. Л. 1979.

¹⁷ Савокин А. М. Резолюция VI съезда партии «О политическом положении». В кн.: Источниковедение истории Великого Октября. М. 1977; Аникеев В. В. Протоколы заседаний Центрального Комитета РСДРП (б). Март — октябрь 1917. Там же; Городецкий Е. Н. Переписка Секретариата Центрального Комитета РСДРП (б). Март — октябрь 1917. Там же; Варшавчик М. А., Спирин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС. М. 1978; Санцевич А. В. Некоторые актуальные вопросы источниковедения истории КПСС. В кн.: Вопросы методологии историко-партийной науки. Киев. 1980.

¹⁸ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М. 1979, с. 6.

источника. Б. Г. Литвак противопоставил массовый источник статистическому на том основании, что творец статистического источника всегда имеет научно-статистическую заданность, в то время как составитель массового документа имеет целью не изучить, а только зарегистрировать наблюдаемое явление¹⁹.

Сопоставляя два приведенных выше определения массовых источников, Б. Н. Миронов и А. Л. Шапиро считают первое слишком широким, поскольку под него подпадают повествовательные, нормативные и другие немассовые источники в случаях, когда они отражают массовые явления. Но и с определением Б. Г. Литвака исследователи не могут полностью согласиться, полагая, что, во-первых, в него следует включить, поставив на первое место, такие важнейшие признаки массовых источников, как их массовость и способность отражать массовые явления исторической действительности, а во-вторых, необходимо снять противопоставление массовых и статистических источников, базирующееся на весьма зыбком критерии и приводящее к парадоксальным следствиям²⁰. Предложенные определения и их обсуждение в печати приблизили исследователей к решению этого вопроса и, бесспорно, будут способствовать более глубокому и широкому изучению массовых источников.

Прделана определенная работа по анализу и обработке наиболее распространенных массовых источников — статистических материалов. Для детального изучения промышленного развития страны в годы борьбы за социалистическую индустриализацию были впервые широко использованы материалы ежемесячных и годовых обследований промышленных предприятий²¹. Источниковедческий анализ этих ценных статистических источников позволил установить особенности их формирования и те возможности, которые они предоставляют историку. Источниковедческий анализ первичной статистической отчетности о работе металлургических предприятий и их годовых отчетов²² показал, что в них содержатся полные и достоверные сведения о состоянии материально-технической базы отрасли.

В начале 70-х годов широко развернулось систематическое и углубленное изучение материалов бюджетных обследований крестьянских хозяйств 20-х годов. Этому способствовало выявление важного преимущества бюджетных обследований перед другими источниками — сбалансированность всех показателей, что позволяет изучать взаимосвязи всех элементов крестьянского хозяйства. В монографии Ю. П. Бокарева выясняется основной круг дошедших до нас материалов, разрабатывается методика работы с источником, включающая применение математико-статистических и экономико-математических методов. Бюджетные обследования используются автором для исследования внутренней структуры крестьянского хозяйства, взаимоотношений между сельским хозяйством и промышленностью накануне массовой коллективизации²³.

Сравнительно новым направлением является анализ статистики хлебных цен 20-х годов, позволяющий изучить процессы развития и изменения конъюнктуры хлебного рынка в годы нэпа. В этом плане за-

¹⁹ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М. 1979, с. 7—8, 25—27, 30, 137, 287.

²⁰ См. рец. Б. Н. Миронова, А. Л. Шапиро на книгу Б. Г. Литвака. — История СССР, 1981, № 2.

²¹ Черноморский М. Н. Материалы ежемесячных и годовых обследований промышленных предприятий. В кн.: Источниковедение истории советского общества. Вып. III. М. 1978.

²² Казанцев Б. Н. Статистические данные архивных документов о восстановлении и развитии черной металлургии СССР в 1946—1950 гг. В кн.: Источниковедение истории советского общества. Вып. III.

²³ Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М. 1981.

служивает внимания предложенная методика обработки первичной информации о хлебных ценах²⁴. Оценивая положительно проделанную работу, нужно, однако, отметить, что данные о ценах 20-х годов в значительной части дошли до нас уже в разработанном статистиками виде. Поэтому большое значение имели бы рекомендации о работе с таким материалом. Укажем в качестве примера на одну из наиболее актуальных проблем. Богатейший материал был использован статистиками 20-х годов при исчислении индексов цен. Однако методика исчисления большинства таких индексов (среднеарифметический невзвешенный или среднегеометрический взвешенный) рассматривается современной советской теорией индексов как не вполне удачная. Следует изучить вопрос о пределах применения чрезвычайно богатого и в то же время компактного материала статистики индексов цен 20-х годов в качестве исторического источника.

Начато источниковедческое рассмотрение особенностей материалов ЦСУ СССР о так называемых «динамических процессах» в крестьянских хозяйствах. Они содержат ценные сведения о разделах и соединениях крестьянских хозяйств, их численном росте, о социальной динамике села до массовой коллективизации²⁵.

Одним из важнейших массовых источников являются материалы общих переписей населения. Они содержат наиболее полную и точную социально-демографическую информацию по проблемам численности, состава и размещения населения. За годы Советской власти было проведено шесть общих переписей: 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 годов. Они отразили состояние страны на важнейших ступенях ее движения к коммунизму: окончание гражданской войны, переход к социалистической реконструкции народного хозяйства, построение основ социализма, строительство развитого социализма, развитой социализм. Переписи зафиксировали в своих материалах величайшие перемены в социальном и культурном облике нашего народа, его всемирно-исторические достижения. При наличии обширной литературы, посвященной общим принципам анализа статистических источников, переписи как исторический источник изучены недостаточно. К тому же исследовались в основном довоенные переписи.

Особенно широко изучены материалы переписи 1926 г. для характеристики сельского населения нашей страны в начале реконструктивного периода²⁶. Разработка этих материалов позволяет выяснить особенности сельской демографии как важнейшего объективного условия развития деревни: численность сельского населения и его удельный вес в различных районах страны, расселение, занятость, занятия, социально-профессиональный и классовый состав жителей села. К детальному анализу трех последних переписей историки только приступают. Наиболее полно, пожалуй, изучены методика и техника проведения переписей специалистами, непосредственно участвовавшими в их проведении. Такие работы составляют необходимое условие использования переписей в качестве источников²⁷. Предприняты попытки изучения динамики социально-классовой структуры по данным переписи населения СССР 1959 и 1970 годов²⁸. Сопоставление материалов переписей 1959, 1970

²⁴ Ковалева И. А. К вопросу о методике обработки хлебных цен в 20-е годы в Советской России. В кн.: Количественные методы в гуманитарных науках. М. 1981.

²⁵ Халимова Э. С. Организация динамических переписей крестьянских хозяйств в 1920—1929 гг. и методика разработки их материалов. — Вестник Московского университета, серия XIII, история, 1977, № 3.

²⁶ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977.

²⁷ См., напр., Всесоюзная перепись населения 1970 года. Сб. ст. М. 1976.

²⁸ Данилов В. П. Социальная структура советской деревни (по данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг.). В кн.: Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М. 1976; Сенявский А. С. Переписи

и 1979 гг. дает возможность проследить сдвиги на этапе зрелого социализма, а их сопоставление с данными переписей 1920, 1926 и 1939 гг. — показать качественные отличия периода развитого социализма по сравнению с предшествующими этапами социалистического строительства. Комплексное исследование данных переписей следует признать актуальной задачей источниковедения истории советского общества.

Надо, однако, отметить, что сопоставление материалов демографических переписей, проводящихся один раз в десять лет, позволяет выявить лишь наиболее крупные изменения в движении народонаселения. Кроме того, такое сопоставление усложняется изменением программ, критериев демографических характеристик, даты проведения переписей, территориальных границ и т. д. Поэтому заслуживает внимания и другой подход к изучению динамики народонаселения по материалам переписей, осуществляемый под руководством чл.-корр. АН СССР Ю. А. Полякова. Авторы исследования, взяв за основу перепись 1926 г., попытались извлечь из нее сведения об изменении численности и национального состава населения за период с 1917 по 1926 год. Расчет осуществлялся на основании ежегодного естественного движения населения²⁹. Очевидно, успех предлагаемой методики будет зависеть от возможностей учета также и миграционных процессов. Однако выявляется еще одна, довольно неожиданная, позитивная сторона указанной работы. Прослеживая из года в год, как изменялась бы численность населения по регионам под влиянием только баланса между рождаемостью и смертностью, можно приблизительно оценить масштабы внутренних миграционных процессов к моменту проведения ближайшей к 1926 г. переписи (например, к 1920 или 1917 г.).

Отражением возросшего внимания к изучению массовых источников является выход в свет фундаментального коллективного труда, знакомящего с многолетними исследованиями советских историков в этой области³⁰. В книге рассматриваются наиболее фундаментальные типы массовых источников, которые характеризуют самые существенные стороны социально-экономической истории советского общества. Это источники о народонаселении, основные комплексы массовых источников, создающих систему документооборота советской промышленности, источники по истории рабочего класса — переписи, материалы текущей статистики, выборочных и социологических обследований, документы личного происхождения. Значительное место в книге посвящено бюджетам крестьянских хозяйств, годовым отчетам колхозов и совхозов, другим видам источников по истории сельского хозяйства. Коллектив авторов обобщил накопленный опыт в таких областях методики источниковедческих исследований, как определение объема выборки, разработка системы кодирования, математико-статистическое моделирование, анализ взаимосвязей между признаками.

Особый интерес представляет изучение законодательных актов первых лет Советской власти, связанных по происхождению с работой руководимых Лениным Совнаркома и ВЦИК. Они воплотили в себе теоретические положения марксизма-ленинизма в области права и опыт революционного пролетарского правотворчества, стали методической основой последующего социалистического законодательства. Результаты исследований прошлых лет, посвященные анализу отдельных

населения 1959 и 1970 гг. как источник для изучения социальной структуры советского общества в условиях развитого социализма. В кн.: Источниковедение истории советского общества. Вып. III.

²⁹ Поляков Ю. А., Киселев И. Н., Устинов В. А. К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917—1926 годах. — История СССР, 1981, № 2.

³⁰ Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М. 1979.

декретов, издание десяти томов «Декретов Советской власти» создали возможность перейти к обобщающему монографическому изучению всего этого комплекса источников за период 1917—1922 годов³¹.

Впервые прослежено складывание и развитие норм, регулирующих деятельность Советов, начиная с самых первых их актов, представляющих собой непосредственное нормотворчество революционных масс в 1905—1917 гг., и до всенародно одобренной Конституции СССР 1977 г. и принятых на ее основе конституционных актов Союза ССР, союзных и автономных республик³². Особое место принадлежит Конституциям СССР — вехам в истории советского общества, являющимся не только юридическими актами, но и важнейшими политическими документами. Представляется целесообразным развернуть источниковедческие исследования по теме «Конституция СССР — исторический источник по истории советского общества».

Для всестороннего изучения истории развитого социалистического общества особое значение имеют материалы конкретно-социологических исследований. В исторической литературе справедливо отмечалось, что социологический источник не только раскрывает новые возможности получения информации, но и в силу своей локально-выборочной природы порождает определенные трудности, связанные с оценкой достоверности, репрезентативности сопоставимых данных. Ценность этого источника возрастает тогда, когда историк сознательно строит программу современного обследования «по образцу» обследования, проведенного в прошлом. О плодотворности и перспективности такого подхода свидетельствуют работы, в которых сопоставляются итоги социологических обследований, проведенных на различных этапах развития советского общества³³.

Своеобразной формой партийной печати первых лет Советской власти являются большевистские листовки. Большое количество этих документов стало достоянием исторической науки в предшествующие годы, что позволило приступить к их источниковедческому анализу³⁴.

В последние годы проведена большая работа по изучению источников по истории СССР с древнейших времен до Октября 1917 года. Она включает публикацию многочисленных исследований о различных видах, комплексах источников, обобщающих работ по источниковедению отдельных периодов и др. Прежде всего следует упомянуть группу работ, посвященных древнейшим источникам по истории народов СССР, в том числе иноязычным (на латинском и греческом, восточных и западноевропейских языках)³⁵.

Переизданы работы М. Н. Тихомирова, посвященные истории русского летописания со времени его зарождения (по автору — с X в., с первых летописных повестей о начале Руси, о первых русских князьях) до конца XVII в. включительно³⁶. Княжеские уставы, уставные грамоты XI—XVI вв. митрополичьим и епископским кафедрам как

³¹ Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник. М. 1979.

³² Лукьянов А. И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти (некоторые вопросы истории, теории и практики). М. 1978.

³³ Социальный облик колхозной молодежи по материалам социологических обследований 1936—1969 гг. М. 1976; Социальный облик рабочей молодежи по материалам социологических обследований 1936 и 1972 гг. М. 1980.

³⁴ Дмитрієнко М. Ф. Листовки більшовицьких організацій України 1917 — 1920 рр. як історичне джерело. Київ. 1980.

³⁵ Щавелева Н. И. Древняя Русь в польской латинской хронографии (XI—XV вв.). М. 1976; Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М. 1977; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М. 1978; Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. «Хронология» Феодана, «Бревиарий» Никифора. М. 1980.

³⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М. 1979.

историко-правовые источники, характеризующие юрисдикцию церковных властей, источники их материального обеспечения анализирует Я. Н. Шапов. В другой монографии тот же автор изучает различные редакции Кормчих (древнеславянскую, сербскую, русскую), бытовавшие на Руси в XI—XIII веках³⁷.

Отрадным фактом является издание историографических очерков об изучении источников по истории Древней Руси в советской историографии (летописание, Русская Правда, актовый материал, берестяные грамоты, иностранные письменные источники — восточные, византийские и др., сопредельные науки, вспомогательные исторические дисциплины)³⁸. Опубликован ряд источниковедческих исследований по периоду феодальной раздробленности. В некоторых из них рассматриваются акты и акты (берестяные грамоты, псковские и двинские акты и др.)³⁹.

Ю. Г. Алексеев, детально анализируя текст Псковской судной грамоты в ее связи с другими источниками, эпохой, породившей этот памятник, удачно показал, что она в условиях Руси XIV—XV вв. продолжала традиции русского феодального права предыдущих столетий; она была, по замечанию автора, «не дальней боковой родственницей-провинциалкой, а законной и прямой наследницей Русской Правды». Псковская судная грамота, опираясь на фундамент русского феодального права, заложенный Русской Правдой, с одной стороны, углубляет и расширяет его, с другой — «надстраивает над ним следующий хронологический этаж», соответствующий новой обстановке, жизнедеятельности вечевых городов-земли, Псковской феодальной республики. Ценен вывод автора о том, что изучаемый им памятник отразил важный этап в истории Псковской земли и русского феодализма в целом — этап, предшествовавший образованию единого Русского государства и перестройке на новой основе аграрных и социальных отношений в бывших вечевых землях⁴⁰.

Изучению русского летописания XIV—XV вв. посвящена монография Я. С. Лурье⁴¹. В ней дается детальный текстологический анализ таких летописных памятников, как Лаврентьевская, Троицкая, Софийская I, Новгородская IV, Никаноровская, Вологодско-Пермская и связанные с ней летописи, Московский свод 1479 г., Ермолинская, сокращенные своды конца XV в., Типографская, Софийская II, Львовская, наконец, общерусские своды конца XV — начала XVI века. Автор выявляет ряд летописных традиций, устанавливает наличие великокняжеского и «независимого» летописания в XV в., характеризует источники сводов, их взаимоотношения между собой.

Пристальное внимание исследователей продолжает привлекать великий памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве»⁴². Г. Н. Моисеева подробно анализирует состав ярославского хронографа, включавшего и текст «Слова». Автор показывает, что текст «Слова о полку Игореве» был известен ряду читателей XIV—XVIII вв., что на-

³⁷ Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М. 1976; его же. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М. 1978.

³⁸ Советское источниковедение Киевской Руси. Историографические очерки. Л. 1979.

³⁹ Янин В. Л. Заметки о берестяных грамотах. — История СССР, 1976, № 4; его же. Олексей Гречин — священник? — Наука и религия, 1978, № 4; Алексеев Ю. Г. Псковские купчие XIV—XV вв. — ВИД, 1976, т. VII; Буров В. А. Заметки о новгородских берестяных грамотах. — Советская археология, 1979, № 1; Кучкин В. А., Флоря Б. Н. О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями. — Актовое источниковедение (АИ). М. 1979.

⁴⁰ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л. 1980, с. 228—229, 231.

⁴¹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. 1976.

⁴² Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л. 1978.

шло отражение в цитатах и реминисценциях «Псковского Апостола» (1307 г.), «Задонщины», Степенной книги, Никоновской летописи. Он же вместе с текстами Новгородской первой летописи младшего извода и некоторых древнерусских переводных сочинений был в начале XVII в. объединен в одном сборнике с хронографом распространенной редакции 1617 года. Сборник хранился в ярославском Спасо-Преображенском соборе, был в середине XVIII в. использован купцом Василием Крашенинниковым в «Описании земноводного круга», а в 80-е годы того же века попал в руки А. И. Мусина-Пушкина⁴³. Цикл исследований посвящен дальнейшим изысканиям о памятниках времени Куликовской битвы — «Задонщине»⁴⁴, летописной повести о сражении с Мамаем⁴⁵, Повести о Митяе⁴⁶.

Из источников по истории образования и развития единого Русского государства (конец XV — начало XVII в.) продолжают привлекать пристальное внимание писцовые книги конца XV—XVI в.⁴⁷, приправочные, обыскные, веревные книги⁴⁸.

Для истории государственного управления, служилого класса феодалов, его внутриклассовых взаимоотношений немаловажное значение имеют труды о государственном архиве России и реконструкция его состава⁴⁹, о местнических делах, боярских списках⁵⁰.

Летописание рассматриваемого времени по-прежнему остается в центре внимания источниковедов⁵¹. Б. М. Клосс, в частности, подверг тщательному текстологическому, палеографическому анализу списки Никоновской летописи, что позволило ему установить время и место ее составления (начало 20-х годов XVI в., скрипторий митрополита Даниила), источники, редакции этого свода, его взаимоотношения с другими летописными памятниками XVI в. (Лицевой свод и т. д.). Цикл исследований, посвященных источникам по истории общественно-политической мысли, идейной борьбы в России XVI в., охватывает такие проблемы, как деятельность Максима Грека, переписка Ивана Грозного с А. М. Курбским.

Продолжается изучение источников XVII века. В работах об источниках по истории классовой борьбы рассматриваются проблемы содержания, реконструкции повстанческой документации времени второй

⁴³ Моисеева Г. Н. Новые материалы о Хронографе со «Словом о полку Игореве». — Вопросы истории, 1976, № 12; ее же. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л. 1976.

⁴⁴ Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины». — ТОДРЛ, 1976, т. XXXI; Дмитриева Р. П. Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины». — Русская литература, 1976, № 2.

⁴⁵ Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. — ТОДРЛ, 1977, т. XXXII.

⁴⁶ Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л. 1978.

⁴⁷ Абрамович Г. В. Об изучении писцовых книг XV—XVI вв. В кн.: Советская историография аграрной истории СССР. Кишинев. 1978; его же. Поганая писцовая книга. — ВИД, 1978, т. 9; Левочкин И. В. Московская писцовая книга Л. Кологривова и Д. Скирина как исторический источник. — Советские архивы, 1978, № 3.

⁴⁸ Киселев Е. А. О приемах исследования некоторых приправочных книг втор. полов. XVI в. — Вестник Московского университета, серия 9, история, 1976, № 2; Осминский Т. И., Романовский В. М., Шапиро А. Л. Новгородские обыскные книги втор. полов. XVI в. — ВИД, 1976, т. 7; Копанев А. И. Веревные книги как источник по истории крестьянского Севера. — ИОИ, 1975, М. 1976.

⁴⁹ Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Подг. текста и комментарии А. А. Зимина. Под ред. и с предисловием акад. Л. В. Черепнина, вып. I—III. М. 1978.

⁵⁰ Мельников Ю. Н. Описание местнических дел 80-х годов XVI в. — Археографический ежегодник за 1977 г. М. 1978; Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. — АИ, М. 1979.

⁵¹ Корецкий В. И. Бездвинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова. — Записки ОР ГБЛ, 1977, вып. 38; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М. 1980.

Крестьянской войны⁵². Из летописей XVII в. подвергаются изучению среди прочих украинские, которые содержат сведения о русской истории, воссоединении Левобережной Украины с Россией⁵³. В. Ф. Иванов дал обзор источников по истории Якутии XVII в. (законодательные, делопроизводственные, картографические, нарративные)⁵⁴.

Большой интерес представляют наблюдения Р. В. Овчинникова над повстанческой документацией (в первую очередь манифесты, указы Е. И. Пугачева и его сподвижников) участников Крестьянской войны 1773—1775 годов⁵⁵. Автор охарактеризовал 46 сохранившихся рескриптов Е. И. Пугачева и реконструировал содержание 119 не дошедших до нас манифестов и указов (путем внимательного сравнительного изучения документов, вышедших из повстанческого и правительственного лагерей, мемуаров и др.). В целом, как показано в книге, мы имеем сейчас представление примерно о 80% всех манифестов и указов, составленных в повстанческом центре. Прделанная автором работа, как и исследования ученых о повстанческих «архивах» других народных движений XVII—XVIII вв., имеет принципиальное значение как источниковедческое, так и общесторическое. Она показывает, что в ходе восстаний, крестьянских войн их участники, предводители организовывали делопроизводство, составляли довольно большое число документов. Последние дают представление о тех элементах организованности и сознательности, которые появляются (и увеличиваются) в ходе народных движений, об идейной стороне, т. е. идеологии их участников. Из источников по истории внутренней политики подверглись изучению материалы Секретного комитета 1839—1842 годов⁵⁶.

Весьма значительная работа проведена в последнее время по периоду капитализма. Издан труд о массовых статистических источниках, освещающих широкий круг проблем социально-экономической истории России пореформенного времени⁵⁷. В этом труде анализируется содержание статистических данных, различных переписей и обследований, материалов делопроизводства и личного учета, систематизированных справочных материалов и других источников. Все они группируются в книге не по видовому, а по тематическому принципу. Это массовые источники по истории промышленности и рабочего класса периода капитализма, по аграрной истории, по истории рынка.

Наряду с обобщением уже сделанного в науке, введением в оборот большого количества сведений о названных комплексах массовых источников намечены задачи дальнейшего их изучения — расширения самой источниковой базы рассмотрения проблемы, обновления арсенала и совершенствования методики, техники применения как традиционных источниковедческих приемов, так и количественных, машинных методов извлечения, обработки и анализа данных массовых источников.

Б. Г. Литвак в своей книге исследует массовую документацию вотчинного происхождения (помещичьи инструкции, распорядительно-исполнительную переписку, подворные описи, «книжки» разного рода), государственного происхождения (министерское делопроизводство, губернаторские отчеты)⁵⁸. Автор рассматривает указанные разновидности

⁵² Буганов В. И. К изучению «повстанческого архива» второй Крестьянской войны в России. В кн.: Проблемы аграрной истории. Т. 1. Минск. 1978.

⁵³ Мыцкич Ю. А. Украинские летописи XVII в. Днепропетровск. 1978 (уч. пособие).

⁵⁴ Иванов В. Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск. 1979.

⁵⁵ Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. М. 1980.

⁵⁶ Мироненко С. В. Источники по истории Секретного комитета 1839—1842 гг. — Проблемы истории СССР, 1977, вып. 6.

⁵⁷ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма.

⁵⁸ Литвак Б. Г. Ук. соч.

массовой документации не только за XIX, но и за XVIII в., а в отдельных случаях — и за XVII в., характеризует имеющиеся в литературе опыты их анализа, отмечая, что источниковедческое исследование документов отстает от их использования.

Ю. Я. Рыбаковым исследуются различные виды промышленной статистики XIX в., деятельность правительственных и других учреждений в этой области. Он дает представление об организации сбора и составе сведений в ведомостях фабрик и заводов, о различных видах статистических данных (в отчетах МВД, Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, губернаторских отчетах и др.), подробно разбирает вопрос о достоверности, полноте фабрично-заводской статистики, методах ее критической проверки⁵⁹.

Детальному исследованию подвергаются мемуарные источники по истории Отечественной войны 1812 г., как опубликованные, так и неизданные, выявленные в различных архивах и рукописных собраниях. Дается их характеристика с точки зрения времени составления, социальной среды, их породившей, бытования в течение почти всего XIX века⁶⁰. По-прежнему изучаются земская статистика, дневники и мемуары, крестьянские челобитные, дающие сведения о развитии крестьянского и помещичьего хозяйства, и др.⁶¹.

По периоду империализма все большее внимание специалистов привлекают различные материалы по истории промышленности, деятельности различных ее отраслей, монополистических объединений, по истории помещичьего хозяйства, о вывозе капитала, ценах на русских и зарубежных рынках⁶².

Источниковедческие исследования, подготовленные за 1976—1981 гг., составляют весомый вклад в советскую историческую науку. Глубже стали изучаться марксистско-ленинская методология и методика работы с источниками, проблемы соотношения между методологией и методикой, классификации источников; расширилась тематика источниковедческих исследований как в хронологическом, так и в проблемном отношении; подвергнуты анализу самые различные группы, виды и разновидности источников.

Общий анализ важнейших направлений и проблем источниковедческих исследований на современном этапе позволяет определить перспективы их дальнейшего развития в свете решений XXVI съезда КПСС. Задачи, стоящие перед отечественной наукой, требуют создания капитального труда, подводящего итоги развития источниковедческой Ленинианы по следующим главным направлениям: классификация ленинских документов, выявление и изучение источниковой базы исследований Ленина, анализ ленинских работ как важнейших источников по истории КПСС и СССР, ленинский анализ видовых свойств источников, выбор критериев их оценки, приемы использования содержащейся в них информации, методы анализа таких источников, как мемуары, публицистика, периодическая печать, партийные документы, уточнение дат написания ряда ленинских произведений.

До сих пор в стадии обсуждения находятся такие важнейшие проблемы теоретического источниковедения, как определение понятий

⁵⁹ Рыбаков Ю. Я. Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческое исследование. М. 1976.

⁶⁰ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М. 1981.

⁶¹ Островский М. М. Земская статистика помещичьего хозяйства как исторический источник. — ВИД, 1978, т. X; Миронов Б. Н. Источники по истории хлебных цен в России XIX—нач. XX в. — ИОИ, 1976. М. 1977; и др.

⁶² Воронкова С. В. Материалы промышленной переписи 1900 г. в России. — Вестник Московского университета, серия 9, история, 1977, № 1; Измestьева Т. Ф. Источники о ценах на русских и зарубежных рынках конца XIX — нач. XX в. — Проблемы истории СССР, 1977, вып. 6.

«исторический источник», «вид источника», «массовые источники», соотношение различных конкретных методов исследования, в том числе и математических, соединение различных групп, видов и разновидностей источников по признаку общности содержащейся в них информации, сопоставимость разнотипных источников, конструирование информационных комплексов и системы методов их анализа и др. Решение этих вопросов имеет актуальное значение.

На повестке дня остаются вопросы, связанные с подготовкой новых исследований о различных видах исторических источников по отечественной истории, обобщающих исследований, например, по источниковедению отдельных периодов, эпох истории СССР, отдельных регионов нашей страны, наконец, по источниковедению истории СССР с древнейших времен до наших дней; пока что имеются учебные пособия, которые, естественно, содержат краткую характеристику больших комплексов источников по разным эпохам истории нашей страны⁶³.

Дальнейшее развертывание источниковедческих исследований отвечает задачам, поставленным XXVI съездом КПСС перед исторической наукой. Новые исследования призваны продолжить еще более активную целенаправленную разработку вопросов марксистско-ленинской теории и методологии источниковедения, помочь глубокому и эффективному изучению важнейших источников по узловым проблемам истории СССР, прежде всего этапа зрелого социализма.

⁶³ Источниковедение истории СССР. Изд. 2-е. Под ред. И. Д. Ковальченко. М. 1981. (Изд. 1-е вышло в 1973 г.); Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР. Советский период. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1976.

АГРАРНЫЕ МИГРАЦИИ В РОССИИ (1861 — 1917 гг.)

Н. А. Якименко

За последние два десятилетия советские историки добились заметных успехов в изучении крестьянских переселений в капиталистической России: обстоятельно рассмотрены численность переселенцев, динамика их миграции за разные годы, направления переселенческого движения, а также этнический состав новоселов¹. На очередь выдвигается исследование причин аграрных миграций и социального состава новоселов, что и является задачей настоящей статьи.

В дореволюционной литературе в качестве причин аграрных миграций назывались малоземелье в связи с естественным приростом населения, несоответствие темпов роста численности населения и средств его существования, тяжесть налогов, низкий культурный уровень крестьянства, «естественное стремление славянской расы на Восток», «бродячий инстинкт русских людей»² и др. Либеральный статистик и экономист А. А. Кауфман считал главной причиной переселенческого движения на окраины «кризис существующей системы хозяйства»³. По его мнению, в России, если и существует малоземелье, то лишь относительное; достаточно крестьянам перейти к интенсивной системе хозяйствования, как их положение улучшится, и тогда стремление к переселениям исчезнет. Основные выводы этой концепции восприняты современной буржуазной историографией. Так, американский историк Д. Тредголд пишет, что причины переселений следует искать не в малоземелье: «Скорее всего, дело в том, что способ землевладения и способ обработки земли не давали возможности крестьянам, особенно в Центральной России, производить достаточно, чтобы поддерживать не-

¹ Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М. 1978; Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.). — История СССР, 1980, № 3; подробнее см. Якименко Н. А. Советская историография переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (1861 — 1917). — Там же, 1980, № 5.

² Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб. 1881, прил., с. 70—71; Романов Н. Переселение крестьян Вятской губернии. Вятка. 1881, с. 223; Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. 1900, с. 97; Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. (В связи с историей заселения Сибири). М. 1902, с. 112; Булгаков А. А. Современные передвижения крестьянства. Направления, размеры и условия крестьянских движений Московской губернии по новым цифровым данным за десятилетие 1894—1903 гг. СПб. 1905, с. 2; Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. 1905, с. 8; Речь главноуправляющего землеустройством и земледелием Б. А. Василькова в комиссии Государственной думы по переселенческому делу, 5 декабря 1907 года. СПб. 1907, с. 16; Восторгов И. И. Доброе слово переселенцу. СПб. 1909, с. 11.

³ Кауфман А. А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. М. 1898, с. 12; его же. Переселение и колонизация (Речь на диспуте). — Русская мысль, 1908, июнь, с. 69.

обходимый уровень потребления»⁴. Что же касается малоземелья, то его, по мнению Тредголда, в России не было. Ф. Кокен хотя и признает наличие в пореформенной России «голодных наделов», но главными причинами резкого роста переселения на окраины в конце XIX — начале XX в. считает иное: открытие движения по Сибирской железной дороге, а наряду с этим — «демографическую перегрузку», вызванную слишком медленным развитием промышленности, неспособной поглотить растущее население, и слухи о Сибири как о «сказочной стране»⁵. Отдавая предпочтение субъективным факторам, новейшая буржуазная историография нередко и вовсе не усматривает связи экономических факторов с социально-политическими явлениями, кризиса сельского хозяйства — с отсталыми производственными отношениями, которые как раз и обуславливали аграрные миграции⁶.

Между тем серьезная попытка объяснения сущности вопроса была сделана еще И. А. Гурвичем, чья книга о переселениях получила высокую оценку В. И. Ленина⁷. В ней обращено внимание на их связь с развитием капитализма в сельском хозяйстве и с феодально-крепостническими пережитками в виде помещичьего землевладения⁸. В последние десятилетия основные колонизационные районы (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия и Казахстан) стали объектом монографических исследований⁹. На основе архивных источников установлена связь аграрных миграций с социально-экономическим строем пореформенной России, вскрыта реакционная сущность переселенческой политики царизма, выяснены темпы заселения различных краев в их зависимости от аграрно-крестьянской политики правительства, охарактеризованы социально-экономические последствия миграций. Б. В. Тихонов определил общие масштабы переселенческого движения в период домонополистического капитализма, основные направления аграрных миграций, обратив при этом внимание на особое значение Новороссии и Северного Кавказа в миграционных процессах. Поставлен и вопрос о более основательном изучении причин аграрных миграций¹⁰.

Дореволюционные статистические сборники, очерки переселенческого движения, материалы подворно-хозяйственных переписей содержат сведения о положении крестьянского хозяйства как в целом по стране, так и в отдельных губерниях. Некоторые исследования того времени также могут служить источником статистических сведений о бюджетах переселенцев. В отдельных случаях речь идет об уникальных, единственных в своем роде сообщениях. Такими, например, являются результаты обследования бюджетов дальневосточных переселенцев,

⁴ Treadgold D. W. The Great Siberian Migration. Princeton. 1957, p. 40.

⁵ Coquin F. La Sibirie. Peuplement et immigration paysanne au XIX siècle. P. 1969, pp. 391, 392, 414, 435.

⁶ Simms J. The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: a Different View. Slavic Review, 1977, № 3, pp. 377—398; Kritika, 1980, № 1, pp. 47—60. (Рец. на ук. соч. Б. В. Тихонова).

⁷ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 175, 629.

⁸ Гурвич И. Переселения крестьян в Сибирь. М. 1888, с. 24, 46.

⁹ Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата. 1950; Покшишевский В. В. Заселение Сибири (Историко-географические очерки). Иркутск. 1951; Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент. 1958; Тюкавкин В. Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века. Иркутск. 1961; Скляр Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. 1962; Степанин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск. 1962; Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде. Душанбе. 1968; Канада Н. Н. Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX — начало XX в.). Ашхабад. 1973; Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск. 1976; Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав. 1870—1914 гг.) Алма-Ата. 1981; и др.

¹⁰ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М. 1980, с. 20.

опубликованные в работе Ф. Ф. Буссе¹¹. Привлечение новых источников позволяет существенно уточнить социальный состав новоселов 1861—1916 гг., вскрыть дополнительно ряд факторов, прямо или косвенно влиявших на темпы переселенческого движения¹².

Судя по этим данным, причины аграрных миграций были весьма многообразны, представляя собой совокупность экономических, политических и социально-психологических факторов, но важнейшими были экономические. Известно, что вопреки ожиданиям крестьянства отмена крепостного права и последующие реформы государственной и удельной деревни фактически не облегчили его экономического и правового положения. Более того, как показали исследования советских историков¹³, после 1861 г. для трудового крестьянства создались исключительно неблагоприятные условия. «Все пореформенное сорокалетие,— писал Ленин,— есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность»¹⁴.

Первые признаки постепенно нарастающего массового миграционного движения из центра на окраины появились вскоре после отмены крепостного права¹⁵. Миграционные процессы усилились в конце XIX — начале XX века. Однако уже и в 60-х годах XIX в. только на южные окраины страны переселилось около 200 тыс. человек. В течение 70-х годов численность переселенцев удвоилась, а в 80-х годах она составила уже 500 тыс. человек¹⁶. В 1871—1916 гг. на территорию Сибири и Дальнего Востока переселилось около 3700 тыс. человек, или 41% всех аграрных мигрантов указанного периода. Другие селились в

¹¹ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 годах. СПб. 1896, с. 103.

¹² Таким путем получены недостающие сведения о причинах переселения (ЦГИА СССР, ф. 396), о ликвидации переселенцами своего имущества (там же, ф. 391), об экономическом положении переселенцев, прибывавших в конце XIX в. в Одессу для отправки на Дальний Восток морем (Одесский областной государственный архив (ООГА), ф. 2), о бюджетах дальневосточных переселенцев в годы столыпинской аграрной реформы (ЦГА Дальнего Востока, Томск, ф. 19), о социальном составе переселяющихся в Сибирь (ЦГИА УССР, ф. 442; Киевский областной государственный архив (КОГА), ф. 4; Харьковский областной государственный архив (ХОГА), ф. 304; Томский областной государственный архив (ТОГА), ф. 3), о социальном составе переселяющихся на Кубань (Сумской областной государственный архив (СОГА), ф. 339; Нежинский филиал Черниговского областного государственного архива (НФ ЧОГА), ф. 349).

¹³ См.: Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М. 1978; Анфимов А. М. Ук. соч.; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М. 1980.

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 431.

¹⁵ В министерство внутренних дел все чаще стали поступать с мест доклады об усилении среди значительной части крестьян стремления к переселению. В феврале 1862 г. крестьяне многих сел Брацлавского уезда Подольской губ. группами по 20—30 и более человек стали являться в местное полицейское управление, требуя выдачи документов для переселения в Крым. Аналогичные факты имели место в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., Черкасском уезде Киевской губ. и др. (Лещенко Н. Н. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г. Киев. 1959, с. 151). В ноябре 1863 г. 3117 домохозяев из 11 сел Дмитровского уезда Орловской губ. «целыми толпами появлялись в г. Дмитровске с просьбой переселить их на Кубань. Главным побуждением к этому,— сообщал начальству дмитровский исправник,— помимо выгодных условий переселения, служит их жалкое экономическое положение» (Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861—1895 гг. М. 1972, с. 364).

¹⁶ Кочуровский К. Крестьянское хозяйство и переселение (Итоги размеров и результатов переселенческого движения за истекшее тридцатилетие).— Русская мысль, 1894, кн. 3, с. 25 (подсчет основан на данных статистических бюро земств центра страны).

Казахстане и Средней Азии (1830 тыс. человек, 20%), на Северном Кавказе (1375 тыс., 15%), в Новороссии (1202 тыс., 13%), Закавказье (696 тыс., 8%) и, наконец, в Южном Приуралье (241 тыс., 3%)¹⁷.

К сожалению, о численности переселившихся в 1861—1870 гг. нет надежных данных, которые охватывали бы все интересующие нас регионы. Имеющиеся отрывочные сведения позволяют говорить о 60-х годах XIX в. как о периоде массовых аграрных миграций. В 1861—1870 гг. около 200 тыс. мигрантов прибыло в новороссийские губернии и почти столько же — на Северный Кавказ. Более 100 тыс. крестьян переселились в Сибирь и на Дальний Восток¹⁸. С учетом переселений на территорию Южного Приуралья и губерний Поволжья (Саратовская, Самарская и Астраханская)¹⁹ можно предположить, что в течение 60-х годов XIX в. на окраины ушло более 500 тыс. крестьян²⁰.

Общая численность аграрных мигрантов эпохи капитализма достигала, по-видимому, 10 млн. человек, что составляло почти половину всех переселенцев (перепись 1897 г. зафиксировала в стране 18,3 млн. неместных уроженцев)²¹. Если к этому прибавить еще 20 лет (1897—1916 гг.) индустриального развития страны, то число неместных уроженцев значительно превысит 20 миллионов, из которых около 50% переселились в города и промышленные поселки.

Где же формировались основные переселенческие контингенты? Судя по данным, относящимся к 3,5 млн. переселенцев, на первом месте стоит центрально-земледельческий район — 720 тыс. человек. За ним следуют: Левобережная Украина (572 тыс.), Правобережная Украина (340 тыс.), Северное Приуралье (277 тыс.) и Белорусско-Литовский район (274 тыс.)²². Если взять период наиболее интенсивного переселения в Сибирь (1885—1914 гг.), то на первом месте окажется Полтавская губ. (422 тыс. семейных переселенцев без учета одиноких); дальше идут: Курская (308 тыс.), Черниговская (295 тыс.), Воронежская (238 тыс.), Харьковская (220 тыс.), Могилевская (215 тыс.), Екатеринославская (203 тыс.), Тамбовская (198 тыс.), Киевская (188 тыс.), Орловская (161 тыс.), Самарская (157 тыс.), Херсонская (157 тыс.), Витебская (142 тыс.), Вятская (127 тыс.), Пензенская (124 тыс.), Таврическая (122 тыс.), Саратовская (100 тыс.)²³.

Возникает вопрос: почему именно эти губернии давали основную массу переселенцев? Главной причиной миграции современная литература чаще всего называет малоземелье²⁴. Но это не вполне удовлетворительное объяснение. Ведь в 1905 г. средний надел крестьянского двора составлял в Тульской губ. 6,3 дес.²⁵, однако аграрные миграции от-

¹⁷ Брук С. И., Кабузан В. М. Ук. соч., с. 84.

¹⁸ Теплицкий В. П. Реформа 1861 року і аграрні відносини на Україні (60—90-ті роки XIX ст.). Київ, 1969, с. 197; Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М. 1928, с. 84.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 3, д. 1349, лл. 13—39; ф. 1273, оп. 1, д. 437, л. 43.

²⁰ Мнение об отсутствии в России 1861—1885 гг. «переселений как широкого аграрного движения» (Верещагин П. Д. Из истории аграрных миграций белорусского крестьянства в период капитализма (конец XIX—начало XX в.). В кн.: Вопросы истории. Вып. 3., Минск. 1978), с. 22, таким образом, не подтверждается.

²¹ Тихонов Б. В. Ук. соч., с. 41.

²² Брук С. И., Кабузан В. М. Ук. соч., с. 83.

²³ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М. 1956, с. 73.

²⁴ Кольцова Н. К. Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции. В кн.: Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. Владивосток. 1956, с. 128; Турсунбаев А. Б. Ук. соч., с. 17; Томилова Н. К. Основные районы выселения переселенцев на Алтай в 60—70 годы XIX в. В кн.: Вопросы истории Сибири. Вып. 4. Томск. 1969, с. 121; Оразбеков Е. Этнокультурные связи казахов и русско-украинских переселенцев в конце XIX—начале XX в. (По материалам Южного Казахстана и Семиречья). — Известия АН КазССР, 1981, № 5, с. 42.

²⁵ Статистика землевладения 1905 г. СПб. 1907, с. XXXVI.

сюда были впятеро меньшими, чем из Воронежской, где средний надел достигал 9,3 дес.; из Полтавской (4,3 дес.) на окраины ушло в 4 раза больше переселенцев, чем из самой малоземельной (3,8 дес.) Подольской губернии. В Пермской на крестьянский двор приходилось в среднем 15,8 дес., однако численность выселившихся оттуда в 40 раз превосходит количество мигрантов из Владимирской губ. (8,9 дес.); в Московской губ. (7,5 дес.) аграрные миграции почти вовсе отсутствовали. Подобные данные характерны и для многих других губерний. Отсюда ясно, что причины аграрных миграций не могут быть сведены к одному лишь малоземелью. Необходимо учитывать всю совокупность факторов, влиявших на условия жизни крестьян в том или ином крае, губернии, уезде, а в отдельных случаях речь может идти даже о населенном пункте.

Попытаемся, например, выяснить, почему именно Полтавская губерния дала в итоге наибольшее количество переселенцев. Обращает на себя внимание прежде всего сословный состав населения. По сведениям, относящимся к 1867 г., в Полтавской губ. насчитывалось 1048 тыс. жителей, находившихся на положении государственных крестьян (главным образом казаки), в то время как бывшие помещичьи крестьяне составляли 721 тысячу. В Киевской губ. эти категории соотносились так: 150 тыс. и 1448 тыс., в Черниговской — 697 тыс. и 560 тыс., в Воронежской — 1366 тыс. и 501 тыс., в Курской — 937 тыс. и 718 тыс., в Орловской — 507 тыс. и 745 тыс., в Харьковской — 822 тыс. и 438 тыс., в Волынской — 250 тыс. и 948 тыс., в Подольской — 304 тыс. и 1126 тысяч. В целом по 50 губерниям европейской части страны — 23 200 тыс. и 25 800 тыс. человек²⁶. Приведенные данные свидетельствуют, что в центрально-земледельческой полосе категория государственных крестьян была наиболее многочисленной в Воронежской и Полтавской губерниях. Государственные крестьяне, как известно, обладали большей подвижностью, чем бывшие помещичьи, связанные в 60—70-х годах XIX в. временнообязанным состоянием, а затем вплоть до 1906 г. — выкупными платежами в пользу помещика.

Если принять во внимание только количество бывших государственных крестьян, то может показаться, что в Воронежской губ. условия больше способствовали аграрной миграции, чем в Полтавской. Но здесь уже вступает в силу и фактор малоземелья: государственные крестьяне в Воронежской губ. имели почти вдвое большие наделы, чем на Полтавщине (соответственно 11,1 дес. и 5,8 дес. на двор). К тому же в Воронежской губ. 98,6% дворов владели землей на общинном праве, в то время как в Полтавской губ. общинная форма землевладения охватывала только 17,9% дворов²⁷. Этот третий фактор имел весьма существенное значение, когда дело касалось продажи земли. Малороссийские казаки владели землей по праву собственности и могли продать ее при необходимости без особых помех²⁸. Крестьяне-общинники не могли распоряжаться землей по своему усмотрению²⁹, что, естественно, препятствовало переселению.

Сказывалось и наличие безземельных дворов. По сведениям, относящимся к 1893 г., наибольший удельный вес они составляли в Бессарабской губ. (23%), а затем следуют Киевская (15%), Астраханская (14%), Нижегородская (12%) и, наконец, Полтавская (11%)³⁰. Осо-

²⁶ Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. 1. СПб. 1874, с. 84.

²⁷ Статистика землевладения 1905 г., с. XXIX.

²⁸ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837—1887. Ч. 2. СПб. 1888, с. 18.

²⁹ Крестьянская реформа в России 1861 года. Сб. законодательных актов. М. 1954, с. 13.

³⁰ Чернышов И. В. Аграрный вопрос в России (от реформы до революции). Курск. 1927, с. 33.

бенность последней заключалась в том, что в отличие, например, от Бессарабской губ. на ее территории спрос на рабочие руки был намного меньше их предложения. Поэтому из года в год от 120 до 150 тыс. человек³¹ уходили в поисках заработков из Полтавской губ. в другие края, преимущественно в Новороссию и на Кубань, где положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих было менее стесненным³². Численность людей, которые не могли найти работу в своей губернии, представляется наибольшей в Киевской (1,2 млн.) и Полтавской (1,1 млн.)³³. Однако в Киевской губ. положение мелкого крестьянина в общем и целом было все же несколько лучше, чем в Полтавской.

К. Маркс обратил внимание, что в некоторых местностях Киевской губ. крестьяне используют свои усадьбы под сады и кое-где «дохода с садов достаточно, чтобы уплатить все повинности»³⁴. Немалое значение имело также наличие в Киеве не только рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов, но и рынка продажи рабочей силы. Маркс подчеркивал, что «для работающего крестьянина, которого не прокармливает возделывание собственной земли, важно — наряду с положением, благоприятствующим сбыту его продуктов, — положение, благоприятствующее продаже рабочей силы в свободное время»³⁵. Характеризуя мелкое крестьянское хозяйство районов, прилегающих к крупным городам, Ленин писал: «Здесь же мелкий земледелец торгует всем понемножку: и своим домом, сдавая его дачникам и квартирантам, и своим двором, и своею лошадыю, и всяческими продуктами своего сельского и дворового хозяйства — хлебом, кормом для скота, молоком, мясом, овощами, ягодами, рыбой, лесом и пр., торгует молоком своей жены (питомнический промысел под столицами), добывает деньги самыми разнообразными (не всегда даже удобопередаваемыми) услугами приезжим горожанам и т. д.»³⁶. На Правобережной Украине освобождение крестьян было осуществлено на более благоприятных условиях³⁷. В целом Полтавская губерния была поставлена, несомненно, в менее выгодные условия, чем соседние Киевская и Подольская, с сильно развитыми свеклосахарным, винокурением и связанными с ними производствами, в громадных размерах повышавшими спрос на сельских рабочих³⁸. Все сказанное выше в какой-то степени объясняет, почему именно Полтавская губерния давала наибольшее количество аграрных мигрантов.

Для центрально-земледельческого района страны главной причиной аграрных миграций было наличие феодально-крепостнических пережитков. Наряду с помещичьим землевладением это понятие означает сословную замкнутость крестьянских обществ, круговую поруку, «непомерно высокое податное обложение крестьянской земли, не идущее ни в какое сравнение с обложением земель частного владения, отсутствие полной свободы мобилизации крестьянских земель, передвижения и переселения крестьянства»³⁹. Каким же образом пережитки крепостниче-

³¹ Тезяков Н. Н. Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии. Херсон, 1896, с. 31.

³² Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX—XX веков (Опыт многомерного анализа). — История СССР, 1981, № 1, с. 90—91.

³³ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. I. СПб. 1903, с. 249.

³⁴ Архив Маркса и Энгельса. Т. XIII, с. 121.

³⁵ Там же, с. 101.

³⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 306.

³⁷ Чеславский В. И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. В кн.: Сборник государственных знаний. Т. 2. СПб. 1875, с. 195.

³⁸ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 287—288, 290—291.

³⁹ Там же, с. 322.

ских отношений влияли на миграцию? Создавая т. н. аграрное перенаселение, эти пережитки, которые не могли бы сохраняться ни одного дня без расстрелов, карательных экспедиций и т. п., ставили трудящегося крестьянина в невыносимые условия. Уже сам факт передвижения миллионов людей с севера на юг «убедительнее всяких выкладок и рассуждений показывает, что уровень жизни и положение рабочего народа в среднечерноземных, наименее капиталистических губерниях несравненно ниже и хуже, чем в промышленных, наиболее капиталистических», — писал Ленин⁴⁰. «Крестьяне массами бегут из местностей с наиболее патриархальными хозяйственными отношениями, с наиболее сохранившимися отработками и примитивными формами промышленности, в местности, отличающиеся полным разложением «устоев»⁴¹. Утверждение о влиянии феодально-крепостнических пережитков, таким образом, не противоречит выводу о связи переселений с развитием капитализма, тем более что эти пережитки всегда переплетались и сливались с низшими формами капитализма в земледелии.

Капиталистические отношения тоже воздействовали на крестьянские переселения, в частности в связи с распространением сельскохозяйственных машин и механизмов. В Полтавской губернии, которую Ленин относил к районам смешанной системы хозяйства⁴², сельскохозяйственные машины получили значительное распространение. Так, если в 1900 г. на Полтавщине было 4,5 тыс. сеялок, то в 1917 г. их стало 34 тыс., количество жаток возросло с 2,6 тыс. до 24,3 тыс.⁴³. Налицо резкий рост числа основных сельскохозяйственных машин, что привело в конечном счете к быстрому вытеснению наемных рабочих машиной⁴⁴. Для беднейших слоев деревни это означало уменьшение шансов обеспечить себе пропитание приработками. Характерно прошение группы крестьян с. Омельник (Александровский уезд, Херсонская губ.) министру внутренних дел от 23 ноября 1899 г. о переселении: «В настоящее время земля возвысилась до невероятных цен, и для нас, бедняков, оказывается недоступною, через что вкралась в нашу среду крайняя бедность и нищета: выгодных заработков в нашей местности не имеется, а если и случается на самое короткое... время поденная работа, то она так малоценна, что от поденных заработков едва ли возможно пропитать семейства. Вследствие такого горького нашего положения многие из нас... направляются в дальние отхожие места на заработки, откуда часто возвращаются на родину без копейки, вследствие размножения разного рода машин»⁴⁵.

Учитывая неодинаковую степень распространения новых орудий труда в различных экономических зонах, можно говорить о разной степени их влияния в качестве фактора, ускорявшего миграционные процессы. Центральный статистический комитет разделил всю страну на шесть районов с разным распространением неусовершенствованных орудий в крестьянском хозяйстве. В северном и центральном нечерноземном районах неусовершенствованные орудия труда имели подавляющее превосходство над новыми (9:1); в южном степном районе положение было противоположным (1:4). Приблизительно такое же соотношение между старыми и новыми сельскохозяйственными орудиями

⁴⁰ Там же, с. 267.

⁴¹ Там же, с. 590, прим.

⁴² К районам смешанной системы хозяйства Ленин относил также Витебскую, Могилевскую, Смоленскую, Калужскую, Воронежскую и Харьковскую губернии (там же, с. 188).

⁴³ Материалы подворной переписи Полтавской губернии 1900 года. Итоги по губернии. Полтава. 1917, с. 51; Пятая подворно-хозяйственная перепись в Полтавской губернии 1917 года. Полтава. 1917, с. 51.

⁴⁴ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 227.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 3, д. 1349, л. 93.

труда наблюдалось в Киевской, Подольской, Полтавской, Черниговской, Харьковской и Минской губерниях⁴⁶.

Обращая внимание на последствия применения новых сельскохозяйственных машин в степной полосе, Ленин писал: «Что касается до Новороссии, то местные исследователи констатируют здесь обычные следствия высокоразвитого капитализма. Машины вытесняют наемных рабочих и создают в земледелии капиталистическую резервную армию»⁴⁷. Последствия применения новых орудий труда в области сельскохозяйственного производства так или иначе коснулись не десятков и даже не сотен тысяч, а миллионов людей⁴⁸. При этом речь идет не только о бедноте, но и о среднесостоятельных крестьянах. «Обзаведение помещичьего хозяйства собственным инвентарем ведет неизбежно к подрыву среднего крестьянства,— писал Ленин,— снискивающего себе средства к жизни посредством отработков»⁴⁹. Усиление неустойчивости среднесостоятельного крестьянского двора, угроза перехода в низшие группы сельского населения нередко толкали к переселению на окраины.

Факторы, влиявшие на крестьянские переселения, можно условно разделить на две группы. Первая из них — это такие постоянно действующие объективные факторы, как наличие в России огромных пространств свободных, пригодных для земледелия территорий на окраинах, феодально-крепостнические пережитки (включая и крестьянское малоземелье как обратную сторону помещичьего многоземелья), развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, нехватка заработков на родине и в районах традиционного применения вольнонаемного труда, а также низкое, постоянно ухудшающееся качество крестьянских наделов. Во второй группе — временные факторы (неурожай, распространение слухов, правительственная политика, поощрявшая или сдерживавшая переселение на окраины). Рассмотрим каждый из перечисленных факторов в отдельности и его значение в том или ином экономическом районе.

Главным, решающим и всеобщим фактором и предпосылкой было, конечно, наличие в России колоссальных пространств пустующих или слабо заселенных земель на окраинах. Даже по самым приблизительным подсчетам Министерства землеустройства и земледелия, в Сибири к 1911 г. имелось не менее 50 млн., а в Средней Азии и Казахстане — 40 млн. дес. свободных, пригодных для организации крестьянского хозяйства земель⁵⁰. Еще в дореформенное время наличие малонаселенных, но пригодных для экстенсивного земледелия земель в значительной степени обуславливало движение крестьян с густозаселенных территорий на пустующие земли окраин. После отмены крепостного права процесс социальной дифференциации крестьянства ускорился; при этом, как и во всех капиталистических странах, массы сельского населения в конечном счете отрывались от средств производства, пополняя собой армию наемных рабочих.

Однако рост индустриального населения можно наблюдать в чистом виде лишь тогда, когда речь идет о полностью заселенной территории. Населению такой территории, вытесняемому капитализмом из земледелия, нет другого выхода, как переместиться в промышленные центры или эмигрировать. «Но дело существенно изменяется,— писал

⁴⁶ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году. СПб. 1913, с. VII.

⁴⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 228.

⁴⁸ К началу XX в. в Европейской России насчитывалось не менее 4 млн. наемных сельскохозяйственных рабочих (вместе с членами их семей — свыше 20 млн.). Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII—начало XX века. Опыт количественного анализа. М. 1974, с. 320).

⁴⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 224—225.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 6, д. 282, л. 11.

Ленин, — если мы имеем перед собой территорию, в которой еще не все земли заняты, которая еще не вся заселена. Население такой территории, выталкиваемое из земледелия в заселенном районе, может перейти в незаселенные части территории и взяться за «обработку новой земли»⁵¹. Именно такая ситуация сложилась в России. Кроме того, следует иметь в виду, что капитализм «не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма, — подчеркивал Ленин, — с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»⁵².

Другим фактором явилось малоземелье. В сочетании с феодально-крепостническими пережитками в центрально-черноземном районе оно имело определяющее значение для усиления миграционных процессов. «На участке земли, состоящем из 3,5 дес., — писал, например, в своем прошении киевскому губернатору 3 января 1904 г. А. Рубленко из с. Бируков Васильковского уезда, — я кое-как воспитываю свое семейство. Кроме остальной семьи, у меня четыре сына, которым и нужно будет разделить свою землю. Сознавая, что дети мои в близком будущем не будут иметь возможность воспитывать своих семейств, так как приобрести землю в нашей местности невозможно, вследствие чего я желаю переселиться на жительство в Южно-Уссурийский край»⁵³. Подобные прошения встречаются часто⁵⁴.

В южной степной зоне, а также в Полтавской, Харьковской, Киевской, Подольской и Минской губ. сказывалось распространение новых сельскохозяйственных машин и механизмов, сокращавшее спрос на ручной труд, в то время как естественный прирост населения (около 2 млн. ежегодно)⁵⁵ увеличивал его предложение. Действие этого фактора усугублялось ростом арендных и покупных цен на юге страны. В Херсонском уезде, например, к 1903 г. по сравнению с 70-ми годами XIX в. арендные цены возросли почти в 10 раз, достигнув 12—15 рублей⁵⁶.

И, наконец, еще один фактор — плохое качество крестьянской наделенной земли, явившееся прямым следствием реформы 1861 г., проведенной «под руководством крепостников-помещиков»⁵⁷, чересполосица, отсутствие выгонов, пастбищ для скота и т. п. Эти обстоятельства в ряде случаев заставляли переселяться даже тех домохозяев, которые имели в своем распоряжении 20—30 дес. земли. В 1909 г., например, «Газета» (орган Киевского губернского земства) обратила внимание на истощение почвы в Каневском уезде и невозможность в ряде случаев ее удобрения. «Как можно более здесь оставаться?», — удивлялся автор заметки⁵⁸. Плохое качество сельскохозяйственных угодий как ускоряющий переселение фактор играло главную роль в северных губерниях, а также в Пермской и Вятской, что было замечено рядом исследователей одновременно с развитием аграрных миграций⁵⁹.

К числу временно действовавших факторов относились периодически повторявшиеся неурожаи главных хлебов. Возьмем в качестве при-

⁵¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 563.

⁵² Там же, с. 595.

⁵³ КОГА, ф. 4, оп. 133, д. 82, л. 2.

⁵⁴ Там же, д. 155, л. 116; ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 708, л. 467, л. 3; ЦГИА СССР, ф. 408, оп. 1, д. 34, л. 154.

⁵⁵ Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М. 1977, с. 64.

⁵⁶ Николаевский областной государственный архив (НОГА), ф. 14, оп. 2, д. 24, л. 28.

⁵⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 21, с. 309.

⁵⁸ ЦГИА УССР, ф. 442, оп. 708, л. 94, л. 2.

⁵⁹ См. Романов Н. Ук. соч., с. 240; Тернер Ф. Государство и землевладение. Ч. 2. СПб. 1901, с. 140; Кирьяков В. В. Ук. соч., с. 116; и др.

мера динамику переселения крестьян в Сибирь за 10 лет: 1885 г. — переселилось 11 тыс., 1886 — 14 тыс., 1887 — 18 тыс., 1888 — 31 тыс., 1889 — 37 тыс., 1890 — 47 тыс., 1891 — 32 тыс., 1892 — 84 тыс., 1893 — 61 тыс., 1894 — 72 тысячи⁶⁰. 1891—1892 — неурожайные, голодные годы в ряде губерний России. Кое-как пережив тяжелую зиму, весной 1892 г. массы крестьян двинулись на окраины. Результат — в 1892 г. переселение усилилось почти втрое по сравнению с 1891 г., хотя в марте 1892 г. правительство попыталось прекратить его⁶¹. В статье «Еще о переселенческом деле», обращая внимание на резкий рост переселений в 1912 г. с Поволжья, Ленин спрашивал: «В чем дело?» И отвечал: «В «неурожае», в голоде 1911 года!!»⁶².

Что же касается слухов, то в среде забитого, «способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест»⁶³ крестьянства, они тоже имели влияние и в отдельных случаях приводили в движение огромные массы народа. На Полтавщине, например, после 1861 г. распространился слух, будто царь объявил крестьянам: «Тут, мол, вам земли не будет, а если хотите, вот вам земля в Сибири». В Волынской губ. ходили слухи о каком-то царском указе, призывавшем крестьян переселяться в Сибирь на казенные земли и за казенный счет, предписывавшем будто бы выдавать каждой переселяющейся крестьянской семье по 300 руб. на дорогу, а по прибытии на место поселения в Сибирь — каждому переселенцу по несколько лошадей, по две коровы и, кроме того, на каждого грудного ребенка — по 10 рублей. Не обращая внимания на официальные опровержения слухов, тысячи крестьян готовились к переселению⁶⁴. Подобные примеры можно привести и по другим губерниям⁶⁵.

Аграрно-крестьянская политика царизма вплоть до революции 1905—1907 гг. в общем и целом противодействовала массовому переселенческому движению из центра на окраины. Переселенческий закон от 6 июня 1904 г. и дополнения к нему от 10 марта 1906 г. наряду с указом от 6 ноября 1906 г. о свободном выходе из общины открыли новую эпоху в истории переселенческого движения. «Что касается переселений, — писал Ленин, — то революция 1905 года, показавшая помещикам политическое пробуждение крестьянства, заставила их немножечко «при-открыть» клапан и, вместо прежних помех переселениям, постараться «разредить» атмосферу в России, постараться *сбыть* побольше *беспокойных* крестьян в Сибирь»⁶⁶. Результатом такой политики был резкий рост аграрных миграций после 1905 года. Если в течение 10 лет (1896—1905 гг.) правительственная статистика зафиксировала миллион переселенцев, то за девять последующих (1906—1914 гг.) — три⁶⁷.

Таким образом, при определении причин переселенческого движения из той или иной губернии следует рассматривать явление всесторонне, с учетом воздействия самых разнообразных факторов. Если огра-

⁶⁰ Кирьяков В. В. Ук. соч., с. 123.

⁶¹ Тихонов Б. В. Переселенческая политика царского правительства в 1892—1897 гг. — История СССР, 1977, № 1, с. 111.

⁶² Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 153—154.

⁶³ Ленин В. И. ПСС. Т. 1, с. 301.

⁶⁴ Переселения из Полтавской губернии с 1861 года по 1 июля 1900 года. Вып. 1. Полтава. 1900, с. 270; Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866—1900 гг.). — Днепропетровск. 1960, с. 411.

⁶⁵ Наши переселенцы. Витебск. 1896, с. 5; Карabanов Н. Переселение и расселение крестьян. М. 1912, с. 17; Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг. Сб. док. М. 1959, с. 51.

⁶⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 265.

⁶⁷ Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб. 1910, с. 2—45; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг. 1916, с. 45 (Итоговые цифры вычислены автором).

ничиться, например, одними лишь феодально-крепостническими пережитками, то невозможно понять, почему из обремененной полуфеодальными отношениями Рязанской губ. в течение 1896—1914 гг. выселилось на окраины около 50 тыс. крестьян, в то время как из Екатеринославской, где преобладала капиталистическая система хозяйствования, — 218 тыс., в 4 раза больше⁶⁸. В данном случае пережитки прошлого играли второстепенную роль. Главное же заключалось в том, что расслоение крестьянства в Рязанской губ. шло значительно медленнее, чем в Екатеринославской. Применение новых сельскохозяйственных орудий в первой не достигало и 10%, в то время как в последней превышало 80%. Развитие капитализма оказалось в Екатеринославской губ. более сильным фактором, влиявшим на переселенческое движение, чем отработки и кабала в Рязанской. Все это относится к концу XIX — началу XX в., а если взять первые пореформенные десятилетия, то Рязанская губ. по численности переселенцев занимала одно из ведущих мест в стране⁶⁹. Екатеринославская же в 60—70-х годах XIX в. сама была объектом аграрной иммиграции⁷⁰.

С проблемой причин аграрных миграций тесно связан вопрос о социальном составе новоселов. Дворянские и буржуазные исследователи, подсчитывая удельный вес различных социальных групп, пользовались ошибочной методикой: к беднейшим слоям деревни они относили только крестьян, имевших до 3 дес. земли. Имевшие же от 8 до 9 дес. рассматривались этими авторами уже как среднесостоятельные. При таком подходе получалось, что вплоть до 1906 г. среди переселенцев преобладали крестьяне среднего достатка⁷¹.

Мнения советских исследователей по этому вопросу различны. Одни полагают, что среднесостоятельные крестьяне преобладали среди переселенцев в течение всего пореформенного периода⁷², другие усматривают их преобладание только во второй половине XIX в., полагая, что в годы столыпинской аграрной реформы середняки уступили ведущее место малоземельным и безземельным крестьянам⁷³. Третьи считают, что беднейшие слои деревни преобладали среди переселенческих контингентов уже в первые пореформенные десятилетия⁷⁴. Отдельную группу составляют те, кто не присоединился ни к одной из трех точек зрения⁷⁵. Одна из причин отмеченных расхождений заключается, по-видимому, в разной трактовке понятий «бедняк», «середняк», «кулак». Так, А. И. Гинзбург относит к середнякам тех крестьян, которые имели не менее 5 дес. земли на семью, Л. Б. Белявская и П. Н. Першин — 10 дес., Н. К. Томилова и В. Г. Тюкавкин — в среднем по 15

⁶⁸ Турчанинов Н., Домрачев А. Ук. соч., с. 5—6, 10—12.

⁶⁹ Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губернии. М. 1885, с. 21.

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 437, л. 43. Некоторые особенности процесса наблюдались на Дальнем Востоке, куда «Правилами для переселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» от 26 марта 1861 г. и последующими распоряжениями правительства переселение всячески поощрялось (см. Кабузан В. М. Ук. соч., с. 51—52).

⁷¹ См. Переселения из Полтавской губернии с 1861 года по 1 января 1901 года. Вып. 2 (1894—1901 гг.). Полтава. 1905, с. 102—106; Treadgold D. W. Op. cit., p. 101; и др.

⁷² Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М. 1963, с. 397—398.

⁷³ Покшишевский В. В. Ук. соч., с. 180—181; Скляр Л. Ф. Ук. соч., с. 122, 124; Степанин В. А. Ук. соч., с. 70.

⁷⁴ Касымов Н. Ук. соч., с. 75; Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск. 1978, с. 104; Тихонов Б. В. Переселения в России, с. 153; Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60—90-е годы XIX в. М. 1981, с. 88.

⁷⁵ Турсунбаев А. Б. Ук. соч., с. 72; Забиров К. Переселение и колонизация Северной Киргизии. — Ученые записки Исторического факультета Киргизского ун-та, Фрунзе, 1958, вып. 6, с. 141; Галузо П. Г. Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата. 1965, с. 232, 236.

дес.⁷⁶ (они ссылаются на работы Ленина, хотя цифра 15 дес. выведена исходя из средних величин по 50 губерниям Европейской России)⁷⁷. Нередко социальный состав переселенцев выясняется без учета местных условий в районах выхода. А ведь это обстоятельство имело немаловажное значение для определения уровня состоятельности крестьянского двора.

Учитывая более высокий уровень развития капитализма в сельском хозяйстве Украины по сравнению с центрально-черноземными губерниями России, а также почвенно-климатические особенности губерний, Н. Н. Лещенко пришел к выводу, что к среднему крестьянству следует относить: в Подольской губ. — те крестьянские дворы, которые имели в своем распоряжении 4—7 дес. земли, в Полтавской — 6—9, Киевской, Волынской, Харьковской и Черниговской — 7—10, Херсонской — 8—10, Екатеринославской — 10—15 и в Таврической — 15—20 десятин⁷⁸. К сожалению, разработка подобной классификации по остальным губерниям России пока еще не завершена. Допустимо, однако, взять за основу для последующих расчетов такие наибольшие размеры землевладения бедноты: в нечерноземной зоне России и в Белоруссии — до 10 дес.⁷⁹, в черноземной полосе (кроме украинских губерний) — до 8 дес. земли на двор⁸⁰.

Наиболее полные сведения об имущественном положении переселенцев на родине собраны по Сибири. В 1894 г. в Томской губ. был организован опрос 93 312 крестьянских семей, переселившихся главным образом из центрально-черноземной полосы. Опрос показал⁸¹, что переселенцы обладали, казалось бы, довольно высоким имущественным цензом: на каждую семью приходилось в среднем по 1,5 рабочей лошади, 1,2 коровы, 3,7 дес. посева. Тем не менее относить большинство аграрных мигрантов к середняцким слоям деревни нет оснований ни по размерам посева, ни по количеству рабочих лошадей. Ведь 58% семей были безлошадными и однолошадными: «Это, — отмечал Ленин, — класс наемных рабочих с наделом, батраков, поденщиков, чернорабочих, строительных рабочих и пр. и пр.»⁸².

Заметно, далее, понижение уровня экономической состоятельности переселенцев в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Если безлошадные прежде составляли менее 6%, то в 1888—1893 гг. их было 22%. В то же время процент семей с двумя и более лошадьми сократился с 57 до 39. Очевидно, в первые два пореформенные десятилетия среди переселявшихся в Сибирь крестьян преобладали среднесостоятельные слои⁸³. В то же время заметна и тенденция постепенного увеличения среди мигрантов удельного веса бедноты, которая в конце

⁷⁶ Белявская Л. Б. Крах переселенческой политики царизма в период столыпинской аграрной реформы на Дальнем Востоке (1906—1914 гг.). Автореф. канд. дисс. Томск. 1958, с. 11; Гинзбург А. И. Переселенческий вопрос в Туркестане (конец XIX — начало XX в.). Автореф. канд. дисс. Ташкент. 1966, с. 13; Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. М. 1966, с. 119; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск. 1966, с. 30; Томилова Н. К. Ук. соч., с. 121—122.

⁷⁷ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 64; см. также т. 16, с. 199.

⁷⁸ Лещенко М. Н. Класова боротьба в українському селі в епоху монополістичного капіталізму (60—90-ті роки XIX ст.). Київ. 1970, с. 56.

⁷⁹ Такой минимальный надел, по мнению департамента земледелия, был необходим в 1905 г. для удовлетворения нужд средней крестьянской семьи из 6 душ (ЦГИА СССР, ф. 408, оп. 1, д. 3, л. 10); Вережгагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии, с. 103.

⁸⁰ Приведенные цифры, возможно, будут уточняться. Однако это вряд ли существенно изменит общую картину. Известно, что Ленин считал надел в 8 дес. безусловно недостаточным для содержания крестьянской семьи (см. Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 199, 209).

⁸¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация, с. 207, табл.

⁸² Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 137.

⁸³ См. там же, с. 175.

80-х годов XIX в. стала преобладать⁸⁴. В масштабе всей Сибири этот вывод подтверждают данные, изученные статистиками челябинского регистрационного пункта. Среди крестьян семи центрально-черноземных губерний, переселившихся в Сибирь в 1895—1900 гг., на одну семью приходилось уже лишь 0,9 головы рогатого скота и 1,1 лошади, а землевладение не превышало 3,6 десятины⁸⁵. Учитывая, что средние данные «изображают действительность в лучшем свете, чем она есть»⁸⁶, надо полагать, что цифры, подобные приведенным, говорят о значительном преобладании бедноты среди сибирских переселенцев конца XIX века.

Статистические исследования конца XIX в. подтверждают этот вывод. Среди нескольких тысяч переселенческих семей, опрошенных в Сибири в 1895 г., 39% продали на родине имущества на сумму до 100 руб., 44% — от 100 до 300 рублей. Только 17% выручили более 300 рублей⁸⁷. Может возникнуть вопрос: почему, имея, скажем, 3 дес. земли, стоимость которой еще в 80-х годах XIX в. в черноземном центре была около 120 руб.⁸⁸, переселенцы имели на руках так мало денег? Ответ прост. До 1906 г. основная масса крестьян не имела права продавать свой надел. В 1904 г. из 4,5 тыс. переселенческих семей только 11% смогли продать свою землю⁸⁹. Отсюда следует, что если при выходе на переселение крестьянин, владевший в центрально-черноземной полосе, допустим, 9 дес. земли на общинном праве, был среднесостоятельным, то после прибытия в Сибирь он уже принадлежал к беднейшим слоям⁹⁰.

Удельный вес бедноты среди сибирских переселенцев был особенно высоким в годы столыпинской реформы. По сведениям челябинского регистрационного пункта, в 1907—1911 гг. безземельные составляли четвертую часть всех переселенцев; 31% семей на родине владели нищенскими клочками земли (1—3 дес.); 38% — от 3 до 10 дес. и только 6% семей имели свыше 10 десятин⁹¹. И хотя по закону от 6 июня 1904 г. (ст. 9 и 10) никто из переселяющихся уже не обязан был оставлять обществу даром свои наделные участки, переселенцы, как и прежде, испытывали финансовые затруднения. Односельчане, купившие их землю, в большинстве случаев не могли расплатиться единовременно, вследствие чего в Харьковской губ., например, переселенцы в 1911 г. получили на руки только 20—30% общей стоимости проданной земли⁹². Таким же был социальный состав и тех переселенцев, которые направлялись на территорию Средней Азии и Казахстана. Это подтверждает перепись 646 крестьянских дворов, переселившихся в 1897—1905 гг. в Чимкентский уезд Сырдарьинской обл.: только 5,4% семей имели на родине 10—15 дес., т. е. были среднеобеспеченными. Вместе с зажиточными (6,2%) они составляли меньшинство новоселов — 11,6%⁹³.

⁸⁴ ТОГА, ф. 3, оп. 46, д. 504, лл. 126—127.

⁸⁵ Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. СПб. 1906, с. 23.

⁸⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 141.

⁸⁷ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, с. 154.

⁸⁸ Цены на землю в Европейской России по продажам, сделанным в 1882 и 1887 годах. СПб. 1889, с. 14, 34.

⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 1379, л. 64.

⁹⁰ КОГА, ф. 4, оп. 133, д. 88, л. 5. В ряде случаев правительственные органы не давали разоряющимся крестьянам разрешения на переселение именно потому, что своим положением на родине они «к переселению не вынуждаются». Бросить же землю без какой-либо компенсации, как это иногда делали малоземельные крестьяне, середняк, как правило, не решался.

⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 4, д. 1751, л. 137.

⁹² ХОГА, ф. 304, оп. 1, д. 3083, л. 57.

⁹³ Скрыпилев П. А. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестанском крае. Ташкент. 1909, с. 17—19.

Существенно отличался социальный состав переселяющихся на Дальний Восток. Здесь вплоть до 1883 г. преобладали среднесостоятельные крестьяне⁹⁴. Затем в 1883—1885 гг. правительство организовало переселение на Дальний Восток за казенный счет. Этим воспользовалось значительное количество беднейших крестьян. Хотя в последующие годы, вплоть до 1906 г., переселения за счет казны уже не было, беднота продолжала участвовать в освоении дальневосточной окраины. По данным Южно-Уссурийского переселенческого управления, в 1885—1891 гг. после покупки билета от Одессы до Владивостока (400—450 руб.— в зависимости от численности семьи) на руках переселенческих семей оставалось в среднем от 2 руб. (1889 г.) до 91 руб. (1886 г.)⁹⁵. Из 47 семей, обследованных в 1889 г. по прибытии в Одессу для отправления на Дальний Восток, только две семьи имели на руках более 100 рублей⁹⁶. Несмотря на требование властей иметь каждой семье после уплаты стоимости билета на руках не менее 300 руб.⁹⁷, беднота все же ухитрялась попадать на пароходы. Иногда переселенцы, не имеющие достаточных средств, брали деньги в долг у своих более зажиточных односельчан. Но чаще всего, не желая платить неустойку за неявку нужного количества людей на зафрахтованные пароходы, власти перевозили их в долг, в счет причитающейся переселенцам 600-рублевой ссуды⁹⁸.

Ограниченность статистических сведений, особенно относительно тех, кто переселялся на Дальний Восток сухим путем, не позволяет сделать определенного вывода о преобладании среди мигрантов тех или иных социальных слоев. Однако факт широкого участия бедноты в переселенческом движении во второй половине XIX в. можно считать установленным⁹⁹. В годы столыпинской аграрной реформы беднота и на Дальнем Востоке составляла основную массу новоселов. В 1909 г., например, из 1238 семей дальневосточных переселенцев 16% прибыли на новые места без денег, 70% имели при себе до 200 руб., остальные 20% — более 200 рублей¹⁰⁰.

Что касается южных и юго-западных губерний европейской части страны, то здесь абсолютное преобладание бедноты среди переселенцев в 1861—1917 гг. не вызывает сомнений. В отличие от далеких восточных окраин, переселение в Новороссию, на Кубань или в Поволжье не требовало значительных средств. Поэтому беднота и устремлялась сюда, нередко передвигаясь к новому месту пешком¹⁰¹, добывая пропитание в пути случайными заработками, а иногда и просто нищенствуя. Бедноту привлекала в южные губернии и области перспектива найти заработок, а также низкие арендные и покупные цены на землю. В 70-е годы XIX в., например, на Кубани казаки сдавали землю в аренду за 15—24 коп. в год, в Ставропольской губ.— за 25 коп.—1 руб. 30 коп.¹⁰², тогда как в черноземных губерниях, в частности в Полтав-

⁹⁴ Кабузан В. М. Ук. соч., с. 65.

⁹⁵ Буссе Ф. Ф. Ук. соч., с. 103.

⁹⁶ ООГА, ф. 2, оп. 1, д. 1674, лл. 312—313.

⁹⁷ Сибирское переселение в 1900 году (Что нужно знать каждому ходоку). СПб. 1900, с. 136.

⁹⁸ Буссе Ф. Ф. Ук. соч., с. 36, 71; ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 211 лл. 85—86.

⁹⁹ Старков М. И. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск. 1962, с. 44.

¹⁰⁰ ЦГА Дальнего Востока, ф. 19, оп. 3, д. 911, л. 42.

¹⁰¹ Среди курских переселенцев начала 80-х годов XIX в. 10,6% отправились на Кубань пешком, а среди ушедших в Новороссию таких было 33,1% (Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887, с. 36).

¹⁰² Шацкий П. А. Землевладение и землепользование в Ставропольской губернии в 70—90-х гг. XIX в.— Сборник трудов Ставропольского пединститута, 1958, вып. 13, с. 116.

ской, арендная плата составляла 5 рублей за десятину¹⁰³. Продажные цены в Ставрополье и на Кубани в те же годы составляли в среднем около 10 руб., а в центрально-черноземном — 55 рублей¹⁰⁴.

Связь между социальным составом и избираемым направлением переселения видна из следующих данных по Полтавской губернии. Из более 7 тыс. семей, выселившихся в 1891—1893 гг., только 5% безземельных домохозяев отправились в Южно-Уссурийский край; среди ушедших в Сибирь было 18% безземельных крестьян, но особенно много безземельных семей оказалось среди тех, кто перебрался в южные и юго-восточные губернии европейской части страны (52%). Ту же картину рисуют данные о бюджетах: среди полтавских переселенцев, ушедших в Южно-Уссурийский край в 1891—1893 гг., 58% имели при себе от 1 тыс. до 5 тыс. руб., в то время как среди отправившихся в Новороссию и на Кубань таких было всего 6%¹⁰⁵. Аналогичные сведения имеются и по Курской губернии¹⁰⁶.

Современники были единодушны в том, что крестьяне, переселявшиеся в пределах европейской части страны, в основном были малоземельными и безземельными; они надеялись в Новороссии или на Кубани, в Ставропольской или поволжских губ. заработать необходимые средства для покупки земли. В 1882 г. газета «Киевлянин» писала об отправляющихся на юг курских, полтавских, харьковских и черниговских крестьянах: «Это безземельники и бездомники, не имеющие иногда даже косы, в кармане для такого длинного пути имеют какой-нибудь рубль или два, а иногда и того меньше»¹⁰⁷. Красноречиво прошение группы харьковских переселенцев, направленное ими в 1868 г. на имя ставропольского губернатора: «Мы, разоряясь на прежнем месте жительства, прибыли в Малую Джаму в июне месяце этого года решительно без всяких средств, где еще не сеяли, не пахали, сена не косили и домохозяйством не обзавелись»¹⁰⁸. Такие сообщения нередко встречаются в статьях и заметках о переселявшихся в пределах Европейской России крестьянах¹⁰⁹.

Итак, среди аграрных мигрантов эпохи капитализма преобладали беднейшие слои деревни, выходцы из центрально-черноземной полосы страны. Преобладание в первые пореформенные десятилетия среднесостоятельных слоев среди крестьян, направлявшихся в Сибирь и на Дальний Восток, не меняет общей картины даже относительно второй половины XIX в., т. к. большинство аграрных мигрантов этого периода переселялись в пределах европейской части страны.

¹⁰³ Свод данных о состоянии сельского хозяйства в Полтавской губернии за 15 лет. Полтава. 1915, с. 96—97.

¹⁰⁴ Ковальченко И. Д., Милославский Л. В. Ук. соч., с. 261.

¹⁰⁵ Переселения из Полтавской губернии с 1861 года по 1 июля 1900 года, с. 247, 242.

¹⁰⁶ Курская губерния. Итоги статистического исследования, с. 26, 40, 43.

¹⁰⁷ Киевлянин, 13.IV.1882; см. также: Киевлянин, 28.VI.1881; Терек (Владикавказ), 24.III.1909; СОГА, ф. 339, оп. 1, д. 31, л. 22; НФ ЧОГА, ф. 349, оп. 1, д. 10, л. 1.

¹⁰⁸ Шацкий П. А. Заселение Ставрополья после реформы 1861 года и положение крестьян-переселенцев. В кн.: Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 2. Ставрополь. 1964, с. 203.

¹⁰⁹ Голос, 3.VI.1881; Московские ведомости, 12.VI.1881; Земский обзор, 8.VII.1883; Оренбургский листок, 7.II.1888; Киевское слово, 25.IV.1889; Северный Кавказ, 10.VIII.1889.

БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В США: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В. В. Согрин

Две американские буржуазные революции, известные как война за независимость конца XVIII в. и гражданская война 1860-х годов, принадлежат к крупнейшим событиям истории США. Важные сами по себе, они, кроме того, проливают свет на главный вопрос прошлого США: подчиняется ли их историческое развитие, полностью укладывающееся в рамки буржуазной общественно-экономической формации, общим закономерностям капитализма или же оно воплощает образец уникального исторического опыта? Анализ американских революций в их связи с этим вопросом и составляет содержание данной статьи¹.

Подход буржуазной историографии США к рассматриваемой проблеме и поныне определяется теорией «американской исключительности». Предназначенная для обоснования не просто неповторимости исторического опыта Соединенных Штатов, но их «избранности», состоящей будто бы в воплощении некоего уникального демократического эксперимента, эта теория была «родовым криком» буржуазной историографии и составляет ее современную мировоззренческую основу. Теория «американской исключительности» меняла свои одежды, воплощаясь на первый взгляд во взаимоисключающих друг друга концепциях, которые, однако, на деле оказываются разными вариантами апологетического подхода к прошлому США.

Возьмем, например, современные буржуазные интерпретации войны за независимость. На протяжении четверти века после второй мировой войны для буржуазной историографии было характерно всяческое принижение социально-политических нововведений революции. Лидеры апологетической историографии Д. Бурстин, К. Росситер, Л. Харц, Р. Е. Браун доказывали, будто Америка оформилась как образцовая «демократия среднего класса» с возникновением первых поселений, что она родилась и счастливо выросла под сенью либеральных локковских идей, что ей были чужды как реакционные принципы Р. Филмера (английского идеолога абсолютной монархии XVIII в.), так и радикализм Ж.-Ж. Руссо и М. Робеспьера. Столь благодатная «стартовая площадка» американской истории, согласно их логике, освобождала ее от социально-политических революций².

¹ При написании статьи мы опирались на достижения марксистов США и советских ученых в изучении американских революций (библиография работ советских ученых обширна. Укажем здесь только монографии: Куропятник Г. П. Вторая американская революция. М. 1961; Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и гражданская война в США. М. 1964; Война за независимость и образование США. М. 1976; Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л. 1978; Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М. 1980; Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII века. М. 1980; и др.).

² Boorstin D. J. The Genius of American Politics. Chicago. 1953; e j u s d. The Americans: The Colonial Experience. N. Y. 1958; e j u s d. The Americans: The National Experience. N. Y. 1965; Harz L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of

Не успели, однако, высохнуть чернила на последних сочинениях представителей школы «бесконфликтности» (так именовалось в 50-х годах апологетическое направление в послевоенной историографии США), как в 1970-е годы на ведущие позиции в американской буржуазной историографии выдвинулась группа историков, всячески превозносившая демократические нововведения революции XVIII в. и саму эту революцию. Ее подняло на историографический пьедестал празднование 200-летия войны за независимость: дух юбилея требовал не принижать, а всячески возвеличивать значение этого события, и буржуазная историография, словно в подтверждение пессимистической и достаточно циничной формулы Ч. Бирда: «История? Да это кот, которого тянут за хвост туда, куда он меньше всего хочет идти сам», — изменила на 180° видение и понимание исторического места революции. Своеобразным паролем нового взгляда на революцию XVIII в. стало название книги Г. С. Коммаджера «Империя разума. Как Европа создала Просвещение, а Америка воплотила его в жизнь». Лейтмотив книги заключает откровенную проповедь «американской исключительности»: в США только и оказалось возможным превратить гуманистические идеалы Просвещения, передовой философии того времени, в кредо нации и воплотить их в полном объеме в жизнь. Под перьями историков-апологетов США стали воплощением «царства разума», о котором могли только грезить Ж.-Ж. Руссо и Вольтер, Дидро и Монтескье, а заодно и вся передовая Европа³.

Этот поворот в буржуазной историографии вовсе не изменил ее сущности, ее идейно-политической направленности: если школа Бурстина — Харца утверждала, что «царство разума» восторжествовало в Северной Америке изначально, то Коммаджер и его единомышленники относили его на счет войны за независимость. Общим знаменателем двух интерпретаций является теория «американской исключительности».

Расхождения, в чем-то схожие с вышеизложенными, встречаются и в буржуазной историографии гражданской войны 1860-х годов. Всегда существовали историки, восторгавшиеся героизмом американцев, причем как северян, так и их противников — южан-рабовладельцев, и считавшие плодотворным итогом гражданской войны укрепление федерального союза. Однако гораздо большая группа буржуазных историков, державшая в поле зрения не столько батальную, сколько социальную сторону гражданской войны, трактовала ее как бессмысленную и бесполезную трагедию, как аномалию американского опыта⁴. В последние десятилетия их концепции были облачены в модные клиометрические одежды. Клиометристы (или школа «новой экономической истории») обосновывают в конечном счете два главных тезиса: для гражданской войны не было объективных экономических оснований, поскольку-де плантационное рабство развивалось по «восходящей» линии; она не повлекла за собой обновления или ускорения экономического развития нации, а, напротив, затормозила его⁵.

American Political Thought Since the Revolution. N. Y. 1955; Rossiter C. Conservatism in America. N. Y. 1955; ejusd. The Political Thought of the Revolution. N. Y. 1963; Brown R. E. Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691—1780. Ithaca. 1955; Brown R. E., Brown B. K. Virginia, 1705—1786; Democracy or Aristocracy? East Lansing. 1964.

³ Commager H. S. The Empire of Reason. How Europe Imagined and America Realized the Enlightenment. N. Y. 1977.

⁴ См. Дементьев И. П. Американская историография гражданской войны в США. М. 1963.

⁵ Cochran T. C. Did the Civil War Retard Industrialization? In: Economic Impact of American Civil War. Cambridge. 1960; North D. C. The Economic Growth of the United States. 1790—1860. N. Y. 1961; ejusd. Growth and Welfare in the American Past: a New Economic History. Englewood Cliffs. 1966; Starobin R. S. Industrial Slavery in the Old South. N. Y. 1970; Engerman S. Z. The Economic Impact of the Civil War. In: The Reinterpretation of American Economic History. N. Y. 1971; Fogel W., Engerman S. Z. Time on the Cross. Vol. 1—2. Boston. 1974.

В буржуазной историографии США существовало и направление, подвергавшее сомнению апологетическую теорию, однако критика им этой теории носила ограниченный характер. Так, основатели «прогрессистской» школы Ч. Бирд, В. Л. Паррингтон, А. Шлезингер-старший, Дж. Джеймсон, выдвинув плодотворный тезис о наличии в американской истории острых классовых конфликтов, высшим выражением которых стали две революции, не смогли дать выявленным тенденциям и фактам подлинно научного объяснения. Историков-«прогрессистов» часто называют школой «экономической интерпретации» и даже «экономического детерминизма». Однако они закрепляли за «экономическим фактором» (в их позитивистском истолковании — непосредственными экономическими мотивами людей) определяющую роль только при рассмотрении конкретно-исторических явлений, а движущей силой всемирной истории считали извечную борьбу аристократического и демократического принципов⁶. Они не смогли проанализировать американские революции с точки зрения закономерностей становления буржуазной общественно-экономической формации. Смысл самих этих революций они видели в умножении буржуазно-демократических установлений и уничтожении особых привилегий верхов общества («аристократии»). Наконец, они не видели предела прогрессу буржуазной демократии: признавая буржуазные революции, они не допускали и мысли о возможности социалистической революции в США.

Марксистско-ленинский подход к истории американских революций заключается как раз в изучении их в свете закономерностей формирования буржуазной общественно-экономической формации. При этом историки-марксисты не отрицают их стадияльно-региональных и национальных особенностей⁷. Упрек в механическом перенесении методов изучения европейских революций на американскую войну за независимость и гражданскую войну должен быть адресован не марксистским, а некоторым буржуазным авторам, в частности современным радикальным историкам США. Так, примером упрощения подобного рода можно считать рассмотрение леворадикальными историками классовой борьбы в войне за независимость по аналогии с движениями плебса и крестьянства во Французской буржуазной революции конца XVIII в.⁸ или попытку Ю. Джиновезе трактовать общественный строй рабовладельческих штатов наподобие добуржуазного полуфеодального общества⁹. Заметим, однако, что в последние годы Джиновезе, учитывая «достижения» клиометристов, представлял плантационное рабство уже как образец прогрессивной капиталистической системы¹⁰.

Одна из главных специфических черт американской истории заключается в том, что она полностью укладывается в рамки буржуазной об-

⁶ Schlesinger A. M. *New Viewpoints in American History*. N. Y. 1922, pp. 72—73, 84—85, 93—100; e j u s d. *Political and Social History of the United States*. 1829—1925. N. Y. 1927, pp. V—VII; Jameson J. F. *The American Revolution Considered as a Social Movement*. Princeton. 1926, pp. 11—13; Beard Ch. A., Beard M. R. *The Rise of American Civilization*. Vol. 1—2. N. Y. 1927.

⁷ О стадияльно-региональном подходе к буржуазным революциям см.: Чистозвонov А. Н. О стадияльно-региональном изучении буржуазных революций XVI—XVIII веков в Европе.— *Новая и новейшая история*, 1973, № 2; Барг М. А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI—XVIII вв.— *Вопросы истории*, 1975, № 9; Фурсенко А. А. Американская и французская революции XVIII века.— Там же. 1972, № 2.

⁸ *The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism*. De Kalb. 1976; Hoerder D. *Crowd Action in Revolutionary Massachusetts*. 1765—1780. N. Y. 1977; Nash G. B. *The Urban Crucible. Social Change, Political Consciousness and Origins of the American Revolution*. Cambridge (Mass.).— Lnd. 1979.

⁹ Genovese E. D. *The Political Economy of Slavery. Studies in the Economy and Society of the Slave South*. N. Y. 1965.

¹⁰ Genovese E. D. *Roll, Jordan, Roll. The World the Slaves Made*. N. Y. 1974.

щественно-экономической формации, что она «усвоила» только часть европейского феодального наследия, но не знала феодализма как системы. Если европейские буржуазные революции решали задачу уничтожения устоев феодализма, перехода от одной общественно-экономической формации к другой, то целью двух американских революций являлось утверждение «чистого» буржуазного общества. Для ее достижения необходимо было уничтожить английский колониальный гнет, во-первых, европейское феодальное наследие в аграрных отношениях и особенно в политической надстройке, во-вторых, и рабство, в-третьих. Американские буржуазные революции уступали европейским по масштабам и глубине общественных преобразований, ибо в отличие от последних они являлись не межформационными, а внутрiformационными революциями. Было бы, однако, глубоким заблуждением преуменьшать историческую значимость свершенных ими преобразований и особенно объем стоявших перед ними задач: как война США за независимость, так и гражданская война обладали типичными чертами социально-политической революции; каждая из них продолжалась по нескольку лет, а эпоха буржуазных революций в целом завершилась в США только в 1870-е годы, т. е. одновременно с окончанием эпохи буржуазных революций в стране классического феодализма — Франции.

Тот факт, что история США, как отмечал Ф. Энгельс, «начинается при наличии уже сложившихся в XVII веке элементов современного буржуазного общества»¹¹, конечно, значительно облегчил как разрушительные, так и созидательные задачи американских революций. Из двух центральных задач войны за независимость — сокрушение английского колониального гнета и европейского феодального наследия — на первом месте была задача освобождения от колониальной зависимости (поэтому американская революция XVIII в. развивалась как антиколониальная война). Именно колониальный гнет стал в тех исторических условиях главным фактором, сдерживавшим свободное буржуазное развитие Северной Америки.

Антиколониальная направленность революции XVIII в. в США выступила в качестве ее важной особенности, отличительной черты в сравнении с европейскими революциями той эпохи. Научное объяснение этой особенности стало предметом острых дискуссий среди историков. Буржуазная школа «бесконфликтности» ухватилась за нее как за надежный «аргумент» при обосновании «уникальности» американской революции. Особенно усердно выпячивал антиколониальную направленность войны за независимость Д. Бурстин. «Наиболее очевидной особенностью» американской революции, доказывающей, что она не имела ничего общего с французской и вообще не была революцией в «европейском смысле слова», утверждал этот консервативный историк, являлся ее антиколониальный характер. «Нашим национальным свидетельством о рождении, — лапидарно аргументировал он свою мысль, — являлась Декларация независимости, а не Декларация прав человека»¹². Внешне правдоподобный аргумент Бурстина на поверку оказывается удивительно поверхностным: ведь фактически о сходстве и различии американской и французской деклараций предлагается судить по одним только их названиям. Бурстин игнорирует социально-философское и политическое содержание американской Декларации независимости 1776 г., в которой утверждались те же принципы, что и во французской Декларации прав человека 1789 года. Он «упускает из виду» самое главное — классовое содержание английского колониального господства и классовый смысл антиколониальной революции.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 347.

¹² Цит. по: The American Revolution. How Revolutionary It Was. N. Y. 1970, pp. 98—100.

Изучение классового содержания английского колониального господства в Северной Америке показывает, что оно сковывало буржуазное развитие экономики и политической надстройки провинций подобно тому, как сковывали развитие буржуазных отношений в европейских странах феодально-абсолютистские режимы. Опыт Северной Америки, как до того опыт Нидерландов, доказал, что успешное развитие буржуазных отношений было невозможно в условиях иностранного гнета. Вполне понятно, почему нидерландская революция XVI в. и американская XVIII в. питались лозунгами и идеями, характерными для буржуазных социально-политических революций, и почему американцам в борьбе с колониальным угнетением не нужно было изобретать нового идеологического оружия при наличии антифеодальной и антиабсолютистской философии Просвещения.

Несовместимость буржуазного развития Северной Америки и колониального гнета проявилась с особой силой в 1760—1770-е годы, после восшествия на престол английского короля Георга III. При нем провинции испытали практически все те методы отправления государственной власти и произвола, которые в свое время вызвали к жизни английскую революцию 1640-х годов. Это — введение налогов без согласия представительных органов американцев («налогообложение без представительства»), уничтожение свободы вероисповедания, отмена судов присяжных, неприкосновенности жилищ и собственности, основ Хабеас корпус акта. Торгово-промышленное развитие провинций было ограничено при помощи актов, которые, по сути дела, не отличались от законодательной регламентации экономики в феодально-абсолютистских обществах.

В XVIII в. число королевских колоний в Северной Америке быстро возрастало: к 1776 г. их насчитывалось восемь. Еще в трех колониях высшая власть принадлежала английским аристократическим семьям и только крошечные Род-Айленд и Нью-Гэмпшир пользовались правами самоуправления. Исторический опыт североамериканских провинций доказал, что их политическая система никогда не могла утвердиться на республиканской основе и без вмешательства революции была бы обречена оставаться конституционной монархией. При этом prerogatives английского монарха в Северной Америке в отличие от метрополии имели реальное значение: король и назначаемые им (а в собственнических колониях — лордами-собственниками) губернаторы и советы провинций узурпировали всю исполнительную, высшую законодательную и судебную власть.

Американская буржуазная революция XVIII в. должна была устранить не только английский колониальный гнет, но и европейское феодальное наследие в социальных отношениях. Хотя в колонизации Северной Америки с самого начала преобладала буржуазная тенденция, параллельно с ней в ряде провинций, причем наиболее крупных, внедрялись элементы феодализма. В Нью-Йорке, Пенсильвании, Мэриленде, Северной и Южной Каролине английская аристократия сдавала земельные участки поселенцам на условиях феодальной аренды (квитренты). Правда, в течение полутора столетий существования провинций в ряде из них поселенцам удавалось добиться отмены квитренты. Но во многих случаях право ее сбора переходило к короне. Там, где квитрента сохранялась, она ложилась весьма тяжелым бременем на плечи земледельцев, а главное, не позволяла утвердиться в колониях свободной, подчиняющейся закону купли-продажи буржуазной собственности на землю. К феодальным пережиткам в землевладении относились также право первородства и неотчуждаемость земельной собственности, получившие распространение во всех средних и южных колониях.

В еще большей степени, чем в сфере аграрных отношений, связь провинций с пережитками феодализма раскрывалась в их политическом

устройстве. Выборные органы, нижние палаты провинциальных ассамблей, располагали только одним реальным правом — законодательной инициативы. Уже одно это обстоятельство обнаруживает несостоятельность концепции школы «бесконфликтности» о господстве в провинциальной Америке политической демократии «среднего класса». Мнение Р. Е. Брауна о том, что там «голос бедняка» обладал такой же силой, как и «голос богатого избирателя» и что законодатели подчинялись «интересам всего народа, а не какого-нибудь класса»¹³, неверен уже по той простой причине, что высшие органы управления колоний, назначаемые короной, вообще были неподвластны избирателям.

Представление о провинциальной Америке как об образцовой демократии среднего класса основано фактически на одном аргументе — широком распространении в колониях избирательного права. Для того времени оно было действительно весьма широким: от 50 до 75% свободных белых мужчин той или иной провинции могли зарегистрироваться в качестве избирателей¹⁴.

Но обладало ли избирательное право в Северной Америке реальным влиянием? Для ответа на этот вопрос важно не только выявить потенциальный электорат провинций, но и проанализировать, как функционировала их политическая система. Для нее были характерны две важные черты: роль выборных палат в системе власти была минимальной; рядовые избиратели не оказывали воздействия на принятие решений даже представительных органов. В условиях отсутствия в провинциальной Америке политических партий борьба на выборах в нижние палаты ассамблей сводилась к спору влиятельных семейных кланов. В большинстве провинций, в особенности в тех, где утвердилась система крупных земельных держаний, распространилась практика покорного голосования избирателей за того или иного кандидата из одного «почтения» к его фамилии («deference voting»). На поверку не депутаты являлись покорными слугами избирателей, как утверждал Браун, а, напротив, избиратели услужливо отдавали голоса экономическим владыкам. Это привело к фактическому наследованию депутатских мест провинциальных ассамблей высокопоставленными семейными кланами¹⁵.

Борьба вокруг проблем буржуазной демократии выдвинулась во главу угла американской революции XVIII века. Главным в ней был вопрос о власти: поднимающаяся буржуазия провинций в союзе с плантаторами намеревалась покончить с деспотизмом английского монарха, парламента и их социальной опоры в Северной Америке, состоявшей главным образом из земельных магнатов. Подобно предшествующим ей нидерландской и английской революциям и последующей французской, она принадлежала к буржуазным революциям мануфактурного периода и обнаружила характерную для них расстановку классовых сил. Ее гегемоном могла быть и являлась только буржуазия. В США — это по преимуществу торгово-ростовщическая буржуазия (мануфактуры в провинциях только начали развиваться), которая тесно блокировалась с плантаторами-рабовладельцами. Этот классовый блок был сродни классовому альянсу буржуазии и нового дворянства в английской буржуазной революции 1640-х годов. Таким образом, хотя война за независимость была по времени гораздо ближе к французской революции, она не смогла подняться до продемонстрированного последней классического образца «чистой» гегемонии буржуазии. Этот факт служит предостережением от преувеличения степени развитости капиталистического способа производства в североамериканских провинциях.

¹³ Brown R. E., Brown B. K. Op. cit., pp. 11, 160, 165, 215, 292.

¹⁴ Williamson C. American Suffrage from Property to Democracy. 1760—1860. Princeton. 1960.

¹⁵ Pole J. R. Political Representation and the Origins of the American Republic. Lnd. 1966, pp. 146—163.

Гегемония буржуазии не означала нивелирования различий между нею и народными массами, выступавшими в качестве движущей силы ранних буржуазных революций. Более того, попытки буржуазии узурпировать плоды революционных завоеваний порождали острые разногласия между нею и народными массами, усиливавшиеся на каждом последующем этапе революции. Революция — мощнейший стимулятор пробуждения классового сознания эксплуатируемых масс. Американская революция XVIII в. в этом плане не являлась исключением: восстание сельской бедноты под предводительством Д. Шейса в 1786—1787 гг.¹⁶ было только наиболее ярким эпизодом, кульминацией революционно-демократической линии войны США за независимость, линии, присущей ей так же, как и европейским ранним буржуазным революциям.

Необходимо вместе с тем учитывать и своеобразие классовой борьбы в американских колониях: конфликт и противоречия внутри революционного лагеря не получили там столь полного и законченного развития, как в европейских революциях мануфактурной эпохи. Здесь не было таких политически оформленных течений, какими были в английской революции пресвитериане, индепенденты, левеллеры, диггеры, а во французской — конституционалисты, жирондисты, якобинцы. В период войны за независимость только в одном из 13 штатов — Пенсильвании существовало оформленное политическое деление на «конституционалистов» — сторонников демократической конституции штата 1776 г. и их противников — «республиканцев». «Конституционалисты» выступали с позиций умеренного эгалитаризма. Тот факт, что им удалось удерживать политическую власть в штате до 1788 г., свидетельствует о серьезном успехе демократического крыла революции. Однако то, что демократы не смогли сплотиться на национальном уровне или даже в Континентальном конгрессе, говорит об определенной неразвитости демократического движения в тот период.

Американская революция не знала таких разных по характеру, но ярких и влиятельных движений крестьян, как выступления клобменов и диггеров в английской революции, и тем более жакерий французского типа. Это объясняется коренным различием в положении американского фермерства и западноевропейского крестьянства. Отсутствие в Северной Америке феодализма как системы снимало для нее проблему крестьянской революции. Слаба была в американской революции в сравнении с французской и городская плебейская струя; городская Америка в тот период была развита гораздо слабее, чем городская Франция, а американские горожане располагали большими возможностями для перехода в класс мелких собственников.

Некоторая умеренность требований народных масс в американской революции объясняется и относительной слабостью буржуазии США, которая за отсутствием опыта, аппарата и средств принуждения должна была лавировать и уступать низам в большей степени, чем европейская. Отсутствие у американской буржуазии возможностей подчинения себе народных низов на основе жесткого курса предопределило в значительной мере широкие демократические преобразования в политической сфере уже в самом начале революции. В США были ликвидированы монархические и аристократические пережитки. Принятые штатами республиканские конституции вводили выборность всех органов власти снизу доверху. В подавляющем большинстве штатов были введены максимально частые (ежегодные) перевыборы всех представителей государственной власти. Рядовым патриотам было свойственно острое недоверие к исполнительной власти, стремление максимально ослабить ее,

¹⁶ Шпотов Б. М. Фермерское движение в США. 1780—1790-е годы. М. 1982; Szatmary D. P. Shays' Rebellion: The Making of an Agrarian Insurrection. Amherst. 1980.

подчинить законодательным ассамблеям. Их устремлениям сопутствовал успех: во всех штатах губернаторы были лишены права вето и других возможностей «ограничивать» законодательные собрания, которыми пользовались их предшественники колониальной поры. Зато законодательные собрания могли отстранить губернатора от должности, привлечь его к суду, назначали ему жалование и в большинстве штатов пользовались правом формирования всего аппарата исполнительной власти¹⁷.

Если принять во внимание другие преобразования в государственно-правовой сфере в годы войны за независимость, то можно сказать, что по широте политических буржуазно-демократических нововведений американская революция превзошла многие другие ранние буржуазные революции. Эту ее сторону высоко ценили передовые умы конца XVIII в.; так, Т. Пейн в 1790-е годы в «Правах человека» отмечал, что «борьба за независимость Америки, завершившаяся отделением от Англии, осталась бы заурядным событием, если бы не была дополнена революцией в принципах и практике государственного управления»¹⁸.

Скромнее выглядели преобразования американской революции в аграрной области. В ходе нее были отменены все феодальные пережитки, осуществлена конфискация земель лоялистов. Однако демократические начала аграрного законодательства были пресечены ордонансами Континентального конгресса 1785 и 1787 гг., которые, с одной стороны, закрепляли принципы республиканского устройства и буржуазного землепользования на свободных западных землях, но с другой — утверждали недемократический способ распродажи огосударственного земельного фонда. Земли должны были распродаваться участками в 640 акров по цене не менее 1 долл. за акр с обязательным внесением всей стоимости наличными в течение месяца¹⁹. Американская революция не смогла подняться до аграрных преобразований якобинского типа, в результате которых в эпоху французской революции была создана и укреплена крестьянская парцелла.

Американская революция XVIII в. при всем ее своеобразии, со всеми присущими ей недостатками является органичной частью общесторического процесса становления буржуазной общественно-экономической формации. Она была отнюдь не уникальным национальным явлением, но важным соединительным и вместе с тем самостоятельным звеном в цепи прогрессивных ранних буржуазных революций. Она не смогла бы добиться успеха, если бы не опиралась «на плечи» предшествующей, английской революции XVII века. Но она же свидетельствовала о наличии поступательности в развитии ранних буржуазных революций. Американская революция первой взяла на вооружение принципы Просвещения, боевой буржуазной идеологии XVIII века. В ходе ее, как указывал К. Маркс, «возникла впервые... идея единой великой демократической республики», «была провозглашена первая декларация прав человека и был дан первый толчок европейской революции XVIII века»²⁰.

Война США за независимость не исчерпала задач буржуазно-демократической революции, которая и продолжилась в 1860-е годы в форме гражданской войны. Среди не решенных ею вопросов наиболее важное место принадлежало проблеме рабства (оно было отменено только в

¹⁷ Main J. T. The Upper House in the Revolutionary America. Madison. 1967; ejusd. The Sovereign States. 1775—1783. N. Y. 1973; Wood G. S. The Creation of the American Republic. 1776—1787. Williamsburg. 1969; Jensen M. The American Revolution Within America. N. Y. 1973.

¹⁸ The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 1—2. N. Y. 1945; vol. 1, p. 3.

¹⁹ Это, впрочем, не остановило массового продвижения на Запад: оно осуществлялось на основе самочинного захвата и обработки переселенцами земельных участков.

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16, с. 17.

северо-восточных штатах). Сохранение его после войны за независимость уже в определенной степени предопределило неизбежность последующих буржуазных революционных преобразований в США. Было бы, однако, неверно выводить предпосылки гражданской войны только из «наследия» первой американской революции, т. е. из нерешенной проблемы рабства. Плантационное рабство обрело свою подлинную жизнь уже после войны за независимость, его расцвет был обусловлен, как ни парадоксально, развитием промышленного переворота.

Изобретение в 1793 г. хлопкоочистительной машины Э. Уитни имело следствием своего рода «второе издание» рабовладения в США. С 1792 по 1860 г. (канун гражданской войны) валовой сбор хлопка в США увеличился более чем в 700 раз²¹. Извлекая баснословные барыши, рабовладельцы рассчитывались с долгами, укрепляли свое экономическое могущество, а вслед за этим стали претендовать на политическое господство в стране. Соотношение сил в буржуазно-плантаторском блоке явно изменилось в пользу рабовладельцев: в течение 70 с небольшим лет со времени принятия федеральной конституции 1787 г. до начала гражданской войны представители рабовладельцев занимали пост президента в течение 50 лет, за тот же период 20 из 35 членов Верховного суда США были южане. Поистине в стране воцарился, как говорили в самих США, «король-хлопок». Он олицетворял не что иное, как экономическое могущество и политическую власть рабовладельческого Юга, самой омерзительной системы эксплуатации человека человеком.

Плантационное рабство, как и европейский феодализм, выступило в качестве силы, препятствовавшей торжеству буржуазной общественно-экономической формации. Рабство, однако, не было американским аналогом феодализма, что важно учитывать при анализе специфики второй революции в США. Если в Европе капитализм и буржуазные революции вырастали из недр феодализма, разрушая подневольную систему эксплуатации труда, то в США потребность и особенности становления капитализма породили систему подневольного труда. Американский капитализм на протяжении двух веков выступал не разрушителем, а «повивальной бабкой» рабства, как бы возводя искусственный барьер на пути буржуазной общественно-экономической формации. Гражданская война, решавшая объективно ряд задач буржуазной революции, была в отличие от типичных буржуазных революций обусловлена «зигзагом» уже укоренившейся общественно-экономической формации. Подчиняясь во внутреннем развитии закону частнокапиталистического накопления, плантационное рабство постоянно обнаруживало те стороны, которые роднили его с капитализмом и отличали его и от античного рабства и феодализма. Но, конечно, если бы характеристика плантационного рабства исчерпывалась капиталистическими чертами, тогда в США не было бы и не могло возникнуть почвы для новых революционных буржуазных преобразований. В том-то и дело, что плантационное рабство имело две разные, но равнозначные по важности ипостаси: одну — капиталистическую, другую — некапиталистическую, противоречащую по характеру основам буржуазного миропорядка. Эти две ипостаси в полной мере учитывались классиками научного коммунизма.

При поверхностном взгляде может показаться, что характеристики плантационного рабства К. Марксом содержат взаимоисключающие оценки. В действительности же в них заключено подлинно диалектическое постижение противоречивой природы этого «двуликого Януса». «Если владельцев плантаций в Америке мы теперь не только называем капиталистами, но они и на самом деле являются таковыми, то это происходит потому, что они существуют как аномалии в условиях миро-

²¹ Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М. 1955, с. 372—373.

го рынка, покоящегося на свободном труде»²² — так тонко оценивал Маркс, с одной стороны, капиталистические начала плантационного рабства, а с другой — их характер, обусловленный не сущностью производственных отношений между рабами и рабовладельцами, а связью последних с мировым капиталистическим хозяйством. Несоответствие плантационного рабства критериям «чистого» капитализма выражалось в том, что, как отмечал Маркс, «рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. самую основу капиталистического производства»²³.

Подчеркивая дуализм американского плантационного рабства, хотелось бы возразить против распространенных в историографии попыток синтеза двух его сторон на основе выделения одной из них в качестве главной, то есть определения плантационного рабства как по преимуществу капиталистической или некапиталистической системы. Эти две стороны не поглощали друг друга, каждая влияла на облик плантаторской системы, но для понимания предпосылок гражданской войны важен в первую очередь анализ эволюции и социально-политических последствий ее некапиталистической стороны. Именно характер эксплуатации труда оказался в центре разногласий между северо-восточными буржуазными и южными рабовладельческими штатами в предреволюционные десятилетия. Как показано в исследовании современного американского историка Э. Фонера, требование «свободного труда» являлось лейтмотивом всех политических движений и идеологических течений в северо-восточных штатах 1840—1850-х годов и объединило различные социальные силы в партии А. Линкольна²⁴.

Различие способов эксплуатации рабочей силы на Юге и Севере США не было какой-то абстракцией или явлением, изолированным от других сфер общественных связей. Напротив, оно влияло на все стороны общественных отношений Севера и Юга. Налицо воздействие этого различия на характер развития производительных сил: если на капиталистическом Северо-Востоке капиталовложения шли на расширение, перевооружение, развитие технико-производственного парка, что обеспечивало быстрые темпы индустриализации, то на Юге свободные капиталы были предназначены в первую очередь для приобретения рабов и свободных земель. «Цена» северо-восточного капиталиста определялась стоимостью принадлежавших ему акций, фабрик, станков, а «цена» плантатора-рабовладельца — количеством и стоимостью принадлежавших ему рабов и земель.

Собственность на людей вела к деформации буржуазных начал мышления и психологии плантаторов. В социальных отношениях южных штатов утверждались сословно-иерархические принципы; мировоззрение плантатора-рабовладельца обрастало чертами, характерными для помещика-крепостника: типичный плантатор практиковал жестокие физические истязания рабов, считал себя вправе распродать или купить «на выбор» членов семьи раба, превратить в наложниц молодых рабынь. Эти черты уживались в рабовладельце с подражанием манерам, ритуалам, образу жизни западноевропейских, особенно английских, аристократов. Большинство крупных рабовладельцев полностью отстранилось от производственного процесса (хозяйство было передоверено надсмотрщикам и управляющим), вело великосветский образ жизни, подражало в одежде, организации досуга, архитектуре поместий «джентльменским» образцам. Располагая в сравнении с северо-восточной буржуазией массой свободного времени, рабовладельцы посвящали его по-

²² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I, с. 505.

²³ Там же. Т. 26, ч. II, с. 329.

²⁴ Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men: Ideology of the Republican Party Before the Civil War. Lnd. 1970.

литике, государственным делам, уверовав в свои особые для того способности.

Автора, возможно, упрекнул в противоречии: с одной стороны, им выдвинут тезис о неправомерности аналогий между феодализмом и плантационным рабством, подчинявшимся частнокапиталистическому накоплению и мировому рынку, с другой — он проводит сравнения между образом жизни и мировосприятием плантаторов-рабовладельцев и европейской аристократии. Но это кажущееся противоречие отражает тот факт, что, хотя экономическое развитие плантационного рабства и феодализма покоилось на противоположных принципах, тем не менее в их социальном облике, определявшемся эксплуатацией подневольного труда, были схожие черты. Поэтому в мировой исторической науке, в том числе и в американской, использовался их сравнительный анализ. Так, современный американский исследователь П. Колчин доказывал, что рабовладельцы США имели гораздо большую силу и пользовались большими возможностями для защиты позорного института, чем русские крепостники. Как пишет Колчин, рабовладельцам принадлежали не только их «крепостные», но и «весь мир» — политическая власть, церковь, пресса, полиция. Они умело приспособили к своим интересам буржуазно-демократические права, завоеванные в XVIII веке. Пользуясь правами на свободу слова и печати, рабовладельцы развернули разнужданную массивную пропаганду порабощения человека человеком, которой не велось в России²⁵. Рабовладение, опирающееся на буржуазно-демократические права и свободы, — эта чудовищная и парадоксальная общественная система по цинизму не имела себе равных в мировой истории.

Эта сторона плантационного рабства замалчивается апологетической историографией США, предпочитающей писать о его рентабельности, сильных позициях на мировом рынке и даже превосходстве над северо-восточным капитализмом. Исторический материализм никогда не отрицал капиталистической стороны плантационного рабства, поэтому вопрос об экономических показателях рабовладения США может служить предметом конкретной дискуссии между марксистской и буржуазной историографией²⁶. Однако определение буржуазной историографией капиталистической стороны плантационного рабства как его сущности для марксистов неприемлемо. Коренной порок буржуазных клиометристов, или представителей «новой экономической истории», занимающей ведущее место в апологетической историографии плантационного рабства, заключается в несостоятельности методологической и теоретической позиции, отсутствии как сколько-нибудь удовлетворительной теории исторического развития (онтологическая несостоятельность), так и теории познания (гносеологическая несостоятельность). Освоенные клиометристами количественные методы исследования отнюдь не означают «методологической революции» — это только методическая модернизация, неспособная залатать онтологические и гносеологические бреши буржуазной историографии.

С точки зрения методологических основ «новая экономическая история» остается в плену позитивизма, крайне поверхностного метода, для которого, пользуясь определением Маркса, характерна неспособность абстрагироваться от обманчивой видимости экономических явлений и проследить «внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы»²⁷. Клиометристы могут привести отдельные данные, свидетельствующие о том, что

²⁵ Kolchin P. In Defense of Servitude: American Proslavery and Russian Proserfdom Arguments. 1760—1860.— American Historical Review, 1980, № 4, pp. 823—827.

²⁶ См. Болховитнов И. Н. Ук. соч., с. 177—181.

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. II, с. 177.

невольник на рабовладельческой плантации потреблял больше пищевых продуктов, нежели рабочий на каком-нибудь предприятии в Питтсбурге, или что семья раба обладала большей «жилой площадью», чем нищие Нью-Йорка, или даже, что производительность труда у раба была выше, чем у фермеров одного из западных штатов, но все эти данные при отсутствии научного объяснения остаются не более чем «игрой в цифры». Клиометристам никогда не удастся опровергнуть того, что рынок наемного труда, свободная конкуренция и выраставшие из них производственные и социальные отношения исторически прогрессивнее и в силу этого несовместимы с системой рабства, даже в ее капиталистическом исполнении.

Как и почему оказался возможен слом плантационного рабства, какие факторы подготовили его? При ответе на этот вопрос обращает на себя внимание в первую очередь фактор промышленного переворота и его социальных последствий в 1830—1850-е годы. Именно в тот период произошел быстрый подъем промышленной буржуазии, оспаривавшей господствующее положение у плантаторов-рабовладельцев, бывших у власти в предшествующее полустолетие. С определенной условностью можно сказать, что если до 1830-х годов промышленный переворот, внедряясь в первую очередь в хлопчатобумажную промышленность, «работал» на «пасынка», т. е. на плантационное рабство, то с 1830-х, и особенно в 1840—1850-е годы, он во всю мощь «заработал» на «родное дитя» — промышленную буржуазию. У американской буржуазии всегда существовали острые разногласия с плантаторами, причем не только в вопросе о рабстве, но и по множеству конкретных вопросов. Плантаторы, например, отвергали все экономические требования буржуазии. Протекционистские тарифы, призванные защитить неокрепшую национальную промышленность от иностранной конкуренции, были невыгодны рабовладельцам, поскольку последние были не производителями, а потребителями промышленной продукции; в Национальном банке плантаторы видели только средство обогащения финансистов, а строительство государственных дорог и каналов рассматривали как способ ограбления федерального правительства северо-восточными подрядчиками.

В первые десятилетия существования США американский капитал, представленный еще в основном финансово-торговой буржуазией, не мог решительно поспорить с плантаторами. Другое дело, когда на авансцену вышла промышленная буржуазия! Причина решительности капиталистического класса была обусловлена не только его новыми качествами, но и тем, что он мог опереться теперь на новые социальные силы, в первую очередь на фермерство, окрепшее в период бурной колонизации американского Запада в 1830—1850-е годы.

С появлением промышленной буржуазии и пролетариата назрела новая буржуазная революция — гражданская война. Это отразило общую закономерность становления буржуазной общественно-экономической формации. Второй цикл буржуазных революций в Европе, как известно, был также вызван к жизни промышленным переворотом, оформлением промышленной буржуазии и пролетариата. Волна европейских революций 1848—1849 гг. и гражданская война в США в этом смысле перекликаются, вписываются в единую фазу всемирно-исторического процесса. Зависимость пути, пройденного США, от магистральных линий всемирно-исторического процесса обнаруживается и в других важных аспектах. Кризис рабства в США был отражением ослабления его позиций в XIX в. в мире в целом. Ведущая капиталистическая страна — Англия объявила об отмене рабства в 1807 г., в 1830 г. Англия провозгласила торговлю рабами незаконной во всем мире, а в 1845 г. приравняла торговлю рабами к пиратству и стала преследовать кораб-

ли с «живым» грузом во всех морях. В 1810-е годы работорговлю запретили Франция, Португалия, Испания.

Для расшатывания позиций рабовладения в США особое значение имел процесс отмены рабства в Центральной и Южной Америке. Так же как война США за независимость ускорила вызревание освободительных революций в Латинской Америке в первой четверти XIX в., так и отмена в последней рабства стимулировала антирабовладельческое движение в США. Первой уничтожила рабство революция в Гаити 1790—1803 годов. В 1810—1850 гг. рабство было существенно ограничено или отменено в Аргентине, Чили, Гватемале, Гондурасе, Никарагуа, Боливии, Мексике, Уругвае, Парагвае, Эквадоре, Перу, Венесуэле. Позднее, чем в США, рабство было отменено только в Пуэрто-Рико (1873 г.) и на Кубе (1886 г.)²⁸.

Гражданская война может быть рассмотрена и в плане отражения общеисторических закономерностей становления буржуазных национальных государств. Наряду с крушением рабовладельческого Юга она повлекла за собой преодоление региональных, культурно-психологических и политико-правовых различий между Севером и Югом. Ее национально-объединительная задача перекликалась в этом смысле с целями протекавших в ту же эпоху революций в Италии и Германии. Многим современникам и некоторым историкам²⁹ гражданской войны борьба с сепаратизмом, за торжество единого национального государства представлялась даже ее главной целью. С такой трактовкой согласиться, разумеется, нельзя, но было бы неправомерно совсем сбрасывать со счетов национально-объединительную задачу гражданской войны.

Историческое ее значение заключалось в сокрушении системы плантационного рабства и утверждении в США «чистого» буржуазного общества. Подобно войне за независимость, она была неотъемлемой частью общеисторического процесса становления буржуазной общественно-экономической формации. Как социально-политическая революция гражданская война решила свой первоочередной вопрос — о власти. В стране утвердилось господство промышленной буржуазии. Таким образом, в развитии США в эпоху буржуазных революций дважды произошло коренное изменение политической власти: война за независимость, разрушив колониальный режим, утвердила господство буржуазно-плантаторского блока, а гражданская война закрепила чистую буржуазную диктатуру.

Двумя выдающимися буржуазно-демократическими мерами гражданской войны были акт об освобождении рабов, который Маркс охарактеризовал как «важнейший документ американской истории со времен основания Союза»³⁰ и закон об использовании западного земельного фонда для бесплатного наделения мелкими участками переселенцев из восточных штатов. В последовавший затем период Реконструкции (1865—1877 гг.) были приняты поправки к федеральной конституции, декларировавшие юридическое равенство негров США и предоставление им избирательного права. В южных штатах была установлена военно-политическая диктатура северо-восточной буржуазии и ее союзников, поставившая цель воплотить все эти преобразования в жизнь.

Задача Реконструкции, как подчеркивал У. З. Фостер, «была ог-

²⁸ Фостер У. З. Ук. соч., с. 370. В американской немарксистской историографии связь предпосылок гражданской войны с общеисторическим процессом борьбы против рабства исследовал Д. Б. Дэвис (см. Davis D. B. *The Problem of Slavery in Western Culture in the Age of Revolution. 1770—1823*. Ithaca — Lnd. 1975).

²⁹ Наиболее известным среди них является Д. Поттер (см.: Potter D. M. *The South and the Sectional Conflict*. Baton Rouge. 1968; e j u s d. *Division and the Stresses of Reunion. 1845—1876*. Clenview (III.). 1973; e j u s d. *The Impending Crisis*. N. Y. 1976).

³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 15, с. 570.

ромной по своему масштабу и единственной в своем роде»³¹. В случае полного успеха Реконструкции вторая американская революция явилась бы уникальным примером завершенной буржуазно-демократической революции. Для этого необходимо было не только отменить рабство и декларировать юридическое равенство негров, но и конфисковать на Юге плантации, распределить земли между теми, кто их действительно обрабатывал, то есть между бывшими рабами, предоставить неграм равные гражданские права в экономической, общественной, образовательной, культурной сферах, создать такие судебные, милицейские и полицейские системы в штатах, которые бы на деле закрепили равенство двух рас. Вторая американская революция остановилась в решении названных целей на полпути. Почему? Ответ на этот вопрос связан с анализом расстановки и позиций классовых сил в революции, во-первых, и классовой ограниченности буржуазной революции — во-вторых.

Движущей силой гражданской войны и Реконструкции были рабочие, фермерство и негритянское население. Доведение до конца буржуазно-демократических преобразований зависело от степени их политической активности и сознательности. Ведущая роль рабочих в победоносном исходе гражданской войны неоспорима. Достаточно указать на тот факт, что они составляли 38% армии северян и наряду с фермерами и неграми выступили в качестве массовой опоры партии Линкольна. Не преуменьшая заслуг рабочего движения в борьбе с плантационным рабством, укажем в то же время на его черты, ослабившие давление на республиканскую партию и промышленную буржуазию «снизу» и, как результат, ограничившие возможности глубинных демократических преобразований в США.

Рабочее движение США рассматриваемого периода существенно отставало от передовых отрядов европейского пролетариата. Если, например, французские рабочие уже в 1871 г. шли на «штурм неба», то американский пролетариат удовлетворялся борьбой за непосредственные экономические интересы. В США отсутствовали как массовое рабочее движение, так и его политический авангард — социалистическая партия (немногочисленный отряд американских марксистов состоял из вчерашних немецких иммигрантов, не пользовавшихся влиянием среди рабочих). В результате «рабочее движение оказалось не в состоянии четко определить интересы рабочего класса в этой сложной обстановке»³². Хотя большая часть пролетариата на выборах 1860 г. поддерживала Линкольна, «значительное число рабочих еще находилось под влиянием демократической партии»³³. Ее поддержка ими объяснялась тем, что она в момент возникновения в 1820-е годы сумела при помощи реформ Э. Джексона завоевать репутацию «рабочей» среди широких слоев пролетариата. В 1840—1850-е годы демократы претерпели серьезную эволюцию, перейдя на прорабовладельческие позиции, но в сознании части рабочих, в первую очередь иммигрантов, слабо ориентировавшихся в меняющейся американской действительности, они оставались «партией Джексона».

На позициях рабочих отрицательно сказывалась классовая ограниченность буржуазных аболиционистов. Большинство их, решительно осуждая рабство, ничего не имели против эксплуатации труда капиталом, были глухи к требованиям пролетариата³⁴. Рабочие в ответ осуждали аболиционистов как «агентов капитала», а некоторые среди них верили демагогии рабовладельцев, будто освобождение негров непременно вызовет «черное нашествие» на северо-восточный рынок труда и

³¹ Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. М. 1955, с. 371.

³² Там же, с. 363.

³³ Там же, с. 364.

³⁴ Фонер Е. Politics and Ideology in the Age of the Civil War. N. Y. 1980, pp. 57—76.

подорвет экономические позиции пролетариата³⁵. В период гражданской войны, когда рабочие вынуждены были вести борьбу на два фронта, сражаясь в армии федерального правительства в южных штатах и участвуя в забастовочных боях против капитала в северо-восточных штатах, буржуазия шла на широкое использование в качестве штрейк-брехеров негров, что приводило неоднократно к столкновениям между белыми и черными рабочими. Капитал сознательно вносил в рабочее движение расизм (как «белый», так и «черный»), что ослабляло возможности борьбы за буржуазно-демократические преобразования в период Реконструкции. На них не могло не отразиться фактическое отсутствие промышленного пролетариата на Юге страны.

Среди не доведенных до конца буржуазно-демократических преобразований гражданской войны и Реконструкции оказалась и аграрная проблема. Развитие капитализма в сельском хозяйстве возможно было в тех исторических условиях, как известно, или по «прусскому», или по «американскому» пути. В США гражданская война и Реконструкция объективно были направлены на утверждение чистой модели «американского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Однако о его торжестве можно говорить применительно к развитию капитализма в сельском хозяйстве восточных (это результат еще первой американской революции), западных и только отчасти южных штатов.

В «черном поясе» южных штатов фермерский «американский» путь сосуществовал с «сильными элементами более консервативного и даже реакционного типа буржуазного развития»³⁶. Американские рабы были освобождены без земли, что обрекло их на нищенское существование в качестве арендаторов бывших плантаторов. Закон о конфискации собственности мятежников 1862 г. предоставлял правительству США широкие возможности для наделения бывших рабов и белых бедняков землей на Юге, но федеральные власти не сумели и не попытались использовать их. И хотя число фермерских хозяйств на Юге в результате самочинных захватов плантаций, принадлежавших мятежникам, белыми бедняками и неграми увеличилось втрое, бывшие рабовладельцы сохранили сильные экономические позиции. Их хозяйства медленно приспособлялись к буржуазным производственным отношениям (некоторые исследователи считают, что это затянулось до середины XX века)³⁷.

Гражданская война и Реконструкция означали завершение буржуазных революционных преобразований в США. При всей индивидуальности и специфике им были присущи закономерности и черты, общие для всемирно-исторического процесса становления буржуазной общественно-экономической формации. Теория «американской исключительности» не может освободить от этих закономерностей прошлое США иначе, как перечеркивая сами революции, объявляя их или «консервативными», или «бессмысленными». Однако война за независимость и гражданская война самим фактом своего существования, уничтожения колониальной зависимости, феодально-аристократических пережитков и рабовладельческого общества доказывают полную несостоятельность апологетических построений, подтверждая единство всемирно-исторического процесса, наличие общих закономерностей становления общественно-экономических формаций, которые в полной мере раскрываются в историко-материалистическом анализе.

³⁵ Фонер Ф. История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х гг. XIX в. М. 1949, с. 360.

³⁶ Куропятник Г. П. Борьба двух тенденций капиталистического развития США в эпоху буржуазных революций.— Новая и новейшая история, 1976, № 2, с. 88.

³⁷ Weiner J. M. Class Structure and Economic Development in the American South. 1865—1955.— American Historical Review, 1979, № 4, pp. 970—976.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АВСТРИЙСКОЙ НАРОДНОСТИ

(ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.)

М. А. Полтавский

В 30-х годах XX в., когда возникла угроза захвата Австрии фашистской Германией, вопрос о признании самостоятельного существования австрийской нации приобрел не только теоретическое, но и жизненно важное практическое значение. Знамя борьбы за эту идею подняла Коммунистическая партия Австрии (КПА). Теоретическая постановка вопроса об австрийской нации была дана в статьях одного из деятелей КПА, А. Клара, в выступлениях ее председателя И. Копленига на партийной конференции в августе 1937 года. Движение Сопротивления в Австрии в 1938—1945 гг. провозгласило своей целью восстановление независимости австрийской нации. Прогрессивная общественность мира опротестовала факт аннексии Австрии фашистской Германией. Разгромив последнюю, Вооруженные Силы СССР принесли свободу австрийскому народу, и он в большинстве своем принял идею австрийской нации. Все это делает настоятельной научную разработку вопроса о том, как австрийский народ пришел к образованию своей нации. В настоящей статье делается попытка проследить главные вехи развития его от народности к нации.

Процесс становления народности и нации в Австрии занял больше времени, чем в других странах, и связан был с переплетениями судеб многочисленных этнических общностей внутри и вне страны. В течение веков происходила борьба между объективной тенденцией к становлению немецкой народности на территории, включающей все немецкие государства, и другой объективной тенденцией — к становлению самобытной австрийской народности.

Австрийская народность возникла в результате происходившего в течение многих веков смешения различных этнических элементов. Наиболее древнее, известное по данным археологии и античных авторов, население на территории современной Австрии составляли племена иллирийской культуры; с IV в. до н. э. господствующим элементом стали здесь кельтские племена. Во II в. до н. э. они создали на территории нынешних Нижней и Верхней Австрии царство Норик. Вступив в союз с Римом, оно достигло высокого для того времени уровня развития. В начале новой эры Норик вместе с Рецией, населенной ретами и винделиками (совр. Тироль, Восточная Швейцария и Бавария), были присоединены к Римской империи и составляли в течение ряда веков его провинции.

В конце V в. римскому господству пришел конец. Но оно оставило глубокие следы в экономическом и культурном развитии и в формировании этнической основы населения Австрии. Иллирийский элемент был здесь господствующим в течение примерно I тыс. лет, кельты — примерно 400 лет, римляне — около 500 лет. Несмотря на то, что войны сопро-

вождались либо истреблением коренного населения, либо переселением его, нет оснований полагать, что состав его сильно менялся. В мирное время происходил постоянный процесс ассимиляции культур, и чем более пестрым и разноязычным был этнический состав, тем быстрее происходила ассимиляция остального населения господствующим элементом. Ясно, что кельтам было трудно ассимилировать иллирийцев, но римлянам это давалось с большим успехом, поскольку усвоение римской культуры и латинского языка облегчало римлянам, норикам, кельтам и иллирийцам взаимную связь.

Большое значение в романизации Норика имело то, что в течение нескольких веков Римская империя играла роль защитника этой территории от завоевателей и что присоединение Норика к империи произошло мирным путем. Конечно, процесс романизации проходил медленно, и население долго сохраняло смешанный иллирийско-кельтско-римский характер. Еще до сих пор в Каринтии сохранились некоторые кельтские обычаи. Смешанная кельтско-романская культура оставила свои следы в названиях, которые содержат слова «Wal» или «Walch» (Walgau, Walchensee). К началу IV в., по мнению австрийских ученых, население Норика и Реции уже значительно романизировалось. Об этом, в частности, свидетельствуют надгробные латинские надписи (эпитафии). В первый период римского влияния в них еще присутствуют иллирийские и кельтские имена, в следующем поколении встречаются кельтские и римские имена¹.

Свидетельством значительной романизации Норика, Реции и Верхней Паннонии является возникновение т. н. ретороманского языка. Это название возникло в XIX веке. Фактически оно охватывает три самостоятельных языка: граубюнденский в Швейцарии (народности романши), ладинский в Швейцарии и Северной Италии (народности ладины), фриульский в северо-восточной части итальянской провинции Удине, которая до 1918 г. входила в состав Австрии (народности фриулы). Эти языки возникли из скрещения местных языков с латинским народным языком. То, что указанные три языка сохранились до сих пор, свидетельствует о глубокой романизации Норика и Реции. Когда власть Римской империи сменилась здесь господством новых завоевателей (во второй половине VI в. и позже), им, очень часто сменявшим друг друга, противостояла романизованная страна с более высокой культурой, чем та, которую они ей несли.

Сначала это были кратковременные нашествия германских и тюркских племен, опустошавших эти районы, уничтожавших достижения римской культуры и уходивших затем в другие районы Европы. Более стабильные поселения основывали здесь с конца VI в. славянские и аварские племена, приходившие с востока, и баварцы, двигавшиеся с запада. В начале IX в., после того как Бавария была покорена Франкским королевством, объединившим ряд германских племен, авары были разгромлены (в 803 г.), и территория, которая с востока до р. Энс была в основном занята славянами, превратилась в пограничную марку под названием Аварская провинция. Она входила в состав то Баварского герцогства, то Франкского королевства (империи Карла Великого). Тогда же возникла и марка Фриуль, в которую вошла Карантания (Штирия и Каринтия), населенная в основном словенцами.

Можно предположить, что новые завоеватели удержались бы на захваченной территории не дольше, чем их предшественники, или смешались бы с местным населением и приняли бы его язык, обычаи, культуру. Однако франкские завоеватели пришли сюда, опираясь на

¹ Görlich E. J. Grundzüge der Geschichte der Habsburgermonarchie und Österreichs. Darmstadt. 1970, S. 16, 20; Hantsch H. Die Geschichte Österreichs. Bd. I. Graz. 1969, S. 15.

более централизованную государственную форму, чем у местных жителей, и на мощного союзника в лице католической церкви. Военные дружины франкских князей покоряли население, церковь обращала его в христианство.

Раздел империи Карла Великого в 843 г. означал первый шаг к консолидации немецкой государственности. Аварская марка стала частью Восточно-франкского королевства—первого Немецкого королевства (хотя само это название еще не существовало). Нашествие венгерских племен и захват ими в 907 г. почти всей территории Аварской и Фриульской марок нарушили их связь с Баварией и Немецким королевством. Но уже в 955 г. король Оттон разгромил венгров, и началось их вытеснение из Аварской марки. В 976 г. император Оттон II передал марку во владение маркграфа Бабенберга, возложив на него задачу борьбы с венграми. Она была завершена к концу X века. В 996 г. впервые в документах появилось название марки на Дунае — «Остаррихи» (Австрия). Наряду с прежним для местного населения названием «норики» получает распространение и новое — «австрийцы». Несколько позже, с середины XI в., появляется название населения Восточно-франкского королевства — «дойче» (немцы)².

Династия Бабенбергов находилась у власти 270 лет. В 1156 г. правитель марки был признан специальной грамотой императора Фридриха I Барбароссы герцогом. В 1192 г. Бабенберги овладели герцогством Штирия. В 1273 г. австрийские земли перешли к Габсбургам. Им удалось примерно через 100 лет добиться почти полной независимости от Священной Римской империи. Император Карл IV освободил Габсбургов от всех ленных обязанностей по отношению к императору, приравнял их к курфюрстам, имевшим право участия в выборах императора. С 1453 г. Габсбурги стали носить титул эрцгерцогов Австрии. Но, получив эти привилегии, Габсбурги не порвали с империей, стремясь укрепить свое влияние в ней. Всеми силами добивались они титула императора. Они носили его сначала в 1273—1291 гг., а затем непрерывно с 1438 г. по 1806 год. В результате Австрия вовлекалась не только во внутриимперские дела, но и в европейские конфликты, часто вопреки ее собственным интересам. Пользуясь своим положением, Габсбурги подчинили себе Каринтию и Крайну в 1385 г., Тироль — в 1363 г., Триест и части Истрии и Герца — в 1382 г., остальные части Истрии и Герца — в 1500 г., Форарльберг — в 1523 г., чешские земли, Силезию и Венгрию — в 1526 г., Трансильванию — в 1691 г., Галицию — в 1772 г., Буковину — в 1775 г., Далмацию — в 1797 г., Зальцбург — в 1805 году.

В то время как Австрия укреплялась, Священная Римская империя все более слабела. Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) нанесла ей сокрушительный удар. На последнем ее этапе силы империи раскололись: Австрия и Бавария были союзниками Испании, а все протестантские княжества выступили на стороне Франции и Швеции. Вестфальский мир 1648 г. фактически ликвидировал империю; договор о мире содержал условие, что каждое немецкое государство имеет право проводить независимую политику. Императорский титул сохранялся, но он был только формальным символом государства, фактически уже не существующего. Империя состояла теперь из 1800 суверенных земель, в числе курфюрстов были и властелины не немецких земель. Она превратилась в бессильный союз государств, часто становившихся объектом политики других держав³.

² Quellenbuch zur österreichischen Geschichte. I. (Von der Antike bis zum Beginn der Neuzeit). Wien. 1956, S. 44; Hugelmann K. G. Nationalstaat und Nationalitätenrecht im deutschen Mittelalter. Bd. I. Würzburg. 1955, S. 270—273.

³ Deutsche Geschichte in drei Bänden. Bd. I. Von den Anfängen bis 1789. Brl. 1974, S. 643—646, 659—663.

Новый раскол в рядах немецких государств произошел во время войны за испанское наследство (1701—1714 гг.): на стороне Англии, Голландии, Португалии воевали Австрия, Пруссия и большинство других немецких княжеств, вместе с Францией выступала Бавария. Следующий этап истории Австрии характеризуется ростом противоречий между нею и Пруссией. Война за австрийское наследство (1740—1748 гг.), Семилетняя война (1756—1763 гг.) начались как войны между этими двумя в то время уже наиболее крупными государствами, формально входящими в империю. В первой из этих войн на стороне Пруссии сначала воевали Бавария и Саксония; на втором этапе войны и в следующей войне Саксония выступала вместе с Австрией.

Окончательный удар был нанесен Священной Римской империи Наполеоном. Он вынудил Франца II Габсбурга отказаться от титула ее императора (1806 г.).

Священная Римская империя никогда не была государственным образованием, объединяющим немцев, она никогда не была Германской империей. В нее входили владения многих государств. Она не имела централизованной власти и была бессильна против сепаратизма составлявших ее княжеств; она раздиралась борьбой между ними и даже в таком виде фактически перестала существовать уже в начале XVII века. Поэтому не имеет никакого смысла утверждение, что Австрия была частью Германии. Как государственного образования последней не существовало вплоть до 1871 года.

В то время как Священная Римская империя постепенно сходила с исторической сцены, в Австрии протекал бурный процесс государственной консолидации. Ее владения простирались в XVIII в. от Бельгии на севере до Боснии на юге, от Италии на западе до Силезии на востоке. Ее оформление как государства прошло этапы маркграфства, герцогства, эрцгерцогства, Австрийской империи. Формировалась ее территориальная общность. После победы коалиции европейских держав над Францией в 1815 г. был создан Германский союз — нечто подобное священной Римской империи, в который вошла и Австрия, но ее собственный государственный статус, территориальная общность все больше укреплялись.

* * *

Одновременно с процессом развития государственности Австрии (территориальной общности) происходил процесс становления ее экономической общности. За время с середины II тыс. до н. э. и до начала II тыс. н. э. на территории современной Австрии сменились три общественно-экономические формации. Иллирийское население принесло сюда первобытнообщинный строй, а за время своей оседлой жизни переходило к рабовладельческому строю. Кельтские племена снова принесли сюда первобытнообщинный строй, частично навязав его местному населению. Однако под влиянием последнего, а позже под воздействием союзного Рима и благодаря внутренним общественным процессам кельтское общество также постепенно превращалось в рабовладельческое. После того как царство Норик и Реция стали провинциями Римской империи, этот процесс усилился. С началом кризиса рабовладельческой системы в империи и укрепления элементов феодальной формации Норик и Реция являются ареной этих же новых процессов.

В период между падением Западной Римской империи (конец V в.) и завоеванием территории Австрии Франкским королевством в начале IX в. процесс феодализации на этой территории нарушался нашествием лангобардов, аламанных, остготов, славян, аваров, которые находились еще на стадии родоплеменных отношений⁴. Бавары и франки в конце

⁴ Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М. 1974, с. 35.

VIII — начале IX в. приносили сюда элементы феодального строя, который утверждался здесь почти 100 лет. Но этот процесс временно был нарушен вторжением венгров. Только к началу XI в. завершается генезис феодализма и начинается прямая линия его развития в Австрии.

Первое место в период генезиса феодализма в экономике Австрии принадлежало сельскому хозяйству, второе — добыче каменной соли и производству железа. В Каринтии добывалось золото и серебро. Среди доходов владельцев серебряных рудников главная роль принадлежала, однако, не серебру, а монете, которая чеканилась из него (во Фризахе, Кремсе, а затем в Вене)⁵. О городах XI—XIII вв. имеются сведения с конца XII века. Вена была тогда единственным большим городом Австрии. Там уже имелись лица, нанимавшиеся на поденную работу, батраки на виноградниках в пригородах, извозчики, домашняя прислуга. На другом полюсе находились владельцы крупных богатств, ростовщики и торговцы⁶. До середины XII в. Австрия входила в денежную систему Баварии. Бабенберги сначала чеканили монету как баварские герцоги (в 1139—1156 гг.) в Регенсбурге. После потери Баварии они перевели монетный двор в Кремс, а в конце XII в. — в Вену (первое упоминание об этом в документах относится к 1204 г.)⁷.

К концу XV в. определился классовый строй феодальной Австрии. Первым сословием считалось духовенство, которое в ландтагах представляли прелаты, имевшие крупные земельные владения. Вторым сословием были земельные магнаты, получившие свои владения в лен от герцога. В Тироле в это сословие входили и рыцари, имевшие лены от магнатов. В других землях Австрии рыцари составляли следующее после магнатов сословие. В бюргерское сословие входили городские богачи, которые занимались крупной торговлей, имели земельные владения, домовладения и располагали большими доходами. Купечество объединялось в гильдии, ремесленники-мастера — в цехи. Иногда мастера получали права бюргеров.

Крестьянство делилось на свободных (больше всего их было в Тироле), полусвободных, обязанных платить различные оброки, и хольдов, или колонов, получавших от помещика участок с условием внесения оброков и выполнения определенных работ. Хольдов землевладелец мог продавать или обменивать вместе с землей. Собственностью господ являлись крепостные. Сначала они выполняли работы в имении и получали натуральное содержание, позднее стали пользоваться домом и землей. Они могли жениться только в пределах имения своего господина, чтобы их дети не перешли к другому владельцу. В Каринтии сохранилась прослойка т. н. эдлингов. Они имели собственные земельные участки, были лично свободны, но должны были выполнять обязанности, возлагаемые на них властями, в том числе и военные (выступать в поход со своей лошадью). Эта прослойка существовала уже с начала славянского заселения Каринтии. В XVI в. одна часть эдлингов лишилась своих прав, другая постепенно переселялась в города, третья слилась с остальными крестьянами.

В XIII—XV вв. уровень жизни населения Австрии был ниже, чем в правление Бабенбергов, когда эти земли редко были ареной военных действий: династия маркграфов и герцогов из этого рода почти не прерывалась, и междоусобных войн практически не было. В середине

⁵ Zöllner E. Geschichte Österreichs. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Wien. 1962, S. 97—100; Dinklage K. Geschichte der Kärntner Landwirtschaft. Klagenfurt. 1966, S. 26—38; Tremel F. Der Bergbau als Städtebildende Kraft in der Steiermark und in Kärnten. Wien. 1968, S. 8. 11—12, 18—21; ejusd. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Österreichs. Wien. 1969, S. 59—82.

⁶ Zöllner E. Op. cit., S. 100—101; Tremel F. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Österreichs, S. 95—105.

⁷ Tremel F. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Österreichs, S. 105—107.

XIII в. в войны за овладение австрийскими землями между Немецким королевством, Чехией и Венгрией было втянуто и местное население. Между 1379 и 1493 гг. габсбургские владения делились на две-три части, и на этой почве происходили междоусобные войны. В то же время имели место эпидемии (особенно чумы), упала рождаемость. В XIV и XV вв. значительно уменьшилось количество населенных пунктов.

Тем не менее экономическое развитие Австрии продолжалось. В сельском хозяйстве это выразилось в росте количества мельниц. В XV в. появились уже предприятия по производству бумаги, стекла. Усиливалась эксплуатация крестьян. Земля сдавалась им в аренду в основном на год; землевладельцу было выгодно чаще менять арендаторов и требовать от них более высоких платежей. Такая форма аренды была распространена в XIV в. по всей Австрии. Иная форма — на всю жизнь одного или двух человек (отца и сына) — получила распространение в пограничных с Баварией землях и в Зальцбурге. В некоторых районах появились крестьяне, которые покупали у землевладельцев землю с правом передачи ее по наследству. Натуральные повинности во все большей степени заменялись денежными, а поборы увеличивались. В условиях постоянных войн возросли и различные виды барщинных работ, особенно на строительстве укреплений⁸.

В добывающей промышленности развивалось железоделательное производство. В середине XIII в. уже применялась сила воды для плавки иковки металла. Росло количество рабочих. В 1415 г. в Леобене возникло акционерное общество «Всеобщая компания по торговле железом», где прибыли распределялись пропорционально вложенному капиталу. Центром добычи железа в Каринтии являлся Хюттенберг. Рудниками владел здесь зальцбургский архиепископ. Впервые они упоминаются в документе 1266 года.

На первом месте среди благородных металлов стояла добыча серебра; в XIV—XV вв. определенную роль играла еще и добыча золота (Раурис и Гастайн) в Зальцбурге. Центрами добычи серебра были Шладминг и Цайринг в Штирии, упоминающиеся впервые в 1265 — 1267 годах. Серебряные рудники действовали также в Каринтии и Тироле. В начале XV в. в горных разработках уже появились первые признаки капиталистических отношений. В Шладмингском горном указе 1408 г., составленном штирийским горным судьей, работающие по найму упоминаются лишь мимоходом. «Но в горном уставе 1427 г. герцога Фридриха для Госензаса мы видим уже, — пишет М. М. Смирин, — подробную регламентацию порядка и размеров оплаты наемного труда»⁹. Распоряжениями 1449 г., а затем 1489—1492 гг. устанавливался контроль над зарплатой и ценами, над снабжением рабочих продовольствием.

Промыслы Швацкого горного района, Штерцинга, Госензаса, Раттенберга, Кицбюэля и Куфштайна, или, короче говоря, серебряные и медные богатства Тироля, играли важную роль, составляя главную финансовую основу военной политики Габсбургов. Добыча серебра в Тироле была базой для развития здесь чеканки монет с 1475 г. в Халле; затем в Вене стали выпускать серебряный гульден, равный по стоимости флорентийскому золотому гульдену. (Серебряный гульден приравнивался к 60 австрийским крейцерам, а крейцер к 20 пфеннигам). С 1486 г. в Халле начали чеканить серебряный талер, равный рейнскому золотому гульдену. В последующие годы он заменяет венские крей-

⁸ Дядечкин В. Н. Структура и эволюция феодальной ренты в Верхней Австрии в XV — начале XVI в. В кн.: Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV—XVI вв. Вологда. 1969, с. 195, 202, 204.

⁹ См. Смирин М. М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М. 1969, с. 129, 164.

церы и пфенниги, которые не пользовались доверием на венской ярмарке, где господствовал венгерский золотой гульден и имели хождение чешские и моравские монеты¹⁰. Торговля шла главным образом по водным путям, а пошлины, взимаемые на Дунае, составляли значительную часть доходов правителей страны.

В XVI в. в ряде стран Западной Европы началось разложение феодализма и развитие раннего капитализма. Этот процесс затронул и Австрию. Капиталистическая мануфактура возникла здесь в текстильной промышленности и в производстве предметов роскоши в Вене. Купеческий капитал уже глубоко проник в предприятия по добыче железа, ртути, свинца и в другие отрасли горной промышленности, а также в производство железных изделий. Возникновение ранних капиталистических форм способствовало росту бюргерства, но этот процесс шел еще очень медленно и мучительно.

В развитии экономики Австрии в первом после Тридцатилетней войны столетии важную роль сыграли идеи меркантилизма, распространившиеся главным образом благодаря французскому влиянию. Наиболее известными меркантилистами были И. И. Бехер, В. Шредер и Ф. В. фон Хернигк. Их программы содержали требования максимального использования внутренних ресурсов страны, в том числе пахотной земли, завоевания новых внешних рынков сбыта и источников сырья, расширения экспорта и ограничения до минимума импорта (за исключением сырья), отказа от ввоза готовых изделий; запрещения вывоза золота и серебра, а также сырья, которое должно перерабатываться внутри страны; развития промышленности¹¹. Под влиянием меркантилистов в 1659 г. и 1671 г. издавались указы против потребления дорогих иностранных товаров. В 1672 г. был введен новый таможенный закон, который был призван не только обеспечить, как прежде, поступление денег в казну, но и регулировать торговлю — ограничить ввоз одних товаров путем введения высоких тарифов и содействовать ввозу других с помощью низких тарифов. В 1674 г. был запрещен ввоз изделий роскоши из Франции.

В 80-х годах XVII в. экономика Австрии достигла наконец уровня, существовавшего накануне Тридцатилетней войны. В начале XVIII в. строились шоссейные дороги, связывавшие Вену с Адриатическим морем, Каринтией, Штирией и Тиролем, сооружались морские гавани в Фиуме и Триесте. В 1717 г. эти гавани были объявлены открытыми портами. В 1722 г. в Австрии была создана государственная почтовая связь, в 1728 г. ликвидированы все пункты сбора внутренних пошлин на пути к Триесту, Фиуме и Риеке. Все эти меры способствовали дальнейшему развитию промышленности. В 1672 г. в Линце была создана мануфактура по переработке шерсти, в 1697 г. — первая фабрика по производству шелка в Вене. Долгое время стекольная промышленность Австрии не могла конкурировать с венецианской. Положение изменилось, когда в 1709 г. начала действовать фабрика по производству зеркал в Нойхаусе (Нижняя Австрия). В 1718 г. была создана мануфактура по производству фарфоровых изделий. В текстильном производстве Вены важное место заняла хлопчатобумажная мануфактура в Швехате, основанная в 1722 году.

В сельском хозяйстве перемены происходили медленнее. Продолжался процесс имущественного расслоения крестьян, увеличивалось число неимущих, пополнявших ряды сельских рабочих и батраков. О развитии земледелия свидетельствовало внедрение новых культур — картофеля, клевера, кукурузы. Применение удобрений позволило отка-

¹⁰ Benedikt H. Die Monarchie des Hauses Österreich. Wien. 1968, S. 14.

¹¹ Macartney C. A. The Habsburg and Hohenzollern Dynasties in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. N. Y. 1970, pp. 70—71.

заться от трехпольной системы и создало почву для интенсификации земледелия. Натуральное хозяйство все больше оттеснялось развивающимся товарным хозяйством. Главной причиной замедленного в целом экономического развития была политика Габсбургов, которая не давала стране передышек от войн. Они истощали страну, не давали возможности накапливать необходимые капиталы, создавать кадры специалистов в области экономики, противодействовать конкуренции иностранных купцов, банкиров.

Положительную роль в развитии страны сыграли реформы Марии-Терезии и Иосифа II. Правительство оказывало финансовую помощь отдельным фабрикантам. Ремесленникам некоторых профессий было разрешено выходить из цехов и создавать свои предприятия. Принимались также меры по развитию промышленности путем вербовки специалистов за границей. В горном деле в середине XVIII в. иссякли запасы золота, старые рудники закрывались. Добыча серебра также шла на убыль (Швац и Раттенберг в Тироле). Но начиная с 1751 г. были обнаружены новые запасы серебра, меди и свинца, открыты новые залежи бурого угля. Росла добыча соли. Продолжалась добыча железа, создавались новые металлообрабатывающие предприятия.

В 1775 г. были отменены внутренние таможенные границы и пошлины. Вся монархия Габсбургов, исключая Венгрию, Тироль и Форарльберг, была объединена в один таможенный район. Это открыло новые пути к преодолению феодальной раздробленности в экономике, созданию единого внутреннего рынка, развитию капиталистических отношений. Вместе с тем были установлены пониженные пошлины на ввоз сырья и весьма высокие — на предметы роскоши. При Иосифе II был составлен список товаров, ввоз которых запрещался или подлежал обложению 60% пошлиной. Местная промышленность получала субсидии, премии за экспорт. Результатом этой политики явилось значительное развитие капиталистической мануфактуры¹². В целях поощрения предпринимателей правительство освобождало их от уплаты налогов на срок до десяти лет. Вместе с тем они пользовались широкой возможностью увеличения эксплуатации рабочих, не имевших права бороться за свои интересы. Всякое выражение недовольства со стороны трудящихся жестоко подавлялось¹³.

Урбарнальный патент 1789 г. определил объем крестьянских повинностей: барщина была заменена денежной платой землевладельцу, не превышающей 17% дохода крестьянского двора. Крестьяне превратились в свободных: они могли, не ожидая разрешения помещика, выбирать себе любое ремесло, уходить в город, заключать сделки, вступать в брак. Открывались широкие возможности для возникновения капиталистических хозяйств в деревне. Однако выкуп земли крестьянами мог состояться только по договоренности с помещиком. Таким образом, экономическая зависимость крестьянина от землевладельца сохранялась. Правда, помещик не имел права согнать крестьянина с земли. Аграрная реформа, конечно, затронула интересы дворянства, однако оно сохранило привилегированное положение: высшее дворянство осталось у власти; только в средние слои чиновников были допущены разночинцы.

Первые десятилетия XIX в. были периодом создания крупных текстильных фабрик в Австрии, грюндерства в этой отрасли промышленности. В 1816 г. в Австрию ввезли и пустили в ход первую паровую машину и первый жаккардовский станок. В 1825 г. была создана первая отечественная паровая машина¹⁴. В 1841 г. в Верхней Австрии уже

¹² Tremel F. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Österreichs, S. 285.

¹³ Ibid., S. 315—317.

¹⁴ Österreichs Wirtschaftsstruktur gestern — heute — morgen. Brl. 1961, S. 233.

действовали четыре бумагопрядильных предприятия с 75 машинами и 13 864 веретенами, на них было занято 324 рабочих. В 1847 г. число таких предприятий уже составляло здесь 11, машин — 710, веретен — 59 569, рабочих — 1043¹⁵. Несмотря на то, что правительство ограничило возможности роста промышленности в Вене, она развивалась и здесь. В 1841 г. из 7 тыс. ткацких станков в Нижней Австрии 4 тыс. находилось в Вене. Число фабрик и мануфактур частных лиц выросло в Вене со 143 в 1828 г. до 199 в 1839 году¹⁶. В середине XIX в. в столице насчитывалось уже 425 промышленных предприятий, 82 оптовые торговые фирмы, свыше 1500 магазинов и складов.

В производстве шерстяных изделий в 40-х годах XIX в. еще преобладала работа на дому с раздачей сырья и обеспечением станками. Не применяли машин и многие другие отрасли. В 1817 г. в Граце был создан большой часовой завод, который в 40-х годах уже выпускал 4 тыс. часов в год и большую их часть вывозил за границу; в 1820 г. была основана на р. Муре деревообделочная фабрика¹⁷. После окончания войн с Францией в середине 30-х годов был постепенно преодолен застой в добыче железа. Это было достигнуто за счет привлечения иностранного капитала. Производство железа в империи возросло с 1831 до 1850 г. вдвое¹⁸. Обилие лесов долго тормозило употребление каменного угля в металлургии. В то время как Франция уже в конце XVIII в. добывала ежегодно 600—700 тыс. т, Англия до 10,3 млн. т, в Штирии, где каменный уголь был открыт еще в начале XVII в., в 1800 г. его добывалось всего около 1 тыс. тонн. Добыча его здесь выросла вследствие применения его в металлургии вместе с древесным углем. В 1820 г. Штирия давала уже 16 488 т, а в 1840 г. — 25 734 тонны¹⁹.

Большое значение имело железнодорожное строительство, которое стимулировало и развитие металлургической и угольной промышленности. Австрия начала строить железные дороги только на три года позже, чем Англия, и на семь лет раньше, чем Германия. В 1841 г. была открыта первая линия Флоридсдорф — Ваграм²⁰. Развитие паровозного сообщения шло очень медленно. Только в 1829 г. было создано австрийское паровозное общество и в 1831 г. (а по другим данным — в 1830 г.) пошел первый паровоз от Вены к Пешту. В 1842 г. в Линце была построена первая в Австрии корабельная верфь. Она первой на континенте начала строить суда из железа. В 1837 г. они стали курсировать по линии Вена — Линц²¹.

Рост промышленности и торговли требовал дальнейшего упорядочения таможенной политики. С включением в общеавстрийский таможенный союз в 1825 г. Тироля и Форарльберга были отменены последние таможенные сборы между землями Австрии. Развитие промышленности тормозилось отсутствием капиталов. Положение стало меняться с появлением частных банков. В 1819 г. в Вене был основан банкирский дом С. Ротшильда. В 1825 г. в Граце владельцы сахарного завода создали банковский дом Арнштейна и Эскелеса²².

¹⁵ Beiträge zur Geschichte der Industrialisierung des Südostalpenraumes im 19. Jahrhundert. Graz. 1970, S. 34; Hoffmann A. Wirtschaftsgeschichte des Landes Oberösterreich, Bd. I. Linz. 1952, S. 336.

¹⁶ Bleiber H. Die Unruhen in Wien im August 1830. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Brl., 1974, Hf. 7, S. 722—729.

¹⁷ Beiträge., S. 20—21.

¹⁸ März E. Österreichische Industrie- und Bankpolitik in der Zeit Franz Josephs I. Wien. 1968, S. 17.

¹⁹ Beiträge., S. 47—50.

²⁰ Ibid., S. 51, 300—301.

²¹ Marx J. Die wirtschaftlichen Ursachen der Revolution von 1848 in Österreich. Graz. 1965, S. 9—11; Beiträge., S. 299.

²² Beiträge., S. 304—305, 22; März E. Op. cit., S. 17.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что промышленный переворот в Австрии начался, хотя и происходил весьма медленными темпами. Но к середине XIX в. образовался единый внутренний рынок и было завершено становление экономической общности Австрии.

* * *

С разрывом связей Норика и Реции с Западной Римской империей эти территории являлись местом проживания наряду с романизированными нориками и ретами многочисленных пришельцев: германских, тюркских, аварских, славянских. В этих условиях развернулся сложный и длительный процесс борьбы различных языковых диалектов. После того как Франкское королевство захватило эти территории, главной линией ее стало соперничество между немецкими и славянскими диалектами. Успехи немецкого языка длительное время были незначительны прежде всего потому, что немецкая колонизация осуществлялась очень медленно, славяне долгое время преобладали, господствующие слои и духовенство пользовались латинским языком²³.

В XI—XIII вв. число пришельцев из немецких районов возрастало; увеличивалось количество монастырей и церковных приходов, которые навязывали местным жителям немецкий язык. С приходом в конце XIII в. к власти династии Габсбургов из Немецкого королевства в Австрию для службы в государственном аппарате хлынул поток переселенцев из южнонемецких земель. Немецкий язык стал разговорным в Австрии уже в XII в., но еще в XIV в. преобладал славянский (словенский), а в XV в. некоторые ученые, считая немецкий «диким», продолжали писать на латинском. Немецкие и австрийские гуманисты еще в конце XV—начале XVI в. относились к немецкому языку отрицательно. Ректоры Венского университета требовали от студентов, чтобы они не имели дела с произведениями, написанными на нем, «так как из них они не приобретут никаких даже элементарных знаний». Австрийцы и баварцы в XIII—XVI вв. говорили на диалекте, который назывался «*Österreichisch Deutsch*» (австрийский немецкий) или «*Gemeine Deutsch*»; он развивался на основе языка Венской канцелярии, заменяя берхнесаксонский диалект²⁴.

Распространению немецкого языка в Австрии с начала XVI в. способствовали условия, сложившиеся в ходе религиозной борьбы: обе стороны распространяли листовки, брошюры и книги большей частью на немецком языке, создавали школы для подготовки проповедников на немецком языке. В результате немецкий язык стал вытеснять словенский даже в Каринтии, где последний долгое время был языком большинства населения и где до 1597 г. он признавался официальным (присяга Каринтии на верность эрцгерцогу принималась на словенском языке). Габсбурги насаждали немецкий язык административными мерами. Он был признан обязательным как официальный в Штирии, Каринтии и Крайне в 1555 году. В 1586 г. Фердинанд Тирольский требовал, чтобы в школах учили читать и писать по-немецки²⁵.

В период просвещенного абсолютизма (вторая половина XVIII в.) были осуществлены мероприятия, направленные на дальнейшее распро-

²³ Deutsche Geschichte. Bd. I, S. 149, 186, 188, 191; Hugelmann K. G. Op. cit., Bd. I, S. 270—273; Moskalskaja O. I. Deutsche Sprachgeschichte. M. 1977, S. 54; Жирмунский В. М. История немецкого языка. М. 1965, с. 40, 78.

²⁴ Görlich E. J., Romanik F. Geschichte Österreichs. Innsbruck. 1970, S. 126; Moskalskaja O. I., Op. cit., S. 197—198; Гейгер Л. История немецкого гуманизма. СПб. 1899, с. 170.

²⁵ Quellenbuch zur österreichischen Geschichte. II. (Vom Beginn der Neuzeit bis Maria Theresias Tod), Wien. 1959, S. 81—84.

странение немецкого языка в Габсбургской монархии. До этого ведущими языками в придворных кругах были итальянский и испанский, в научных кругах латинский. При Марии-Терезии главное место в придворных кругах занял французский язык. Но в науке и как язык связи между различными местными немецкими диалектами распространение получал литературный немецкий язык, проникавший из Пруссии, Саксонии и других немецких государств. При Иосифе II влияние немецкого языка усилилось. Декретом от 18 мая 1784 г. он обязал вести на нем все делопроизводство в присутственных местах по всей своей монархии. Чиновники центральных учреждений должны были в сжатые сроки овладеть этим языком. Школы срочно обеспечивались учителями немецкого языка. В высшее учебное заведение допускались только окончившие немецкую школу. Лекции в университетах стали читаться только на немецком. Это была уже борьба не только с другими языками, но и с многочисленными диалектами немецкого. Господствующий класс проводил политику онемечивания населения. К. Маркс отмечал, что главная цель Иосифа II «состояла в централизации и полной германизации австрийской монархии»²⁶.

Параллельно со становлением немецкого как языка австрийцев происходил процесс становления австрийской литературы на немецком языке. Ее истоки относятся к концу XII века. В XIII в. наибольшую популярность получила сатирическая повесть в стихах Штрикера «Поп Амис», высмеивавшая проделки жадного и корыстолюбивого священника. Героический эпос представлен в поэме «Песнь о Нибелунгах», неизвестный автор которой хорошо знал Австрию. Латинский текст был записан в X в., немецкий в конце XII века. В этом произведении речь идет уже об Австрии (Osterreich), австрийцах, немцах (Tiusche).

Первой австрийской хроникой на немецком языке в прозе была хроника, написанная в конце XIV в. жителем Вены Л. Штайнрайтером, придворным капелланом герцога Альберта III. Но вплоть до начала XVIII в. большая часть таких трудов еще писалась на латинском языке. Из трудов первой половины XVIII в. заслуживают упоминания работы М. Фурмана «Altes und Neues Österreich», а второй половины XVIII в. — пять томов «Abhandlungen an das Österreichische Staatsrecht», один том «Österreichische Geschichte» (до 1156 г.) Ф. Ф. Шреттера из Вены, советника государственной канцелярии. С начала XIX в. работы по истории писались уже только на немецком языке. Много таких трудов создали И. Хмель, работавший в Государственном архиве, И. Гормайр, возглавлявший этот архив.

Пока позиции немецкого языка в Австрии были еще слабыми, распространенным названием для ее народа было «австрийцы». Когда же этот язык стал господствующим, в австрийской литературе появился жанр, посвященный спору о том, являются ли жители Австрии немцами. Сторонники укрепления влияния Австрии в Германском союзе старались использовать концепцию принадлежности австрийцев к немецкой нации. Ее активно пропагандировал эрцгерцог Иоганн. Он говорил о союзе: «ein Körper, ein Sinn, ein Herz, ein Volk» («Одно тело, одно сознание, одно сердце, один народ») ²⁷.

Наряду с историками созданию национальной культуры способствовали ученые, писатели, композиторы, актеры. В их произведениях нашел отражение процесс пробуждения национального сознания буржуазии.

Австрийская музыкальная культура расцвела в XVIII веке. В 1715 г. впервые придворным капельмейстером стал не итальянский музыкант, а австриец И. И. Фукс, выходец из крестьянской семьи в

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 10, с. 106.

²⁷ Geschichte und Kulturleben Deutsch-Österreichs von 1792 bis nach dem Weltkrieg. Wien. 1937, S. 121.

Восточной Штирии, бывший капельмейстер собора Св. Стефана. Он написал восемь опер и около 200 других произведений. Опера достигла больших успехов в творчестве К. В. Глюка, В. А. Моцарта и И. Гайдна. На австрийской почве развилась музыка Л. ван Бетховена.

В австрийской классической литературе на первое место выдвинулся в рассматриваемый период Ф. Грильпарцер, создавший яркие поэтические драмы большой психологической глубины («Праматерь», «Сафо»), ряд пьес мифологического и исторического содержания («Золотое руно», «Король Оттокар», «Верный слуга своего господина», «Волны моря и любви», «Сон — жизнь»). И. Н. Нестрой написал ряд пьес, близких народным комедиям эпохи Возрождения: «Злой дух Лумпацивагабундус», «Талисман», «Трич-трач», «На земле и в первом этаже», «Счастье, злоупотребление и возвращение» и др. Э. Бауэрнфельду принесли славу комедии из жизни современного ему общества, такие, как «Легкомыслие от любви», «Буржуазное и романтическое» и др. В историю австрийской драматургии и театра прочно вошел драматург и актер Ф. Раймунд. Наибольшую известность получили его пьесы «Крестьянин-миллионер, или Девушка из страны фей», «Король Альп, или Человеконенавистник», «Расточитель». В поэзии значительную роль сыграл Н. Ленау (Н. Н. Штреленау), наиболее выдающийся австрийский поэт. Все его творчество проникнуто глубоким протестом против гнета религии и монархического произвола. Его социально-философские поэмы («Фауст», «Савонарола», «Альбигойцы») написаны в драматической форме²⁸.

Большой шаг вперед сделало австрийское театральное искусство. Во второй половине XVII в. оно еще находилось в Вене, Граце, Инсбруке главным образом в руках иезуитов, а в Зальцбурге и Кремсмюнстере в руках бенедиктинцев. Центром музыкальной культуры являлась Придворная опера, в ней господствовали произведения итальянских композиторов. Коренной поворот произошел в начале XVIII века. Уже в первом десятилетии на придворный театр стал оказывать влияние австрийский композитор Фукс. Расширился австрийский состав труппы театра. В 1711 г. завершилось строительство нового здания придворного оперного театра. С 1754 г. его капельмейстером был Глюк, который начал борьбу против отличавшей спектакли итальянцев ложной пышности, внешней зрелищности, за строгую простоту постановок. В 1778 г. театр стал называться Придворным национальным оперным театром. Для него Моцарт написал в 1782 г. «Похищение из Сераля». В 1778 г. возник театр «Национальный зингшпиль», где исполнялись пьесы типа комической оперы.

Одновременно в Вене шел процесс развития и других театров. В 1706 г. на площадях столицы начала выступать на немецком языке труппа, возглавляемая актером и драматургом И. А. Страницким, выходцем из Штирии. В 1712 г. он создал на базе своей труппы первый в Австрии стационарный драматический театр и получил право пользования помещением Кернтнертортеатра, где раньше, со дня его создания в 1709 г., выступали только итальянские труппы. С 1726 г. линию Страницкого продолжил его преемник Г. Прехаузер. Их постановки были насыщены бытовыми сценами, в которых ведущая роль принадлежала Гансвурсту («Гансу-колбасе») — комическому персонажу народных театров Немецкого королевства и Австрии. Но австрийский Гансвурст отличался от немецкого тем, что усвоил под влиянием итальянской комедии масок некоторые черты сходства с Арлекином. В драматургии

²⁸ Аникст А. Австрийская литература. В кн.: Хрестоматия по зарубежной литературе XIX века. Ч. I. М. 1955; его же. Теория драмы на Западе в первой половине XIX века. Эпоха романтизма. М. 1980, с. 102—126; Путинцева Т. Австрийская новелла XIX в. В кн.: Австрийская новелла XIX в. М. 1959.

Страницкого и Прехаузера, в их актерском искусстве ярко выражались национальные особенности австрийского народа. Последователем Страницкого и Прехаузера был И. Курц (сын).

В 1741 г. в Вене открылся драматический театр под названием «Королевский театр при дворе». Австрийская труппа выступила в этом театре впервые в 1751 г., и с этого времени началось постепенное вытеснение из него иностранных трупп. С 1776 г. он стал называться Придворным и национальным театром. Репертуар его формировался в напряженной борьбе между аристократическими и демократическими направлениями. В конце XVIII в. возникли новые театры в Вене: в 1781 г. — Леопольдштадттеатр, в 1787 г. — оперный Виденертеатр, в 1788 г. — Иозефштадттеатр и др. В них ставились оперы Гайдна и Моцарта, зингшпили, комедии с участием Гансворста.

На национальную дорогу вышли также австрийская архитектура, скульптура, живопись. До середины XVII в. эти виды искусства, как и музыка и театр, были тесно связаны с церковью и зависели от нее. Во второй половине XVII в. положение начинает меняться. В архитектуре церковное строительство вытесняется гражданским. Но мастерами этого искусства еще остаются итальянцы. Они в эти годы перестроили часть дворца императора в Вене, создали дворцы Штаремберга, Дитрихштайна, Лихтенштайна. Но в то же время появились и австрийские архитекторы, которые строили главным образом в центрах провинций — Инсбруке, Граце и др. В конце XVII и XVIII в. Вена обрастала широким поясом новых дворцов. Первым видным архитектором того времени считается И. Б. Фишер фон Эрлах. Он создал в Вене здания придворной библиотеки, дворец принца Евгения Савойского и многие другие. По его проекту там же начали строить Шёнбрунский дворец. Церковь Карла была также начата им и закончена в 1737 г. его сыном И. Э. Эрлахом. Результаты деятельности старшего Эрлаха сохранились в Зальцбурге, Граце и других городах. И. Л. Хильдебрандт построил в Вене Бельведерский дворец, дворцы Придворной канцелярии, Даун-Кинского. Тиролец Я. Прандтауэр, обосновавшийся в С.-Пёльтене, создал церковные здания в Мельке и Герцогенбурге.

В тесной связи с архитектурой развивались скульптура и фресковая живопись. Австрия становилась ее европейским центром: росписи Д. Грана во дворце Шварценберга и в национальной библиотеке в Вене; Ф. А. Маульберча в придворной капелле и покоях Марии-Терезии в Инсбруке, в церкви пиаристов в Вене, в храмах Штирии. Из портретистов выделялись И. Грасси и И. Б. Лампи-старший, работавший также в Италии и России²⁹.

Таким образом, развитие австрийской государственности, экономики и культуры привело к тому, что к концу XVIII в. в основном завершилось развитие австрийцев как народности. В начале XIX в. в ходе антифранцузских войн в Австрии активизировалось немецко-националистическое движение, а с образованием в 1815 г. Германского союза и вступлением в его состав Австрии снова ожила теория, согласно которой австрийцы являются немцами. Но первый этап промышленного переворота в Австрии в 30—40-х годах XIX в. предсказывал, что процесс становления австрийской нации необратим. Однако понадобилось еще полстолетия, чтобы произошел окончательный поворот от народности к нации, и еще полстолетия, чтобы австрийский народ осознал себя как самостоятельная нация.

²⁹ Лобко Л. И. Австрийский театр. В кн.: История западноевропейского театра. Т. 4. М. 1964; Черная Е. Австрийский музыкальный театр до Моцарта. М. 1965, с. 106—150; ее же. Моцарт и австрийский музыкальный театр. М. 1963; Капп R. A. A Study in Austrian Intellectual History. From Late Baroque to Romanticism. N. Y. 1960; Sashegyi O. Zensur und Geistesfreiheit unter Josef II. Beitrag zur Kulturgeschichte der Habsburgischen Länder. Budapest. 1958.

ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ПИСЕМ 1840-х ГОДОВ О К. МАРКСЕ

В 1983 г. исполняется 165 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти основоположника научного коммунизма, великого ученого и революционера, вождя и учителя пролетариата Карла Маркса. Ниже публикуются отрывки из писем его современников, относящихся к 1840-м годам, содержащих высказывания о Марксе и излагающих некоторые факты его жизни. Часть этих писем была опубликована на языке оригинала в Полном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса: *Karl Marx/Friedrich Engels. Gesamtausgabe* (сокр. МЭГА). Это более чем 100-томное издание, 17 томов которого уже вышли в свет, осуществляется совместно Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ и включает теоретические и публицистические работы Маркса и Энгельса, их переписку, конспекты, записи, другие материалы¹. В томах переписки (пока издано три) воспроизводится эпистолярное наследие Маркса и Энгельса, а также письма в их адрес и некоторые письма (либо отрывки из писем) их современников друг другу, в которых идет речь об основоположниках марксизма². В данную публикацию вошли также выдержки из писем современников о Марксе, напечатанных в первом выпуске «*Marx — Engels-Jahrbuch*» — периодического издания ИМЛ при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК СЕПГ³ и в иных изданиях⁴. Все они (за исключением док. №№ 1 и 24) воспроизводятся на русском языке впервые.

1840-е годы — тот период жизни Маркса, когда формировалось его научное мировоззрение и появились его первые теоретические работы. То было время разработки им основ диалектического и исторического материализма, научного коммунизма, начала его участия в революционно-демократическом и рабочем движении, активной политической и публицистической деятельности в революции 1848—1849 годов. В СССР опубликовано немало документов о деятельности Маркса тех лет: его работы, письма, другие материалы. Представляют интерес и письма современников о Марксе. Они написаны по следам событий и, как правило, достоверно излагают многие факты его жизни. Некоторые из публикуемых писем принадлежат перу близких, друзей и соратников Маркса: его жены Женни, поэтов Г. Веерта и Ф. Фрейлиграта, публицистов В. Вольфа (которому Маркс впоследствии посвятил т. I «Капитала»), Э. Дронке, И. Вейдемейера и др. Среди авторов писем — выдающийся философ-материалист Л. Фейербах, а также другие лица, с которыми Маркс определенное время сотрудничал. Некоторые авторы не принадлежали к кругу знакомых Маркса, но интересовались его идеями и деятельностью.

В публикуемых отрывках из писем содержатся сведения о научной и публици-

¹ См. подробнее: Длубек Р., Левиова С. З. Сокровищница идей научного коммунизма. — Вопросы истории, 1976, № 5; Малыш А. И. Читая тома МЭГА. — Коммунист, 1982, № 7.

² Karl Marx/Friedrich Engels. Gesamtausgabe. III. Abt. Bd. 1. Briefwechsel bis April 1846. Brl. 1975; Bd. 2. Briefwechsel. Mai 1846 bis Dezember 1848. Brl. 1979; Bd. 3. Briefwechsel. Januar 1849 bis Dezember 1850. Brl. 1981.

³ Aus Briefen verschiedener Personen über Leben und Wirken von Marx und Engels in den Jahren 1841 bis 1846. In: Marx—Engels-Jahrbuch 1. Brl. 1978, S. 335—434.

⁴ Buchner W. Ferdinand Freiligrath. Ein Dichterleben in Briefen. Lahr. 1882, Bd. 2; Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien. Bd. 1. 1836—1849. Brl. 1970; Freiligraths Briefwechsel mit Marx und Engels. Tl. I—II. Brl. 1968; Hess M. Briefwechsel's-Gravenhage 1959; Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830—1850. Bd. 1. Essen. 1919; Arnold Ruges Briefwechsel und Tagebuchsblätter aus den Jahren 1825—1880. Bd. 1. Brl. 1886; Weerth G. Sämtliche Werke. Bd. 5. Brl. 1957; Zeitgenossen von Marx und Engels. Ausgewählte Briefe aus den Jahren 1844 bis 1852. Assen—Amsterdam. 1975.

стической деятельности Маркса после завершения им учебы в Берлинском университете, некоторых его творческих планах, редактировании им с середины октября 1842 г. газеты «*Rheinische Zeitung*», которая под руководством Маркса превратилась в ведущий революционно-демократический печатный орган Германии. Из-за цензурных рогадок Маркс в марте 1843 г. был вынужден уйти из редакции, после чего газета утратила боевитость в борьбе с прусским абсолютизмом (док. №№ 8, 9). В конце февраля 1844 г. в Париже увидел свет журнал «*Deutsch-Französische Jahrbücher*». Маркс был одним из его редакторов. На страницах журнала были напечатаны работы, ознаменовавшие его переход к материалистическим и коммунистическим идеям⁵. В публикуемых письмах встречаются данные о предыстории журнала, стремлении Маркса привлечь к его изданию Фейербаха, упоминается о расхождениях между Марксом и другим редактором журнала, мелкобуржуазным демократом А. Руге, возникших весной — летом 1844 года (док. №№ 5, 7, 11, 13, 14, 17). Они носили не личный, а идейный характер. К тому времени Маркс уже осознал в полной мере историческую роль революционной борьбы пролетариата, Руге же отрицательно относился к борьбе рабочего класса. Эти разногласия стали одной из причин прекращения выхода «*Deutsch-Französische Jahrbücher*». В док. № 18 говорится о присутствии Маркса и Энгельса на одном из заседаний редакции немецкой революционной газеты «*Vorwärts!*», издававшейся в 1844 г. в Париже. Подтверждается факт активного участия Маркса в ее редактировании. В августе 1844 г. Энгельс на пути из Манчестера в свой родной город Бармен заехал в Париж, где встретился с Марксом. С этого времени начались их плодотворное сотрудничество и беспримерная дружба. Как известно, Энгельс впоследствии оказывал Марксу большую помощь, включая материальную. Благодаря ей Маркс смог, меньше отвлекаясь, работать над «*Капиталом*» и подготовить к печати первый том этого гениального произведения⁶. В публикуемых письмах упоминается и о помощи Маркса осенью 1848 г. Энгельсу, когда тот после революционных событий в Кёльне вынужден был бежать из Германии и оказался без средств к существованию (док. № 31).

Первым крупным печатным результатом сотрудничества этих двух выдающихся людей стала книга «*Святое семейство*». Она содержала ряд исходных положений материалистического понимания истории и научного коммунизма. В док. № 21 говорится о попытке популяризировать эту книгу в Германии и об интересе, который она вызвала у современников⁷. В начале 1845 г. французское правительство под давлением прусских властей выслало Маркса из Франции за причастность к изданию «*Vorwärts!*»⁸. В письмах Фейербаха и Фрейлиграта осуждаются эти действия Пруссии и Франции (док. №№ 19, 20). В дальнейшем Маркс неоднократно подвергался преследованиям реакционных властей. Так, в марте 1848 г. он был арестован и выслан из Бельгии; в мае 1849 г. его вынудили покинуть Пруссию; летом 1849 г. выслали из Парижа (док. № 39).

В некоторых письмах затрагивается вопрос о подготовке к печати рукописей «*Немецкой идеологии*» и попытке их опубликовать (док. №№ 22, 23). В этой работе Маркс и Энгельс впервые изложили основы исторического материализма и научного коммунизма⁹. Вначале эту рукопись предполагалось напечатать в Германии в двух томах ежеквартального журнала под редакцией Маркса. Однако из-за позиции ряда издателей, разделявших взгляды критикуемых Марксом и Энгельсом младегегельянцев и «истинных социалистов», ежеквартальник не удалось выпустить в свет¹⁰, и новые воззрения были изложены позднее, в других работах Маркса и Энгельса, включая труд Маркса «*Нищета философии*». О появлении этой книги говорится в док. № 25.

⁵ См. Ленин В. И. ПСС, Т. 2, с. 12.

⁶ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 31, с. 275; Ленин В. И. ПСС, Т. 26, с. 49.

⁷ См. об этом также Mönke W. Die heilige Familie. Zur ersten Gemeinschaftsarbeit von Karl Marx und Friedrich Engels. Berl. 1972, S. 133—140.

⁸ Grandjón J. Marx et le communisme allemands à Paris: Vorwärts, 1844. P. 1974, pp. 85—98.

⁹ Карл Маркс. Биография. М. 1973, с. 98—107.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 412; см. также Головина Г. Д. К истории создания и первоначальных планов публикации рукописей «*Немецкой идеологии*» К. Маркса и Ф. Энгельса. В кн.: Страницы истории марксизма и международного рабочего движения в XIX веке. Ч. 1. М. 1979, с. 3—27.

Маркс и Энгельс считали важнейшей задачей приобщать к теории научного социализма рабочих, разоблачать распространенные в их среде утопические представления и сектантские взгляды¹¹. Вступив в начале 1847 г. в революционную организацию Союз справедливых, переименованную затем в Союз коммунистов, Маркс и Энгельс преобразовали ее в первую международную пролетарскую организацию и разработали научную программу рабочего движения — «Манифест Коммунистической партии», ставший настольной книгой всякого сознательного рабочего¹². Союз коммунистов действовал нелегально. Поэтому в переписке современников встречается немного данных о том, что делал в его рядах Маркс. В док. № 27 говорится о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне, когда они участвовали в работе II конгресса Союза коммунистов, который и поручил Марксу и Энгельсу подготовить «Манифест Коммунистической партии». Письмо Жени Маркс от 31 января 1848 г. (док. № 28) написано в день, когда Маркс, завершив работу над «Манифестом», посылал его в Лондон.

В подборке представлены также письма о деятельности Маркса в революции 1848—1849 годов¹³. С июня 1848 по май 1849 г. он вместе с Энгельсом и другими соратниками издавал в Кёльне ежедневную газету «Neue Rheinische Zeitung». Она вела решительную борьбу за углубление революционных завоеваний, осуждала преследования демократов в германских государствах, выражала солидарность с выступлениями рабочих разных стран. Эта газета стала «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата»¹⁴. В подборке имеются данные о предыстории газеты, судебных преследованиях ее редакторов, распространении напечатанного красной краской последнего ее номера (док. №№ 29, 30, 32—35, 37).

В ряде писем содержатся сведения о жизни Маркса в Париже летом 1849 г. и первых месяцах его пребывания в Лондоне, где ему довелось прожить затем многие годы; есть данные о повседневной жизни Маркса, о том, каким видели его современники. Письма дают представление о Марксе как ученом и политическом деятеле, человеке огромного ума и эрудиции, обладавшем величайшей научной добросовестностью и принципиальностью, готовом отдать жизнь за передовые идеи, никогда не терявшем веру в свое дело. Из писем видно, что Маркс уже в 40-е годы XIX в. завоевал широкую известность и авторитет в революционных кругах.

Публикация подготовлена к печати и снабжена примечаниями научными сотрудниками ИМЛ при ЦК КПСС Я. Г. Рокитянским и А. Ю. Рыбиковой.

№ 1

М. ГЕСС¹—Б. АУЭРБАХУ² В МАЙНЦ

Кёльн, 2 сентября 1841 г.

[...] Тебе будет интересно, познакомиться здесь с человеком, который, хотя и живет в Бонне, где вскоре будет защищать докторскую диссертацию³, в настоящее время входит в число наших друзей...

Этот человек произвел на меня большое впечатление, хотя я и действую на том же поприще, что и он. Короче говоря, будь готов к тому, что ты познакомишься

¹¹ В письме своему брату Вильгельму Г. Веерт писал 18 ноября 1846 г.: «Маркса считают в известной степени вождем коммунистической партии. Но многие из так называемых коммунистов и социалистов очень удивились бы, если бы получили более точное представление о деятельности этого человека. Ведь Маркс день и ночь трудится над тем, чтобы раскрыть ремесленникам в Америке, Франции, Германии и т. д. глаза на их проклятые условия, наталкивая их на изучение современного положения. У рабочих Лондона ему это уже удалось благодаря личным выступлениям, и если это дело и в дальнейшем будет развиваться успешно, то скоро и немцы пошлют ко всем чертям своих нынешних агитаторов и «коммунистических героев» (Веерт Г. Избранные произведения. Т. II. М. 1957, с. 447; см. также Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 14, с. 451; т. 21, с. 221; т. 34, с. 235).

¹² См. Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 43.

¹³ Подробнее о деятельности Маркса тех лет см.: Левиова С. З. Маркс в германской революции 1848—1849 годов. М. 1970.

¹⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 83.

с величайшим, быть может, с единственным из ныне живущих, настоящим философом. В ближайшее время он выступит посредством ли своих работ, или с кафедры и привлечет к себе внимание всей Германии. Как по направленности, так и по уровню своего философского развития он превосходит не только Штрауса⁴, но и Фейербаха⁵, а последнее значит многое! Если бы я находился в Бонне, а он читал бы курс логики, я был бы его самым прилежным слушателем. Мне всегда хотелось, чтобы именно такой человек был моим учителем философии. Лишь теперь я почувствовал, какой я дилетант в этой области. Однако терпение! Я и теперь еще чему-нибудь научусь⁶.

Доктор Маркс, так зовут моего кумира, еще совсем молодой человек (едва ли ему больше 24 лет). Он нанесет последний удар средневековой религии и политике. В нем сочетаются глубочайшая философская серьезность с язвительнейшим остроумием; представь себе соединенными в одном лице Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля⁷; я говорю с соединенными, а не механически смешанными — и перед тобой будет доктор Маркс [...]

Hess M. Briefwechsel,
S. 79—80.

На русском языке частично
опубликовано в кн.: Карл
Маркс. Биография, с. 15.

№ 2

А. РУГЕ⁸ — Л. ФЕЙЕРБАХУ В БРУКБЕРГ

Дрезден, 25 декабря 1841 г.

[...] Б. Б[ауэр]⁹ готовит работу, содержащую уничтожающую критику позитивизма во всех его разветвлениях, вместе с одним молодым человеком по имени Маркс. Последний, по его словам, обладает огромным талантом и эрудицией. Они продолжают совместно писать «Трубный глас»¹⁰, однако все это является пока авторской тайной, приоткрыть которую они должны сами [...]

Aus Briefen... In:
Marx—Engels-Jahrbuch 1,
S. 349.

На русском языке публикуется
впервые

№ 3

Р. ПРУТЦ¹¹ — Д. ОППЕНГЕЙМУ¹² В КЕЛЬН

Йена, 8 декабря 1842 г.

[...] Как Ваши дела? Как Вы живете? И ответьте мне, насколько правдивы и насколько утрированы сведения о репрессиях, которые правительство намерено обрушить на «Rheinische Zeitung»¹³. Правда ли, что Вы должны пожертвовать Рутенбергом¹⁴, и правда ли, что Маркс уже занял его место? Если это так, то я поздравляю Вас от всего сердца. Во время нашей мимолетной встречи М[аркс] произвел на меня впечатление необыкновенно талантливого человека. Передайте мой сердечный привет ему, а также господам Юнгу¹⁵, Гессу и другим [...]

Aus Briefen... In:
Marx—Engels-Jahrbuch 1,
S. 359.

На русском языке публикуется
впервые

№ 4

Г. ГЕРВЕГ¹⁶ — Э. ЗИГМУНД¹⁷ В БЕРЛИН

Цюрих, 30 или 31 января 1843 г.

[...] Теперь эти негодяи уничтожили и «Rheinische Zeitung». Даже цензор*(!) был так недоволен, что сразу же ушел в отставку. Редактор газеты Маркс пожертвовал всем ради нее. Судя по его полученному сегодня письму¹⁸, он

* Юлиус Витхаус.

хочет в конце этой истории хлопнуть дверью и находится сейчас, по-видимому, в сложном положении. Он пишет мне, что не может больше оставаться в Германии, так как его деятельность в Пруссии стала невозможной. Из-за раздоров в семье он остался без средств к существованию¹⁹. К тому же он обручен с одной девушкой, которая уже много, бесконечно много выстрадала из-за него и с которой он не собирается расставаться²⁰. Маркс хотел бы войти в состав редакции одной швейцарской газеты и переехать в Швейцарию²¹. А что я могу ему написать? Швейцария, по крайней мере Цюрих, также не особенно подходит для этого, и я опасаясь, что вскоре в угоду германским правительствам будет начата травля иностранцев, которым не удалось получить гражданство [...]

MEGA. III/1, S. 538.

На русском языке публикуется впервые

№ 5

А. РУГЕ — М. ФЛЕЙШЕРУ²² В КЛЕВЕ

Дрезден, 17 февраля 1843 г.

[...] Мы собираемся печатать «Jahrbücher»²³ за границей в обновленном и улучшенном виде. Для этой цели я объединился с Марксом, который покидает Кёльн. Маркс гораздо больше подходит для ежегодника, чем для газеты; и я думаю, что мы будем издавать продолжение «Jahrbücher» в форме еженедельных или ежемесячных выпусков. Затем мы собираемся писать без цензуры и хотим показать господам пиетистам, что и в условиях свободной печати будем придерживаться гораздо более строгих правил приличия, писать изысканней, чем это делалось до сих пор в подцензурной, поверхностной прессе (и при этом, однако, мы будем освещать очень серьезные проблемы). Я надеюсь, что мы сможем добиться большого успеха, стать очень практичными и приобрести популярность [...]

Arnold Ruges Briefwechsel.
Bd. 1, S. 297—298.

На русском языке публикуется впервые

№ 6

В. СЕН-ПОЛЬ²⁴ — БИТТЕРУ²⁵ В БЕРЛИН

Кёльн, 2 марта 1843 г.

Прилагаемая «Mannheimer Abendzeitung» содержит сведения об активных сотрудниках «Rheinische Zeitung»²⁶. Доктор Маркс является, несомненно, идейным центром, живительным источником всех теоретических выступлений газеты; я его изучил и пришел к выводу, что он отдаст жизнь за свои взгляды, которые стали его убеждением; он решил уехать из Пруссии и при нынешних обстоятельствах разорвать все связи с «Rheinische Zeitung»; в настоящее время он пока что отправился в Трир, чтобы жениться на своей невесте. Это, как я слышал, фрейлейн фон Вестфален, дочь тамошнего тайного правительственного советника *... Так как Маркс покидает свой пост²⁷, само собой разумеется, возникает необходимость избрать нового редактора [...]

Rheinische Briefe, S. 472—473.

На русском языке публикуется впервые

№ 7

А. РУГЕ — Г. ГЕРВЕГУ В БАДЕН (ШВЕЙЦАРИЯ)

Дрезден, 8 марта 1843 г.

[...] Вы знаете, что Маркс освобождается от «Rheinische Zeitung», по крайней мере так он сам пишет в письме от 3 марта²⁸. Если все произойдет именно так, а об

* Иоганна Людвиг фон Вестфалена.

этом мы скоро узнаем, то Вы могли бы привлечь его к сотрудничеству в редакции «Vote». Я еще не отказался от идеи издавать вместе с Марксом продолжение «Jahrbücher» [...]

Arnold Ruges Briefwechsel,
S. 303.

На русском языке публикуется
впервые

№ 8

В. СЕН-ПОЛЬ — БИТТЕРУ В БЕРЛИН

Кёльн, 18 марта 1843 г.

[...] Сегодня ветер подул совершенно в другую сторону. Доктор Маркс — spiritus rector* всего этого предприятия — вчера окончательно вышел из состава редакции газеты**, и Оппенгейм, по сути дела умеренный, ничем не примечательный человек, взял на себя руководство редакцией. Я думаю, что он будет руководить лишь с одним желанием: во что бы то ни стало сохранить газету. Он все еще надеется, что она не будет закрыта. При таком повороте событий я чувствую себя очень хорошо и сегодня затратил на цензуру газеты всего лишь четверть времени, уходящего на это ранее [...]

Aus Briefen... In:
Marx—Engels-Jahrbuch 1,
S. 367.

На русском языке публикуется
впервые

№ 9

БИТТЕР — А. Г. АРНИМ-БОЙТЦЕНБУРГУ²⁹ В БЕРЛИН

Берлин, 20 марта 1843 г.

[...] После своего заявления во вчерашнем номере «Rheinische Zeitung» доктор Маркс выходит из состава редакции «в силу существующих цензурных условий». Согласно прилагаемой записке Сен-Поля, этот шаг сразу же намного облегчил его работу как цензора газеты. Если в Кёльне возникнет новая газета, она, вероятно, совсем откажется от радикальной тенденции. Доктор Маркс, чьи ультрадемократические воззрения находятся в полном противоречии с принципами прусского государства, намеревается, очевидно, эмигрировать. Для нас это не было бы потерей.

Aus Briefen... In:
Marx—Engels-Jahrbuch 1,
S. 368.

На русском языке публикуется
впервые

№ 10

В. СЕН-ПОЛЬ — БИТТЕРУ В БЕРЛИН

Кёльн, 21 марта 1843 г.

[...] После того как доктор Маркс (он сообщил мне между прочим вчера, что именно он — автор ответа «С Мозеля» на требование обер-президента фон Шапера)³⁰ ушел со своего поста, здесь в Кёльне нет больше, по сути дела, человека, который был бы способен сохранить прежнюю одиозную суть газеты и энергично представ-

* Идейный руководитель.

** «Rheinische Zeitung».

лять ее направление. Конечно, Гейнцен, Юнг, адвокат Майер, Мевиссен³¹ умеют исключительно резко писать, но в их мнении нет научного ядра, они лишь приобщились в известной степени к практическим выводам из доктрин Руге, Бауэра, Маркса, они являются лишь инстинктивными радикалами [...]

Rheinische Briefe,
S. 489—490.

На русском языке публикуется
впервые

№ 11

А. РУГЕ — Ю. ФРЕБЕЛЮ³² В БЕРЛИН

Дрезден, 28 мая 1843 г.

[...] Если мы отправимся через Кёльн и Брюссель, а это было бы самой приятной поездкой, мы могли бы посетить Маркса в Крейцнахе. Он и его жена (они венчаются 30 числа) этого очень хотят... Маркс уехал отсюда 24 числа. Мы ожидали Вас с большим нетерпением, так как намеревались поехать вместе к Фейербаху. Однако сейчас из-за предстоящей свадьбы на это нет времени. Впрочем, Маркс уже одобрил нашу договоренность, однако он может жить лишь в Страсбурге. Жизнь в Париже для него не по карману. Маркс также опасается, что там он будет слишком оторван от Германии³³ [...]

Aus Briefen... In:
Marx—Engels-Jahrbuch I,
S. 374.

На русском языке публикуется
впервые

№ 12

А. РУГЕ — Л. ФЕЙЕРБАХУ В БРУКБЕРГ

Париж, 19 августа 1843 г.

[...] Я застал Маркса в Крейцнахе и передал ему привет от Вас. Он женат уже несколько недель. Его жена очень хорошо разбирается в философии. У молодых женщин этот интерес встречается часто. Маркс и его жена с большой заинтересованностью расспрашивали о Вас, и Вы доставите им большую радость, если посетите их. До конца сентября Маркс останется в Крейцнахе. Затем он отправится в Страсбург [...]

Aus Briefen... In:
Marx—Engels-Jahrbuch I,
S. 377.

На русском языке публикуется
впервые

№ 13

А. РУГЕ — Л. ФЕЙЕРБАХУ В БРУКБЕРГ

Дрезден, 25 октября 1843 г.

[...] Маркс еще из Крейцнаха написал Вам и просил прислать статью для первого выпуска «Jahrbücher»³⁴. Я присоединяюсь к этой просьбе. Выполните ее, пожалуйста, и предоставьте нам возможность увидеть Ваше имя в этом выпуске [...]

Aus Briefen... In:
Marx—Engels-Jahrbuch I,
S. 381.

На русском языке публикуется
впервые

№ 14

А. РУГЕ — Л. ФЕЙЕРБАХУ В БРУКБЕРГ

Париж, 5 февраля 1844 г.

[...] Маркс просит передать Вам привет; его самое страстное желание состоит в том, чтобы Вы приняли участие в издании журнала. Я обнадежил его тем, что чтение «Jahrbücher» * окажет на Вас соответствующее влияние [...]

Aus Briefen... In:
Marx—Engels-Jahrbuch I,
S. 384.

На русском языке публикуется
впервые

№ 15

А. РУГЕ — Л. ФЕЙЕРБАХУ В БРУКБЕРГ

Париж, 15 мая 1844 г.

[...] Главный недостаток всего предприятия ** — нехватка денежных средств и удаленность Парижа от Германии. Маркс, мой соредaktor, все время пытался преодолеть свои трудности и тщетно ожидал, что наш журнал облегчит его финансовое положение... Он читает очень много, работает с невероятной интенсивностью, у него есть талант критика, который подчас в запале превращается в выходящую за все мыслимые рамки диалектику. Этот человек может все забросить, а затем снова устремиться в бесконечное книжное море. По своему научному складу он полностью принадлежит к немецкому миру, а из-за своих революционных убеждений исключен из него. Я уже давно наблюдаю за ним с живым интересом... У Гервега нет никаких определенных планов... У Маркса же такие планы есть. Он хочет написать историю Конвента, накопил для этого материал и пришел к интересным выводам ³⁵. «Критику гегелевской философии права» ³⁶ он снова отложил в сторону и хочет использовать свое пребывание в Париже для работы над историей Конвента. Это совершенно правильное решение [...]

Arnold Ruges Briefwechsel,
S. 343, 345.

На русском языке публикуется
впервые

№ 16

А. РУГЕ — МАТЕРИ

Париж, 19 мая 1844 г.

[...] Однажды вечером у Маркса речь зашла об этих историях ³⁷. Я как раз вновь занимался налаживанием выпуска «Jahrbücher» и выразил свое недовольство образом жизни и ленью Гервега. Погорячившись, я два раза назвал его подонком и заявил, что если женишься, нужно знать, что делаешь... Маркс молчал и спокойно попрощался со мной. На следующий день утром он написал мне, что Гервег гений и у него большое будущее. Его возмутило, что я назвал Гервега подонком, а мои взгляды на брак, по его мнению, бесчеловечные и филистерские. С тех пор мы с ним не виделись ³⁸ [...]

Arnold Ruges Briefwechsel,
S. 350.

На русском языке публикуется
впервые

* «Deutsch-Französische Jahrbücher».

** Имеется в виду издание «Deutsch-Französische Jahrbücher».

№ 17

А. РУГЕ — М. ФЛЕЙШЕРУ В КЛЕВЕ

Париж, 20—26 мая 1844 г.

[...] После ряда безуспешных попыток найти нового издателя мы окончательно отказались от всего предприятия *. Маркс форменным образом отделился от меня, хотя это уже не было необходимо... Он относится ко мне чрезвычайно враждебно. А почему — и сам, кажется, не знает. Я же со своей стороны спокойно ожидаю окончания этой враждебности. Поэтому я ничего Вам не могу написать о нем, кроме того, что он намеревался в последнее время написать историю Конвента и что его жена вскоре отправится с маленькой дочуркой в Трир [...]

Arnold Ruges Briefwechsel,
S. 352, 354.

На русском языке публикуется
впервые

№ 18

К. Л. БЕРНАЙС³⁹ — К. ДРЕЗЕЛЮ⁴⁰ В ГЕЙЗЕНГЕЙМ*Париж, 6 сентября 1844 г.*

[...] Что касается стихотворения моего друга Гофмана⁴¹, то оно не будет опубликовано... Редакционная коллегия⁴², в которую входят доктор Маркс, Энгельс из Манчестера, я и еще три человека, имена которых я не могу назвать, единогласно решила не печатать стихотворение [...]

Zeitgenossen, S. 6—8.

На русском языке публикуется
впервые

№ 19

Л. ФЕЙЕРБАХ — О. ВИГАНДУ⁴³ В ЛЕЙПЦИГ*Брукберг, 7 февраля 1845 г.*

[...] Остальное содержание Вашего письма не так легко было спокойно переварить... Учитывая мелочную склонность прусского королевского правительства к преследованиям и унижительную услужливость французского королевского правительства перед иностранными государствами, ничего другого нельзя было и ожидать⁴⁴. Если Руге и Бернайс не предвидели этого заранее, то, значит, у них просто отсутствовал практический взгляд на пространство и время. Тем не менее Руге, Бернайс и еще в большей степени бедный Маркс заслуживают глубочайшего сочувствия, а Пруссия и Франция — глубочайшего презрения. Куда они теперь отправятся? Как только вы узнаете об этом что-нибудь, напишите мне [...]

Zeitgenossen, S. 11.

На русском языке публикуется
впервые

№ 20

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ⁴⁵ — К. БУХНЕРУ⁴⁶*Брюссель, 10 февраля 1845 г.*

[...] Уже неделю здесь находится Маркс — интересный, славный и скромно ведущий себя человек⁴⁷. Через некоторое время он, вероятно, будет издавать здесь журнал, а затем привлечет сюда и другие силы⁴⁸. Высылка его и Руге из Франции

* Имеется в виду издание «Deutsch-Französische Jahrbücher».

по требованию Пруссии является, конечно, настоящим позором, причем позором для двух стран! Даже последняя поездка Гумбольдта в Париж была предпринята, кажется, в связи с этим делом!!⁴⁹ [...]

Buchner W. Ferdinand
Freiligrath, Bd. 2, S. 141—142.

На русском языке публикуется
впервые

№ 21

З. ЛЕВЕНТАЛЬ⁵⁰ — Г. ЭБНЕРУ⁵¹ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Франкфурт-на-Майне, 24 февраля 1845 г.

[...] Я пересылаю Вам вместе с этим письмом, уважаемый друг, книгу Энгельса и Маркса против Бруно Бауэра⁵², только что напечатанную. Книга вызовет тем больший интерес в данный момент, что Маркс, как известно, вынужден был совсем недавно покинуть Париж. (Сейчас он живет в Брюсселе)... Энгельс и Маркс составляют фракцию коммунизма и являются поэтому в известной степени сторонниками крайних взглядов; их выступления против пустоты Бауэра, его самодовольства и безвкусной фразеологии убедительны и уничтожающи. Книга привлечет внимание во всех отношениях, особенно своим совершенно новым критическим анализом «Парижских тайн» Сю⁵³. Она содержит также интересные замечания о французской революции, о французском материализме и социализме, а также о еврейском вопросе. Анализ содержания этой книги даст Вам богатый и благодатный материал тем более, что с недавнего времени один из двух авторов (Маркс) стал упоминаться в газетных материалах. Вы весьма обяжете меня, если поподробней осветите в «Allgemeine Zeitung» содержание этой книги [...] ⁵⁴.

Mönke W. Die heilige Familie,
S. 171—172.

На русском языке публикуется
впервые

№ 22

И. ВЕЙДЕМЕЙЕР⁵⁵ — Л. ЛЮНИНГ⁵⁶ В ШИЛЬДЕШЕ У БИЛЕФЕЛЬДА

Брюссель, 21 февраля 1846 г.

[...] Позавчера жена Маркса получила письмо из Трира. В нем говорилось, что ее мать* очень больна и хочет увидаться с ней. Через час она была уже в поезде. Маркс проводит жену до Люксембурга и сможет вернуться лишь завтра, поэтому я должен остаться здесь, вероятно, до четверга... Только что вновь нагрянул Маркс, он ехал лишь до Арлона. Теперь, кажется, появилась надежда вскоре завершить мое пребывание в Брюсселе. Во всяком случае окончится состояние скуки, в котором я пребывал во время отсутствия Маркса. Я должен написать несколько строк Юлиусу⁵⁷ и использую данную возможность, чтобы переслать их с твоей помощью. Маркс сказал мне, что я обязательно должен остаться здесь еще на полторы недели⁵⁸. Я должен подчиниться этой суровой необходимости, так как мы в любом случае должны дожидаться ответа от Юлиуса [...]

Zeitgenossen, S. 76—77.

На русском языке публикуется
впервые

№ 23

В. МЮЛЛЕР⁵⁹ — Ю. МЕЙЕРУ⁶⁰ В БИЛЕФЕЛЬД

Дюссельдорф, 28 марта 1846 г.

[...] Почему брюссельцы проявляют так мало признаков жизни?... Несколько дней тому назад у меня был один путешественник, который посетил их. К моему большому удивлению я услышал, что Маркс отправляется в Льеж, Энгельс — в Мааст-

* Амалия Юлиана Каролина фон Вестфален (1780—1856 гг.).

рихт, а Гесс — в Вербье. Неясно, для чего это нужно?⁶¹... Далее этот человек сообщил мне, что брюссельцы подготовили для публикации два тома, они содержат полемические работы против Грюна, Бауэра, Штирнера и Фейербаха⁶². И даже против Фейербаха! Как это могло произойти? Мне бы хотелось, чтобы вместо этого наконец-то появилась давно обещанная работа Маркса «Политическая экономия»⁶³ [...]

Zeitgenossen, S. 78—79.

На русском языке публикуется впервые

№ 24

Г. ВЕЕРТ⁶⁴ — В. ВЕЕРТ⁶⁵ В ДЕТМОЛЬД

Брюссель, 26 декабря 1846 г.

[...] Я часто вижу Маркса и его жену. Это совершенно особая пара, о ней невозможно рассказать в нескольких словах. Такую голову, как у Маркса, увидишь редко, настоящий Юпитер с мраморным лбом и густыми черными волосами⁶⁶; его жена — немецкая дворянка, друзьями которой в Париже были поэт Гейне и историк Луи Блан⁶⁷. Трое ее детей * родились в Париже, Трире и в Брюсселе; таким образом в одной семье три нации [...]

Weerth G. Sämtliche Werke.
Bd. 5, S. 244.

На русском языке частично опубликовано в кн.: Кочеткова М. А. Георг Веерт — друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1974, с. 67.

№ 25

И. ВЕЙДЕМЕЙЕР — К. Л. БЕРНАЙСУ В САРСЕЛЛЬ

Шильдеше у Билефельда, ранее 20 мая
1847 г.

[...] Вчера я слышал, что Маркс хочет издать или уже издал у Фоглера в Брюсселе критическую работу о Прудоне на французском языке⁶⁸. Читали ли Вы ее уже? Я немедленно закажу и надеюсь, что ее можно будет прорецензировать в «Dampfboot» **. Я приложу все силы, чтобы использовать этот повод и несколько приблизить читателей к политической экономии⁶⁹ [...]

MEGA, III/2, S. 887.

На русском языке публикуется впервые

№ 26

А. БОРНШТЕДТ⁷⁰ — Г. ГЕРВЕГУ В ПАРИЖ

Брюссель, 27 октября 1847 г.

[...] Маркс рассказал мне вчера, что еще несколько месяцев тому назад он попытался привлечь Ваше внимание к нашей газете *** и просил оказать ей помощь советами или, что еще лучше, рядом материалов. Завтра будет опубликована первая статья Маркса против Гейнцена⁷¹. Вероятно, и в Вашем письменном столе лежит много интересного. Не хотите ли помочь нам в нашей борьбе? [...]

MEGA, III/2, S. 562.

На русском языке публикуется впервые

* Женни, Лаура и Эдгар.

** «Das Westphälische Dampfboot».

*** Имеется в виду «Deutsche-Brüsselles-Zeitung».

№ 27

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ — К. ГЕЙНЦЕНУ В НЬЮ-ЙОРК

Лондон, 31 декабря 1847 г.

[...] Маркс и Энгельс недавно были здесь как делегаты (коммунистического) конгресса демократов ⁷². У меня они, однако, не были [...]

Freiligraths Briefwechsel,
Teil I, S. XXXVII.

На русском языке публикуется
впервые

№ 28

Ж. МАРКС — К. ШЁЛЕР ⁷³ В КЕЛЬН*Брюссель, 31 января 1848 г.*

[...] Извини, что я пишу сегодня так кратко. Я взялась написать массу писем за своего мужа, который занят по горло ⁷⁴. Только что мой Карл попросил передать Даниельсу ⁷⁵, что, несмотря на все усилия, до сих пор не удалось выяснить что-либо по известному ему делу и что-либо предпринять в связи с ним. Профессор Аренц, который, как считают здесь, лучше всех информирован по этому вопросу, вообще больше не вернется из Германии. И у Борнштедта ему не удалось ничего выведать ⁷⁶ [...].

MEGA, III/2, S. 563.

На русском языке публикуется
впервые

№ 29

А. Г. ЭВЕРБЕК ⁷⁷ — М. ГЕССУ В КЕЛЬН*Париж, 16 апреля 1848 г.*

[...] Я должен тебе прежде всего сказать, что принимаю твое предложение лишь в том случае, если ты гарантируешь мне, что это не обострит разногласий, которые и так уже в изобилии имеются в нашей партии *. Ты не должен помешать осуществлению плана Маркса... ⁷⁸. Вольф из Кёльна все еще здесь, и он, как я предполагаю, будет корреспондентом газеты Маркса, а не твоей [...] ⁷⁹.

Hess M. Briefwechsel,
S. 186, 187.

На русском языке публикуется
впервые

№ 30

Г. ВЕЕРТ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ В БЕРН

Кёльн, примерно 3 декабря 1848 г.

Вчера здесь был судебный исполнитель, он вызвал тебя, Маркса и Корфа ⁸⁰ на 20 число на суд присяжных. На нем будет разбираться история с жандармами и Цвейфелем ⁸¹ [...]

MEGA, III/2, S. 523.

На русском языке публикуется
впервые

№ 31

Э. ЭНГЕЛЬС ⁸² — Ф. ЭНГЕЛЬСУ В БЕРН*Бармен, 5—6 декабря 1848 г.*

[...] О Марксе я больше ничего не хочу говорить; если он действовал так, как ты это описываешь, а в этом я не сомневаюсь ни минуты, то он сделал все, что мог, и я благодарна ему от всего сердца ⁸³. О других твоих кёльнских друзьях я не

* Имеется в виду Союз коммунистов.

хочу ничего писать, так как ты сам о них говоришь немного. Оставим это. Время покажет, кто самый надежный человек. Впрочем, они усиленно старались переслать нам твой адрес и, когда узнали от Жиге⁸⁴, что мы справлялись о тебе, мы получили его сразу с трех сторон⁸⁵.

MEGA, III/2, S. 528.

На русском языке публикуется впервые

№ 32

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ — Г. ЦУЛАУФУ⁸⁶ В ЭЛЬБЕРФЕЛЬД

Кёльн, 21 декабря 1848 г.

[...] Маркс и другие просили передать тебе привет. Маркс ничего не сказал мне о каком-то особом плане, а рекомендовал тебе лишь как можно скорее сделать то, что ты можешь и хочешь сделать для нашей газеты *. Если мы удачно начнем новый год, то победим. Однако до этого мы будем находиться в неустойчивом положении и должны полагаться лишь на помощь наших друзей [...]

Freiligraths Briefwechsel,
Teil II, S. 3.

На русском языке публикуется впервые

№ 33

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ — Г. ЦУЛАУФУ В ЭЛЬБЕРФЕЛЬД

Кёльн, 14 января 1849 г.

[...] Маркс и другие шлют тебе и остальным помощникам благодарность и привет. Ей-богу, вы отличные ребята, и мы надеемся, что вы поможете газете * стать по-настоящему на ноги. Уверяем вас, что при любых обстоятельствах мы сделаем все, что от нас зависит, совместно с ответственными издателями газеты, чтобы любым способом обезопасить вас [...]

Freiligraths Briefwechsel,
Teil II, S. 3.

На русском языке публикуется впервые

№ 34

Р. ВИРХОВ⁸⁷ — Т. ГОЛЬДШТЮККЕРУ⁸⁸ В БЕРЛИН

Берлин, 25 января 1849 г.

[...] Публикацию Вашего протеста взял на себя Гертц, так как вчера у меня совершенно не было времени для этого. Оппенгейм⁸⁹ энергично занимается сбором подписей, и сам Маркс по вполне понятным причинам включился в кампанию за аннулирование выборов⁹⁰ [...]

Zeitgenossen, S. 237.

На русском языке публикуется впервые

№ 35

Э. ДРОНКЕ⁹¹ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ В КЕЛЬН

Париж, 31 января — 1 февраля 1849 г.

[...] О «раздорах между Марксом и мной» я ничего не знаю. Я не дурак, чтобы не понять, что Маркс все это время почти один готовил газету * к выпуску и что

* «Neue Rheinische Zeitung».

у него не было времени для оживленной переписки. Я совсем не жалею на то, что мне не посылали деньги, хотя действительно жил впроголодь. Ведь я отлично знаю об условиях издания газеты [...]

MEGA. III/3, S. 188.

На русском языке публикуется впервые

№ 36

Ж. МАРКС — К. ШЕЛЕР В КЕЛЬН

Трир, 29 июня 1849 г.

[...] Даже мысль, что моему дорогому Карлу до сих пор еще удалось избежать опасности, тревожит меня. Воображаю, какие ужасные страдания ему предстоит еще перенести, и вообще я совсем не знаю, как мы будем жить в ближайшее время. Мой дорогой Карл, как всегда, спокоен и бодр и во всем, что обрушивается сейчас на всех нас, видит признаки близкой и полной победы нашего мировоззрения. До сих пор он спокойно жил в Париже и хотел бы там остаться и вызвать нас к себе. Если же он не будет больше чувствовать себя уверенно, то следующим местом нашего пребывания станет Женева⁹² [...]

MEGA. III/3, S. 725.

На русском языке публикуется впервые

№ 37

Э. ДРОНКЕ — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Париж, июнь 1849 г.

[...] Маркс был вчера у меня. Он просил передать, чтобы ты продал экземпляры газеты * во что бы то ни стало⁹³; сам он обещает написать тебе на днях [...]

Zeitgenossen, S. 250.

На русском языке публикуется впервые

№ 38

Э. ДРОНКЕ — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Париж, примерно 25 июля 1849 г.

[...] Маркс все еще здесь. Ему не везет из-за рыжего Вольфа **. Мы хотим пока что, до наступления лучших времен для нашей газеты ***, основать предприятие для издания брошюр: «Издательство редакции «Neue Rheinische Zeitung»» и печатать работы здесь или в Женеве. Мы хотим как можно скорее начать с брошюры Маркса «О капитале и наемном труде»⁹⁴ и с подборки передовых статей газеты под заглавием: «Из сокровищницы «Neue Rheinische Zeitung»⁹⁵. Маркс и я написали письма большому числу людей в Германию, чтобы собрать для этой цели денежные средства. Все зависит теперь от ответов на эти письма... Напиши мне все-таки, знаешь ли ты что-нибудь об Энгельсе. У Маркса нет абсолютно никаких сведений о нем, хотя он и писал ему три или четыре раза⁹⁶.

Der Bund der Kommunisten,
Bd. I, S. 964—965.

На русском языке публикуется впервые

* «Neue Rheinische Zeitung».

** Фердинанда Вольфа.

*** «Neue Rheinische Zeitung».

№ 39

Ф. ФРЕЙЛИГРАТ — Г. ЦУЛАУФУ В ЭЛЬБЕРФЕЛЬД

Кёльн, 30 июля 1849 г.

[...] Маркса высылают в Морбиан (Бретань), в понтийские болота Франции, где он, как человек, не привыкший к этому климату, не сможет избежать в это время года коварной лихорадки. Эта высылка — высшая степень подлости. Он поручил мне, с сохранением тайны и с предотвращением всего, что может привести к ее разглашению, занять для него 200—300 талеров; между тем Лассаль⁹⁷, которому Маркс, очевидно, также написал, собирает для него деньги здесь и в Дюссельдорфе⁹⁸. Он поднял вокруг этого шумиху, и меня не удивит, если мы в скором времени узнаем, что это дело было вероломно использовано в корыстных целях Дю Монтом⁹⁹ или «*Neue Preußische Zeitung*»¹⁰⁰.

Freiligraths Briefwechsel,
Teil II, S. 7.

На русском языке публикуется
впервые

№ 40

В. ВОЛЬФ¹⁰¹ — Ф. ЭНГЕЛЬСУ В ЛОЗАННУ*Цюрих, 28 августа 1849 г.*

[...] Ты понимаешь сам, какую неожиданную радость доставило мне твое письмо. Я вообще не думал, что Маркс еще в Париже, так как уже давно прочитал в немецких газетах, что он выслан в департамент Морбиан, а Вильгельми¹⁰² наоборот уверял меня в том, что Маркс отправился со своей семьей в Англию. Но при переездах демократов при нынешней политической обстановке ведь все может случиться [...]

MEGA. III/3, S. 386.

На русском языке публикуется
впервые

№ 41

Э. ДРОНКЕ — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Париж, начало ноября 1849 г.

[...] О Марксе я уже давно ничего не слышал, кроме того, что рассказал мне Раш из Берлина¹⁰³, который побывал в Лондоне. Маркс никому ничего не писал. И было бы удивительно, если бы он это сделал. Раш сказал мне, что жена Маркса больна: вероятно, она уже родила¹⁰⁴. А так как Маркс к тому же живет в пригороде, до которого нужно добираться несколько часов, то Раш видел его лишь изредка. Он сказал также, что один раз М[аркс] ходил с ним к Руге (!!). В последний день Маркс сообщил ему, что «Обозрение» уже «готово» и выйдет в свет через два дня¹⁰⁵. Между тем Крюгер из Кенигсберга¹⁰⁶, который также был там, утверждает, что это последнее высказывание Раша не соответствует действительности, так как в Лондоне нет денег. Никаких следов журнала я еще не обнаружил [...]

Zeitgenossen, S. 276.

На русском языке публикуется
впервые

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гесс Мозес (1812—1875 гг.) — немецкий публицист и философ, один из ведущих представителей мелкобуржуазного «истинного социализма», поддерживал отношения с Марксом и Энгельсом.

² Ауэрбах Бертольд (1812—1882 гг.) — немецкий писатель либерального направления.

³ Маркс отказался от намерения защищать докторскую диссертацию в Бонне и

послал свою работу в Йенский университет. 15 апреля 1841 г. ему была присвоена ученая степень доктора философии.

⁴ Штраус Давид Фридрих (1808—1874 гг.) — немецкий философ и публицист, автор книги «Жизнь Иисуса», заложившей теоретические основы младогегельянства.

⁵ Фейербах Людвиг (1804—1872 гг.) — немецкий философ-материалист и атеист, взгляды которого оказали существенное влияние на формирование материалистических воззрений Маркса и Энгельса.

⁶ Гесс так и не смог понять теорию Маркса и не вышел за рамки идеалистических и мелкобуржуазных взглядов. Во второй половине 40-х гг. XIX в. дело дошло до идейного размежевания, а затем и до разрыва отношений между ними.

⁷ Руссо Жан Жак (1712—1778 гг.) — французский писатель и философ, идеолог мелкобуржуазной демократии; Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари (1694—1778 гг.) — французский писатель и философ-просветитель; Гольбах Поль Анри (1723—1789 гг.) — французский философ-материалист, атеист, идеолог революционной буржуазии; Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781 гг.) — немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик, основоположник немецкой классической литературы; Гейне Генрих (1797—1856 гг.) — немецкий поэт и публицист; Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831 гг.) — немецкий философ-идеалист, разработавший теорию диалектики.

⁸ Руге Арнольд (1802—1880 гг.) — немецкий публицист, демократ, младогегельянец, издатель «Hallische Jahrbücher», «Deutsche Jahrbücher», вместе с Марксом издал «Deutsch-Französische Jahrbücher». В 1844 г. из-за теоретических разногласий между ними произошел разрыв.

⁹ Бауэр Бруно (1809—1882 гг.) — немецкий философ-идеалист, один из ведущих теоретиков младогегельянства. С 1837 по 1842 г. находился в дружеских отношениях с Марксом, которые затем прекратились из-за возникших между ними разногласий.

¹⁰ Имеется в виду вышедшая анонимно в Лейпциге в 1841 г. книга Б. Бауэра «Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом. Ультиматум». Маркс и Бауэр собирались вместе написать продолжение этой работы, однако замысел не был осуществлен (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 356, 359).

¹¹ Пруц Роберт Эдуард (1816—1872 гг.) — немецкий поэт, публицист, буржуазный либерал.

¹² Оппенгейм Даргоберт (1809—1889 гг.) — юрист и публицист, младогегельянец, один из издателей «Rheinische Zeitung».

¹³ «Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe» — ежедневная газета, выходившая в Кёльне с января 1842 по март 1843 года. С апреля 1842 г. Маркс сотрудничал в ней, а в середине октября стал ее редактором. 19 января 1843 г. прусское правительство приняло постановление закрыть «Rheinische Zeitung» 1 апреля. В конце марта 1843 г. газета прекратила существование.

¹⁴ Рутенберг Адольф (1808—1869 гг.) — публицист, младогегельянец, в феврале — ноябре 1842 г. был редактором «Rheinische Zeitung».

¹⁵ Юнг Георг Готлиб (1814—1886 гг.) — юрист, публицист, младогегельянец, один из основателей и издателей «Rheinische Zeitung».

¹⁶ Гервег Георг (1817—1875 гг.) — немецкий революционный поэт, мелкобуржуазный демократ, сотрудник «Rheinische Zeitung», поддерживал отношения с Марксом. Весной 1848 г. Маркс прервал эти отношения из-за разногласий по вопросу о развитии революции в Германии.

¹⁷ Зигмунд Эмма (1817—1904 гг.) — невеста, впоследствии жена Гервега.

¹⁸ Это письмо не сохранилось.

¹⁹ См. К. Маркс — А. Руге, 25 января 1843 г. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 372).

²⁰ Речь идет о Женни фон Вестфален (1814—1881 гг.). Летом 1836 г. состоялась ее помолвка с Марксом, а 19 июля 1843 г. в Крейцнахе — бракосочетание.

²¹ Имеется в виду «Der deutsche Bote aus der Schweiz» — радикальный орган, выходивший в Цюрихе в январе — октябре 1842 г. (см. К. Маркс — А. Руге, 25 января 1843 г.; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 371—372).

²² Флейшер Карл Мориц (1808—1876 гг.) — немецкий публицист, сотрудник «Rheinische Zeitung» и «Deutsche Jahrbücher».

²³ Речь идет об издании в Париже «Deutsch-Französische Jahrbücher» в качестве продолжения «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst». Во время пребывания в Дрездене Маркс обсудил с Руге план издания ежегодника. Редакторами журнала стали Маркс и Руге. В феврале 1844 г. в свет вышел единственный его выпуск.

²⁴ Сен-Поль Вильгельм фон (ок. 1815 — 1852 гг.) — сотрудник министерства внутренних дел Пруссии, в 1843 г. цензор «Rheinische Zeitung».

²⁵ Биттер — в 1842—1843 гг. советник министерства внутренних дел и полиции Пруссии.

²⁶ Имеется в виду корреспонденция из Кёльна от 25 февраля в «Mannheimer Abendzeitung» (№ 49 от 28.II.1843), в которой шла речь о составе редакции «Rheinische Zeitung» и подчеркивалась ведущая роль Маркса в издании этой газеты.

²⁷ 17 марта 1843 г. Маркс написал заявление о выходе из состава редакции «в силу существующих цензурных условий». Оно было опубликовано в «Rheinische Zeitung» 18 марта 1843 г. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. I, с. 218).

²⁸ Это письмо не сохранилось.

²⁹ Арним-Бойтценбург Адольф Генрих фон (1803—1868 гг.) — с июня 1842 г. по июль 1845 г. прусский министр внутренних дел. В 1848 г. — министр-президент.

³⁰ См. статью Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 187—217). Шапер Юстус Вильгельм Эдуард фон (1792—1868 гг.) — обер-президент Рейнской провинции.

³¹ Гейнцен Карл (1809—1880 гг.) — публицист, мелкобуржуазный демократ; Майер Эдуард — адвокат из Кёльна; Мевиссен Густав (1815—1899 гг.) — банкир из Кёльна, буржуазный либерал.

³² Фрёбель Юлиус (1805—1893 гг.) — немецкий публицист и издатель прогрессивной литературы, мелкобуржуазный демократ.

³³ Позднее Маркс изменил свое решение и в начале октября 1843 г. отправился в Париж.

³⁴ См. К. Маркс — Л. Фейербаху, 3 октября 1843 г. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 375—377).

³⁵ Речь идет о незавершенной работе Маркса «История Конвента», подготовка которой способствовала пониманию им классового характера буржуазного общества. Материалы к этой работе — MEGA. IV/2, S. 283—298.

³⁶ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 219—368, 414—429.

³⁷ Речь, видимо, идет о фактах из личной жизни Руге (см. Arnold Ruges Briefwechsel, S. 349—350).

³⁸ Этот конфликт отражал разногласия между Руге и Марксом (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 430—448; Arnold Ruges Briefwechsel, S. 345—347, 359—360).

³⁹ Бернайс Карл Людвиг (1815—1876 гг.) — немецкий юрист, публицист, один из редакторов газеты немецких эмигрантов в Париже «Vorwärts!». Некоторое время Маркс поддерживал с ним дружеские отношения.

⁴⁰ Дрезель Карл (1813—1852 гг.) — немецкий землевладелец.

⁴¹ Гофман фон Фаллерслебен Август Генрих (1798—1874 гг.) — немецкий поэт.

⁴² Речь идет о редакционной коллегии газеты «Vorwärts!», в которой Маркс и Энгельс опубликовали ряд статей. С осени 1844 г. Маркс оказывал большое влияние на ее содержание. По требованию прусского правительства французские власти закрыли газету в начале 1845 г. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 36, с. 44—45).

⁴³ Виганд Отто (1795—1870 гг.) — немецкий издатель прогрессивной литературы, книготорговец.

⁴⁴ Под давлением Пруссии французское правительство в начале 1845 г. приняло решение выслать Маркса и других сотрудников «Vorwärts!» из Франции. В начале февраля 1845 г. Маркс покинул Париж и отправился в Брюссель.

⁴⁵ Фрейлиграт Фердинанд (1810—1876 гг.) — немецкий революционный поэт, член Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», находился в дружеских отношениях с Марксом.

⁴⁶ Бухнер Карл (1800—1872 гг.) — немецкий юрист.

⁴⁷ Жена Фрейлиграта 6 февраля 1845 г. писала: «Маркс приехал сюда позавчера. Он был у нас и, очевидно, является очень значительным и оригинальным человеком» (Крылов Б. Фердинанд Фрейлиграт. В кн.: Маркс и Энгельс и первые пролетарские революционеры. М. 1961, с. 327). В письме Г. Эбнеру от 7 марта 1845 г. Фрейлиграт отмечал: «Здесь находится Маркс с женой и ребенком. Мы часто с ним встречаемся» (Mönke W. Die heilige Familie, S. 170).

⁴⁸ После переезда в Брюссель Маркс в течение ряда лет пытался создать свой журнал. В 1845—1846 гг. речь шла о ежеквартальнике, в котором предполагалось напечатать, в частности, «Немецкую идеологию». В августе 1847 г. Маркс выдвинул проект издания теоретического журнала в Брюсселе на акционерных началах (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 418; т. 50, с. 408—409; MEGA. III/2, S. 356—357; Hess M. Briefwechsel, S. 172). Из-за отсутствия средств план не был осуществлен.

⁴⁹ Гумбольдт Александр фон (1769—1859 гг.) — немецкий естествоиспытатель. В начале января 1845 г. прибыл в Париж с дипломатической миссией от прусского правительства и был принят королем Луи-Филиппом.

⁵⁰ Лёвенталь Захариас (1810—1884 гг.) — немецкий издатель, опубликовал работу Маркса и Энгельса «Святое семейство».

⁵¹ Эбнер Герман Фридрих Георг (1805—1856 гг.) — немецкий публицист, тайный агент австрийской полиции.

⁵² Имеется в виду книга Маркса и Энгельса «Святое семейство» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2, с. 3—230).

⁵³ Сю Эжен (1804—1857 гг.) — французский писатель, автор сентиментально-мещанских романов на социальные темы.

⁵⁴ В приложении к выходившей в Аугсбурге «Allgemeine Zeitung» 27 марта 1845 г. было помещено объявление о выходе «Святого семейства»; там эта книга называлась «интересной работой». 8 апреля 1845 г. в газете была опубликована рецензия на нее, озаглавленная «Маркс против Бруно Бауэра» (Mönke W. Die heilige Familie, S. 180—181, 203—206).

⁵⁵ Вейдемейер Иосиф (1818—1866 гг.) — публицист, редактор, член Союза коммунистов, друг и соратник Маркса.

⁵⁶ Люнинг Луиза (род. 1822 г.) — невеста, а с 1847 г. жена И. Вейдемейера.

⁵⁷ Юлиус Густав (1810—1851 гг.) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, представитель «истинного социализма».

⁵⁸ В Брюсселе Вейдемейер помогал Марксу и Энгельсу в подготовке рукописей «Немецкой идеологии». Он покинул Брюссель в апреле 1846 года.

⁵⁹ Мюллер Вильгельм (1816—1873 гг.) — врач, писатель, сотрудничал в «Rheinische Zeitung».

⁶⁰ Мейер Юлиус (1817—1863 гг.) — немецкий предприниматель и публицист, в середине 40-х годов XIX в. «истинный социалист».

⁶¹ Слухи об отъезде Маркса и Энгельса из Брюсселя были необоснованными. Гесс действительно уехал из Брюсселя в Вербье между 22 и 30 марта 1846 года. Его отъезд должен был предотвратить открытый разрыв Маркса и Энгельса с Гессом, который в их споре с коммунистом-утопистом В. Вейтлингом занял промежуточную позицию (MEGA, III/I, S. 518; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 31, с. 40).

⁶² Речь идет о рукописях «Немецкой идеологии». В них, в частности, подвергались критике взгляды немецкого философа, одного из идеологов буржуазного индивидуализма М. Штирнера (1806—1856 гг.), немецкого публициста, одного из главных представителей «истинного социализма» К. Грюна (1817—1887 гг.), а также некоторые ошибочные идеи Фейербаха (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 15—78, 82—102, 103—445, 489—534).

⁶³ Имеется в виду незавершенная работа Маркса «Критика политики и политической экономии» (Карл Маркс. Биография, с. 93—94).

⁶⁴ Веерт Георг (1822—1856 гг.) — немецкий пролетарский поэт, член Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», близкий друг Маркса и Энгельса.

⁶⁵ Веерт Вильгельмина (1785—1868 гг.) — мать Веерта.

⁶⁶ В письме своему брату Вильгельму Г. Веерт 18 ноября 1846 г. писал о жизни Маркса в Брюсселе: «С недавнего времени Маркс так погружен в свою работу, что я теперь редко вижу его... Маркс яростно работает над своей историей политической экономии — уже много лет этот человек спит лишь по четыре часа в сутки» (Веерт Г. Избранные произведения. Т. II, с. 448, 450).

⁶⁷ Блан Луи (1811—1882 гг.) — французский мелкобуржуазный социалист, историк.

⁶⁸ Имеется в виду работа Маркса «Нищета философии», появившаяся в свет в июле 1847 г. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 65—185).

⁶⁹ Рецензия на «Нищету философии» была опубликована в журнале «Das Westphälische Dampfboot» в январе — феврале 1848 г.; ее автором был Фердинанд Вольф.

⁷⁰ Борнштедт Адальберт (1808—1851 гг.) — публицист, мелкобуржуазный демократ, член Союза коммунистов, в 1847 — начале 1848 г. издавал «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», в редактировании которой с осени 1847 г. активное участие принимал Маркс. В марте — апреле 1848 г. возглавил вместе с Гервегом авантюристический военный поход немецких эмигрантов на Германию. В марте 1848 г. исключен из Союза коммунистов.

⁷¹ Имеется в виду работа Маркса «Морализирующая критика и критицирующая мораль» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 291—321).

⁷² Главной целью поездки Маркса и Энгельса в Лондон было участие в работе II конгресса Союза коммунистов, который проходил там с 29 ноября по 8 декабря 1847 года. Маркс являлся делегатом от Брюссельского округа Союза коммунистов, Энгельс — от парижских общин Союза.

⁷³ Шёлер Каролина (1819—1891 гг.) — учительница в Кёльне, подруга Ж. Маркса.

⁷⁴ В то время Маркс завершал работу над «Манифестом Коммунистической партии» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 224, 362; т. 22, с. 56; Союз коммунистов, с. 228).

⁷⁵ Даниельс Роланд (1819—1855 гг.) — врач, член Союза коммунистов, друг Маркса и Энгельса.

⁷⁶ Речь идет о неизвестной нам просьбе Даниельса, обращенной к Марксу.

⁷⁷ Эвербек Август Герман (1816—1860 гг.) — врач, публицист, в 40-е годы XIX в. — член Союза коммунистов в Париже. Поддерживал дружеские отношения с Марксом и Энгельсом. В 1848—1849 гг. — парижский корреспондент «Neue Rheinische Zeitung».

⁷⁸ Речь идет о создании Марксом «Neue Rheinische Zeitung». Попытка Гесса опередить Маркса и основать в Кёльне свой печатный орган не увенчалась успехом.

⁷⁹ Имеется в виду друг и соратник Маркса и Энгельса, член Союза коммунистов Фердинанд Вольф (1812—1895 гг.), являвшийся одним из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» и ее корреспондентом в Париже.

⁸⁰ Корф Герман — мелкобуржуазный демократ, ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung».

⁸¹ Судебный процесс против редакторов «Neue Rheinische Zeitung» по обвинению в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля и жандармов состоялся 7 февраля 1849 года. Суд присяжных оправдал Маркса и Энгельса (Левина С. З. Ук. соч., с. 115—118).

⁸² Энгельс Элизабет (1797—1873 гг.) — мать Ф. Энгельса.

⁸³ В конце сентября 1848 г. после революционных событий в Кёльне Энгельс вынужден был покинуть Германию. Он находился в Бельгии, Франции и Швейцарии. Маркс, который испытывал материальные трудности, сделал все возможное, чтобы

помочь Энгельсу, оказавшемуся без средств к существованию (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 121—124). Мать Энгельса высказала в одном из писем сыну ошибочное мнение, что друзья бросили его на произвол судьбы (MEGA, III/2, S. 494—495). В ответном, не сохранившемся письме Энгельс доказал необоснованность ее слов.

⁸⁴ Жиго Филипп Шарль (1819—1860 гг.) — участник рабочего и демократического движения в Бельгии, член Союза коммунистов, в 40-е годы XIX в. находился в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом.

⁸⁵ Известие о местонахождении Энгельса его родители получили в том числе и от Маркса (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 122).

⁸⁶ Цулауф Генрих (род. в 1810 г.) — торговый служащий из Эльберфельда, участник революционно-демократического движения в Германии.

⁸⁷ Вирхов Рудольф (1821—1902 гг.) — немецкий ученый, основатель патологической анатомии, во время революции 1848—1849 гг. участвовал в демократическом движении в Берлине.

⁸⁸ Гольдштюккер Теодор (1821—1872 гг.) — немецкий историк и филолог.

⁸⁹ Оппенгейм Генрих Бернхард (род. в 1821 г.) — буржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг. в Германии.

⁹⁰ Имеется в виду статья «Выборы», опубликованная в «Neue Rheinische Zeitung» 24 января 1849 года. В ней подвергалась критике попытка прусских властей репрессиями против демократов и запугиванием избирателей повлиять на исход выборов в Национальное собрание в Берлине, упоминалось о движении протеста против вмешательства властей в предвыборную борьбу. Его руководители ставили вопрос об аннулировании выборов.

⁹¹ Дронке Эрнст (1822—1891 гг.) — немецкий публицист, вначале «истинный социалист», затем член Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», соратник Маркса и Энгельса.

⁹² 19 июля 1849 г. Маркс получил от парижских властей предписание о высылке его в департамент Морбиан (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 131—132). Не желая подчиниться, Маркс покинул Францию и направился в конце августа 1849 г. в Лондон (см. также Ф. Фрейлиграт — К. Марксу, 29 июня 1849 г. MEGA, III/3, S. 372).

⁹³ Имеется в виду последний номер «Neue Rheinische Zeitung» от 19 мая 1849 г., распространявшийся после революции как листовка.

⁹⁴ Имеется в виду работа Маркса «Наемный труд и капитал» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 6, с. 428—459).

⁹⁵ Этот проект не был осуществлен.

⁹⁶ Маркс получил письмо от Энгельса из Швейцарии в конце июля 1849 г. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 131—132).

⁹⁷ Лассаль Фердинанд (1825—1864 гг.) — адвокат, публицист, мелкобуржуазный демократ, участвовал в революции 1848—1849 гг., в 60-е годы XIX в. положил начало оппортунистическому направлению в немецком рабочем движении.

⁹⁸ См. Ф. Лассаль — К. Марксу, 30 июня 1849 г. (MEGA, III/3, S. 374).

⁹⁹ Дю Монт Йозеф (1811—1861 гг.) — с 1831 г. владелец «Kölnische Zeitung».

¹⁰⁰ Реакционный орган прусского юнкерства и дворянства, основанный в 1848 году.

¹⁰¹ Вольф Вильгельми (1809—1864 гг.) — публицист, член Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», друг и соратник Маркса и Энгельса.

¹⁰² Вильгельми Франц — мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг. в Германии.

¹⁰³ Раш Густав Генрих (1825—1878 гг.) — референдарий апелляционного суда в Берлине, в ноябре 1848 г. бежал в Швейцарию.

¹⁰⁴ Речь идет о рождении у Маркса сына Генриха Гвидо (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27, с. 455).

¹⁰⁵ Имеется в виду выход в свет основанного Марксом и Энгельсом журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue».

¹⁰⁶ Крюгер Фридрих (1820 — после 1857 г.) — мелкобуржуазный демократ, публицист, сотрудник «Deutsche-Brüsseler Zeitung».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КОЛЧАКОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

С. Г. Лившиц

С января и до середины ноября 1918 г. российская контрреволюция пыталась создать в Сибири несколько антисоветских «правительств», претендовавших на «всероссийскую» власть: Временное правительство автономной Сибири (ВПАС), Временное Сибирское правительство, Комуч в Самаре и «деловой кабинет» в Харбине, возглавляемый начальником Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом и др.¹ Все эти группировки надеялись укрепиться с помощью Антанты, у которой просили признания их «законности». Американские, французские, английские и японские дипломаты внимательно следили за действиями этих «правительств», изучали их состав, партийность, внутреннюю и внешнеполитическую ориентацию. Хорошо осведомленный советник бывшего российского посольства в Париже Н. А. Базили писал бывшему царскому послу в Англии К. Д. Набокову, что в возникшей на востоке России ситуации «союзникам трудно не делать выбора между вновь создавшимися властями». По его сведениям, ВПАС и Комуч, т. е. «правительства» мелкобуржуазной контрреволюции, рассматривались Антантой как правительства «крайне левого направления», состоявшие «из людей мало политически ценных и во всяком случае далеких от понимания требований реальной политики»². Аналогичную информацию получил и бывший российский посол в Италии М. Н. Гирс. Он подтверждал в письме от 30 июля того же года своему коллеге в Японии В. Н. Крупенскому намерение союзников поддерживать правительство, способное «прежде всего доказать свою ценность в деле организации русской армии»³, которая могла бы стать опорой диктатора.

Лидерам Антанты тогда больше других импонировал харбинский «деловой кабинет», первым среди сибирских «правительств» провозгласивший принцип единоличной власти своего главы Хорвата. Поэтому он оценивался Антантой как состоящий «из лиц, более способных к деловой государственной деятельности, чем члены правительства владивостокского (ВПАС.— С. Л.) и быть может омского (Временного Сибирского правительства.— С. Л.)». Но империалистов не устраивало откровенно монархическое «направление Хорвата и работающих вместе с ним»⁴. Кроме того, это «правительство» не имело «своей» территории в России, действовало только в зоне отчуждения КВЖД и потому не годилось в качестве опорной базы для установления военной диктатуры.

В этих условиях с конца лета 1918 г. Антанта делала ставку на Временное Сибирское правительство И. В. Вологодского, которое с помощью белочехов и казачьих войск временно распространило свою власть на Сибирь, часть Урала и Приуралье, провело мобилизацию, обладало тем золотым запасом России, что был захвачен белыми и чехами в Казани, и значительными резервами продовольствия.

¹ Подробнее см.: История Сибири. Т. 4. Л. 1968, с. 90—97; Гармиза В. В. Крах эсеровских правительств. М. 1970, с. 65—114, 184—204; его же. Директория и Колчак.— Вопросы истории, 1976, № 10; Лившиц С. Г. Крах Временного правительства автономной Сибири.— Там же, 1974, № 8; его же. К истории Западно-Сибирского комиссариата. В кн.: Вопросы истории СССР. Ученые записки Барнаульского пединститута. 1974; его же. Временное Сибирское правительство (июль — ноябрь 1918 г.).— Вопросы истории, 1979, № 12.

² Коллекция ЦГАОР СССР, Базили — Набокову, 5.VIII.1918.

³ Там же, Гирс — Крупенскому, 30.VII.1918.

⁴ Там же, Базили — Набокову, 5.VIII.1918.

Временное Сибирское правительство тем более импонировало Антанте, что из его состава были удалены сибирские областники, а их попытка в сентябре 1918 г. вернуться к власти была подавлена силой: заместителя премьера В. М. Крутовского и министра М. Б. Шатилова арестовали, а претендовавшего на министерский пост в Омске члена ВПАС А. Е. Новоселова расстреляли⁵. Одновременно фактически прекратилась деятельность Сибирской областной думы, в которой преобладали эсеры. Газета «Заря», официоз Сибирского правительства, писала, что «сентябрьский переворот» совершен с учетом «настроения союзных руководящих кругов», а «отказ от включения в состав министерства Новоселова, члена дерберовского правительства» (ВПАС.— С. Л.), был вызван «трезвым учетом политической обстановки» и реакции тех же «союзников»⁶.

Руководители стран Антанты пришли к мнению, что установление нужных им порядков в России «является геркулесовым делом», а «полуиспеченный конституционализм» эсеровских «правительств» типа ВПАС и Комуча не сможет «преуспеть» в этом деле. Они нацелились на «создание временного военного правительства» во главе с «надежными военными руководителями», которых Антанта поддерживает «финансами, а также военной силой»⁷. По инициативе англичан Антантой был намечен кандидатом № 1 в диктаторы находившийся тогда на Кубани генерал-от-инфантерии М. В. Алексеев, бывший начальник штаба верховного главнокомандующего в годы первой мировой войны и один из главных организаторов Добровольческой армии на юге России. В Сибири, в силу ее отдаленности от Кубани, имелось в виду создать местный режим, подчиненный Алексееву. «Высокий комиссар» Англии в Сибири Ч. Эллиот получил от своего министра иностранных дел А. Бальфура инструкцию, гласившую, что если на местах возникнет движение в поддержку верховной власти Алексеева, то Эллиот должен этому содействовать⁸. Основным кандидатом в местные диктаторы являлся вице-адмирал А. В. Колчак.

Эти планы империалистических интервентов соответствовали пожеланиям лидеров внутренней контрреволюции. На совещании омских торговцев и промышленников, проходившем 16—21 июля 1918 г., была принята резолюция, требовавшая установления в Сибири власти «одного лица»⁹. В сентябре Всероссийский съезд торговли и промышленности, проходивший в Уфе, также потребовал, чтобы «все военное и гражданское управление» было «объединено в лице верховного главнокомандующего, обладающего полнотой власти»¹⁰. Не было у них расхождений и в вопросе о кандидатах в диктаторы. «Национальный центр» в согласии с другими контрреволюционными организациями главным кандидатом наметил Алексеева, а «Колчак имелся в виду... как второй кандидат»¹¹. И далеко не случайно Вологодский уже на второй день после приезда во Владивосток на переговоры с представителями Антанты встретился там с вице-адмиралом и имел с ним конфиденциальную беседу¹². Они договорились о том, что в Сибири будет установлена диктатура, а Колчак станет диктатором¹³.

В ходе переговоров с дипломатическими и военными представителями Антанты Вологодский согласился отдать железные дороги Сибири и Дальнего Востока под «союзный», фактически американский, контроль и назначил чешского генерала Р. Гайду главкомом сибирской армии. 23 сентября Гайда выехал в Омск, а неделю спустя на ст. Маньчжурия имел откровенный разговор с В. Н. Пепеляевым, од-

⁵ Подробнее см.: Лившиц С. Г. Временное Сибирское правительство, с. 106; его же. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918—1920 гг. Барнаул. 1979, с. 47—48.

⁶ Заря, 27.IX.1918.

⁷ Интервью заместителя министра иностранных дел Англии Р. Сессила корреспонденту белогвардейского «Русского слова» (сентябрь 1918 г.). Цит. по.: Ullman R. Intervention and the War. Vol. I. Princeton—Lnd. 1961, pp. 273—274.

⁸ Ibid., p. 274.

⁹ Промышленность Западной Сибири, Омск, 1918, № 3, с. 19.

¹⁰ Коллекция ЦГАОР СССР, резолюция № 1 политической секции Всероссийского съезда торговли и промышленности от 7.IX.1918.

¹¹ Дневник В. Пепеляева. 1918.— Красные зори, Иркутск, 1923, № 4, с. 79.

¹² Заря, 25.IX.1918.

¹³ Дневник В. Пепеляева, с. 79.

ним из руководителей «Национального центра» и членом ЦК кадетской партии, которыми он был командирован в Сибирь для участия в установлении там диктатуры. Гайда сообщил Пенелееву о том, что подготовка к перевороту уже идет, «но пока не все готово. Пока не организованы военные силы»¹⁴. Представители Антанты поддержали Вологодского в борьбе с другими претендентами на власть в знак благодарности за сотрудничество с ними. С их помощью были ликвидированы ВПАС и «деловой кабинет» Хорвата. 8 октября, заручившись поддержкой Антанты, Вологодский выехал в Омск. Вслед за ним с небольшими интервалами туда отправились Колчак и генерал-майор А. Нокс, назначенный главой британской военной миссии в Сибири.

Между тем в Уфе с 8 по 23 сентября проходило «государственное» совещание руководителей контрреволюционных «правительств» и партий. Его задачей было объединение сил для борьбы с Советской властью и создание единого «Всероссийского правительства»¹⁵. На совещание пригласили представителей и Сибирского правительства, но Вологодский предпочел переговоры с Антантой дискуссиям с представителями «демократической» контрреволюции. В Уфу с опозданием на четыре дня отправилась делегация из второстепенных лиц, которым Вологодский, «ожидая благоприятного результата поездки на Восток»¹⁶, приказал добиваться, чтобы «организуемая власть» была «твердой, крепкой, сильной» и не ответственной перед Учредительным собранием¹⁷. 16 сентября, будучи в пути, Вологодский дополнил эту инструкцию пунктом о необходимости добиться перерыва в работе совещания на две недели, т. е. до окончания его переговоров с державами¹⁸. После встреч в Харбине с Эллиотом и японским дипломатом Мацудайрой Вологодский потребовал признания совещанием в Уфе Сибирского правительства «властью всероссийской»¹⁹.

Однако прибывшая в Уфу делегация нарушила эти инструкции²⁰, опасаясь остаться в изоляции. «Сибиряки» приняли участие в выборах правительства (официально именовавшегося директорией), которое окончательно было «сконструировано» 23 сентября в следующем составе: член «Союза возрождения», формально вышедший из партии эсеров и ставший главой директории Н. Д. Авксентьев, кадеты П. В. Вологодский и Н. И. Астров, генерал-лейтенант В. Г. Болдырев (беспартийный) и глава правительства Северной области «народный социалист» Н. В. Чайковский. Поскольку Астров и Чайковский были вне пределов Сибири, вместо них в дирекцию вошли кадет В. А. Виноградов и правый эсер В. М. Зензинов, избранные как их заместители.

Однако эсеры и меньшевики были недовольны отсутствием среди членов директории представителей Комуча, правые — наличием там двух эсеров. Отрицательно отнеслись к факту избрания директории представители Антанты. По словам Вологодского, «союзники не верят во всероссийскую власть, во-первых, неорганизованную, не имеющую реальной силы, во-вторых, состоящую из разнородных элементов, в-третьих, зависимую от Учредительного собрания»²¹, а «здоровая Сибирь

¹⁴ Там же. Назначение Гайды главнокомандующим не состоялось из-за оппозиции омского генералитета, но он получил в командование один из участков Уральского фронта.

¹⁵ Подробнее см. Гармиза В. В. Директория и Колчак, с. 16—32.

¹⁶ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. I. Пекин, 1921, с. 212.

¹⁷ Красный архив, 1933, № 6(61), с. 63. Инструкция делегации Сибирского правительства на Уфимское совещание (начало сентября 1918 г.).

¹⁸ Коллекция ЦГАОР СССР, Вологодский (Иркутск) — Серебренникову, министру снабжения, 16.IX.1918. Серебренников возглавлял делегацию Сибирского правительства в Уфе.

¹⁹ Красный архив, 1933, № 6(61), с. 72. Вологодский (Харбин) — Серебренникову, 18.IX.1918.

²⁰ Серебренников следующим образом объяснял позицию своей делегации: «Сибиряки надеялись, что нужного количества членов Учредительного собрания к 1 января (1919 г.) не наберется, и что за пять месяцев вообще много может воды утечь, и так или иначе определится борьба с большевиками, и видно будет, что делать дальше. А пока что всероссийская власть будет создана и вместе с ней и высшее командование, в чем ощущалась категорическая необходимость» (Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. I. Тяньцзинь, 1937, с. 173).

²¹ Коллекция ЦГАОР СССР, Вологодский (Владивосток) — совмину (Омск), 7.X.1918.

(т. е. Сибирское правительство.— С. Л.) имеет больше шансов получить поддержку союзников»²². Не обладая своей территорией, армией, финансами, директория в первые недели существования находилась в изоляции, пребывала «в состоянии беспомощности и нерешительности... Помощь союзников не приходила, поведение их представителей было уклончиво и двусмысленно, директория поэтому нервничала и даже такой былой англофил, как Авксентьев, громил в частных разговорах... империализм и своекорыстие союзников»²³.

В конце сентября — начале октября Авксентьев провел ряд совещаний наличных членов директории и учредителей по вопросу о выборе «столицы»²⁴. Раздавались голоса за Уфу, Екатеринбург, Челябинск, Самару, но глава директории настоял на переезде в Омск, место пребывания своего основного конкурента — Сибирского правительства. «Военная помощь союзников и их деньги, — говорил он, — необходимы директории, без них она не может существовать. Необходимо поэтому заставить союзников признать всероссийское правительство, а для этого необходимо уничтожить средостение, существующее между союзниками и директорией. Директория должна встать на место Сибирского правительства, заменить его в сношениях с союзниками. Уничтожив Сибирское правительство, директория в то же время покажет союзникам свою силу и значение». Для этого, продолжал Авксентьев, директории надо переехать «на жительство» в Омск, и поскольку она не может уничтожить Сибирское правительство «путем применения физической силы — такой силы у директории пока вовсе не имеется», то постараться «одержать верх» над ним изнутри, путем его «обволакивания». Смысл этого плана заключался в том, что «директория должна вобрать в состав всероссийского кабинета министров наиболее пригодные и демократические элементы Сибирского правительства, приспособить себе сибирский правительственный аппарат и этим путем уничтожить сопротивляемость Сибирского правительства», а затем издать декрет о роспуске всех «областных» правительств, в том числе и Сибирского²⁵.

Многие представители «демократической» контрреволюции и даже кадет Л. А. Кроль были против этого плана, считая, что Сибирское правительство с благословения зарубежных покровителей может совершить «государственный переворот» и ликвидировать директорию. Но Авксентьев утверждал, что «иначе нельзя... Мы должны, — говорил он Кролю 5 октября в Екатеринбурге, — сунуться волку в пасть: или он нас съест, или он нами подавится»²⁶. (Омскому правительству понадобилось, как известно, всего полтора месяца, чтобы «съесть» директорию.— С. Л.).

9 октября директория прибыла в Омск. В воззвании к населению, выпущенном по этому поводу на следующий день, Авксентьев и К^о утверждали, будто по пути следования и «особенно в Омске» им был оказан «теплый прием»²⁷. Вокзал на омской пригородной станции был «декорирован национальными и сибирскими флагами», стояло «несколько арок с надписью «Добро пожаловать!». Для встречи прибыли министры Сибирского правительства, председатель Сибирской областной думы И. А. Якушев, состоялся парад сибирских и чешских полков и молебен²⁸. «Все было чудесно, — вспоминал член директории генерал Болдырев. — Официальная сторона безупречна. А вот дальше хуже... Наши квартиры почти ничего не нашли. Мне отвели два скверных номера, Авксентьеву — две скверные комнаты на какой-то глухой окраинной улице... Это был вызов. Остались в ваго-

²² Там же, Вологодский — Авксентьеву, 12.X.1918.

²³ Святицкий Н. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Ч. 3. Съезд членов Учредительного собрания (очерк событий на востоке России в сентябре — декабре 1918 г.). М. 1921, с. 32.

²⁴ Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж. 1919, с. 21.

²⁵ Святицкий Н. Ук. соч., с. 36.

²⁶ Кроль Л. А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток. 1921, с. 140.

²⁷ Коллекция ЦГАОР СССР, «От Временного Всероссийского правительства к населению Сибири».

²⁸ Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск. 1925, с. 65—66.

нах»²⁹. 15 октября директории предоставили двухэтажное здание реального училища на окраине города. По квартирам членов директории расселили позже³⁰.

Первые три дня «сибиряки» избегали деловых контактов с директорией. 12 октября по настоянию последней состоялось совещание, на котором решался вопрос о прерогативах директории и Сибирского правительства³¹. Едва председательствовавший Авксентьев заявил, что директория на основе мандата Уфимского совещания претендует на верховную власть, а для образования кабинета министров «полагает воспользоваться аппаратом сибирской власти», пополнив его ставленниками директории, как «сибиряки», не выбирая выражений, атаковали директорию, дав ясно понять, кто является действительной властью в Омске. Тон задали министр финансов И. А. Михайлов — ярый сторонник сильной власти, Серебренников и управляющий министерством земледелия Н. И. Петров. Они заявили, что если директория собирается Сибирскому правительству «приказывать, то тогда незачем было собираться», т. к. это «дело совершенно безнадежное». Избрание директории на совещании в Уфе «для Сибирского правительства несущественно», и директория «должна была бы знать, что Сибирское правительство является таким, с которым нужно считаться, как равному с равным». Они выразили сомнение в способности директории выдвинуть на министерские посты достойных, с их точки зрения, людей, намекая на то, что Авксентьев и его сторонники намерены вручить министерские портфели деятелям Комуча. «Нам нужно знать, — говорил Н. И. Петров, — что те люди, которые разрушили аппарат (власти. — С. Л.) в Самаре, не будут стоять здесь близко около вас». Выход оппоненты директории усматривали в передаче в полном составе «правительственных учреждений в пользование всероссийского правительства, с преобразованием и переименованием сибирских министров во всероссийские». На вопрос В. М. Зензинова, возможно ли хотя бы частичное изменение личного состава кабинета, Серебренников ответил отрицательно.

Болдырев попытался урезонить Михайлова и его коллег тем, что Сибирь «по отношению к России... является только областью», а потому кабинет министров директории не может состоять из одних «сибиряков». Но успеха он не имел. Претендуя на превращение своего кабинета министров во всероссийский, «сибиряки» делали акцент на том, что «для заграницы всероссийское правительство величина неизвестная, т. к. оно еще себя не проявило, между тем как Сибирское правительство пользуется там определенным весом», и если директория согласится признать сибирские министерства всероссийскими, то «заграница сумела бы убедиться, что всероссийское правительство стоит на точке зрения правительства Сибирского». Серебренников предложил директории обдумать следующее требование «сибиряков»: передаче власти Сибирским правительством директории должно предшествовать превращение его во всероссийский кабинет министров. Директория издаст грамоту с «обещанием обеспечить Сибири широкую автономию», пределы которой «должны быть определены сибирским Учредительным собранием». Ответ директория должна была дать к 20 час. того же 12 октября³².

Обсуждение этого ультиматума проходило в вагоне Болдырева. «Авксентьев неимоверно волновался, говорил, что предложения эти — капитуляция для нас, что надо рвать. Ему резонно возражали: а потом что?.. Спорили долго и горячо. В конце концов согласились признать приемлемыми предложения «сибиряков» при условии сохранения за директорией права устранять министров, которые не справляются со своими обязанностями»³³. На вечернем заседании 12 октября Болдырев объявил о согласии директории на превращение Сибирского правительства в полном составе в кабинет министров директории с оговоркой, что персональный состав министров окончательно будет утвержден по возвращении Вологодского, с сохранением за директорией «права замены лиц из состава министров, которые

²⁹ Там же, с. 66.

³⁰ Там же, с. 72—74. Серебренников объяснял это «перегруженностью Омска» (см. Серебренников И. И. Ук. соч., с. 199).

³¹ Коллекция ЦГАОР СССР, протокол частного совещания директории и Сибирского правительства от 12 октября 1918 года.

³² Болдырев В. Г. Ук. соч., с. 69.

³³ Там же, с. 70.

окажутся неподходящими на занимаемых должностях»³⁴. Капитуляция директории была полной, омский кабинет министров становился «всероссийским», а оговорка о праве директории на замену министров ничего не стоила. 19 октября Болдырев записал в дневнике, что главари «сибиряков» «трубят о своей победе над нами»³⁵.

С возвращением Вологодского 18 октября начался новый тур борьбы за власть. Премьер Сибирского правительства требовал права «конструирования» кабинета по своему усмотрению³⁶. Директория (Авксентьев, Зензинов и Болдырев) до начала ноября сопротивлялась назначению министров без ее утверждения. Спор, собственно говоря, разгорелся вокруг двух кандидатур: группа Авксентьева возражала против назначения монархиста И. А. Михайлова министром внутренних дел, а «сибиряки» были решительно против назначения на этот пост эсера Е. Ф. Роговского. В ходе словесных баталий Авксентьев, по свидетельству Болдырева, «временами был близок к истерике», а на заседании 26 октября он и Зензинов «заявили о возможности их ухода из директории»³⁷. Лишь 3 ноября был достигнут компромисс: Михайлов оставался министром финансов, министром внутренних дел назначался формально нейтральный, а на самом деле противник директории А. Н. Гаттенберг, а Роговский становился управляющим государственной охраны с правами товарища министра внутренних дел³⁸.

3 ноября было оформлено соглашение между директорией и Сибирским правительством, согласно которому последнее из «областного» становилось «всероссийским» кабинетом министров³⁹. «Слияние» директории с Сибирским правительством было отмечено банкетом, на котором Авксентьев поднял тост за Колчака. «Предлагаю выпить, — сказал он, — за наше блестящее прошлое и, надеюсь, ближайшее будущее — адмирала Колчака»⁴⁰. Ответного тоста в адрес директории ни со стороны Колчака, ни со стороны присутствующих на банкете представителей Антанты не последовало: директория сыграла свою роль, возведя Сибирское правительство в ранг всероссийского, и подготовка к ее удалению со сцены шла полным ходом. План Авксентьева об «обволакивании» Сибирского правительства и создании директорией своего кабинета провалился. Деятельность ее свелась лишь к подтверждению некоторых декретов, ранее принятых Сибирским правительством, и по его требованию Авксентьев провел в Томске 10 ноября решение Сибирской думы о самороспуске⁴¹, чем еще больше ослабил позиции эсеровской части директории.

С середины октября «толки о военной диктатуре... становились злобой дня»⁴². За ее установление были представители как местной, так и бежавшей в Сибирь российской буржуазии, монархисты, кадеты, офицерство⁴³. Сторонники диктатуры организовали омский блок, который Болдырев называл «священным союзом»⁴⁴. Руководили им Вологодский, Михайлов, Пепеляев и адвокат В. А. Жардецкий. Главную роль в подготовке установления диктатуры играл генерал Нокс, прибывший в Омск 21 октября. Д. Ллойд Джордж писал, что Нокс «обладал иск-

³⁴ Коллекция ЦГАОР СССР, протокол вечернего заседания директории и Сибирского правительства 12 октября 1918 года.

³⁵ Болдырев В. Г. Ук. соч., с. 76.

³⁶ Там же, с. 81.

³⁷ Там же, с. 76, 80, 85. Взаимное недоверие конкурентов достигло таких масштабов, что левая часть директории опасалась переворота «справа», а «сибиряки» — ареста своих лидеров директорией. Вечером 23 октября Вологодский даже вызвал для охраны своей персоны казачий взвод. Болдырев успокоил его, отвез домой на своем автомобиле. Там он обнаружил, что у дома Вологодского «оказалась охрана из сербов» (там же, с. 82).

³⁸ Там же, с. 81.

³⁹ АВГР, ф. Канцелярии советника МИД на Дальнем Востоке, д. 43, л. 182. Ю. В. Ключников и Жуковский (оба — товарищи министра иностранных дел) — циркулярно послали в странах Антанты, 4.XI.1918.

⁴⁰ Гинс Г. К. Ук. соч., с. 283.

⁴¹ Там же, с. 291.

⁴² Болдырев В. Г. Ук. соч., с. 76.

⁴³ Серебренников И. И. Ук. соч., с. 213.

⁴⁴ Болдырев В. Г. Ук. соч., с. 86.

лючительными данными» для занятия поста «главы британской военной миссии в Сибири»⁴⁵, т. к. в годы мировой войны находился при ставке Николая II в Могилеве, имел связи среди царского генералитета и был ярким противником революции в России. Ллойд Джордж считал Нокса знатоком «военного аспекта русской проблемы» и «архитектором русской политики [английского] военного министерства»⁴⁶. В Омске Нокс открыто игнорировал Авксентьева и избегал «непосредственных отношений с директорией в целом», убеждал Болдырева порвать с эсерами, «грозил набрать банду и свергнуть» директорию⁴⁷.

Часть белогвардейского генералитета не прочь была выдвинуть на пост диктатора Болдырева. Однако тот не решался на установление диктатуры, опасаясь обострения борьбы в стане сибирской контрреволюции и ослабления антисоветского фронта. В этой ситуации Нокс сообщил заинтересованным лицам, что Антантой решено поддержать только того претендента в диктаторы, «которому доверяют союзники», и что таковым является Колчак. Последний 14 октября прибыл в Омск, а 22 октября принял предложение директории и Сибирского правительства о назначении его военным и морским министром⁴⁸. Он поддерживал Сибирское правительство в борьбе с директорией и неоднократно являлся к Болдыреву то один, то с представителями омского блока и генералитета, намекая на необходимость «упразднения директории и сохранения одного верховного», но не уточняя, кто им будет персонально⁴⁹. В последних числах октября к Болдыреву пришел один из членов директории и «с волнением заявил, что военные круги... прочат Колчака диктатором»⁵⁰.

Диктаторские наклонности Колчак проявлял и раньше. Летом 1917 г., когда он после изгнания революционными матросами с Черноморского флота находился в Петрограде, промонархическими организациями офицерства и буржуазии его кандидатура выдвигалась в диктаторы. Тогда же она была одобрена представителями Антанты в Петрограде, которые «обратили свои взоры на Колчака», видя в нем «возможного лидера» России⁵¹. Как писал сподвижник Колчака контр-адмирал М. И. Смирнов, сторонники диктатуры «пригласили Колчака объединить их деятельность и стать во главе движения. Колчак согласился. Началась работа в этом направлении»⁵². Об этом узнало Временное правительство. Керенский не предал дело огласке, но потребовал от Колчака «немедленно отбыть» из России и поторопился его с отъездом⁵³. На помощь Колчаку пришло правительство США, и он был приглашен на службу в американский флот для участия, по официальной версии, в атаке флотами Антанты Дарданелл со стороны Эгейского моря⁵⁴. В действительности администрация президента В. Вильсона спасала претендента в диктаторы, чтобы в будущем использовать его в своих интересах. В июле 1917 г. Колчак через Англию выехал в США. В Лондоне и Вашингтоне он быстро пришел к общему мнению с английскими и американскими генералами, что Россию «может спасти только диктатура», «революция мешает воевать» с Германией, а потому ее следует подавить. Он был принят Вильсоном, который рекомендовал ему «вернуться в Россию» и там найти для себя поле деятельности, соответствующее его «знаниям и способностям»⁵⁵.

В ноябре Колчак выехал на Дальний Восток. По прибытии в Японию он узнал о свержении Временного правительства, установлении в России власти рабо-

⁴⁵ Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. VI. М. 1937, с. 95.

⁴⁶ Цит. по Ullman R. Op. cit., p. 221. Ллойд Джордж — Риддингу, послу Англии в США, 17.VIII.1918.

⁴⁷ Болдырев В. Г. Ук. соч., с. 83.

⁴⁸ Там же, с. 72.

⁴⁹ Там же, с. 87.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Кнох А. With Russian Army (1914—1917). Vol. II. Lnd. 1921, p. 670.

⁵² Смирнов М. И. Адмирал Колчак. Париж. 1930, с. 40.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Допрос Колчака. Л. 1925, с. 82—83. Подробнее см. Федотов Б. Ф. О малоизвестных источниках периода гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. — Вопросы истории, 1968, № 8, с. 36.

⁵⁵ Допрос Колчака, с. 97.

чих и крестьян и вскоре обратился в Лондон с просьбой принять его на английскую службу. 30 декабря Колчак получил положительный ответ⁵⁶, а также предписание ради «общего союзного дела»⁵⁷ прибыть в Харбин, где заняться под руководством генерала Хорвата формированием регулярных частей белой армии в полосе отчуждения КВЖД, которые намечалось двинуть «за пределы китайской полосы на Владивосток или еще куда-нибудь» для борьбы с Советами⁵⁸. В начале 1918 г. Колчак приступил к формированию таких полков, но вскоре у него возник конфликт с атаманом Г. М. Семеновым, ставленником Японии, который отказывался подчиняться ему.

В то время резко обострились японо-американские межимпериалистические противоречия. В Токио Колчака считали состоящим на службе у США и опасались, что он будет действовать во вред Японии. Японские империалисты стали на сторону Семенова и потребовали удаления Колчака. Оказавшись не у дел, вице-адмирал направил заместителю начальника генштаба Японии генералу Танаке 26 мая 1918 г. письмо, в котором сообщал: «Слухи о моей службе американскому правительству являются ошибкой... Как военный я считаю помощь и участие Японии в интервенции наиболее желательными» и «с военной точки зрения необходимым, чтобы Япония выступила единолично как представитель всех союзников»⁵⁹. В июле он выехал в Токио, где был принят начальником генштаба Ихарой, а также Танакой. Не вступая в дискуссию по существу дела, генералы рекомендовали Колчаку «остаться в Японии, обещая призвать к высокой военной деятельности впоследствии»⁶⁰, а пока посоветовали заняться «отдыхом и лечением»⁶¹. Фактически вице-адмирал оказался в плену. Лишь в сентябре 1918 г. под давлением Англии, США и Франции ему было разрешено выехать во Владивосток. Чтобы ускорить его отъезд, за ним в Японию прибыли лично Нокс и «высокий комиссар» Франции в Сибири М. Реньо⁶². По пути с ними в Сибирь Колчак «условился принципиально» об установлении в России военной диктатуры. Нокс телеграфировал в Лондон: «Нет сомнения в том, что это лучший русский для наших целей»⁶³.

До того, как в США и Европе узнали о смерти Алексева, Колчака прочили в диктаторы Сибири с подчинением верховной власти Алексева⁶⁴. После смерти «верховного руководителя» Добровольческой армии 10 октября 1918 г. (о чем в Европе узнали только в конце октября, а в Сибири — в начале ноября)⁶⁵ правительствами Антанты было решено образовать всероссийскую диктаторскую власть в Сибири во главе с Колчаком, т. к. на юге России в то время белые терпели неудачи⁶⁶. Подготовка к установлению диктатуры в Сибири вступила в решающую фазу. В конце октября из Владивостока в Западную Сибирь были переброшены английский, французский и итальянский усиленные батальоны⁶⁷. Французы и итальянцы проследовали затем в район Челябинска, а английский Миддлсекский батальон остался в Омске. По словам командира этого батальона подполковника Д. Уорда, там «происходили важные события», и англичане хотели держать их под своим контролем⁶⁸.

⁵⁶ Там же, с. 100.

⁵⁷ Там же, с. 106.

⁵⁸ Там же, с. 107.

⁵⁹ АВПР, ф. Миссии в Пекине, д. 1573, л. 12.

⁶⁰ Пионтковский С. А. Гражданская война в России 1918—1921. Хрестоматия. М. 1925, с. 293.

⁶¹ Допрос Колчака, с. 126.

⁶² Там же, с. 140, 181.

⁶³ Ullman R. Op. cit., p. 272.

⁶⁴ «Выполняя поручение «Национального центра», — записал в дневнике 6 октября 1918 г. Пепеляев, — я сказал ему (Колчаку. — С. Л.), какие надежды центр возлагает на Алексева. Сказал, что центр упоминал и Колчака, но просил меня с ним переговорить в тех целях, чтобы эти два имени не стали друг против друга». Колчак ответил, что «если бы он имел власть, то, объединившись с Алексеевым... отдал бы ее ему» (Дневник В. Пепеляева, с. 85).

⁶⁵ Ullman R. Op. cit., p. 278; Дневник В. Пепеляева, с. 85.

⁶⁶ Ullman R. Op. cit., p. 278.

⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярии советника МИД на Дальнем Востоке, д. 2, лл. 40—41.

⁶⁸ Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг. М.-Пг. 1923, с. 63.

Общее руководство установлением диктатуры осуществляли Эллиот, Нокс, Реньо, генеральный консул США Гаррис, сдружившийся с Колчаком, и начальник американской военной миссии Скайлер. Империалистические организаторы переворота действовали в тесном контакте не только с Колчаком, но и с Вологодским, Михайловым, Пепеляевым, Жардецким, генералами Матковским и Розановым, комендантом Омска полковником Волковым. Колчак и его сторонники провели ряд совещаний с представителями Антанты о деталях и сроках переворота в ряде городов Сибири и Урала. Совещанием в Екатеринбурге в начале второй декады ноября руководил сотрудник Нокса капитан Л. Стевени. Заговорщики настолько были уверены в неспособности директории помешать их планам, что после совещания устроили банкет, на котором «определенно шла речь о диктатуре адмирала Колчака»⁶⁹. 15 ноября в Омске при участии 42 делегатов открылась конференция кадетской партии⁷⁰. На ней Пепеляев призвал к установлению диктатуры. «Не рассуждениями и резолюциями она должна создаваться,— говорил он.— Партия должна заявить, что она не только не страшится диктатуры, но при известной обстановке считает ее необходимой»⁷¹. «Подавляющим большинством (+ 41, — 1),— записал Пепеляев 17 ноября,— приняты мои тезисы (диктатура, осуждение решений Уфимского совещания, противопоставление совета министров директории, поддержка совета министров)»⁷².

Практически к 9 ноября организаторами переворота была в основном завершена его подготовка, уточнены детали и пароль («Ермак») ⁷³. В боевой готовности находились казачьи части омского гарнизона, к городу подошла дивизия сибирского казачьего войска, которую подчинили коменданту Волкову. После белочешского мятежа он в чине подполковника был назначен комендантом Петропавловска, где создал организацию «Смерть за родину». Ее члены убивали не только революционных рабочих и крестьян, но и представителей «демократической» контрреволюции. Рвение Волкова было замечено, и к сентябрю он, уже в чине полковника, стал комендантом и уполномоченным командующего армией по «охране порядка и спокойствия» в Омске⁷⁴. Именно он арестовал последних министров-областников Крутовского, Шатилова и приказал своим адъютантам убить Новоселова⁷⁵. Против него директорией было возбуждено следствие, во время которого Волков заявил, что, арестовывая министров, «он руководствовался чувством патриотизма, спасая страну от пагубного влияния министров-социалистов, имея в виду, что верховная власть перейдет в руки надежных людей»⁷⁶. Затем полковник скрылся из Омска. Благодаря заступничеству сторонников диктатуры в Сибирском правительстве, угрожавших, что «всякая репрессия со стороны следственной комиссии в отношении Волкова... может вызвать новую смуту»⁷⁷, следствие по его делу было прекращено, и он восстановлен в должности коменданта. Сразу же по прибытии Колчака в Омск Волков стал его ближайшим сподвижником, и адмирал первое время даже жил в его доме.

Завершив подготовку переворота, Колчак под охраной 100 английских солдат во главе с Д. Уордом 9 ноября выехал на Урал⁷⁸. Официально было объявлено, что он отправляется на фронт для выяснения нужд действующей армии⁷⁹. Однако истинная цель вояжа состояла в получении согласия белогвардейского генералитета на установление диктатуры. Позднее, на допросе в Иркутске, Колчак утверждал, будто все генералы считали, «что только военная власть может теперь поправить

⁶⁹ Кр о л ь Л. А. Ук. соч., с. 158.

⁷⁰ См. Д у м о в а Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М. 1982, с. 199—200.

⁷¹ Правительственный вестник, Омск, 20.XI.1918.

⁷² Дневник В. Пепеляева, с. 87.

⁷³ С е р е б р е н н и к о в И. И. Ук. соч., с. 216.

⁷⁴ Коллекция ЦГАОР СССР, правительственное сообщение Сибирского правительства, около 24.IX.1918.

⁷⁵ Заря, 29. IX. 1918; А р г у н о в А. А. Ук. соч., с. 26.

⁷⁶ А р г у н о в А. А. Ук. соч., с. 26.

⁷⁷ Цит. по: Б о л д ы р е в В. Г. Ук. соч., с. 71.

⁷⁸ У о р д Д. Ук. соч., с. 70—71.

⁷⁹ Допрос Колчака, с. 164.

дело», и были за передачу власти в его руки⁸⁰, хотя, по свидетельству Уорда, некоторые из высших военных чинов ссылались на отсутствие у вице-адмирала опыта командования сухопутными войсками и выдвигали в диктаторы Деникина или Болдырева. В их числе находился атаман оренбургского казачьего войска А. И. Дутов. Но ему, как пишет Уорд, «из бесспорного источника» дали понять, «что за спиной Колчака стоят англичане»⁸¹. Такой же нажим был оказан на белочешское командование во время переговоров в Челябинске 15 ноября⁸².

Из Челябинска Колчак собирался выехать в район Уфы, но 15 ноября они с Уордом решили вернуться в Омск. Ни Колчак позднее на допросе, ни Уорд в мемуарах не сообщили о побудительных мотивах этого шага. По словам Уорда, Колчак лишь «обрисовал критическое положение в Омске»⁸³. Сопоставление событий последующих дней свидетельствует о том, что их поспешное возвращение в Омск было связано с благоприятно сложившейся для переворота ситуацией. Сторонники Колчака были готовы действовать, большинство генералов поддержало его кандидатуру в диктаторы, а в Челябинске адмирал узнал о выезде из Омска на фронт Болдырева — единственного члена директории, который мог бы попытаться организовать сопротивление участникам готовящегося переворота⁸⁴. 16 ноября в Петропавловске поезда Колчака и Болдырева встретились. Болдырев пригласил Колчака в свой вагон, тот принял приглашение, однако в целях предосторожности приказал привести в боевую готовность отряд Уорда, а в качестве сопровождающих взял с собой двух английских солдат. Во время переговоров Болдырев попытался выведать что-либо у собеседника и убеждал его в нежелательности переворота для «белого дела»⁸⁵. Колчак лицемерно «соглашался с гибельностью и несвоевременностью каких-либо переворотов» и, усиливая бдительность генерала, требовал лишь расширения своих прав как военного министра⁸⁶.

«Мы все прекрасно знали, что живем под постоянной угрозой переворота», — говорил Авксентьев в конце октября, но принять контрмеры не решался, не желая брать на себя развязывание «гражданской войны внутри антибольшевистского лагеря»⁸⁷. Авксентьев и Зензинов уповали на то, что политические соперники промедлят, а Болдырев «приберет к рукам военный аппарат». Главное, они ожидали всего «признания со стороны союзников»⁸⁸. Однако 16 ноября и. о. министра иностранных дел Ю. В. Ключников подал Авксентьеву памятную записку, в которой на основе анализа позиций держав Антанты доказывал, что «союзники или отсрочат признание» директории, «или вовсе откажут... в признании», т. к. она не является монолитной и «в представлении иностранцев... держится на равнодействии борющихся противоположных сил, не имея... за собой самостоятельной реальной силы», «окажется не в состоянии охранить себя, когда одна из сил получит резкий перевес над другой». Поскольку Антанту не устраивает «компромиссный по существу характер... директориальной власти», то невозможна и помощь Антанты⁸⁹. В заключение он потребовал во имя «объединения всех главнейших» белогвардейских правительств ухода директории с политической сцены и передачи ею полномочий верховной власти совету министров⁹⁰. Это был совместный ультиматум сторонников диктатуры.

⁸⁰ Там же, с. 165.

⁸¹ Уорд Д. Ук. соч., с. 92.

⁸² Там же, с. 74—75.

⁸³ Там же, с. 76.

⁸⁴ Днем 15 ноября на заседании директории был заслушан доклад Роговского об опасности переворота. Болдырев перед отъездом пригласил в свой вагон командующего Сибирской армией генерала Матковского и его начальника штаба генерала Розанова и спросил, что они знают об этом. Матковский заверил Болдырева в «полном спокойствии» и обещал принять меры предосторожности (Болдырев В. Г. Ук. соч., с. 105).

⁸⁵ См. там же.

⁸⁶ Уорд Д. Ук. соч., с. 77.

⁸⁷ Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.-Пг. 1923, с. 309.

⁸⁸ Там же, с. 310.

⁸⁹ Коллекция ЦГАОР СССР, Ключников — Авксентьеву, 16.XI.1918.

⁹⁰ Там же.

Поезд Колчака 17 ноября прибыл в Омск. Об этом знал лишь узкий круг руководителей заговора. При участии адмирала состоялось их тайное совещание. Пепеляев в дневнике записал: «17 ноября... Я ушел с конференции (партии кадетов.— С. Л.) на совещание. Участвовали все. Решено... Полная налаженность. Описать потом»⁹¹. Арест Авксентьева, Зензинова и их сторонников намечался на ближайшие дни, но Колчак от агентов Волкова узнал, что почти все эти лица собрались в квартире Роговского (находившейся в здании штаба руководимого им отряда госохраны) для совещания с прибывшими в Омск архангельскими эсерами. Немедленно были выведены из казарм казачья дивизия под командованием Волкова, 1-й казачий полк войскового старшины Катанаева и отдельный казачий отряд войскового старшины Красильникова⁹². Их разъезды оцепили важнейшие районы города. Около полуночи с 17 на 18 ноября 300 казаков во главе с Красильниковым окружили здание, где собрались эсеры, без единого выстрела разоружили охрану, ворвались в комнату, где находились Авксентьев, Зензинов и Роговский, и арестовали их, заявив, что «действуют от имени Сибирской армии»⁹³. На грузовике арестованных отвезли в штаб Красильникова, где уже находился взятый под стражу у себя на квартире эсер А. А. Аргунов, а затем отправили в казарму.

Переворот был совершен Колчаком при участии руководимого им узкого круга офицеров⁹⁴. Даже его ближайшие гражданские сподвижники узнали о случившемся лишь утром 18 ноября⁹⁵. Около 11 час. утра в помещении совета министров, охранявшемся английским батальоном, собрались члены «правой» части директории (Вологодский, Виноградов) и кабинета министров. Пришел и Колчак. Председательствовавший Вологодский сообщил об аресте Авксентьева, Зензинова, Роговского и Аргунова и предложил считать директорию распавшейся. Чья-то попытка сохранить ее в составе Вологодского, Виноградова и Болдырева была отвергнута, а Виноградов заявил о выходе из директории⁹⁶. За исключением воздержавшегося Виноградова все высказались за установление диктатуры. Колчак назвал это единственным выходом из положения и сослался на мнение «фронта», не сочувствовавшего директории⁹⁷. Затем председательствующий предложил присутствующим на листах бумаги написать фамилию кандидата в диктаторы. Из 13 человек 12 проголосовали за Колчака, 1 — за Болдырева⁹⁸.

Колчак охотно принял «избрание» себя «верховным правителем»⁹⁹. Он произнес заранее заготовленную речь, в которой подчеркнул наличие у него тесных связей с «союзниками» и отрицательное отношение к эсерам¹⁰⁰. Из соображений политической мимикрии вице-адмирал распорядился оформить протокол о переходе власти в его руки таким образом, будто ее добровольно вручило ему правительство. Постановление совета министров от 18 ноября гласило: «Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского правительства, совет министров... постановил: принять на себя всю полноту государственной

⁹¹ Дневник В. Пепеляева, с. 87. После совещания некоторые его участники, не будучи полностью уверены в успехе переворота, спросили Уорда, могут ли они рассчитывать на убежище в его штабе в случае неудачи. Уорд ответил утвердительно, но подчеркнул, «что всякий политический беглец... должен при этом оставить всякую мысль о дальнейшем участии в русских делах», т. е. подталкивал колеблющихся на решительную борьбу (Уорд Д. Ук. соч., с. 81).

⁹² Правительственный вестник, 20.XI.1918.

⁹³ Интервью Авксентьева корреспонденту «New York Herald», цит. по: Гражданская война в Сибири и Северной области. М.-Л. 1927, с. 3).

⁹⁴ На допросе в Иркутске Колчак назвал главными действующими лицами Волкова, Красильникова и Катанаева (см. Допрос Колчака, с. 175).

⁹⁵ «Только в 11 часов (утра 18 ноября) узнал, что переворот произошел,— отметил в дневнике Пепеляев.— «Блок» растерялся. Никто ничего не знал... Жардецкий, которого здесь считают всезнающим, абсолютно ничего не знал, узнал лишь утром» (см. Дневник В. Пепеляева, с. 87—88).

⁹⁶ Допрос Колчака, с. 171; Серебренников И. И. Ук. соч., с. 217—218.

⁹⁷ Допрос Колчака, с. 172.

⁹⁸ Серебренников И. И. Ук. соч., с. 218; Дневник В. Пепеляева, с. 88.

⁹⁹ Гинс Г. К. Ук. соч., с. 309.

¹⁰⁰ Серебренников И. И. Ук. соч., с. 218.

власти»¹⁰¹. Это постановление было дополнено другим: «Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках, совмин постановил: передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу А. В. Колчаку, присвоив ему звание верховного правителя»¹⁰²; Колчак настоял на присвоении ему звания верховного главнокомандующего. Совмин согласился с этим и специальным указом произвел его из вице-адмиралов в адмиралы¹⁰³. Затем было составлено обращение к населению. «Колчак сказал, — записал 19 ноября в дневнике Пепеляев, — что обращение нужно для союзников, причем они хотят, чтобы было сказано о демократии, отсутствии реакционных намерений»¹⁰⁴. В обращении действительно содержалось обещание обеспечения населению «в соответствии с демократическими целями союзников» «первичных основ правопорядка»¹⁰⁵. Арест Авксентьева, Зензинова, Роговского и Аргунова объявлялся актом самочинным, «произведенным по безответственной инициативе нескольких военных чинов»¹⁰⁶. Арестованным объявили 19 ноября, что их освободят при условии немедленного отъезда за границу. Все четверо поспешили дать на это согласие и в ночь с 20 на 21 ноября специальным поездом под охраной 40 казаков Красильникова и 15 английских солдат во главе с офицером выехали во Владивосток¹⁰⁷, а оттуда морем через США прибыли в Европу. Генерала Болдырева уволили в отставку, и он эмигрировал в Японию.

Крупная буржуазия, кадетские и монархические организации одобрили колчаковский переворот. «Торгово-промышленные и разные общественные организации... выразили готовность меня поддержать»¹⁰⁸, — известил Колчак Дутова 20 ноября. По словам Пепеляева, его сообщение о перевороте вечером 18 ноября на конференции кадетов «было встречено восторженно»¹⁰⁹. Реакция правительства Антанты на установление диктатуры была демонстративно положительной. В Верховном совете Антанты наблюдалось «очень хорошее отношение к Омскому правительству, в частности к Колчаку»¹¹⁰. Правительство Великобритании предоставило ему право распоряжаться «английскими войсками для поддержания порядка»¹¹¹. Из Вашингтона сообщили, что «Колчак известен и вполне приемлем Америке»¹¹², а переворот расценивают как важный акт «процесса национальной консолидации»¹¹³. Поддержка Антанты обеспечила затем Колчаку признание его «верховным правителем» со стороны белогвардейских генералов Деникина, Юденича, Миллера, атамана Дутова, а также Хорвата. Несколько иную позицию заняла Япония. Поэтому ее ставленник Семенов не подчинился Колчаку. «Японское общественное мнение не одобряет Колчака», — телеграфировал Семенову министр иностранных дел Японии Като¹¹⁴.

Враги Советской власти надеялись установлением диктатуры укрепить свои позиции и ускорить удушение социалистической революции. Но кровавый колчаковский режим продержался лишь около года. Последующий разгром колчаковщины стал одним из очередных успехов трудового народа в ходе гражданской войны и борьбы с империалистической интервенцией.

¹⁰¹ Зензинов В. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Париж. 1919, с. 9.

¹⁰² Подробнее см.: Иоффе Г. З. От контрреволюции «демократической» к буржуазно-помещичьей диктатуре (Омский переворот). История СССР, 1982, № 1.

¹⁰³ Там же, с. 9—10.

¹⁰⁴ Дневник В. Пепеляева, с. 28.

¹⁰⁵ Коллекция ЦГАОР СССР, воззвание Омского правительства от 19 ноября 1918 года.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Гражданская война в Сибири и Северной области, с. 6; Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Т. 2. Белград. 1930, с. 158.

¹⁰⁸ Коллекция ЦГАОР СССР, разговор по прямому проводу Колчака с Дутовым.

¹⁰⁹ Дневник В. Пепеляева, с. 88.

¹¹⁰ Коллекция ЦГАОР СССР, посол во Франции Маклаков — МИД (Омск), 28.XI.1918.

¹¹¹ Там же, разговор по прямому проводу Колчака с Дутовым, 20.XI.1918.

¹¹² Там же, Гревс — Ключникову, 25.XI.1918.

¹¹³ Там же, посланник в США Бахметьев — МИД (Омск), 4.XII.1918.

¹¹⁴ Там же, министр иностранных дел Японии Като — Семенову, 27.XI.1918.

КЭМП-ДЭВИД: ЯЩИК ПАНДОРЫ

Ю. В. Глухов

Вот уже многие десятилетия Ближний Восток является одним из опаснейших очагов напряженности. Силы империализма и международного сионизма прибегают здесь ко все новым авантюрам. Очередным актом агрессии стала пятая ближневосточная война, вспыхнувшая в июне 1982 года. Совершив нападение на Ливан, грубо поправ суверенитет и независимость этой страны, Тель-Авив учинил расправу над ливанцами и палестинскими беженцами, оккупировал значительную часть ливанской территории, прибег к вооруженным провокациям и военному шантажу Сирии. В чем истоки ливанской трагедии? Почему так разнузданно ведет себя израильская военщина, устроив кровавую оргию на ливанской земле? Что подтолкнуло ее на новые злодеяния?

Советские ученые так оценивают причины ближневосточного конфликта: «Внутренние — это противоречия между сионизмом, а позже и Израилем, проводящим экспансионистский курс, с одной стороны, и арабским народом Палестины, арабскими государствами — с другой. Внешние — это политика империалистических государств после второй мировой войны, главным образом Соединенных Штатов Америки, оказывающих прямую поддержку экспансионистскому курсу Израиля и использующих ближневосточный конфликт в интересах борьбы с национально-освободительными силами в этом районе и мировым социализмом»¹. Чтобы убедиться в справедливости этих слов, достаточно обратиться к ближневосточной истории последних лет, и прежде всего к тому, что связано с Кэмп-Дэвидом.

«Кэмп-Дэвид» — это выражение вошло в политический лексикон как синоним политики соглашательства, попустительства и закулисных сделок. В сентябре 1978 г. в Кэмп-Дэвиде, летней резиденции американских президентов, были подписаны сепаратные договоренности между премьер-министром Израиля М. Бегином и египетским президентом А. Садатом при участии президента США Дж. Картера. Они оформлены в виде двух документов. Это «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку»². Первый документ содержал условия египетско-израильской сепаратной сделки, второй — фактически предусматривал ее распространение на другие арабские страны, участвующие в ближневосточном конфликте. Стороны обязались в трехмесячный срок заключить между собой мирный договор (этот период затянулся еще на три месяца из-за египетско-израильских разногласий). Тель-Авив согласился вывести свои вооруженные силы с оккупированной египетской территории — Синайского полуострова.

«Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку» провозглашались «надлежащей основой для мира не только между Египтом и Израилем, а также между Израилем и каждым из его соседей». Особый упор в кэмп-дэвидских договоренностях делался на т. н. плане решения палестинской проблемы. Египет и Израиль, посягая на чужие права, договорились провести переговоры об условиях создания выборного органа самоуправления на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. К этой сделке планировали подключить Иорданию. Однако «автономия» отнюдь не означала прекращения израильской оккупации. Израиль не собирался отдавать палестинцам все свои полномочия и выводить войска с их земель. В частности, предусматривалось, что израильские войска будут переведены в специально оговоренные районы для обеспечения безопасности.

¹ Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М. 1978, с. 3.

² Правда, 25.XI.1978.

Договоренности, выработанные в Кэмп-Дэвиде, легли в основу мирного договора между Израилем и Египтом, который был подписан в Вашингтоне 26 марта 1979 г. на зеленой лужайке Белого дома. В этой церемонии приняли участие все те же лица — Бегин, Садат, Картер. Согласно его ст. 1, предусматривалось прекращение состояния войны между договаривающимися сторонами и отвод Израилем своих вооруженных сил и гражданского персонала с Синайского полуострова. Эвакуация должна была осуществляться поэтапно в течение трех лет и завершиться к апрелю 1982 года. Так, в течение первых девяти месяцев со дня обмена документами о ратификации договора израильтяне обязались вывести свои войска на линию, проходящую восточнее Эль-Ариша до Рас-Мухаммеда. Сразу после завершения этого этапа вступал в действие пункт 3 ст. 3, предусматривающий нормализацию отношений — «полное признание, установление дипломатических, экономических и культурных отношений, прекращение экономических бойкотов и отказ от возведения дискриминационных барьеров на пути свободного передвижения людей и товаров»³. В письме на имя Картера Садат подтвердил, что в течение месяца со дня завершения отвода израильских войск на временную линию Египет направит посла в Израиль и примет постоянного израильского посла в Египте.

Однако возвращение Синайского полуострова было обусловлено такими ограничениями, которые ущемляли суверенитет Египта. Практически весь Синай превращался в демилитаризованную зону. Согласно договору, вдоль западного берега полуострова может быть размещена только одна египетская дивизия. Основная часть Синая — это зона ограниченных вооружений (до 4 батальонов египетских пограничных сил) и «зона размещения войск ООН, шириной до 20 километров вдоль международной границы»⁴. Как известно, Организация Объединенных Наций не разрешила использовать свой авторитет для прикрытия сепаратной сделки и аннулировала мандат на размещение своих сил на Синае. Они были заменены т. н. многонациональными силами, созданными США. Эти силы водворились и в Шарм-аш-Шейхе, который фактически был полностью изъят из-под контроля Египта. Египетские ВВС не имеют права использовать аэродромы на Синае.

Что касается израильской военщины, то для нее зона ограниченных вооружений лимитируется лишь 3 км к востоку от границы с Египтом. Там разрешено дислоцировать 4 израильских батальона⁵. За ними могут располагаться любые боевые части Израиля. Таким образом, с израильской стороны не создаются демилитаризованные зоны или зоны размещения «многонациональных сил». Налицо приобретение Тель-Авивом односторонних преимуществ для обеспечения своего военного превосходства. К тому же израильские суда получили свободу прохода по Суэцкому каналу, и США компенсировали Тель-Авиву утрату военно-воздушных баз на Синае, обязавшись построить две новые в пустыне Негев, а Египет в приложении к протоколу 3 взял на себя обязательство снабжать Израиль нефтью.

Египетско-израильский договор юридически закрепил дезертирство Каира с фронта общесарабской борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии. Ст. 6 договора предусматривает его приоритет над любыми другими договорными обязательствами Египта⁶, и ее капитулянтский смысл Каиру не удалось замаскировать даже т. н. согласованными примечаниями, сделанными к договору. По сути дела, Египет не вправе распоряжаться собственной территорией — Синайским полуостровом. Любые поправки в отношении размещения «зон ограничения вооруженных сил» и «многонациональных сил» могут быть впесены в договор только с «обоюдного согласия сторон»⁷. Помимо того, Каир и Тель-Авив при участии США посягнули на права палестинцев. Не позднее чем через месяц после обмена документами о ратификации договора Египет и Израиль решили начать переговоры

³ United States Policy Statement Series, 1979. The Egyptian — Israeli Peace Treaty. — The White House Monday, March 26, 1979.

⁴ Protocol Concerning Israeli Withdrawal and Security Arrangements. Annex I, art. 11. — Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ The Egyptian — Israeli Peace Treaty, art. 6. — Ibid.

⁷ Agreed Minutes to art. I, IV, V, VI and Annexes I and III of Treaty of Peace. — Ibid.

об условиях образования «органов самоуправления» на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. Стороны обменялись также серией приложений и протоколов, составляющих неотъемлемую часть договора. Кроме того, США подписали с Израилем два отдельных меморандума о дополнительных гарантиях Тель-Авиву в случае нарушения договора и о поставках нефти.

Подтолкнув Садата к подписанию сепаратного договора с Израилем, США в то же время перекрыли ему путь к отступлению. Вашингтон гарантировал Тель-Авиву выполнение Каиром договорных обязательств. «Соединенные Штаты,— заявил Бегин,— обещали нам, что они не потерпят нарушения мирного договора, и обязались принять меры, если убедятся в факте нарушения». Предусматривалось расширение американского присутствия в этом районе, обеспечение Тель-Авиву необходимых поставок на чрезвычайной основе, ограничение передачи третьей стороне оружия, которое может быть использовано против Израиля, и т. д. Речь шла и об американском «воздушном наблюдении» за районом, и о том, что если к контролю за выполнением договора не удастся привлечь ООН, то «президент (США.— Ю. Г.) будет готов предпринять такие шаги, которые будут необходимы для того, чтобы обеспечить создание и поддержание каких-то приемлемых альтернативных многонациональных сил»⁸.

Американская печать назвала меморандум о дополнительных гарантиях «страховочной сеткой» договора. Чтобы замаскировать предательский и враждебный по отношению к арабам характер заключенной сделки, было приложено немало усилий. В преамбуле подписанного договора отмечалось, что он является «важным шагом в поисках всеобъемлющего мира в этом районе и урегулирования арабо-израильского конфликта во всех его аспектах». Немало слов о мире прозвучало и на торжественной церемонии в Вашингтоне. Картер говорил о наступлении «новой эры», когда «насилие больше не будет царить на Ближнем Востоке». Садат также провозглашал приход «эры любви», а Бегин ратовал за «вечную дружбу между Америкой, Египтом и Израилем»⁹. Но никакой словесный камуфляж не мог скрыть истинного положения дел. Египетско-израильский договор не только не представлял собой этапа на пути к всеобщему урегулированию, а создавал новые препятствия, еще туже затягивал узел ближневосточных противоречий, сеял семена новых конфликтов и потрясений в этом районе.

Как же готовилась камп-дэвидская сделка? Когда началось грехопадение Садата? Насколько активной была роль вашингтонской и тель-авивской дипломатии? Известно, что западная пропаганда внесла свою лепту, умело играя на слабых струнах египетского президента — его тщеславии, амбициозности, превознося до небес его государственную мудрость и дальновидность за участие в сепаратном сговоре. Но все больше фактов становится известно и о закулисной стороне дела, о том, как происходила манипуляция действиями Садата.

22 февраля 1977 г. газета «The Washington Post» опубликовала материал о платежах ЦРУ различным деятелям на Ближнем Востоке. «Время, усилия и деньги, которые ЦРУ вложило в создание сети тесных и взаимосвязанных отношений с влиятельными творцами арабской политики,— писала газета,— по-видимому, вполне окупили себя». В качестве одного из основных получателей был назван Камаль Адхам, глава службы безопасности Саудовской Аравии и связной ЦРУ. «Адхам, свояк покойного короля Фейсала,— цитируем далее газету,— стал одним из наиболее важных коммерсантов на Ближнем Востоке, который кладет в свой карман комиссионные за продажу Саудовской Аравии самолетов «Бонинг» и «Локхид» через корпорацию, которая находится под контролем его семьи и его приближенных. Адхам — стержневая фигура в арабской политике, влияние и деловые связи которого выходят далеко за пределы его собственной страны. С одной стороны, он близок к королевской династии в Саудовской Аравии, с другой стороны — к президенту Египта Анвару Садату. Близкие друзья Адхама в Саудовской Аравии называют его «другом Америки» и одним из самых ловких политических деятелей на Ближнем Востоке».

⁸ The Egyptian — Israeli Peace Treaty.— Ibid.

⁹ Международная жизнь, 1979, № 5, с. 91.

В 60-е годы Адхам всячески поощрял Садата, обеспечивал ему, бывшему в то время вице-президентом Египта, постоянный частный доход. В сентябре 1970 г., после смерти Г. А. Насера, Садат стал президентом, а спустя восемь месяцев подавил заговор, якобы имевший целью свергнуть его. «В кругах разведки высказывают предположение, что о существовании заговора Садата уведомило ЦРУ. В июле 1972 г. Садат изменил курс ближневосточной политики, неожиданно выслал из Египта советских военных советников, приглашенных еще Насером, и подготовил тем самым почву для дипломатического «медового месяца» в своих отношениях с бывшим государственным секретарем Генри Киссинджером после арабо-израильской войны 1973 года»¹⁰.

Не кто иной, как Адхам, тайно появился в Каире в первой половине ноября 1970 г. и вел переговоры с Садатом «относительно русского присутствия в Египте, говоря о том, как сильно это волновало американцев»¹¹. Если бы была завершена первая фаза вывода израильских войск, поставил условие Садат, он мог бы обещать, что «вышлет русских из Египта». Адхам, утверждает М. Хейкал, спросил, может ли он сообщить это американцам, и Садат ответил утвердительно. Когда летом 1972 г. египетский президент заявил о высылке советских военных специалистов, Адхам находился в Каире. В это время министр обороны Саудовской Аравии принц Султан был в Вашингтоне и ждал сигнала. Итак, еще тогда Садат сделал проамериканский жест и... не получил ничего взамен¹².

Эта история будет повторяться постоянно: встав на скользкий путь предательства и двурушничества, Садат скатывался по наклонной плоскости односторонних уступок. Вначале велась беззастенчивая торговля отношениями с Советским Союзом, сыгравшими историческую роль в становлении независимого Египта. «Если бы не советская помощь, — отмечал Насер, — империализм подчинил бы себе нашу страну. Все наши цели были бы растоптаны сапогами захватчиков»¹³. Игнорируя опыт прошлого, Садат в 1976 г. пошел на разрыв советско-египетского договора о дружбе и сотрудничестве. Затем на свет появились его мемуары, порочащие многолетние связи СССР и АРЕ. Но и этого оказалось мало. Чтобы вырвать ответные уступки США и Израиля, Садату оставалось сделать последний шаг — порвать отношения с арабским миром. Добиваясь этой цели, Тель-Авив начал активную игру.

Летом 1976 г. состоялся тайный визит тогдашнего премьер-министра Израиля И. Рабина в Марокко. Он привел к ряду встреч между высокопоставленными представителями египетской и израильской разведок. Тогда эти контакты не дали конкретных результатов. В мае 1977 г. к власти в Израиле пришло правительство правого блока «Ликуд» во главе с Бегинем. Казалось, что бывшему израильскому террористу, руководителю экстремистской организации «Иргун цвей леуми», и египетскому религиозному националисту будет трудно найти общий язык. Но это только казалось. Бегин предпринимает следующий шаг: Садату были переданы сведения, собранные израильской разведкой, о якобы готовящемся заговоре против него. В них утверждалось, что некие левые элементы, обученные в Ливии, замыслили свергнуть правительство в Каире. Садат начал пограничную войну против Ливии. Бегин заставил кнессет заявить, что Тель-Авив не предпримет ничего против египтян на Синае.

«Благородство» Бегина было оценено Садатом. Путь к новой египетско-израильской встрече в Марокко был открыт. В сентябре 1977 г. там побывал М. Даян, назначенный министром иностранных дел Израиля. Он встретился с Хасаном ат-Тухами, доверенным лицом Садата¹⁴. Садат решил поехать в оккупированный Израилем Иерусалим. Он рассчитывал нажить крупный политический капитал. Ставка делалась на сенсационность такого шага. Тайно подготовленная поездка преподносилась как «смелый экспромт», «импровизация», «неожиданность», даже для американцев. На деле в сентябре 1977 г. Садат уведомил Картера о своем на-

¹⁰ The Washington Post, 22.II.1977.

¹¹ Heikal M. The Road to Ramadan. Lnd. 1975, p. 120.

¹² Ibid., p. 183.

¹³ Цит. по: Правда, 19.II.1977.

¹⁴ Newsweek, 3.X.1977; Time, 3.X.1977; The New York Times Magazine, 21.I.1979.

мерении «попытаться предпринять смелый шаг». «Как только стало ясно, что президент Садат собирается в Иерусалим, — свидетельствовал Картер, — мы немедленно начали использовать наше влияние с тем, чтобы убедить другие страны не осуждать это решение»¹⁵. Речь шла в первую очередь об Иордании, Сирии, Ливане, Саудовской Аравии. «Историческая миссия», «событие века» — кричали заголовки западных газет, вещали комментаторы радио и телевидения. Каждое сообщение подавалось как сенсация. Что же до существа дела, то в ответ на паломничество Садата в Иерусалим Бегин не пошел на уступки ни по одному пункту. В речи в кнессете он не упомянул ни о правах палестинских арабов, ни об отходе Израиля с оккупированных земель, ни о решении принять участие в женевских мирных переговорах.

Начавшийся с такой помпой 19 ноября 1977 г. визит Садата в Иерусалим закончился фарсом. Последовавшие после поездки египетско-израильские переговоры зашли в тупик. Выступая в Национальном клубе печати США 7 февраля 1978 г., Садат не скрывал своего отчаяния: «Когда мы сделали все, нам было сказано, что не будет возврата к границам 1967 года. Нам было также сказано, что палестинский народ не имеет права на самоопределение, каковое является одним из основных прав людей. Нам было сказано, что израильское правительство подаст скорее в отставку, нежели согласится на компромисс в вопросе о незаконных поселениях, созданных на арабских землях... Нам было сказано, что арабы, как христиане, так и мусульмане, не могут претендовать на Иерусалим. Хуже того, нам было сказано, что Израиль не нуждается в нашем признании». Так Тель-Авив отреагировал на капитулянтские действия египетского президента и сразу же поставил ультимативные условия. «Нельзя требовать, чтобы уступки делались в одностороннем порядке, — сетовал Садат. — Израильская позиция по мере того, как мы продолжали начатое, не только не смягчается, а, напротив, становится более жесткой».

После неудачи в Иерусалиме положение Садата стало весьма неустойчивым. США предприняли экстренную операцию по спасению своей креатуры. На Ближний Восток отправился государственный секретарь США С. Вэнс с личными посланиями Картера, адресованными Бегину и Садату. В них содержалось приглашение в Кэмп-Дэвид. Здесь с 6 по 17 сентября 1978 г. и проходило трехстороннее совещание. Переговоры были трудными. После второго заседания Садата и Бегина пришлось развести, и до конца переговоров, продолжавшихся через посредников, они за одним столом уже не встречались. Вскоре египетский президент вообще фактически стал узником Кэмп-Дэвида в своей резиденции Догвуд-Лодж. Сдавая одну позицию за другой, на десятый день Садат не выдержал, заявил, что уезжает домой, и потребовал вертолет, так как Даян сообщил ему, что израильтяне не подпишут никаких соглашений. Понадобилось личное вмешательство Картера, чтобы предотвратить провал. На одиннадцатый день переговоров Картер направился в резиденцию Садата, где провел всего 15 минут. Этого времени оказалось достаточно, чтобы египетский президент согласился с казавшимися ему ранее неприемлемыми условиями документа, выработанного американцами. Президент США уговорил Садата «не разрушать свою репутацию самого выдающегося борца за мир и тем самым признать бесплодность знаменитого визита в Иерусалим»¹⁶. Вечером того же дня министр иностранных дел Египта М. И. Камель заявил об уходе в отставку в знак протеста против согласия Садата с навязанными Египту решениями Кэмп-Дэвида. Прошло еще полгода переговоров, пока кэмп-дэвидские договоренности не были, наконец, облечены в форму египетско-израильского мирного договора.

Знакомясь с мемуарами Картера, видишь, какую обструкционистскую позицию занимала израильская делегация по всем принципиальным вопросам ближневосточного урегулирования. Бегин был против каких бы то ни было ссылок на резолюцию 242 Совета Безопасности ООН. «Израиль не может согласиться ни при каких обстоятельствах с документом, который включает фразу «недопустимость приобретения территории путем войн», и я не подпишу его», — заявил он американскому президенту. Такие же возражения выдвигались в отношении ликвидации израиль-

¹⁵ La Revue de Défense Nationale, Août — Septembre 1978.

¹⁶ Carter J. Keeping Faith Bantam Books, 1982. — Time, 11.X.1982, p. 47.

ских поселений на оккупированных территориях, и т. д. Характерно, что под диктовку израильской стороны Картер сформулировал письмо Садату по поводу Восточного Иерусалима. Пойдя на некоторые формальные уступки в Кэмп-Дэвиде, Тель-Авив фактически не изменил своей позиции¹⁷.

26 марта 1979 г. был подписан египетско-израильский мирный договор, а через несколько дней разразился скандал, обнаруживший, какие опасные последствия таит в себе сепаратная сделка для самого Египта. 30 марта в печати появилось письмо премьер-министра АРЕ М. Халиля государственному секретарю США Вэнсу. Египетский премьер протестовал против т. н. меморандума о согласии, подписанного между США и Израилем параллельно с подписанием египетско-израильского мирного договора. Фактически Вашингтон и Тель-Авив вступали в анти-египетский альянс. «Мы были глубоко разочарованы, обнаружив, что Соединенные Штаты согласились заключить соглашение, которое мы рассматриваем как направленное против Египта,— писал Халиль.— Этот меморандум не только не является полезным, но, наоборот, его содержание и цель неблагоприятно отразятся на процессе восстановления мира и стабильности в этом районе земного шара. Содержание запланированного меморандума основано на обвинениях против Египта и предусматривает принятие определенных мер против него в том гипотетическом случае, если договор будет нарушен, причем право определять факт нарушения в основном предоставляется Израилю... Мы уже свыше месяца участвуем в заключительном процессе составления договора, и тем не менее нас не уведомили о намерении Соединенных Штатов дать согласие на подписание подобного меморандума. Более того, нам было сообщено об этом в порядке осведомления, а не в порядке консультаций с нами. Посол США в Египте Эйлтс уведомил меня об этом в 2 часа дня 25 марта, всего за 24 часа до запланированной церемонии подписания договора. Запланированный меморандум можно рассматривать как соглашение, которое со временем может перерасти в союз между Соединенными Штатами и Израилем, направленный против Египта. Он дает Соединенным Штатам право принимать меры, если называть вещи своими именами, карательные меры. Он позволяет обвинить США в сговоре с Израилем с целью создания таких обстоятельств, которые привели бы к американскому военному присутствию в этом районе, что, безусловно, было бы чревато серьезными последствиями, в особенности для стабильности во всем ближневосточном регионе».

Словно издеваясь над египетским президентом, Бегин, выступая на церемонии подписания договора, процитировал 125-й псалом из Библии: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью»¹⁸. На какие же плоды мог рассчитывать Садат? Встав на путь отступничества, он неизбежно становился заложником Кэмп-Дэвида, пленником Вашингтона и Тель-Авива. В конце концов именно этот путь привел его к гибели. Он был убит во время парада в Каире 6 октября 1981 года.

Эрзац-мир, сработанный по вашингтонскому рецепту, вызвал бурю недовольства и возмущения в арабских странах, включая Египет. Многотысячные демонстрации протеста прошли в Дамаске, Багдаде, Триполи, Алжире, Бейруте, Аммане. День подписания унижительных документов был объявлен «днем траура» на оккупированных Израилем арабских территориях. Там была проведена всеобщая забастовка. 27 марта в Багдаде собрались министры иностранных дел, экономики и финансов арабских стран. Багдадская конференция стала трибуной осуждения сепаратистской политики и разоблачения происков американского империализма и израильских агрессоров. Конференция приняла 23 резолюции, предусматривающие применение политических и экономических санкций против египетского режима после подписания Садатом «мирного договора» с Израилем¹⁹. Было решено немедленно отозвать послов арабских государств из Египта, рекомендовать странам — членам Лиги арабских стран (ЛАС) разорвать политические и дипломатические отношения с Каиром, приостановить членство Египта в ЛАС. Министры приняли решение временно перенести в Тунис штаб-квартиру ЛАС, ее генеральный секрета-

¹⁷ Ibid., pp. 36—53.

¹⁸ Time, 4.IV.1979.

¹⁹ Правда, 2.IV.1979.

риат и другие учреждения лиги. Конференция осудила политику, проводимую США, и их роль в подписании соглашений Кэмп-Дэвида и египетско-израильского договора. Совет ЛАС на уровне министров иностранных дел, экономики и финансов вынес решение прекратить предоставление любых займов, гарантий, банковских средств, финансовой помощи со стороны арабских правительств или их организаций египетскому правительству и его организациям, запретить предоставление Каиру экономической помощи из арабских фондов, банков и финансовых организаций в рамках ЛАС. Участники конференции условились распространить положения об арабском бойкоте Израиля на компании, организации и отдельных лиц Египта, которые прямо или косвенно ведут дела с Израилем.

Сепаратная сделка была подвергнута критике и в самом Египте. Военный пакт с участием Египта и Израиля, который создают США, говорилось в заявлении Национально-прогрессивной (левой) партии (НПП) Египта, направлен на то, чтобы заблокировать Сирию, Ливию, Демократический Йемен, революционное движение в Омане, другие прогрессивные режимы и движения не только на Ближнем Востоке, но также в Африке и Юго-Западной Азии. Для того, чтобы Египет вместе с Израилем встал на защиту стратегических и экономических интересов США, Вашингтон собирается снабдить его американским оружием. Эта сделка, отмечала НПП, заключена в ущерб политическим и экономическим интересам Египта, за счет его полной изоляции в арабском мире. Она способствует достижению целей империализма, который стремится окончательно подорвать арабское национальное единство, помешать социально-экономическому прогрессу арабских народов²⁰. «Мы, политические деятели, участвовавшие в осуществлении славной египетской революции 1952 года, — говорилось в обращении бывших членов руководящего революционного совета, — как и все египтяне, стремимся к миру и освобождению земель, находящихся под гнетом израильской оккупации; вместе с тем мы хорошо знаем, что существует большая разница между подлинным миром, основанным на справедливости, обеспечивающим безопасность и национальный суверенитет и возвращающим права их владельцам, и фальшивым миром, ведущим не к возвращению прав, не к установлению стабильности, а к утрате плодов прошлой борьбы и надежд на будущее».

Что касается египетско-израильского соглашения в отношении Синайского полуострова, отмечалось в обращении, то оно является не чем иным, как сепаратным документом со всеми вытекающими из этого негативными последствиями, и прежде всего для самого Египта. По этому соглашению Египет отказывается от своих обязательств по отношению к арабским народам, несмотря на то, что постоянная конституция АРЕ характеризует его как «неотъемлемую часть арабской нации». Выход Египта из конфронтации с Израилем серьезнейшим образом ослабляет единый арабский фронт, приводит к уменьшению его собственного могущества, создает угрозу того, что он станет жертвой американо-израильского заговора. Будущее Египта невозможно себе представить в отрыве от арабского мира, в котором происходит процесс взаимодополнения и взаимообогащения арабских народов, связанных единством земли и общностью судеб. Изоляция Египта от остальной части арабского мира — давняя мечта всех колонизаторов и империалистов — осуществляется сейчас путем навязывания ему военного, экономического и политического господства со стороны сионизма и вовлечения всего Ближнего Востока в орбиту американского империалистического влияния.

Подписание под эгидой США египетско-израильского договора не является шагом в направлении установления прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке, заявил Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля М. Вильнер. Наоборот, это шаг против мира. Договор противоречит интересам как арабских народов, так и израильского народа. Оккупация и мир несовместимы, отмечал М. Вильнер. Шумиха, раздуваемая вокруг договора, — обман народов. Их стремление к миру пытаются цинично использовать для осуществления авантюристических планов американского империализма²¹. Какой мир может строиться на

²⁰ Там же, 29.III.1979.

²¹ Там же, 31.III.1979.

подхлестывании гонки вооружений в масштабах, беспрецедентных даже для Ближнего Востока?

К сожалению, арабский фронт не был единым в осуждении Кэмп-Дэвида. Судан, Сомали и Оман не приняли участия в бойкоте, не порвали дипломатических отношений с Каиром и продолжали поддерживать с ним тесные контакты. Но в целом позиция арабских государств, нашедшая решительную поддержку у стран социализма, сорвала планы США и Израиля вовлечь в орбиту Кэмп-Дэвида новых участников.

Почему же кэмп-дэвидский «мир» оказался фикцией? Чтобы яснее понять это, нужно обратиться к существу ближневосточного конфликта, его основным проблемам. Как известно, 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о ликвидации английского мандата на Палестину и о создании на ее территории двух независимых государств — арабского и еврейского. Арабскому государству с населением 700 тыс. арабов и 10 тыс. евреев предоставлялась территория в 11,1 тыс. кв. км; Израильскому государству с населением 498 тыс. евреев и 497 тыс. арабов отводилась территория в 14,1 тыс. кв. км; Иерусалим с окрестностями с населением 105 тыс. арабов и 100 тыс. евреев выделялся в самостоятельную единицу с международным статусом²².

14 мая 1948 г. было провозглашено государство Израиль. Одновременно по вине сионистов, империалистических кругов Запада и реакционных сил в арабских странах вспыхнула первая арабо-израильская война (1948—1949 гг.). Арабский народ Палестины так и не смог создать своего государства. Часть его территории (свыше 6 тыс. кв. км) аннексировал Израиль, другая часть (сектор Газа, Западный берег р. Иордан, Восточный Иерусалим) перешла под контроль Египта и Иордании. Еще в 1948 г. вооруженные силы Израиля изгнали с захваченных земель почти 1 млн. палестинских арабов. Так возник вопрос о беженцах как часть палестинской проблемы. В октябре 1956 г. произошло дальнейшее обострение ближневосточной ситуации. В ходе тройственной англо-франко-израильской агрессии против Египта Израиль оккупировал сектор Газа и Синайский полуостров. Однако под давлением мировой общественности, прежде всего Советского Союза и других социалистических стран, был вынужден отступить.

В июне 1967 г. окрепшая израильская военщина решается на самостоятельную авантюру. Нанеся неожиданный удар по трем арабским странам (Египет, Сирия, Иордания), Тель-Авив вновь оккупирует сектор Газа и Синайский полуостров, Западный берег р. Иордан и восточную часть Иерусалима, захватывает принадлежащие Сирии Голанские высоты. Площадь оккупированных территорий составила более 60 тыс. кв. км, т. е. в 4 раза превысила первоначально установленные размеры Израиля. В октябре 1973 г. вспыхнула четвертая арабо-израильская война. Тель-Авиву удалось удержать захваченное, но ценой значительных потерь в людях и технике. Миф о неизменном военном превосходстве над арабами был поколеблен.

Итак, к моменту заключения кэмп-дэвидской сделки урегулирование ближневосточного конфликта диктовало необходимость решения трех основных проблем. Во-первых, территориальной, т. е. освобождения всех арабских земель, оккупированных в 1967 году. Во-вторых, палестинской, т. е. осуществления законных прав палестинцев на возвращение на родину, самоопределение и создание собственного государства. В-третьих, обеспечения безопасности всех государств, включая Израиль, в регионе, который до сих пор является местом перманентных конфликтов.

Принципы справедливого ближневосточного урегулирования общеизвестны. Выработана и правовая основа для решения ближневосточных проблем. Резолюции 242 и 338 Совета Безопасности ООН предусматривают, в частности, вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий, прекращение состояния войны и уважение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в этом районе и их право жить в безопасных и признанных границах. основополагающие принципы урегули-

²² Юго-Западная Азия. М. 1979, с. 355.

рования были подтверждены и в совместном советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 года²³. Генеральная Ассамблея ООН в своих решениях не раз отмечала неоспоримое право арабского народа Палестины на самоопределение, национальную независимость и суверенитет, а Организация освобождения Палестины (ООП) получила признание как единственный законный представитель палестинского народа.

Сепаратная кэмп-дэвидская сделка подрывала основы ближневосточного урегулирования. Подлинный мир несовместим с территориальными захватами, а египетско-израильский сговор, ограничиваясь передачей Египту Синая, фактически санкционировал оккупацию других арабских земель. США и Израиль делали все, чтобы растоптать права палестинцев. Мир и военные приготовления — взаимоисключающие вещи, а кэмп-дэвидские соглашения были пронизаны милитаристским духом. Анализируя последствия кэмп-дэвидской сделки и изменения в ближневосточной политике Вашингтона, советские ученые пришли к четкому заключению, что частичный отвод израильских войск с Синая отнюдь не был «этапом всеобщего урегулирования», в чем пытаются убедить участники сделки. В Кэмп-Дэвиде «американо-израильско-египетский сговор оформлялся за счет коренных интересов арабского народа Палестины. От признания необходимости «отечества» для палестинцев администрация Картера сползла к прямому отрицанию неотъемлемого права палестинцев на самоопределение и создание собственного государства, взяв одновременно курс на игнорирование единственного законного представителя палестинского народа — ООП... Международные гарантии, которые должны были обеспечить надежность ближневосточного урегулирования и безопасность конфликтующих сторон, подменялись односторонними обязательствами США в отношении участников сепаратного сговора, предусматривающими увеличение поставок им американского оружия и наращивание прямого «военного присутствия» США на Ближнем Востоке, что само по себе создавало дополнительную угрозу миру и стабильности в этом регионе. Это означало фактически замену политического урегулирования ближневосточного конфликта созданием нового военно-политического альянса, с помощью которого США стремились укрепить свои позиции на Ближнем Востоке»²⁴.

Выполняя кэмп-дэвидские договоренности, в феврале 1980 г. Тель-Авив и Каир обменялись послами. Между ними произошла «полная нормализация» отношений. Были открыты границы. Египет даже обязался снабжать Израиль нефтью и водой. Участился обмен визитами государственных деятелей двух стран. 25 апреля 1982 г. Израиль вернул Египту последнюю часть оккупированного им Синайского полуострова. Но «нормализация» египетско-израильских отношений находилась в резком контрасте с обстановкой на Ближнем Востоке. Одной из основных задач тель-авивских лидеров было внесение раскола в арабский мир с тем, чтобы расправляться с арабскими странами поодиночке. В отношении Египта, крупнейшей арабской страны, эта задача была достигнута. Кэмп-дэвидская сделка поощрила Израиль на новые акты экспансии и агрессии. Первой жертвой сговора в Кэмп-Дэвиде явился Ливан.

Уже паломничество Садата в Иерусалим развязало руки израильской воюющей. Она почувствовала, что ее египетский тыл в безопасности, и бросилась в новую авантюру. В ночь на 15 марта 1978 г. танковые и мотопехотные соединения Израиля вторглись на территорию Ливана на всем протяжении ливано-израильской границы²⁵. Вторжение осуществлялось по четырем направлениям. На Аль-Байяду и Рашидию наступление вела 1-я пехотная бригада, в направлении Бинт-Джубайль, Айната-Кафра — 132-я танковая дивизия Израиля. Вдоль р. Литани наступала 136-я танковая дивизия. Она же вела наступление к г. Марджаюн и далее в район Аркуба. Морской десант был высажен в районе Тира. Одновременно бомбардировке подверглись южноливанские города и населенные пункты,

²³ Правда, 2.X.1977.

²⁴ Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца (закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке). М. 1980, с. 283.

²⁵ Азия и Африка сегодня, 1978, № 8, с. 4—6.

включая столицу Бейрут. Бомбежки, обстрелы велись и ночью. Израильские самолеты, сбрасывая осветительные бомбы, корректировали огонь артиллерии. Израильская интервенция сразу же приняла масштабы тотальной войны против независимого суверенного арабского государства. В Ливан было брошено свыше 35 тыс. израильских солдат, или $\frac{1}{4}$ израильской армии. Оккупации подверглась $\frac{1}{5}$ территории Ливана вплоть до р. Литани.

Почему же именно Ливан стал мишенью израильских происков? Ведь эта небольшая арабская страна не участвовала ни в «шестидневной войне» 1967 г., ни в октябрьской войне 1973 года. Нанося удары по Ливану, Тель-Авив преследовал несколько целей. Ливан дал приют 300—400 тыс. палестинских беженцев. Здесь располагались центры Палестинского движения сопротивления (ПДС), его базы, вооруженные отряды, штаб-квартира ООП. Обескровить и обезглавить ПДС, лишить палестинцев их руководящего органа — такова была цель провокационных действий Тель-Авива против Ливана. Еще в декабре 1968 г. израильтяне предприняли разбойничье нападение на международный бейрутский аэропорт. Высадившаяся десантная группа сожгла на взлетной полосе больше десятка самолетов. С 1972 г. под предлогом «борьбы с палестинскими террористами» Тель-Авив начал совершать систематические военные операции против Ливана. Израильские войска, применяя танки, артиллерию, авиацию, вторгались в южные районы страны, уничтожая лагерь палестинских беженцев и ливанские населенные пункты. Крупная диверсия была осуществлена в Бейруте в 1973 г., когда израильские «коммандос» высадились на побережье, проникли в город и совершили ряд террористических актов, в результате которых погибли несколько видных палестинских деятелей и члены их семей. В июне 1976 г. Израиль прибег к блокаде портов Тир и Сайда.

Тель-Авив использовал в своих интересах гражданскую войну 1975—1976 гг. в Ливане. Стремясь затянуть междоусобицу и помогая правохристианским силам, израильские лидеры хотели задушить палестинцев руками ливанцев. Ввод в Ливан межарабских сил по поддержанию мира, главный костяк которых составили сирийские войска, сорвал эти планы, положив конец ливанскому кризису. Таким образом, израильское вторжение 1978 г. в Ливан было и открытой угрозой в адрес Сирии, попыткой заставить ее отказаться от поддержки палестинцев, подтолкнуть Дамаск на кэмп-дэвидский путь. Наконец, расчет делался на установление в Бейруте режима, удобного Израилю и США.

Интервенция 1978 г. захлебнулась. 19 марта Совет Безопасности ООН принял резолюцию, призвавшую Израиль срочно прекратить военные действия против Ливана и незамедлительно вывести свои войска со всей территории этой страны. Он выразил глубокую обеспокоенность в связи с ухудшением положения на Ближнем Востоке и его последствиями для поддержания международного мира и указал, что это мешает достижению справедливого мира в данном районе. Совет Безопасности призвал к уважению территориальной целостности, суверенитета и независимости Ливана. Резолюция предусматривала также немедленное создание сил ООН по поддержанию мира в Ливане. К середине июня 1978 г. Израиль был вынужден отступить с большей части оккупированной ливанской территории, сохранив под контролем анклав на юге страны, где израильская марионетка ливанский майор Хаддад провозгласил создание «государства свободный Ливан».

Не добившись в те месяцы поставленных целей, израильская военщина не отказалась от своих планов. Она убедилась, что ей нечего опасаться реакции Египта; что он крепко сидит на поводке кэмп-дэвидских соглашений; что США обеспечат ей необходимое политическое и военное прикрытие. Воинственные настроения подогревались давними территориальными притязаниями Израиля на ливанскую территорию. В ливанской «Белой книге» о преступлениях израильской военщины говорится: «Сионисты нуждаются и в водных ресурсах, и в земле Южного Ливана. И это они не пытаются скрыть перед мировым общественным мнением. А посему они открыто провозгласили свои намерения в отношении Ливана. Поскольку Израиль часто сталкивается с невозможностью претворения в жизнь планов развития, в частности в пустыне Негев, из-за нехватки гидроресурсов, он ищет их по соседству, в первую очередь в Палестине. Примечателен один документ, представ-

ленный сионистским движением на Версальской мирной конференции, в котором содержалось требование включения реки Литани во внутренние границы национального еврейского образования. На первом сионистском конгрессе, состоявшемся в Базеле в 1897 году, руководители движения дали понять, что они не против того, чтобы прибрать к рукам Палестину и соседние арабские земли с тем, чтобы расселить там 2 млн. евреев. В то же время сионисты стремились получить согласие на аннексию юга Ливана»²⁶.

В своем дневнике первый премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион записал: «Ахиллесова пята арабской коалиции — Ливан. Мусульманское превосходство в этой стране является искусственным и может быть легко ликвидировано. Христианское государство должно быть установлено там с южной границей по реке Литани. Мы бы подписали договор о союзе с таким государством». Этот план Бен-Гуриона сопровождался не менее злобными замыслами разбомбить Амман, Порт-Саид, Александрию и Каир²⁷.

6 июня 1982 г. крупные соединения танков и бронемашин израильской армии пересекли ливанскую границу. Они двинулись по трем направлениям: на западе — на г. Тир, на востоке — на район Шебаа и на юго-востоке — на г. Набатия. Наступление сухопутных войск было поддержано самолетами, вертолетами и военно-морскими силами. Израильское вторжение приняло масштабы новой, пятой по счету, арабо-израильской войны. В Ливане была сосредоточена 100-тысячная армия оккупантов. По отдельным данным, туда было брошено 1300 танков, 1300 бронетранспортеров, 13 тыс. автомашин²⁸. Тель-Авив оккупировал более трети Ливана и начал многодневную осаду ливанской столицы. Одновременно серия ударов была обрушена на сирийские части, находившиеся в Ливане в составе межарабских сил по поддержанию мира.

Война, развязанная израильскими агрессорами в Ливане, стала самой безжалостной и кровопролитной за всю историю арабо-израильских войн. Десятки тысяч убитых и раненых, сотни тысяч людей, лишенных крова, разрушенные города и села, разгромленные лагеря палестинских беженцев — таковы результаты бесчинств израильской солдатни на ливанской земле. Никогда еще человеконенавистнический, расистский характер международного сионизма, вскормленного американским империализмом, не представал в таком хищном, зверином обличье. Не случайно трагедия Ливана возродила в памяти человечества самые мрачные картины прошлого, преступления нацистской Германии. Мир был потрясен, когда увидел, сколь непомерны амбиции израильских лидеров, готовых вымостить трупами людей дорогу к осуществлению бредовых идей создания «великого Израиля», и как далеко простирается поддержка Вашингтоном агрессивных планов Тель-Авива. Агрессор прибег к планомерному, расчетливому истреблению палестинского и ливанского народов, мирных жителей — мужчин и женщин, детей и стариков.

В свете трагических ливанских событий еще более отчетливо проявилась та роль, которую играет американско-израильский альянс в деле подавления свободы и независимости арабских народов. Новая агрессия Израиля была, несомненно, предпринята с согласия и при поддержке Вашингтона, который до зубов вооружил агрессора и подталкивал его на проведение преступных акций. Израиль занимает первое место среди стран, получающих военную помощь США. За последние 30 лет Вашингтон предоставил Израилю оружие и военную технику на сумму в 20 млрд. долларов. Из 567 военных самолетов, которыми располагали израильские ВВС до ливанской войны, 457 были американскими, оплаченными из американской безвозмездной помощи и американских кредитов. Еще 80 самолетов — израильские истребители «Кфир» — работают на двигателях, сконструированных американской компанией «Дженерал электрик»²⁹.

Незадолго до вторжения в Ливан перед Израилем вновь были широко открыты двери арсеналов Пентагона. Были одобрены поставки еще 75 американских истре-

²⁶ La Rude Epreuve du Liban-Sud. Beyrouth. 1981.

²⁷ The Middle East International, 18.VI.1982.

²⁸ The Associated Press, 23.VI.1982.

²⁹ Правда, 10.IX.1982; The Washington Post, 12.IX.1982.

бителей-бомбардировщиков «Ф-16», тех самых, которые уничтожали все живое на ливанской земле. На 300 млн. долл. были увеличены военные кредиты Тель-Авиву. Очевидно, министр обороны Израиля М. Шарон, побывавший в мае 1982 г. в Вашингтоне с визитом, согласовал план военных действий со своими коллегами из Пентагона. Как известно, еще в 1981 г. был подписан американо-израильский меморандум о «стратегическом сотрудничестве». Он предусматривает координацию милитаристских акций Тель-Авива и Вашингтона. Стороны обязались оказывать друг другу помощь для обеспечения своих акций на Ближнем Востоке, осуществлять совместные военно-морские и военно-воздушные учения. Пентагон закрепил за собой право пользоваться израильской территорией как плацдармом, ремонтной базой и местом складирования оружия. Меморандум предусматривал и создание координационного совета министров обороны двух стран.

Более того, президент США Р. Рейган сделал поощрительный знак премьер-министру Израиля Бегину, написав ему накануне агрессии: «Как вы знаете, безопасность Израиля по-прежнему является моей первой заботой». Но ведь безопасности этого государства никто не угрожает. Наоборот, именно Израиль угрожал и угрожает территориальной целостности, независимости и суверенитету арабских государств. Экспансионистские устремления Тель-Авива после Кэмп-Дэвида, его притязания на чужие земли стали еще более наглыми, а действия — более вызывающими. 30 июля 1980 г. кнессет одобрил закон, провозглашающий Иерусалим «единой и неделимой» столицей Израиля. В июне 1981 г. израильские самолеты нанесли удар по предместьям Багдада. Мишенью стал ядерный реактор, строящийся при техническом содействии Франции. Подверглась нападению еще одна арабская страна, причем не имеющая непосредственной границы с Израилем. В декабре того же года Тель-Авив объявил о распространении своей юрисдикции на Голанские высоты, пытаясь узаконить аннексию этой части сирийской территории³⁰.

Интервенция в Ливане стала очередной ступенью в серии авантур. Израиль рассчитывал на легкую победу. Но его планы быстро принудить к капитуляции палестинцев и навязать Ливану «новый порядок» не оправдались. Агрессоры столкнулись с упорным сопротивлением палестинцев, чье мужество вызвало восхищение мировой общественности. «Бойцы ООН, которых мы называли сбродом, показали в ходе этой войны упорство и ум, которые не следует недооценивать, — такие признания публиковала на своих страницах израильская газета «Yedioth Ahronoth» 18 июня 1982 г. — Израильские солдаты, много лет презиравшие феодалов, осознали эту горькую истину на собственном печальном опыте. Юные бойцы ООН, встав во весь рост с гранатометами в руках, шли на танки, демонстрируя немалую отвагу».

Тель-Авив понес серьезные потери. Даже по официальным данным, за первый месяц войны число убитых и раненых израильтян достигло почти 2 тыс. человек. Пропорционально населению Израиля это то же, что 100-тысячные потери для США. Агрессия легла тяжелым бременем на экономику страны. Более двух месяцев продолжалась осада Западного Бейрута. Но израильские интервенты не смогли взять город силой оружия. Руководствуясь гуманными соображениями и стремясь избежать новых жертв среди мирного населения, палестинские вооруженные формирования согласились покинуть ливанскую столицу. Для осуществления этой операции в Бейрут прибыли американские, французские и итальянские подразделения. США дали гарантии, что после ухода палестинских отрядов оставшееся там мирное палестинское население не будет подвергаться репрессиям и насилиям, а израильские солдаты не вторгнутся в беззащитный город.

Выступая 1 сентября по телевидению, Рейган не жалел красок, описывая американские заслуги в ливанских делах: «Сегодня день, которым все мы должны гордиться. Он знаменует собой окончание успешной эвакуации ООН из Бейрута, столицы Ливана. Этот мирный шаг не был бы предпринят без добрых услуг со стороны Соединенных Штатов, и особенно той подлинно героической работы, кото-

³⁰ Agence France Presse, 14.XII.1981.

рую проделал великий американский дипломат Филип Хабиб»³¹. Но американские гарантии обеспечения безопасности палестинцев оказались пустыми обещаниями. Уже 16 сентября израильская военщина захватила Западный Бейрут. Предлогом для вторжения послужило убийство Башира Жмайеля, одного из лидеров правохристианской партии Катаиб, который был избран 23 августа президентом Ливана. Израильские войска были введены якобы для поддержания порядка и обеспечения безопасности в городе. 17—18 сентября кровавая бойня была учинена в палестинских лагерях Сабра и Шатила³². Сотни человек были расстреляны на поле стадиона, превращенного в концентрационный лагерь. Затем бандиты начали прочесывать улицы Сабры и Шатилы, зверски расправляясь с оставшимися в домах женщинами, детьми, стариками. Автору этих строк довелось беседовать с палестинскими беженцами вскоре после этих событий, и они утверждали, что в ней принимали участие израильские солдаты.

Как известно, в Тель-Авиве хотели приписать совершенное преступление фалангистам, но это не удалось. Бегин и Шарон заявили о своей «неинформированности» по поводу происшедшего, однако были изобличены фактами. Командующий израильскими войсками в Бейруте А. Ярон признал, что об убийстве палестинских беженцев ему стало известно 16 сентября, и он сообщил об этом на другой день командующему израильской армией в Ливане А. Дрори, а тот — начальнику генерального штаба Р. Эйтану. Соответствующая информация была передана и по другим каналам. Подполковник израильской военной разведки М. Шеврони дал показания, что рано утром 17 сентября его разбудили, доставив сведения о жертвах в бейрутских лагерях, и он тут же передал их помощнику Шарона. Выяснилось, что вторжение в Сабру и Шатилу и даже его возможные последствия были предметом разговора на заседании кабинета министров Израиля. Более того, по словам английской газеты «Daily Telegraph», Шарон обсуждал этот вопрос и с представителем американского президента на Ближнем Востоке М. Дрейпером (в результате скандальных разоблачений Шарону пришлось уйти в отставку с поста министра обороны).

Итак, США знали о предстоящих событиях, хотя незадолго до того дали письменные гарантии обеспечения безопасности палестинских беженцев после ухода из Бейрута отрядов ООН. «Соединенные Штаты должны разделить бремя ответственности за то, что они не помешали массовой расправе»; приведя эти слова представителей ООН, журнал «Time» цитирует высказывание официального американского лица: «Говоря откровенно, у них есть основание для таких утверждений»³³.

Чудовищное преступление, совершенное в ливанской столице, — плод попустительства США. Они не только вложили оружие в руки убийц. Используя право вето в Совете Безопасности ООН, Вашингтон уже в ходе ливанской авантюры неоднократно срывал принятие эффективных мер для ее пресечения, создавая у Тель-Авива ощущение полной безнаказанности, подталкивая его к новым и новым преступлениям. Этому же служат т. н. новые инициативы вашингтонской администрации, находящиеся в русле сепаратной кэмп-дэвидской дипломатии. В выступлении 1 сентября 1982 г. Рейган развил дальше идею «автономии» для палестинцев на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. Если еще недавно шла речь о возможности трансформации «автономии» в какую-то форму самоопределения для палестинцев путем проведения референдума, то теперь это исключается, утверждает президент. «Автономия» видится как конечная цель. Таким образом, палестинцам отказывают в главном — в национальном самоопределении. В заявлении президента прямо говорится: «Соединенные Штаты не будут поддерживать создание независимого палестинского государства»³⁴. К реализации идеи «автономии» США хотели бы привлечь Иорданию, проводя курс на дальнейший раскол арабских стран. Израиль делает ставку также на то, чтобы навязать сепаратный «мирный»

³¹ Цит. по: Правда, 23.IX.1982.

³² Там же, 17.IX.1982.

³³ Там же, 3.XII.1982; Daily Telegraph, 26.X.1982; Time, 4.X.1982.

³⁴ Правда, 6.IX.1982.

договор Ливану, продолжает прямой военный шантаж в отношении Сирии. В этой связи большое значение имеет единство действий арабских стран, которые в разгар ливанских событий не сумели принять эффективных мер по оказанию помощи жертвам агрессии — ливанцам и палестинцам.

9 сентября 1982 г. в марокканском городе Фесе завершилось XII совещание глав государств и правительств арабских стран. В нем участвовали делегации 19 арабских государств и ООН (отсутствовали представители Ливии, а также Египта, членство которого в ЛАС приостановлено). В принятой декларации участники совещания «воздали должное сопротивлению сил палестинской революции, ливанского и палестинского народов, сирийских арабских вооруженных сил и подтвердили поддержку палестинского народа в его борьбе за восстановление своих неотъемлемых национальных прав». В декларации говорится, что «совещание на высшем уровне, убежденное в способности арабской нации достигнуть своих законных целей и положить конец агрессии, исходя из основополагающих принципов, определенных арабскими совещаниями на высшем уровне, и учитывая стремление арабских стран продолжать всеми средствами деятельность, направленную на установление справедливого мира на Ближнем Востоке», утвердило восемь основополагающих принципов, в соответствии с которыми Израиль должен уйти со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 г., в том числе из арабской части Иерусалима, должны быть ликвидированы поселения, созданные Израилем на арабских территориях после 1967 г., подтверждены права палестинского народа на самоопределение и осуществление его бесспорных и неотъемлемых национальных прав под руководством ООН как его единственного и законного представителя. Западный берег р. Иордан и сектор Газа должны быть переданы под контроль ООН на переходный период, не превышающий нескольких месяцев. Должно быть создано независимое палестинское государство со столицей в арабской части Иерусалима. Совет Безопасности должен гарантировать мир между всеми государствами региона, включая независимое палестинское государство. Он должен также гарантировать соблюдение этих принципов³⁵.

2 декабря 1982 г. в соответствии с решениями совещания в Фесе в Москву прибыла арабская делегация «Комитета семи» во главе с королем Иордании Хусейном Бен Талалом. В ее составе были заместитель Председателя Совета Министров, министр иностранных дел Сирии А. Х. Хаддам, министр иностранных дел Саудовской Аравии С. аль-Фейсал, государственный министр по иностранным делам Марокко М. Бусетта, министр иностранных дел Иордании М. аль-Касем, министр иностранных дел Туниса Б. К. эс-Собси, министр иностранных дел Алжира А. Т. Ибрагими, член Исполкома ООН М. Аббас и генеральный секретарь ЛАС Ш. Клиби. На встрече с этой делегацией Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов подтвердил неизменность принципиального курса, которого придерживается в ближневосточных делах Советский Союз. Он всегда стоял и будет стоять на стороне правого дела арабских народов, их борьбы против израильской агрессии, за свободу и независимость, за справедливый мир на Ближнем Востоке. Было с удовлетворением отмечено, что подход Советского Союза к проблеме всеобъемлющего мирного урегулирования на Ближнем Востоке, изложенный в речи Л. И. Брежнева 15 сентября 1982 г., и одобренные общеарабским совещанием в Фесе принципы такого урегулирования фактически совпадают. Тем самым создается реальная возможность широких скоординированных действий с целью способствовать достижению подлинного мира в этом районе³⁶.

Советские предложения, разработанные в соответствии с установками XXVI съезда КПСС, предусматривают, что справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке может и должен основываться на принципах, соответствующих как общим нормам международного права, так и конкретным решениям Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, относящимся к данной проблеме. Во-первых, должен быть строго соблюден принцип недопустимости захвата чужих земель путем агрессии. А это значит, что арабам должны быть возвращены все оккупированные

³⁵ Там же, II.IX.1982.

³⁶ Там же, 4.XII.1982.

Израилем с 1967 г. территории — Голанские высоты, Западный берег р. Иордан и сектор Газа, ливанские земли. Границы между Израилем и его арабскими соседями должны быть объявлены нерушимыми. Во-вторых, должно быть на практике обеспечено неотъемлемое право арабского народа Палестины на самоопределение, на создание собственного независимого государства на палестинских землях, которые будут освобождены от израильской оккупации, — на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. Палестинским беженцам должна быть предоставлена предусмотренная решениями ООН возможность возвратиться к своим очагам или получить соответствующую компенсацию за оставленное ими имущество. В-третьих, должна быть возвращена арабам и стать неотъемлемой частью палестинского государства оккупированная Израилем в 1967 г. восточная часть Иерусалима, где расположена одна из главных мусульманских святынь — мечеть Аль-Акса. Во всем Иерусалиме должна быть обеспечена свобода доступа верующих к почитаемым местам трех религий — мусульманской, христианской, иудейской. В-четвертых, должно быть обеспечено право всех государств района на безопасное и независимое существование и развитие, разумеется, при соблюдении полной взаимности, ибо нельзя обеспечить безопасность одних, попирая безопасность других. В-пятых, должно быть прекращено состояние войны и установлен мир между арабскими государствами и Израилем. А это означает, что все стороны в конфликте, в том числе Израиль и палестинское государство, должны взять на себя обязательства взаимно уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность друг друга, решать возникающие споры мирными средствами, путем переговоров. В-шестых, должны быть выработаны и приняты международные гарантии урегулирования, а роль гаранта могли бы взять на себя постоянные члены Совета Безопасности ООН или же Совет Безопасности в целом.

Такое всеобъемлющее, действительно справедливое и прочное урегулирование может быть выработано и претворено в жизнь только путем коллективных усилий с участием всех заинтересованных сторон, в числе которых непременно должна быть ООН — единственный законный представитель арабского народа Палестины. Именно такой путь урегулирования имеет в виду советское предложение о созыве международной конференции по Ближнему Востоку, получившее широкую международную поддержку³⁷. 11—13 января 1983 г. в СССР побывала с официальным деловым визитом делегация ООН во главе с Председателем Исполкома ООН Я. Арафатом. Как отмечалось в совместном советско-палестинском коммюнике, опубликованном по окончании переговоров с советскими руководителями, стороны «будут решительно противодействовать попыткам подменить всеобъемлющее справедливое урегулирование сепаратными сделками кэмп-дэвидского типа к выгоде агрессора и на его условиях»³⁸.

Если Кэмп-Дэвид, словно распахнутый мифический ящик Пандоры, стал источником новых бед и потрясений, новых осложнений в регионе, то реализация советских предложений навсегда ликвидировала бы ближневосточный очаг напряженности, положила бы конец повторению трагедий, подобных трагедии ливанского и палестинского народов.

³⁷ Там же, 16.IX.1982.

³⁸ Там же, 14.I.1983.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории и Научных советах АН СССР

70-летие П. А. ЖИЛИНА

18 марта 1983 г. видному специалисту в области военной истории члену-корреспонденту АН СССР Павлу Андреевичу Жилину исполнилось 70 лет.

Уроженец с. Воробьевка Бутурлиновского р-на Воронежской обл., комсомолец 20-х годов, он работал сначала в совхозе, потом в тресте и Наркомате земледелия РСФСР и готовился стать экономистом. Великая Отечественная война изменила его судьбу. П. А. Жилин участвовал в боях с фашистскими захватчиками под Москвой и при освобождении Белоруссии, в 1942 г. вступил в Коммунистическую партию. Уже тогда П. А. Жилин принял решение посвятить свою жизнь исследованию военной истории, изучению опыта борьбы нашей страны с иностранными захватчиками.

В 1946 г. Павел Андреевич окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1949 г. — военно-исторический факультет Университета марксизма-ленинизма, а в 1950 г. — курсы журналистики при Военно-политической академии им. В. И. Ленина. В 1949 г. им была защищена кандидатская диссертация. В 1954 г. Павел Андреевич окончил докторантуру при Военной академии Генерального штаба и защитил докторскую диссертацию. После этого он находился на военно-научной работе в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР, был старшим научным сотрудником, начальником отдела и заместителем главного редактора «Военно-исторического журнала». В 1961—1966 гг. П. А. Жилин возглавлял кафедру истории советского общества Академии общественных наук при ЦК КПСС, являлся ее проректором по научно-исследовательской работе, руководил аспирантами. Одновременно он преподавал в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. В 1961 г. ему было присвоено ученое звание профессора. Под его руководством подготовлен ряд кандидатов и докторов наук. С 1966 г. П. А. Жилин возглавляет Институт военной истории Министерства обороны СССР. В 1968 г. ему присваивается воинское звание генерал-лейтенанта.

Павел Андреевич — автор более 250 печатных работ. Первая его монография, «Контрнаступление Кутузова в 1812 г.» (2-е изд. — 1953), была удостоена в 1951 г. Государственной премии СССР. Им написаны книги «Разгром турецкой армии в 1811 году» (1952), «Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз» (1965; 2-е изд. — 1966); «Гибель наполеоновской армии в России» (1968; 2-е изд. — 1974), «Проблемы военной истории» (1975), «Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность» (1978). П. А. Жилин принимал участие как автор и редактор в подготовке ряда крупных трудов, в том числе: «Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (1956), «Очерки по историографии советского общества» (1965), «Беспримерный подвиг» (1968), «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк» (1970; 2-е изд. — 1973), «Фридрих Энгельс и военная история» (1972), «Вторая мировая война и современность» (1972), «Марксистско-ленинская методология военной истории» (1973; 2-е изд. — 1976), «Очерки советской военной историографии» (1974), «История военного искусства» (1979), «Русская военная мысль. Конец XIX — начало XX в.» (1982). Работы П. А. Жилина пользуются широкой известностью. Они от-

личаются богатством фактического материала, аргументированностью, глубиной обобщений. Ряд его работ издан за рубежом.

Павел Андреевич неоднократно представлял советскую историческую науку на международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, выступал с докладами на VI и VII всемирных конгрессах социологов (Эвиан, 1965; Варна, 1970), XII—XV международных конгрессах исторических наук в Вене (1965), Москве (1970), Сан-Франциско (1975) и Бухаресте (1980), Международном конгрессе по проблемам второй мировой войны (Вашингтон, 1971).

П. А. Жилин ведет активную общественную и научно-организационную работу. Он является членом Гагаринского райкома КПСС, избирался депутатом Московского городского Совета депутатов трудящихся (1965), является заместителем председателя главной редакционной комиссии «Истории второй мировой войны 1939—1945» и «Советской военной энциклопедии», руководит авторским коллективом «Вторая мировая война. Краткая история», является заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР, вице-президентом Международного комитета истории второй мировой войны и Международной комиссии военной истории, председателем советской секции Комиссии историков СССР и ГДР.

Научная, общественная и военная деятельность П. А. Жилина получила высокую оценку. Он удостоен орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды (трижды), «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, монгольского ордена «За боевые заслуги». В 1968 г. он избран членом-корреспондентом АН СССР.

Академик Б. А. Рыбаков

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

26—27 апреля 1982 г. в Москве состоялось расширенное заседание секции проблем культуры социализма Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР, посвященное историографии социалистической культуры. В его работе приняли участие ученые Москвы, Украины, Казахстана, Таджикистана, Латвии, Армении, Сибири, Урала и Северного Кавказа. Открывая заседание, председатель секции чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков отметил, что дискуссия вокруг понятия «предмет культуры» не должна мешать исследованию культурно-исторического процесса и более глубокому изучению различных сфер культуры. Крупным научным завоеванием в методологии является системный подход, позволяющий увидеть явления культуры и в их целостности и в дифференциации. Другим достижением отечественной культурологии можно считать установление принципов типологии культуры в диахронном и синхронном разрезах, позволяющее исследовать культуру как в историческом развитии, так и при комплексном познании ее типов.

Л. Н. Коган (Свердловск) посвятил свой доклад отражению теории социалистической культуры в трудах советских исследователей, которые все органичнее увязывают проблемы культуры и человека. В основном преодолен односторонний взгляд, рассматривавший культуру лишь как совокупность материальных и духовных ценностей; полнее исследуются культура труда, быта, политическая культура. К числу проблем, требующих комплексного изучения, он отнес исследование сущности того революционного скачка в мировом культурном процессе, каким явилось появление социалистической культуры. Одна из тем, подлежащих сейчас особому изучению, — «Научно-техническая революция и культура социализма».

В. Т. Ермаков, освещая современное состояние историографии советской культуры, отметил, что ведутся исследования применительно ко всем периодам ее истории, причем во всех крупных регионах страны. Но, чтобы представить культурный прогресс СССР в органическом единстве его составных частей, требуется проблемно-

синтетический системный подход. Его теоретические контуры уже очерчены в литературе, однако результаты такого рода исследований пока скромны. Налицо пауза в переходе к той новой методике исследований, которая позволяет обогатить их традиционную отраслевую проблематику. Докладчик показал это на примере историографии советской интеллигенции, национально-культурного строительства, партийно-государственного руководства культурой и развития художественной культуры. Оценивая в целом уровень историографических публикаций, он отметил, что разработка историографии затруднена отсутствием солидных региональных исследований.

М. Б. Еш и ч поставил теоретические вопросы, связанные с выяснением предмета и метода исследований социалистической культуры. Он полагает, что наиболее приемлема концепция, рассматривающая культуру как систему производства, хранения, распространения и потребления духовных ценностей. Общим недостатком таких исследований он считает фрагментарность изучения культуры по ее отраслям и видам, а не во взаимосвязи всех ее сфер. Особенно важен системный подход при анализе культуры стран социализма, начавших ее строительство с различных исторически сложившихся уровней. Еще не получили глубокого решения вопросы критериев и принципов периодизации истории культуры как целостного явления и соотношения интернационального и национального элементов в социалистической культуре.

В ходе дискуссии Э. С. Маркарян (Ереван) отмечал, что системный подход должен применяться не абстрактно, а максимально приближенно к реальной жизни. В. С. Соскин (Новосибирск) высказал мнение о необходимости приступить к системным исследованиям, не дожидаясь выработки специального их инструментария, и рассказал о первом опыте такого подхода в работах сектора истории культурного строительства Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. О системном подходе к изучению искусства социалистических стран говорил В. Г. Ключев. Ряд выступлений касался проблемы «Культура и человек». Л. М. Заку показала, как ставилась она в трудах соратников В. И. Ленина. М. Н. Кузьмин отметил, что историко-культурные исследования развития личности в социалистическом обществе затруднены пока отсутствием научного инструментария таких исследований. М. Р. Шукuroв (Душанбе), характеризуя историографию советской культуры в республиках Средней Азии, высказал пожелание, чтобы Научно-исследовательский отдел анализа и обобщения информации по проблемам культуры и искусства Государственной библиотеки им. В. И. Ленина публиковал соответствующие материалы о трудах, выходящих в союзных республиках, в том числе на национальных языках. Д. А. Вискна (Рига) осветила состояние исследования латышской социалистической культуры. И. Е. Светлов обратил внимание на отсутствие в советской историографии работ по общим проблемам искусства европейских социалистических стран. А. Н. Федорук (Киев) рассказал об изучении искусства европейских стран социалистического содружества украинскими учеными. И. В. Пименова познакомила собравшихся с концепцией социологической школы, популярной в польской культурологии; О. И. Северная — с современным подходом к исследованию художественной культуры в Болгарии. Г. П. Немищенко говорила о полезности лингвистического аспекта изучения культурной проблематики для культурологических разработок. И. В. Зайчиков рассказывал, как решается в специальной литературе ряда социалистических стран Восточной Европы проблема соотношения культуры и идеологии. И. Г. Никольский (Красноярск) коснулся теоретических вопросов культуры развитого социализма. Г. А. Матвеев (Ростов н/Д.) говорил об исследовании вызревания элементов социалистической культуры в досоциалистическую эпоху.

И. К. Эльдарова

СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ

4—6 октября 1982 г. в Новосибирске состоялся научный симпозиум «Политическая ссылка в Сибири в конце XVIII—начале XX в.», организованный Научным советом по проблеме «История Сибири» и Институтом истории, филологии и философии (ИИФФ) Сибирского отделения АН СССР. На нем присутствовало около 100 ученых из 16 городов страны—Москвы, Саратова, Омска, Иркутска, Читы и др. Было заслушано и обсуждено 44 доклада.

Симпозиум открыл и. о. директора ИИФФ АН СССР Р. С. Васильевский. Перспективы развития Сибири в XI пятилетке обрисовал Б. П. Орлов. На пленарном заседании были поставлены четыре доклада.

С. Ф. Коваль (Иркутск) рассмотрел итоги изучения декабристской ссылки советской исторической наукой и обратил внимание на нерешенные проблемы: связи декабристов с А. И. Герценом, В. Г. Белинским, петрашевцами, отношения их с местной администрацией, вклад ссыльных декабристов в экономическую и культурную жизнь Сибири. Л. А. Ушакова (Новосибирск), отметив возросший уровень разработки истории народнической ссылки, призвала сосредоточить усилия на таких дискуссионных, слабо или почти не изученных вопросах, как деятельность организованных ссыльными народнических кружков в Сибири, их участие в революционной пропаганде среди крестьян; взаимоотношения народнической и социал-демократической ссылки, в частности роль народников в распространении марксистской литературы. Еще предстоит исследовать идейную эволюцию народнической ссылки, ее значение в формировании общедемократического лагеря в России. Н. Н. Щербаков (Иркутск) охарактеризовал основные направления дореволюционной историографии темы, достижения советских историков в исследовании политической ссылки 1906—1917 гг. и вопросы, требующие дальнейшего изучения: численность и состав ссыльных, их борьба с режимом ссылки, связи с Центром; пролетарская прослойка среди сосланных по политическим мотивам; участие ссыльных в социал-демократическом движении Сибири, их роль в организации революционного движения; культурно-просветительная и научно-хозяйственная деятельность ссыльных.

С докладом «Вопросы координации исследования политической ссылки в Сибири» выступил председатель Оргкомитета симпозиума Л. М. Горюшкин (Новосибирск). Он охарактеризовал деятельность сложившихся центров по изучению сибирской политической ссылки (Иркутск, Новосибирск, Саратов, Якутск и др.), подчеркнул важность объединения усилий специалистов различных научных учреждений и вузов, отметил необходимость работ по историографии и источниковедению, по критике современной буржуазной историографии данной темы. Для координации исследований он предложил создать секцию «История политической ссылки в Сибири» при Научном совете по проблеме «История Сибири», содействовать изданию обобщающих трудов и серии научно-популярных работ о ссыльных — видных революционерах, начать подготовку библиографического указателя по истории политической ссылки.

В секции «Политическая ссылка в Сибири на дворянском этапе освободительного движения в России» центральное место заняло обсуждение декабристской ссылки, которой посвятили свои выступления В. Ф. Ретунский (Тюмень), О. С. Тальская (Барнаул), В. Н. Болоцкий, Ю. А. Белоножко (оба — Новосибирск), В. И. Порох (Саратов), Н. Н. Курдина (Новосибирск), Ю. Л. Троицкий (Новосибирск), Т. А. Перцева (Иркутск), Ф. Ф. Болонев (Новосибирск). В докладах И. В. Пороха и С. В. Мироненко была описана борьба герценовского «Колокола» за освобождение М. В. Буташевича-Петрашевского, история взаимоотношений двух поколений политссыльных на примере Ф. М. Достоевского и Н. Д. Фонвизиной. Внимание С. В. Кодана (Чита), В. В. Рабцевич, Н. П. Матхановой (оба — Новосибирск) привлек вопрос о режиме сибирской ссылки в дореформенный период. Оригинальной и свежей была тема доклада Н. Н. Покровского (Новосибирск). Он проанализировал антимонархическую повесть, рассказывающую о каторжанах — участниках волнений в Оренбургском казачьем войске в середине XIX века. Слабо изученный вопрос о взаимоотношениях крестьянского населения края и

ссылных в XVIII — первой половине XIX в. освещался в докладах Н. А. Миненко и Т. С. Мамсик (оба — Новосибирск).

Во второй секции рассматривались вопросы, касающиеся разночинского этапа освободительного движения, воздействия ссылки на различные стороны жизни края. В. А. Дьяков поставил вопрос о деятельности ссылных революционеров-поляков и наметил проблематику исследования этой темы: отношения сосланных поляков с местным населением, русским и коренным, их вклад в хозяйственную жизнь Сибири, изучение ее природы, истории, этнографии. Б. С. Шостакович (Иркутск) проследил развитие дореволюционной историографии польской политической ссылки в XIX — начале XX века. Роль административно сосланных за антифеодалную борьбу крестьян в колонизации региона показал А. Д. Колесников (Омск). Он подчеркнул важность изучения данной категории ссылных, составлявшей половину общего их числа. О влиянии политической ссылки 70—80-х годов XIX в. на развитие демократической культуры Сибири сделал сообщение Р. Г. Круссер (Кемерово). Историко-юридический аспект проблемы рассматривался О. П. Подосеновым (Красноярск), А. Г. Патроновой (Чита), Л. Я. Подольской (Иркутск). Пребыванию в ссылке членов «Общества переводчиков», Д. Клеменца, ишутинцев были посвящены доклады Л. П. Рощевской (Сыктывкар), В. И. Федоровой (Красноярск), П. С. Троева (Якутск). По проблеме «Политическая ссылка и областничество» выступили М. Г. Сесюнина (Томск) и М. В. Шоловский (Новосибирск).

В секции «Политическая ссылка в Сибири на пролетарском этапе освободительного движения в России» обсуждались вопросы о роли ссылных в распространении марксизма, о деятельности большевиков в сибирской ссылке (В. П. Зиновьев — Томск, Л. П. Сосновская — Иркутск, В. Е. Охлопков — Якутск). На дискуссионных проблемах изучения деятельности ссылных большевиков в Якутии остановился В. С. Познанский (Новосибирск). Воздействие ссылки на рабочее движение в Сибири накануне революции 1905—1907 гг. показал А. Е. Плотников (Омск). Вопрос о взаимоотношениях ссылки и местной интеллигенции в Сибири на рубеже веков поставила И. Г. Мосина (Томск). А. П. Толочко (Омск) выступил с сообщением о влиянии ссылных на деятельность сибирских эсеровских организаций в межреволюционный период, Л. К. Островский (Новосибирск) — о ценности воспоминаний как источника для изучения польской ссылки. В выступлениях Е. А. Куклиной, С. В. Ивлева (оба — Новосибирск), Е. С. Шишигина (Якутск) рассматривалась роль ссылных в развитии культуры Сибири. Д. К. Сивцев, рассказав о Черкехском музее политической ссылки, подчеркнул тесные связи ссылных с местным населением, огромное влияние сосланных революционеров на якутский народ.

На симпозиуме выявились различные точки зрения по спорным проблемам, наметились и пути их сближения. Исследователи не пришли к единому мнению о существовании политической ссылки в Сибири как особого института до начала дворянского этапа освободительного движения, о состоянии идеологии декабристов во время их пребывания в крае. Все выступавшие считали, что в центре внимания историков, занимающихся дворянской ссылкой, должна находиться идеология декабристов и что необходимо дифференцированно подходить к оценке взглядов и деятельности сосланных декабристов, их отношений с местным населением. В ходе оживленной дискуссии выявилось единодушие историков в признании того, что понятие «ссылка» включает различные виды репрессий, в частности и административную ссылку крестьян. В то же время многие высказались против включения административно сосланных за антифеодалную борьбу крестьян в число политических ссылных. Результатом дискуссии о взаимоотношениях областников и ссылных народников было признание обязательности исторического подхода к их оценке. Участники симпозиума отметили важность исследования борьбы ссылных большевиков с меньшевиками и буржуазными националистами, слабую изученность сибирской политической ссылки накануне революции 1905—1907 гг. в сравнении с последующими годами.

На заключительном пленарном заседании с сообщениями об итогах дискуссий и о внесенных секциями предложениях по дальнейшей разработке обсуждавшихся

проблем выступили Н. Н. Покровский, В. А. Дьяков и Н. Н. Щербаков; общие итоги работы подвел Л. М. Горюшкин. Участники симпозиума избрали бюро секции по истории ссылки при Научном совете по проблеме «История Сибири» и приняли рекомендации, в которых намечены основные направления дальнейших исследований.

В. В. Кучер, Г. А. Бочанова

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗГРОМА БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ И ИНТЕРВЕНТОВ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

20—22 октября 1982 г. в Новосибирске проходила Всесоюзная научная конференция, посвященная 60-летию разгрома белогвардейцев и интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке. Ее организовали Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и его сибирская секция, Институт истории СССР АН СССР, Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ) Сибирского отделения (СО) АН СССР и Научный совет СО АН СССР по проблеме «История Сибири». В работе конференции, где было прочитано свыше 70 докладов и сообщений, наряду с историками приняли участие ветераны партии, активные борцы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке, представители общественности.

Со вступительным словом к участникам конференции обратился заместитель директора ИИФиФ СО АН СССР В. В. Алексеев. В открывшем пленарное заседание докладе Ю. И. Кораблева «Современный этап изучения ленинского наследия по проблемам защиты завоеваний Великого Октября» отмечался рост числа и повышение уровня исследовательских работ по проблематике. В обобщающих трудах, тематических сборниках, на научных конференциях историки стремятся к более углубленному познанию ленинского теоретического наследия в данной области. Ныне достаточно широко охарактеризована военная деятельность В. И. Ленина, раскрыт комплекс экономических, военных, политических и идеологических мероприятий пролетарской партии и государства по обеспечению обороноспособности страны. Теперь надлежит обобщить ленинские мысли о «воюющей партии», о стране как едином военном лагере, о роли международного империализма в развязывании гражданской войны в России.

С докладом «Ведущая роль рабочего класса в победе над интервентами и белогвардейцами» выступил Е. Г. Гимпельсон, показавший конкретно-историческое воплощение ленинского методологического положения о том, что гегемония рабочего класса обеспечивалась научно обоснованной программой большевистской партии, всей системой диктатуры пролетариата. Рабочие Сибири, будучи органической частью российского пролетариата, являлись основной силой в борьбе за Советскую власть в крае, а после освобождения его от колчаковщины — за социалистические преобразования в Сибири. С изложением основных положений ленинской концепции истории гражданской войны в Сибири выступил П. А. Голуб. Он подчеркнул, что центральное место в этой концепции занимает вопрос о руководящей роли РКП(б) в деле организации сокрушительных ударов по врагу с фронта и с тыла. Докладчик остановился на недостаточно изученных аспектах проблемы: сравнительный анализ партизанского движения в различных районах страны, характеристика органов власти в освобожденных районах Сибири в период борьбы с колчаковщиной, а также Советов и ревкомов после ее разгрома и др.

В докладе М. Е. Плотниковой (Томск) было проанализировано современное состояние советской историографии большевистского подполья и партизанского движения в Сибири, отмечено заметное расширение исследовательской проблематики,

вовлечение в научный оборот новых источников. В то же время такие аспекты, как численность и состав большевистского подполья, формы и масштабы его деятельности в деревне, в войсках белогвардейцев и интервентов, борьба большевиков с анархо-эсерово-кулацким влиянием на партизанское движение и другие, нуждаются еще в углубленном исследовании. В. И. Шишкин (Новосибирск) охарактеризовал исследование историками борьбы трудящихся Сибири за диктатуру пролетариата в 1920—начале 1921 г., отметил круг проблем, ожидающих дальнейшей разработки. Среди них: сущность этого периода как особого этапа гражданской войны в Сибири; общее и особенное в советском государственном строительстве; видоизменение деятельности антисоветских сил после разгрома колчаковщины и др.

Далее работа конференции проходила по секциям. Заседание секции «Разгром вооруженных сил белогвардейцев и интервентов на Востоке РСФСР» открылось докладами А. В. Бакунина (Свердловск), В. С. Познанского (Новосибирск) и С. Г. Черемных, осветивших важнейшие стороны деятельности В. И. Ленина как организатора и руководителя Восточного фронта, значение ленинских идей для изучения борьбы за Советскую власть в Сибири. Военно-политические аспекты борьбы между вооруженными силами революции и контрреволюции в регионе получили освещение в большой группе докладов и сообщений: Н. Н. Азовцева и С. Д. Гусаревича, И. В. Павловой (Новосибирск), В. С. Скробова, А. Я. Китаева (оба — Свердловск), Н. А. Хвостова (Омск), П. С. Нерсисяна, Ю. А. Буранова (Свердловск), А. П. Гусева (Ленинград). При этом были приведены уточненные данные о численности и составе вооруженных сил Советов Сибири весной 1918 г., формирований Красной Армии на Восточном фронте, рассматривались вопросы взаимодействия регулярной армии с партизанско-повстанческим движением при освобождении Сибири, борьба коммунистов за казачьи массы в 1919 г., вклад национальных секций РКП(б) в разгром колчаковщины.

Темой выступления Б. М. Мухачева (Владивосток) явился разгром белогвардейщины на Северо-Востоке РСФСР на завершающем этапе гражданской войны. Сообщения А. Л. Литвина (Казань), В. Г. Лебедева, А. А. Болдуева (Горно-Алтайск) касались роли чрезвычайных органов революционной власти (ВЧК-ОГПУ и ревкомов) в деле ликвидации колчаковщины и ее последствий. С предложением издать тематические сборники документов по истории разгрома объединенных сил внутренней и внешней реакции на востоке страны выступила Т. Ф. Каряева.

Открывший работу секции «Сибирь и Дальний Восток в период интервенции и гражданской войны» И. М. Разгон (Томск) остановился на малоизученных и дискуссионных вопросах начального периода гражданской войны в Сибири (его хронологические рамки, формы советского государственного строительства в регионе, городская и сельская буржуазия Сибири как социальная база контрреволюции и др.). Историографический характер носили доклад Э. М. Шагина о крахе аграрной политики белогвардейских правительств, сообщения В. М. Суверова (Барнаул) и Л. А. Шиканова (Томск) о сущности и периодизации этапа «демократической» контрреволюции в Сибири.

Роль Ленина и ЦК РКП(б) в организации руководства партизанским движением в Сибири охарактеризовал в своем докладе Я. С. Павлов (Минск); формам и методам большевистского руководства партизанами Амура посвятил свое сообщение Н. А. Шиндялов (Благовещенск). Новые данные о борьбе трудящихся алтайцев за Советскую власть осветил С. Я. Пахеев (Горно-Алтайск). О политических настроениях крестьянства Сибири весной 1918 г. говорила Т. В. Якимова (Томск). Методологические аспекты изучения идейно-политической борьбы в антиколчаковском движении, научные критерии, позволяющие дать объективную оценку деятельности отдельных партизанских отрядов и их руководителей, нашли отражение в выступлениях В. Т. Шуклещова (Новосибирск), А. Н. Никитина (Омск) и Н. С. Ларькова (Томск). И. Ф. Плотников (Свердловск), В. К. Григорьев и Г. Ф. Дахштейгер (оба — Алта-Ата), В. А. Кучеряев (Красноярск) остановились на малоисследованных сторонах истории подполья в Сибири и Северо-Восточном Казахстане, большевистского руководства профсоюзами Восточной Сибири в годы гражданской войны.

Тематика выступлений Ю. В. Аксютин, Н. И. Наумовой, Т. В. Мальцевой (обе — Томск), М. В. Шиловского (Новосибирск), Н. А. Бутенина (Уссурийск) была связана с исследованием различных аспектов истории возникновения, развития и крушения контрреволюции в Сибири. Они показали историческую обреченность политики колчаковщины по рабочему и национальному вопросам, идейную и политическую реакционность сибирского областничества, сущность и формы проявления мелкобуржуазной оппозиционности колчаковщине со стороны земств, меньшевиков и эсеров в конце 1919 года. О роли печати как мощного оружия в идеологической борьбе, позициях различных групп сибирской интеллигенции в этой борьбе в годы гражданской войны говорилось в сообщениях А. Л. Посадкова, С. А. Красильникова (оба — Новосибирск), А. В. Криворотова (Томск).

Центральное место в работе секции «Сибирь и Дальний Восток на завершающем этапе гражданской войны» занимали поставленные в докладах А. П. Шурьгина, Л. М. Горюшкина, В. А. Демидова (оба — Новосибирск) основные проблемы изучения борьбы народных масс под руководством РКП(б) за советский Дальний Восток, за развертывание социалистических преобразований в деревне, за реализацию ленинской программы национально-государственного строительства в Сибири. Широкий круг вопросов истории партийного, советского и кооперативного строительства в восточных районах страны начала 20-х годов был поднят Н. Л. Лаврентьевым (Новосибирск), Г. А. Мазуренко (Тюмень), О. М. Андреевым (Красноярск), А. В. Гагариным, Л. А. Голишевой (оба — Томск), Н. В. Бузуверовой (Свердловск), А. П. Фетисовым (Днепродзержинск).

Значительное место в секции было уделено вопросам, связанным с различными аспектами экономической политики Советской власти в Сибири периода военного коммунизма. Л. И. Боженко (Томск) были рассмотрены основные вопросы осуществления в условиях Сибири решений VIII Всероссийского съезда Советов о развитии крестьянского хозяйства в тот период. Исследованию кризисных явлений в сельском хозяйстве региона, борьбы рабочих и трудящегося крестьянства с голодом были посвящены выступления Е. М. Хежкина (Новосибирск), В. А. Прошина (Томск), Е. Г. Захаровой (Свердловск), Н. А. Ферапонтова (Новосибирск). Историко-графический обзор продовольственной политики в Сибири, финансовое положение в регионе в годы гражданской войны, налоговая политика в деревне в условиях Дальневосточной республики — темы выступлений А. И. Суслова (Рязань), В. К. Алексеевой (Новосибирск), Л. И. Волошиной.

Работа секции «Уроки и международное значение победы советского народа над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции» открылась докладом В. В. Комина (Калинин), посвященным анализу взглядов и оценок Ленина по вопросу о взаимодействии белогвардейцев с империалистической реакцией на Восточном фронте. А. Л. Попов говорил о непреходящем значении военно-политического союза рабочих и крестьян для достижения победы над врагами в годы гражданской войны, о необходимости более углубленного изучения ленинского теоретического наследия в данной области. Провал планов объединения сил восточной и северозападной контрреволюционных группировок показала В. Д. Зимина (Калинин). О несостоятельных попытках интервентов создать «демократическое» прикрытие колчаковскому режиму, о реакционной роли церкви как идеологической пособницы антинародного режима рассказали М. И. Светачев (Хабаровск) и И. Д. Эйнгорн (Новосибирск).

Критический анализ зарубежных источников и белоэмигрантской литературы, раскрывающих такие важные аспекты, как характер и формы взаимоотношений между интервентами и сибирской контрреволюцией, причины крушения колчаковщины и др., дали С. Ф. Фоминых и Г. А. Шахтарин (оба — Томск). А. В. Квакин (Калинин) и Э. И. Черняк (Томск) проанализировали советскую историческую литературу, посвященную истокам и основным этапам формирования идеологии «сменовеховства». О работе по выявлению памятников гражданской войны в Сибири, их значений в деле патриотического воспитания трудящихся говорилось в сообщениях В. А. Соловьевой (Томск), В. И. Должикова и Н. И. Коломникова (оба — Омск).

Конференция свидетельствует о дальнейшем росте уровня исследований по истории интервенции и гражданской войны на востоке страны. Это связано с более глубоким изучением ленинского теоретического наследия, критическим осмыслением результатов, достигнутых советской историографией, расширением источниковой базы. Вместе с тем конференция показала необходимость дальнейшего исследования руководящей роли Коммунистической партии в организации борьбы трудящихся, деятельности большевистского подполья, партизанского движения, социалистического строительства в годы гражданской войны, а также изучения лагеря контрреволюции. Необходимо активизировать критику буржуазных фальсификаторов истории гражданской войны в регионе, анализ источников. Интервенцию и гражданскую войну в Сибири и на Дальнем Востоке следует рассматривать в более тесной связи с событиями, происходившими в центре страны, в Поволжье и на Урале.

С. А. Красильников,
А. Н. Сагайдачный

Обзоры

ПО СТРАНИЦАМ СБОРНИКА «СРЕДНИЕ ВЕКА»

(Вып. 31—43, 1968—1980 гг.)

Сборник «Средние века», выходящий с 1940 г., заслуженно завоевал солидную репутацию у советских и зарубежных историков. Будучи главным периодическим печатным органом наших медиевистов, он не только отражает характер и уровень изучения западноевропейского средневековья, но и в известной степени определяет то русло, в котором развиваются исследования в этой области.

С 1968 по 1980 г. вышло в свет 13 сборников, в среднем по одному в год. Сложилась весьма целесообразная структура издания. Основная масса публикуемого материала размещается в первых двух рубриках — «Статьи» и «Сообщения», которые являются постоянными. Почти во всех выпусках присутствует раздел «Рецензии», в последних номерах постоянными стали рубрики «Аннотации» и «Хроника». В большинстве сборников есть раздел «Библиография». Прочие рубрики более подвижны и повторяются не во всех номерах: это «Историография», «Источниковедение», «Дискуссии и обсуждения», «Из истории советской медиевистики», «Медиевистика в высшей школе», «Публикации». Гибкость структуры придает известное своеобразие каждому выпуску. Некоторые сборники носят в определенной степени тематический характер. Так, в № 32 помещены статьи преимущественно по раннему средневековью, № 35 содержит статьи по истории Франции и палеографии, в № 41 много статей по историографии.

В рецензируемых сборниках помещены статьи ученых из 20 городов — Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Барнаула, Вологды, Горького, Воронежа, Донецка, Иванова, Ижевска, Казани, Калинин, Калуги, Каширы, Львова, Новосибирска, Одессы, Риги, Саратова, Томска. Этот список свидетельствует о некотором расширении круга медиевистов из периферийных учреждений, печатающихся в сборнике¹. Наряду с работами известных медиевистов помещаются статьи и молодых исследователей. Опубликовано также несколько работ ученых из зарубежных социалистических стран (Венгрия, Польша, Румыния, ГДР).

¹ В 1956—1961 гг. в сборнике печатались специалисты из 17 городов — см. Вопросы истории (далее — ВИ), 1962, № 7.

Рассматриваемые выпуски содержат 162 статьи и сообщения. 40 посвящены теоретико-методологическим вопросам (включая материалы международных конгрессов и симпозиумов), около 30 являются историографическими обзорами. Основной комплекс статей (около 60) посвящен социально-экономической тематике (развитие сельского хозяйства и ремесла, особенности городского строя и классовой борьбы, генезис капитализма и т. д.). Меньше места уделяется политической истории (10 статей). Истории идеологии, вопросам развития культуры посвящено 34 статьи, из них социальной психологии — 3. Подавляющее большинство работ относится к периоду расцвета и позднего средневековья (XI—XVII вв.). Вопросы раннего средневековья разрабатываются лишь в 10 статьях. По странам работы распределяются так: Англия — 28, Франция — 25, Италия — 29 (включая тематику Возрождения), Германия — 17, Нидерланды — 6, скандинавские страны — 5, Испания — 4, Швейцария — 1. Разумеется, при таком распределении нельзя стремиться к «равновесию». Можно только отметить, что за последние 12 лет в сборниках сравнительно мало было статей по политической истории, по социальной психологии, слабее других периодов разрабатывается тематика раннего средневековья.

На содержании сборников и характере опубликованных статей сказались особенности развития современной медиевистики. Показателен, в частности, значительный интерес к работам обобщающего характера, в которых новый накопившийся обширный фактический материал рассматривается в сравнительно-историческом и типологическом планах. Большую роль в этом отношении сыграли научные сессии по кардинальным проблемам медиевистики — дискуссии по генезису и развитию феодализма, генезису капитализма, античному и средневековому городу. Эта же тенденция нашла свое выражение и в работе международных конгрессов историков, специалистов по экономической истории, а также на двусторонних симпозиумах.

Для рассматриваемого периода характерен также растущий интерес к применению новых и разнообразных исследовательских, в том числе математических, методов, более широкое использование методики смежных и вспомогательных дисциплин: исторической географии, демографии, археологии, топонимики, генеалогии. Усилилось внимание к истории культуры, философии средневековья и эпохи Возрождения, к вопросам коллективной психологии, умонастроений эпохи. Выросло и число иногородних изданий по медиевистике — сб. «Средневековый город» (Саратовский университет), «Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества» (Ленинградский университет), «Страны Средиземноморья» (Горьковский университет). Следует упомянуть серии сборников, издаваемых секцией «Генезис капитализма» Научного совета АН СССР «Закономерности исторического развития и перехода от одной социально-экономической формации к другой», Комиссией по проблемам культуры эпохи Возрождения² Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История мировой культуры».

Естественно, что сборник «Средние века» призван был отразить все эти тенденции и одновременно координировать свои публикации с перечисленными выше периодическими изданиями. Содержание рассматриваемых сборников позволяет прийти к выводу, что редколлегия и авторы в значительной мере руководствовались этим соображением. Характерной в этом отношении является упомянутая выше статья Е. В. Гутновой, написанная к 60-летию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции. В ней рассмотрены многие труды медиевистов, определены основные проблемы, изучаемые ими, дана оценка взглядов советских историков на генезис феодализма и другие проблемы. Отмечено, что изучение социально-экономической истории периода расцвета феодализма сосредоточивается на двух традиционных проблемах — аграрном развитии и истории городов, на исследованиях комплексного характера, отмеченных широкими теоретическими обобщениями и применением сравнительно-исторического анализа.

Группа статей посвящена характеристике явлений феодализма в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Так, Ю. М. Сапрыкин в статье (№ 33) оста-

² См. Гутнова Е. В. Советская медиевистика за десять лет (1968—1977 гг.) — Средние века, 1978, № 42 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте).

навливаются на основных положениях трудов В. И. Ленина, которые позволяют понять кардинальные проблемы истории феодализма: сущность феодальной ренты, характер мелкого крестьянского хозяйства, роль простого товарного производства, генезис капитализма. В статье В. В. Иванова (№ 33) отмечается, что критика Лениным экономического романтизма либеральных народников сохраняет актуальное значение для критики современных последователей Ж.-Ш. Сисмонди с их неисторичностью и идеализацией мелкотоварного производства и республиканского строя средневековых итальянских коммун. Другая статья того же автора посвящена ленинскому принципу партийности и научной объективности (№ 43).

В ряде публикаций разрабатываются теоретико-методологические проблемы исторической науки. Так, в статье Б. Г. Могильницкого (№ 38) показано, что современное историческое исследование представляет собой сложную комбинацию качественных и количественных методов, причем главная роль принадлежит качественному анализу. В настоящее время, по мнению автора, в истории все больше распространяется практика комплексного исследования различных проблем из истории средних веков. В качестве примера такого изучения приводится деятельность упомянутой выше секции «Генезис капитализма». Другая статья того же автора посвящена теме соотношения исторического и художественного познания (№ 39). В статье Е. А. Ельчанинова (№ 42) предпринимается попытка вычленить некоторые социально-гносеологические факторы, позволяющие истории выполнять важную морально-формирующую роль в общественной жизни. Теоретический характер носит и статья А. И. Данилова (№ 43), содержащая критику взглядов буржуазных методологов, противопоставляющих события историческим структурам.

Важное методологическое значение имели дискуссии по двум существенным проблемам медиевистики: генезису феодализма и генезису капитализма. Материалы первой темы были помещены в сборнике № 31 под рубрикой «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе»³. В них были рассмотрены различные варианты соединения германских и романских элементов в процессе генезиса феодализма: германо-кельтский (Германия и Исландия, Шотландия и Ирландия) образец «уравновешенного» синтеза в Северной Галлии, синтез с преобладанием воздействия разлагавшейся рабовладельческой системы — Италия, Южная Галлия, Восточная Испания (А. Д. Люблинская), показано существование особого дофеодального периода как переходного (А. И. Неусыхин)⁴, дана характеристика этнической общности в раннефеодальный период (А. Р. Корсунский), поставлены некоторые вопросы социальной психологии средневекового человека (А. Я. Гуревич), а также генезиса средневекового города (М. Я. Сюзюмов).

В указанном плане обращает на себя внимание сборник № 34, посвященный итогам XIII Международного конгресса исторических наук в Москве и V Международному конгрессу экономической истории в Ленинграде. Здесь опубликована статья З. В. Удальцовой, в которой выделено три типа генезиса феодализма в Европе: 1) «уравновешенного» синтеза, где позднеримские и варварские элементы участвовали примерно в одинаковой пропорции (Северная Галлия, Юго-Восточная Европа — у сербов и хорватов); 2) синтеза с превалированием античных начал (Византия, Италия, Южная Галлия, вестготская Испания); 3) «бессинтезный» или с незначительными элементами синтеза, когда феодализм рождался из родоплеменного строя варваров (Северо-Западная Германия, скандинавские страны, Русь, Польша, Чехия). В статье Е. В. Гутновой анализируются концепции ряда зарубежных медиевистов (С. Трапп, М. Молла, Ж. Дюби и др.) о структуре феодального общества. Критикуя их в основном за идеалистические позиции, автор отмечает,

³ См. обзор материалов этой дискуссии: Самодурова З. Г. Актуальные проблемы ранней истории феодальной формации (по материалам научно-координационного совещания «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы»). — ВИ, 1966, № 9, а также: Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма (М. 1969); Чистозвонов А. И. Некоторые основные теоретические проблемы генезиса капитализма в европейских странах. М. 1966.

⁴ См. также: Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). — ВИ, 1967, № 1.

что они поднимают много новых проблем, правильно решают отдельные частные вопросы, вырабатывают новую методику комплексных коллективных исследований по большим темам.

В том же выпуске в статье А. Н. Чистозвонова об итогах рассмотрения проблем генезиса капитализма критикуется буржуазная методология системно-структурного анализа и отмечается, что конкретно-исторические работы зарубежных медиевистов по указанной теме были подготовлены не на ее основе, а главным образом на базе традиционных методик. Системно-структурный анализ, заметил автор, оказался полезен лишь для определенных количественных подсчетов (с использованием статистических методов и ЭВМ), т. е. тогда, когда он применялся в качестве одного из методических приемов. Здесь же опубликована статья Л. В. Черепнина, который отметил, что начинает создаваться типология средневековых представительных учреждений.

Из числа публикаций, рассматривающих широкие теоретические проблемы медиевистики, следует упомянуть статьи С. Д. Сказкина и Ю. Л. Бессмертного о задачах издания «История европейского крестьянства» (№ 32), а также Е. В. Гутновой (№ 38), в которой показано отличие идеологии крестьянской от плебейской и подчеркнуто, что в XII—XIII вв. имели место ереси смешанного типа, когда крестьянско-плебейские мотивы сочетались с бюргерскими. При всем своем утопизме крестьянско-плебейские ереси являлись идеологическим обоснованием активной социально-политической борьбы против существующего строя. Даже более аморфные, смешанные ереси вряд ли можно считать однозначно реакционными. Классовой борьбе средневекового крестьянства посвящена также статья А. Н. Чистозвонова (XIV—XV вв.) (№ 39), в которой он проводит сравнение крупных крестьянско-плебейских выступлений средневековья на фоне социально-экономического развития тех европейских стран, где эти движения происходили. Основными вопросами, вокруг которых шла борьба восставшего европейского крестьянства, по его мнению, были: а) способы «распределения» издержек аграрной депрессии (там, где она была); б) норма феодальной эксплуатации в условиях развития товарно-денежных отношений; в) динамика и формы освобождения крестьянства; г) ликвидация угрозы феодально-католической реакции.

Основная масса статей, помещенных в сборниках, представляет собой оригинальные исследования, написанные на основе изучения источников, порой не опубликованных. Среди них можно выделить комплекс исследований по проблеме генезиса феодализма и синтезу варварских и римских элементов в процессе феодализации. Так, Л. Т. Мильская (№ 40), подробно проследив процесс превращения аллодов свободных общинников в держания, убедительно показывает, что в основе всех видов землевладения в раннефеодальной Германии лежал надел крестьянина, и деревня к началу IX в. представляла собой конгломерат мансов, подвластных нескольким вотчинникам, а категории зависимого крестьянства были весьма разнообразны.

На обширном материале Л. А. Котельникова разрабатывает тему о роли итальянского города раннего средневековья в процессе генезиса феодализма (№ 38). В связи с ранним развитием города в Северной и Средней Италии итальянское поместье не превратилось в замкнутое хозяйство, поддерживало связь с городским рынком. В результате развития товарно-денежных отношений основная масса сельского населения постепенно разорялась и переходила в зависимое состояние. Процессы феодализации в Южной Италии в IX—XIII вв. прослежены М. Л. Абрамсон (№ 32). Анализ источников позволяет проследить постепенное подчинение феодалам уже в VIII—X вв. больших семей аллодистов («кондом»). В другой статье (№ 31) М. Л. Абрамсон показывает, что связь южноитальянских феодалов с рынком стала одним из факторов феодализации. Отметим попутно, что влияние товарно-денежных отношений на ход феодализации в Северной и Средней Италии заметно отличалось от того же процесса на юге страны.

В работе А. Ф. Корсунского (№ 32) изучается эволюция колоната в меровингский и каролингский периоды, рост зависимости колонов от феодалов. А. В. Конокотин в статье о времени возникновения цензивы во Франции (№ 36) отстаивает

мнение, что цензовые мансы существовали уже в IX в., хотя и были еще редким явлением. Оригинальной по своей методике является статья Ю. Л. Бессмертного о структуре крестьянской семьи во франкской деревне IX в. по данным антропимического анализа Сен-Жерменского полиптика (№ 43). В ней показано, что земельные держания находились не в руках обособленной малой семьи, а в пользувании объединения двух (и более) родственных семей. Я. Д. Серовайский изучает процессы формирования феодальной собственности на леса и пастбища во Франкском государстве (№№ 32, 33). И. С. Филиппов (№ 43), тщательно изучив полиптик Вуадальда (церковная вотчина в Провансе), прослеживает характер земельных держаний, социальный статус держателей, определяет характер оброка. Важные вопросы исследования крепостного состояния европейского крестьянства подняты в статьях Ю. Л. Бессмертного о северофранцузском серваже и А. Д. Люблинской о судьбах развития европейского крестьянства, о методике изучения этапов его развития (№ 33).

Вопросы образования крупных поместий в Англии до нормандского завоевания рассмотрены в статьях М. Н. Соколовой (№№ 32, 33). Автор изучает структуру бокленда в X в. и приходит к выводу, что здесь не взималась феодальная рента и что манор еще не стал основной хозяйственной ячейкой общества. Хотя процесс классообразования в Англии X в. шел весьма интенсивно, только нормандское завоевание завершило становление феодализма.

Положению сервов и либертинов в Леонском королевстве IX—XI вв. посвящена статья О. И. Варьяш (№ 43). Автор отмечает, что лишь к XI в. наблюдается испомещение сервов на землю, но стирание граней между ними и другими категориями зависимого населения протекало медленно. Известную личную зависимость и ограничение в распоряжении земельными владениями можно проследить и в положении либертинов к XI веку.

Краткий анализ рассмотренных выше статей позволяет заключить, что советские медиевисты на материале конкретных источников по истории Франции, Италии, Англии, Германии и Испании успешно разрабатывают те проблемы генезиса феодализма, которые были поставлены в ходе дискуссии 1966 года⁵.

Социально-экономические темы преобладают и в статьях, относящихся к периоду развитого феодализма. Проблемам аграрного строя, вопросам влияния товарно-денежных отношений в итальянской деревне посвящены статьи Л. А. Котельниковой (№№ 36, 37), В. В. Самаркина (№ 33). Я. Д. Серовайский характеризует севообороты средневековой Франции (№ 35). А. Д. Люблинская (№ 38) провела сравнительный анализ структур сельских общин, городских коммун и цеховых организаций Северной Франции XI—XIII веков. Поземельные отношения в Англии и судьбы английского крестьянства освещены в статьях М. А. Барга (№ 40), Е. В. Авдеевой (№ 41), Ю. Я. Серовайской (№ 39); характеристике групп английского господствующего класса посвящены статьи Ю. Р. Ульянова (№ 34) и Ю. И. Писарева (№ 37). Вассально-ленные отношения в Германии X—XIII вв. исследованы Н. Ф. Колесницким (№ 32). На страницах сборников велась дискуссия с зарубежными учеными относительно концепции «кризиса» XIV—XV вв. (статьи Л. А. Котельниковой и А. Н. Чистозвонова — №№ 40 и 41). Меньшее число работ посвящено социально-экономическим аспектам средневекового города XI—XIV веков. Можно назвать лишь статьи С. М. Стама (№ 34), А. А. Кирилловой (№ 33) и Л. П. Репиной (№ 38).

Другой важной темой в сборниках являются проблемы генезиса капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. Важные теоретические вопросы поднимаются в статье А. Н. Чистозвонова (№ 38). Автор призывает к поискам способов комплексного решения проблем генезиса капитализма и подчеркивает необходимость проводить качественное разграничение между средневековым бюргерством и формирующейся буржуазией, между простым товарным и капиталистическим хозяйством. Требуют пристального внимания процессы превращения рабочей силы в товар, втягивания средств производства и земли в сферу рыночного обращения, развития

⁵ См. Удалцова З. В. Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы. — ВИ, 1966, № 9.

связей национального рынка с образующимся мировым капиталистическим рынком, вмешательство политической надстройки в процесс так называемого первоначального накопления.

Ряд статей касается экономических и социальных процессов в промышленности и торговле. Здесь можно назвать работы В. И. Рутенбурга — об анализе торговых путей в XV—XVI вв., социальном составе городского населения и социальной борьбе в Генуе XVI в. (№ 38); А. Д. Роловой — о торговле и банковской деятельности во Флоренции (вторая половина XVI — первая четверть XVII в.) (№ 42). Развитию капиталистических отношений в книгопечатании Франции посвящено исследование М. А. Молдавской (№ 33). В ряде статей изучаются промышленность и деятельность торгово-ростовщических фирм Германии: С. А. Фараджева (№ 41), В. Е. Майер (№ 34) и др. Сравнительно много работ посвящено зарождению капиталистических отношений в сельском хозяйстве (Т. М. Червонной — №№ 34, 35; Н. П. Денисенко — № 40; А. Н. Чистозвонова — № 37, 42; и др.).

Видное место в публикациях сборника занимает конкретная история социальных движений и анализ классовой борьбы. Так, В. И. Райцес (№ 35) на основании неопубликованных источников приходит к выводу, что восстание в Аисене (Франция) в 1514 г. следует трактовать как внутригородской конфликт, где друг другу противостояли муниципальная олигархия и все остальные горожане. В статье С. Д. Сказкина и В. В. Самаркина о толковании «Священного писания» как способе революционной пропаганды в средневековье (№ 38) затрагиваются вопросы, интересные для изучения социальных движений средневековья. В. И. Рутенбург (№ 38) рассматривает причины поражения восстания 1575 г. в Генуе, заключавшиеся в компромиссном правлении «старого» и «нового» нобилитета, что повлекло за собой ослабление популанства. Статья Ю. К. Некрасова посвящена радикально-бюргерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы XV в. (№ 38). В. В. Первухин (№ 41) изучает вопросы социально-политической борьбы в ганзейских городах начала XVI века.

Среди работ по вопросам политической истории можно назвать исследование Н. И. Басовской об английской политике в Гаскони в конце XIII в. (по данным гасконских свитков — № 37), две статьи А. Д. Роловой о политике тосканского правительства в отношении народных масс (XVI—XVII вв.) и налоговой политике Тосканского герцогства за тот же период (№№ 37, 42). В этих статьях удачно вскрыты гибкость и сложные аспекты политической линии Медичи. Нужно отметить работу А. А. Лозинского о Генеральном совете Католической лиги (№№ 33, 34), Ю. И. Нисарева о магнатах и короне в Англии XIV в. (№ 43). Мало публикаций по истории средневекового государства и права. Здесь следует упомянуть обстоятельные статьи Н. А. Хачатурян о природе французской сословной монархии (№ 43) и Я. П. Репиной о взаимоотношениях государства и купечества в области торговли и финансов в Англии XIV в. (№ 37). К сожалению, указанной проблематике в последние годы не уделяется достаточного внимания.

Многие статьи разрабатывают различные аспекты средневековой идеологии и культуры. Не исследованной в советской историографии темы «Человек, время, судьба» в трактате Боэция «Об утешении философией» касается содержательная статья В. И. Уколовой (№ 37). Привлекают внимание статьи А. Я. Гуревича на скандинавском (№ 31) и франкском (№ 38) материале и «Покаянных книгах» (№ 37). Автор подчеркивает необходимость целостного исследования культурно-исторического процесса, комплексного изучения духовного развития в период раннего средневековья. Особенности идеологических воззрений в Англии XIV—XVI вв. рассматриваются в статьях Ю. М. Сапрыкина — о взглядах Д. Уиклифа на общность имущества и равенство и о принципах индивидуализма в английской политической литературе XV—XVI вв., С. М. Раскина — о политических теориях У. Оккама и античности, Б. А. Каменецкого — об идейно-политической борьбе в Англии в 30—50-х годах XVI в. и в период кризиса абсолютизма. Две статьи посвящены взглядам английского гуманиста Т. Старки (Н. М. Мещерякова — № 31; Б. А. Каменецкий — № 36). Вопросы культуры итальянского Возрождения рассмат-

риваются в статьях Н. В. Ревякиной о социально-политическом идеале Фруловизи (№ 36) и Л. М. Брагиной об Аргиропуло, А. Х. Горфункеля о П. Помпонации (№ 36) и проблемах Возрождения (№ 34). Сюда же относятся текстологические изыскания А. Э. Штекли о «Городе солнца» Т. Кампанеллы (№ 41).

Число статей по гуманизму и культуре Возрождения в сборниках незначительно, но нельзя забывать, что в настоящее время выпускаются специальные сборники по этой тематике. Идеологии немецкого гуманизма и народной реформации посвящены статьи М. М. Смирин (№ 37 и № 39). Ярко и интересно написана статья Р. И. Хлодовского о поэзии позднего средневековья (№ 43) и сообщение Н. А. Богодаровой о театре мистерии в Англии в XIV — первой половине XV в. (№ 39).

Значительное место в сборниках занимают статьи по историографии. Наряду с критическим разбором различных буржуазных концепций и противопоставлением им марксистской методологии советские ученые отмечают прогрессивные тенденции в трудах передовых представителей зарубежной медиевистики, новизну их исследовательских методик. Среди многочисленных историографических обзоров следует отметить работы Е. В. Гутновой, касающиеся освещения классовой борьбы средневекового крестьянства (XI—XV вв.) в современной французской, английской и американской историографии (№ 41), А. Л. Ястребицкой о проблемах ранней истории средневекового города в современной буржуазной медиевистике (№ 43), Б. Г. Могильницкого и Н. С. Черкасова о некоторых тенденциях современной буржуазной историографии ФРГ (№ 40), Л. Т. Мильской о трактовке средневековой деревни в трехтомнике К. З. Бадера (№ 41), С. М. Стама о тенденциях современной буржуазной историографии средневекового города (№ 38). Из статей, посвященных более частным вопросам историографии, интересна работа С. С. Нарсамова об оценке Макиавелли Г. Риттером и Ф. Мейнеке (№ 43).

Ряд исследований, опубликованных в сборнике, принадлежит перу ученых из зарубежных социалистических стран. Так, в статье В. Бачкай о характере и роли аграрных городов в Венгрии XV в. (№ 36) устанавливается, что большинство их можно отнести к поселениям аграрного типа, прослеживается их роль в процессе складывания внутреннего рынка. Статья Л. Демени (СРР) посвящена румынскому книгопечатанию XVI в. (№ 35). В разделе «Дискуссии» опубликована работа Х. Мора (ГДР) (№ 40), в которой он обосновывает отличие своих взглядов от концепции ренессансной культуры у Н. И. Конрада.

Интерес читателей вызвала рубрика «Из истории советской медиевистики», появившаяся в последних номерах сборника. В ней помещены статьи А. Е. Москаленко о Н. П. Грацианском, Т. Д. Шакиной о А. И. Неусыхине, Е. В. Гутновой, Т. В. Осиповой о Е. А. Косминском, Е. В. Гутновой об архиве С. Д. Сказкина, а также подготовленная Л. Т. Мильской публикация переписки Н. И. Кареева и А. И. Неусыхина. Это начинание заслуживает всяческого одобрения.

В последних номерах сборника появилась также рубрика «Источниковедение». В ней обращает на себя внимание исследование В. И. Мажуги о грамотах XIII в. монастыря Бельруа из архива ЛОИИ АН СССР, представляющее собой пример комплексного изучения неопубликованных западноевропейских документов. Безусловно, положительным явлением можно считать публикацию в некоторых выпусках источников и их переводов. К сожалению, мало внимания уделяется богатейшим фондам западноевропейских документов, хранящимся в наших архивах.

В некоторых выпусках имеется рубрика «Дискуссии и обсуждения», где печатаются статьи спорные или же те, которые могут вызвать последующие обсуждения. Пока таковых не последовало, а с № 41 эта рубрика вообще исчезла.

Редко появляется раздел «Медиевистика в высшей школе» (за 12 лет в нем помещены всего четыре статьи, посвященных методике проведения практических и семинарских занятий). Вопрос же о методике чтения лекций вообще не поднимался. Думается, что эту рубрику, очень важную для преподавателей университетов и педвузов, необходимо сделать постоянной и более широкой, о чем, кстати, уже говорилось в предыдущей рецензии на сборник «Средние века»⁶.

⁶ См. обзор П. Ф. Лаптина.— ВИ, 1968, № 12.

В последние годы увеличился удельный вес информативного материала в сборниках. Прежде всего это относится к разделам «Рецензии» (объем и количество которых увеличиваются) и «Аннотации», появившимся с № 40. Рецензируются как советские, так и новейшие зарубежные монографии и периодические издания. Отбор их представляется удачным, тематика — достаточно разнообразной. В разделе «Хроника» помещаются сообщения о конференциях медиевистов, отчеты о работе кафедр истории средних веков, о чтениях памяти крупных советских медиевистов. Полезен напечатанный в этом разделе список диссертаций по истории средних веков, защищенных в 1970—1977 гг. (№ 42, составитель З. А. Бычкова). В разделе «Библиография» систематически публикуются ценные для исследователей списки трудов советских медиевистов за определенные годы; в № 40 опубликован список трудов медиевистов, напечатанных в сборниках за последние 10 лет (№№ 31—40); так же полезны списки трудов наиболее крупных медиевистов (А. И. Неусыхина, М. М. Смирна и др.).

Подводя итог рассмотрению материалов сборника, можно, как нам кажется, заключить, что статьи и публикации весьма актуальны и написаны на достаточно высоком научно-методологическом уровне, на основе изучения оригинальных источников, с использованием новейшей советской и зарубежной литературы, с ее критическим осмыслением. «Средние века» в целом полно отражают достижения советской медиевистики. Хотелось бы пожелать, чтобы возобновились публикации дискуссионных статей, чтобы чаще появлялись статьи, на высоком теоретико-методологическом уровне обобщающие материал, накопленный в конкретных исследованиях.

Е. В. Бернадская

Рецензии

Р. П. ТОЛМАЧЕВА. *Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.)*. Изд-во Томского университета. 1979. 221 с.; Р. П. ТОЛМАЧЕВА. *Колхозы Урала в 50-е годы*. Изд-во Томского университета. 1981. 191 с.

Рецензируемые монографии можно рассматривать как две части общего исследования по истории колхозов одного из крупнейших регионов Российской Федерации и всей страны¹. Охватываемый ими период, особенно первые послевоенные годы, нашел широкое отражение в работах советских аграрников². В региональном плане изуче-

ние этой темы почти не велось³, хотя она, как и ряд общих проблем развития сельского хозяйства и колхозов в 50-х годах, нуждается в специальной разработке.

Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства (1946—1958 гг.). М. 1974; Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958). М. 1976; Зеленин И. Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни. 1946—1958 гг. М. 1978; Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946—1950. М. 1978; и др.

³ См.: Павлов Н. П. Крестьянство Удмуртии (1946—1970). Историко-социологические очерки. Ижевск. 1975; Ульянов Л. Н. Трудовой подвиг рабочего класса и крестьянства Сибири. 1945—1953 гг. Томск. 1979.

¹ В примечании ко второй книге автор указывает, что данная монография является продолжением ее работы «Колхозы Урала в первые послевоенные годы» (с. 8).

² См.: Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 гг. М. 1972; Тюрина А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства (1946—1958 гг.). М. 1973; Коркоценко Д. И., Куликов В. И.

Рассматриваемые в книгах периоды относятся к важнейшим этапам в жизни советского общества, в том числе и деревни: первый связан главным образом с процессом восстановления народного хозяйства страны, второй — с дальнейшим развитием и упрочением социализма, завершением создания условий для вступления советского общества в стадию зрелого социализма.

Объектом исследования являются пять областей Уральского региона (Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская и Челябинская), располагающих значительными сельскохозяйственными угодьями: на их территории в предвоенные годы размещалось 10,5 тыс. колхозов, за которыми было закреплено свыше 24 млн. га земель, проживало более 3 млн. колхозников (кн. 1, с. 12, 21). Автор исследует широкий круг проблем: аграрная политика партии, восстановление и развитие производительных сил и производства колхозов, социальные изменения в колхозной деревне.

Работу отличает богатая и разнообразная источниковая база. Обстоятельно использованы документы и материалы местных партийных и государственных архивов, годовые отчеты колхозов и МТС, хранящиеся в ЦГАНХ СССР, привлечены данные бюджетных обследований колхозных дворов из фонда ЦГА РСФСР. Автор широко опирается и на опубликованные статистические сборники, прессу. На основе главным образом архивных источников Р. П. Толмачева составила несколько десятков таблиц, в которых воспроизведена динамика экономических и социальных процессов колхозного строительства по каждой области и по региону в целом.

В исследовании показана руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, деятельность областных и районных комитетов партии, первичных партийных организаций колхозов и МТС по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, развитию колхозной демократии, восстановлению и развитию сельского хозяйства. На конкретном материале раскрывается напряженная трудовая деятельность колхозного крестьянства, руководителей и специалистов колхозов, направленная на выполнение и перевыполнение заданий пятилетних планов в области сельского хозяйства.

Р. П. Толмачева выявляет специфические черты развития производительных сил и производства колхозов в целом по региону и по областям. В работе подчеркнуты осо-

бая активность и значительные результаты шефства рабочего класса над крестьянством, особенно в Свердловской, Челябинской и Пермской областях; рассказывается о создании уже во второй половине 40-х годов вокруг крупнейших промышленных центров Урала пригородных зон по производству овощей, картофеля и животноводческой продукции в целях лучшего снабжения городского населения продуктами питания; в связи с преимущественно индустриальным характером экономики большинства областей Урала отмечаются особенности миграционных процессов из деревни в город, усиленная урбанизация региона, большие достижения Оренбургской, Челябинской и Курганской областей в освоении целинных и залежных земель (кн. 1, с. 33, 110—111, 124; кн. 2, с. 88—93). Р. П. Толмачева приходит к выводу, что к концу четвертой пятилетки колхозное производство Урала было в основном восстановлено, хотя посевные площади колхозов не достигли предвоенного объема, снизилось поголовье скота в личном пользовании (кн. 1, с. 101, 110—111, 120, 122).

В 50-е годы значительных успехов достигли колхозные животноводы: к концу десятилетия валовая продукция мяса в колхозах возросла более чем в 2 раза, молока — в 3,2 раза, яиц — в 3,3 раза. Соответствующим образом увеличились и заготовки. Анализируя факторы этого роста, автор устанавливает, что основной из них — повышение продуктивности скота (кн. 2, с. 112, 118—121). Земледельческие отрасли развивались медленнее и главным образом за счет расширения посевных площадей, в том числе и освоения целинных и залежных земель. Валовые сборы зерна в колхозах Урала в 1956 г. превысили показатели 1950 г. на 39% (при росте посевных площадей на 23%), а к концу 50-х годов несколько снизились, главным образом в связи с преобразованием части колхозов в совхозы (кн. 2, с. 88—90, 97—100). Среди факторов, повлиявших на снижение урожайности, называются и такие, как сокращение темпов лесопосадок, уменьшение парового клина в областях, подверженных засухе, необоснованное расширение посевов кукурузы, в чем нашли проявление субъективизм и волюнтаризм в руководстве сельским хозяйством (кн. 2, с. 94—95, 104).

Значительное внимание Р. П. Толмачева уделяет анализу социальных процессов развития колхозной деревни: общественно-политической активности крестьянства, повы-

шению его материального благосостояния и культурного уровня, изменениям в численности и составе колхозного населения. Правоммерно, что в конце второй книги последний из названных сюжетов рассматривается за все годы исследуемого периода. Здесь приводится конкретный материал о миграции колхозного населения, динамике его численности, половозрастном составе, трудоспособных работников. Выясняется, что на протяжении 50-х годов доля колхозников среди жителей села на Урале уменьшилась на 45% с колебаниями по отдельным областям от 8 до 50%. Основным контингентом мигрантов была молодежь, выбывавшая в город на учебу и оседавшая там (кн. 2, с. 182—186). Рассматривает автор и основные формы подготовки и переподготовки кадров, обеспеченность колхозного производства механизаторами, специалистами сельского хозяйства, полеводцами и животноводами (кн. 2, с. 69, 81).

В то же время работа перегружена статистическими данными, многочисленными таблицами (их около 70), порой излишне громоздкими, плохо оформленными: они не имеют заголовка, автор не всегда исчисляет данные о темпах роста или снижения показателей, нередко лишь из текста можно узнать, что означают приводимые в той или иной таблице величины (см., напр., кн. 1, с. 47, 50, 122, 123—124, 141; кн. 2, с. 118, 119, 122). В то же время при обилии статистического материала по колхозам почти полностью отсутствуют данные по сельскому хозяйству региона в целом. Ни в первой, ни во второй книге не приведены даже данные об удельном весе колхозного производства в регионе. Если применительно к четвертой пятилетке, когда в колхозах производилась основная масса сельскохозяйственной продукции, этот пробел работы менее ощутим, то для второй половины 50-х годов, когда значительно возросла роль государственного сектора в сельском хозяйстве (в связи с организацией новых совхозов на целине, преобразованием части колхозов в совхозы и т. д.), отсутствие таких показателей не позволяет объективно оценить общие итоги развития сельского хозяйства региона. Остаются открытыми вопросы: в какой мере вновь созданные совхозы сумели компенсировать недобор зерна в колхозном секторе? Насколько эффективной в экономическом отношении была эта мера? Каковы, наконец, общие итоги развития сельского хозяйства региона к концу 50-х годов?

Итоговый вывод автора о том, что к тому времени «были достигнуты некоторые успехи в развитии колхозного земледелия и животноводства уральского региона» (кн. 2, с. 188), принижает значение происшедших сдвигов в развитии сельского хозяйства, колхозного производства. Как известно, на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что после сентябрьского (1953 г.) Пленума и вплоть до 1959 г. «происходил заметный подъем сельского хозяйства»⁴. Этот вывод подкрепляется соответствующими данными: в 1958 г. валовая продукция сельского хозяйства страны превысила уровень 1950 г. на 58%, а продукция животноводства — на 74%⁵. Р. П. Толмачева критикует тех исследователей, которые развитие сельского хозяйства СССР в 1953—1958 гг. определяли как период «крутого подъема» и при этом не вскрывали имевшиеся тогда недостатки (см. кн. 2, с. 5). О термине «крутой подъем» можно, конечно, спорить, но что он был довольно существенным, в том числе и в колхозах, во всем сельском хозяйстве Уральского региона, сомневаться не приходится. Это подтверждается и данными Р. П. Толмачевой о росте животноводческой продукции в колхозах Урала (в 2—3,3 раза). Что же касается зернового производства, то следует учитывать, что 1958 г. (с которым автор сопоставляет данные за 1950 г.) был для Урала неблагоприятным по погодным условиям. За период же с 1953 по 1959 г. рост валовой продукции зерна в Уральском регионе составил 16,6%⁶.

Некоторые положения работы слабо обоснованы конкретными данными. Например, вывод о том, что в 50-е годы «была в основном решена проблема обеспечения сельского хозяйства Урала кадрами механизаторов» (кн. 2, с. 71), подкрепляется цифрами об обеспеченности этими кадра-

⁴ Пленум ЦК КПСС 24—26 марта 1965 г. Стеногр. отч. М. 1965, с. 7.

⁵ Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М. 1971, с. 35.

⁶ Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М. 1960, с. 212—214. К сожалению, автор не оперирует для сравнения показателями среднегодовых валовых сборов и урожайности за определенные периоды, наиболее объективно характеризующими развитие сельскохозяйственного производства на различных этапах. Этот метод широко используется в статистических справочниках ЦСУ по сельскому хозяйству последних лет, в том числе и применительно к Уральскому региону.

ми колхозов только двух областей; при этом ничего не говорится о качестве подготовки механизаторов. Недостаточно разработан автором вопрос о структуре колхозных кадров, о соотношении между социально-профессиональными группами, тенденциями развития основной из этих групп, включающей колхозников, занятых ручным и маломеханизированным трудом. Нуждается в пояснении примечание к табл. 6 (кн. 2, с. 47) о корректировке автором некоторых (каких?) данных областных ста-

тистических сборников с учетом материалов текущих архивов статуправлений (почему?). В работе имеют место и неточности фактического характера (см., напр., кн. 2, с. 5, 25, 40, 46—47, 86, 103, 134).

В целом рецензируемые книги являются ценным исследованием по истории колхозного строительства и крестьянства Урала, будут содействовать дальнейшей разработке этой темы, созданию обобщающих трудов.

И. Е. Зеленин, О. М. Вербицкая

Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М. Наука. 1981. 344 с.

Сборник статей, подготовленный Институтом истории СССР АН СССР¹, продолжает традицию освещения малоисследованных вопросов истории русского общественного движения и истории исторической науки, возникшую десять лет назад².

В первый раздел сборника вошли материалы по истории освободительного движения в России XIX века. Почти все они тяготеют к двум темам: декабризм и его эпоха и первая революционная ситуация в России.

¹ Авторский коллектив: В. А. Федоров, О. В. Орлик, Н. Я. Эйдельман, С. В. Мироненко, А. И. Клибанов, А. В. Семенова, Анджей Ф. Грабский, Е. А. Дудзинская, С. В. Житомирская, С. А. Селиванова, И. Е. Баренбаум, Е. Л. Рудницкая, И. Н. Ковалева, Р. Г. Эймонтова, Г. И. Щетинина, Ю. И. Герасимова, И. П. Попов, Б. Г. Могилянский, А. И. Зевелев, Ю. А. Поляков, Л.-Д. Берендт, Е. Н. Городецкий, Л. В. Иванова, Т. А. Игнатенко, А. К. Бирон, В. А. Дунаевский, М. Г. Вандалковская, Б. С. Итенберг, Р. А. Киреева, Л. Г. Бескровный, В. Г. Сарбей, С. С. Ланда, В. Б. Бархударян, К. С. Худавердян, В. А. Дьяков, В. А. Муравьев, М. А. Алпатов, В. И. Буганов, З. В. Удальцова. Редакционная коллегия: акад. Е. М. Жуков (отв. ред.), В. И. Буганов, Е. Н. Городецкий, В. А. Дунаевский, В. А. Дьяков, чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко, В. В. Мавродин, В. П. Наумов, Е. Л. Рудницкая, А. Ф. Смирнов, С. С. Хромов, А. О. Чубарьян.

² См.: Проблемы истории общественного движения и историографии. К 70-летию акад. М. В. Нечкиной. М. 1971; Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М. 1976.

Примечательно, что примерно половина публикаций по истории декабризма и его времени носит источниковедческий характер. Плодотворность усилий авторов этих статей бесспорна, ибо в расширении документальной базы изучения декабристского движения, решении спорных вопросов происхождения уже известных источников заключается обязательное условие дальнейшего исследования проблемы. Современный историк уже не сможет пройти мимо публикации неизвестных ранее писем Н. А. Бестужева, характеристики неопубликованных документов о восстании чугуевских военных поселенцев в 1819 году. Будут, несомненно, учтены и те веские аргументы, с помощью которых оспаривается приписываемое М. А. Фонвизину авторство записки «О повиновении вышней власти».

Не менее важной, чем предыстория декабризма, является другая исследовательская проблема, решение которой позволит более органично связать борьбу первого поколения дворянских революционеров с последующими этапами освободительного движения в России. Мы имеем в виду проблему «Декабристы и их идейное наследие в общественном движении 30—60-х годов XIX в.». Отрадно, что и она получила освещение в статьях сборника. Специалисты (да и все интересующиеся историей русского освободительного движения) найдут здесь свежие материалы о взаимоотношениях А. П. Ермолова и декабристов после 1825 г., о литературно-общественной деятельности В. И. Штейнгеля, по-

знакомятся с предположениями о путях проникновения на страницы русской заграничной печати самого крупного произведения М. А. Фонвизина — «Обозрение проявлений политической жизни в России».

Выход в свет в 1978 г. коллективной монографии о первой революционной ситуации в России несколько не снизил исследовательского интереса к этому историческому явлению. Убедительное подтверждение тому — целая группа статей рецензируемого сборника. Характерно, что все они принадлежат членам авторского коллектива, подготовившего упомянутую монографию. Но каждый из них — обращается ли он к женскому вопросу или к переменам в жизни русских университетов в 50—60-е годы, деятельности отдельных революционеров-«шестидесятников» или истории знаменитой прокламации «Молодая Россия» — находит и новые тематические грани и новый материал для их характеристики.

В самой тесной связи с проблематикой первой революционной ситуации находится вопрос о путях развития передовой общественно-политической мысли в 60-х годах. Известно, что это был период кризиса революционно-демократической идеологии и зарождения народничества. Однако многие конкретные проявления этих процессов остаются пока невыясненными. Статья об издававшемся в 1868 г. Н. Я. Николадзе и Л. И. Мечниковым журнале «Современность» знакомит с одним из малоизвестных моментов поиска правильной революционной теории. В статье отмечено, что «в журнале с полной определенностью прослеживается тенденция, которая вела от революционного просветительства Чернышевского не к утверждению последовательно революционно-демократической идеологии, а к умеренному демократическому просветительству, к реформизму» (с. 118). Но вместе с тем журнал «Современность» от имени поколения, воспитанного на идеях Чернышевского, отверг анархистскую доктрину Бакунина.

Второе общее направление сборника представлено работами по историографии. Содержание выдвинутых в них проблем многообразно: значение ленинского научного наследия для современной истории и историографии, методология и метод в историографическом исследовании. Несколько работ посвящено историографии движения декабристов, в связи с чем рассмотрено значение трудов акад. М. В. Нечкиной

в этой области, отмечается активность Научного совета по истории исторической науки. Под его руководством в последние годы проведен ряд крупных мероприятий, содействовавших развитию историографических исследований: конференция историков социалистических стран (Москва, 1978 г.), ряд всесоюзных и региональных конференций.

С расширением изучения конкретных историографических проблем увеличивается потребность в развитии его теоретических основ, комплексном анализе опыта историографических исследований. Рецензируемое издание отражает эту назревшую потребность. Целый ряд статей сборника, имеющих самостоятельное историографическое значение, дает фактический материал для изучения упомянутых более общих проблем. Статьи, посвященные проблеме феодализма в русской дворянской и просветительской историографии XVIII в., светской и церковной историографии ранней Византии, не только содержат анализ взглядов историков, но и затрагивают проблему образования и развития исторических понятий; раскрываются значение литературных традиций и конкретных исторических условий, в которых находится исследователь, роль классовых позиций историков в формировании категорий мышления, оценке конкретных событий. Влияние современной историку эпохи на его исследование многообразно. Изучение того, как юбилей Бородинского сражения 1812 г. отражались в дореволюционной русской историографии, показывает, что празднование годовщины было неотделимо от борьбы различных общественных сил за то или иное понимание Отечественной войны 1812 г. и что современность всякий раз оказывала решающее влияние на это понимание. Вместе с тем развитие представлений об Отечественной войне 1812 г. не сводилось только к смене господствующих в каждую данную эпоху точек зрения. Во-первых, само изучение темы объяснялось не только влиянием юбилеев, во-вторых, многое из того, что было обязано своим происхождением юбилейным торжествам, получало непреходящее значение (например, издание источников).

Ряд статей носит характер персоналий. В их числе исследования о деятельности Г. А. Куклина — одного из первых историков-марксистов, создателя русской революционной библиотеки в Женеве, о научно-общественной деятельности акад. В. П. Волгина. Новые материалы раскрывают

важнейшие этапы революционной деятельности В. П. Волгина, его путь к последовательно-материалистическому пониманию истории. Оригинальна по замыслу и исполнению статья «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского в зарубежных переводах». В ней подробно прослежена, в частности, судьба немецкого перевода книги как первого в Германии марксистского научно-популярного изложения истории России. Его издание в свое время помогло распространению марксистского понимания истории в немецком рабочем движении.

Публикуемые в сборнике работы нерав-

ноценны. Одни из них представляют оригинальные и завершенные разработки небольших тем, другие важны скорее формулировкой проблемы, которую в рамках установленного в сборнике объема публикации невозможно исчерпать (например, тема о «русском феодализме»). Есть и работы, вносящие мало нового в уже полученные результаты исследования. Недостатком сборника является некоторая пестрота тематики, что особенно заметно в историографической части. В целом же читатель получил полезную, содержательную книгу.

В. А. Китаев, А. М. Нейман,
Н. И. Смоленский

Л. В. КУПРИЯНОВА, *Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. К проблеме развития капитализма вширь*. М. Наука. 1981. 232 с.

Разработка проблемы развития капитализма вглубь и вширь включает анализ как роста капиталистических отношений в промышленности и земледелии в пределах Центра Европейской России, издавна заселенной части страны, так и распространения сферы господства капитализма на новые территории, которые еще не все были заселены, где еще не все земли были заняты. В. И. Ленин писал, что стремление российского капитализма развиваться вширь «особенно рельефно» сказалось на окраинах, заселение которых получило «такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории»¹. При этом первостепенное значение имеет учет тесного переплетения и слияния обеих сторон единого процесса развития капитализма в России.

Эти ленинские положения нашли отражение в книге старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР, кандидата исторических наук Л. В. Куприяновой. Хронологический диапазон работы дает возможность раскрыть сложную историю горообразованиевых процессов на Северном Кавказе. До середины XIX в. немногочисленные города в этом крае имели в основном военно-колонизационный облик, что выражалось в значительном ка-

заком элементе в составе их населения. Падение крепостного права в 1861 г., совпавшее со временем окончательного присоединения Северного Кавказа к России, явилось важнейшим рубежом в процессе вовлечения этого района в систему общероссийского рынка, становления нового типа капиталистического города.

Автор показал, что серьезным фактором развития капитализма на Северном Кавказе служило железнодорожное строительство, которое, как отмечал Ф. Энгельс, ускорило «создание капиталистической промышленности и революционизирование примитивного земледелия»². Постройка главной магистрали этого края — Владикавказской железной дороги в 70—80-х годах XIX в. укрепила экономические связи Северного Кавказа с ведущими промышленными районами страны, и его города стали превращаться в центры хозяйственной жизни этого района, вовлекая в сферу своего влияния огромные территории, экономически тяготевшие к ним. Наиболее стремительно формирование капиталистического города на Северном Кавказе происходило в последние десятилетия XIX в. — в условиях широко развернувшейся капиталистической индустриализации России. Бурное развитие тяжелой индустрии Юга,

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 86; см. также т. 3, с. 563—564.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22, с. 450.

которое Ленин расценивал как «техническую революцию»³, в особенности способствовало росту таких крупных индустриальных центров, как Новороссийск, Грозный, Владикавказ. Автор рассматривает два типа капиталистического города на Северном Кавказе. Это, с одной стороны, аграрно-торговые города в районах торгового земледелия, с другой — крупнокапиталистические города в районах горнодобывающей промышленности, которые одновременно являлись важнейшими железнодорожными пунктами.

Обстоятельно рассмотрены в книге причины роста городов Северокавказского края в пореформенную эпоху. Главная из них, как показывает Л. В. Куприянова, заключалась в быстром увеличении промышленного населения за счет земледельческого. Представляется интересной характеристика социального и профессионального состава горожан, полученная на основе обработки данных переписи населения 1897 года. Используя ленинскую группировку, автор дает сравнительный анализ социального состава городского населения Европейской России и Северного Кавказа и делает вывод о значительном количестве торгово-промышленного населения в северокавказских городах. При этом в Черноморской губ. его концентрация достигала максимальных размеров (с. 176—177).

Главный социальный результат становления капиталистического города — формирование кадров промышленного пролетариата. В работе показано, что среди промышленных городов на Северном Кавказе самым крупным по численности и концентрации рабочего класса был Новороссийск — важнейший промышленный центр, железнодорожный пункт и морской порт. Пролетарское ядро города сосредоточивалось на цементных заводах общероссийского значения. Особенностью формирования промышленного пролетариата Новороссийска было преобладание пришлых рабочих, преимущественно выходцев из центральных губерний России (с. 157, 159). Высокая концентрация, большой удельный вес фабрично-заводских, железнодорожных и портовых рабочих в городе определяли классовую сплоченность, революционность его пролетариата. В 1905 г. рабочие Новороссийска вписали яркую страницу в историю революционной борьбы, создав «Новороссийскую республику».

Крупнейшим средоточием горнопромышленного пролетариата в 90-х годах прошлого века стал Грозный, где на нефтяных промыслах и нефтеперерабатывающих заводах вместе с русскими трудились рабочие местных народностей. Важным торгово-промышленным городом являлся и Владикавказ, население которого в пореформенную эпоху увеличилось в 12 раз. Более половины его составляли рабочие промышленных предприятий и железнодорожного транспорта (с. 127, 166). Владикавказ был одним из наиболее крупных транспортных пунктов края. Железнодорожную магистраль обслуживала значительная масса рабочих, мигрировавших сюда в поисках работы из Центральной России (с. 127). Русские рабочие, преобладавшие в составе городского промышленного пролетариата, играли ведущую роль в классовых боях, сплачивая рабочих угнетенных национальностей и народностей Северного Кавказа на борьбу против самодержавия, против капитализма.

Исследование Л. В. Куприяновой содержит данные о том, что капиталистические отношения распространялись не только вширь, на новые территории, но еще более вглубь, особенно в местностях, тяготеющих к Владикавказской магистрали. К началу XX в. эта национальная окраина, тесно связанная с общероссийским рынком, в полной мере стала частью народного хозяйства капиталистической России.

Рассмотренные в монографии тенденции являлись частью сложного процесса — социально-экономического сближения края с Центральной Россией. Автор показывает, что вхождение народов Северного Кавказа в состав России ускоряло их социально-политическое и культурное развитие, создавало предпосылки революционного союза всех угнетенных царизмом народов. Таким образом, все в большей мере выявлялось прогрессивное значение вхождения их в состав России.

Советская историография уже много лет ведет изучение аграрных проблем развития капитализма вширь. Появление книги Л. В. Куприяновой свидетельствует о том, какие широкие возможности открываются перед исследователями другого, не менее важного направления — истории капиталистической промышленности, урбанизации, роста крупных городов, зарождения и концентрации индустриального пролетариата, роста его сознательности и организованности. Важно раскрыть менее изу-

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 489.

ченную сторону вопроса во всероссийском масштабе, не исключая всех окраинных регионов страны. Условия развития российского капитализма были, как известно, таковы, что движение вперед совершалось при господстве самодержавных порядков и сохранении остатков крепостничества, и этот прогресс оплачивался «ценой страшной растраты человеческих и материальных ресурсов, самой хищнической эксплуатации труда капиталом»⁴.

Развитие капитализма вширь вело не к затуханию (как утверждают и ныне буржуазные идеологи), а, напротив, к обостре-

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1. М. 1964, с. 9.

нию коренных социальных антагонизмов, подтверждая марксистско-ленинское положение о том, что любой прогресс в капиталистической системе «сопровождается... также и «прогрессом» противоречий, т. е. обострением и расширением их»⁵. Поэтому рассматриваемую проблему особенно важно всесторонне исследовать с точки зрения вызревания социально-экономических предпосылок всероссийского революционного процесса с учетом многонационального характера и прочих особенностей окраин страны.

Р. П. Конюшая

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 2, с. 180.

Г. Н. МОИСЕЕВА. *Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века*. Л. Наука. 1980. 261 с.

Книга старшего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР доктора филологических наук Г. Н. Моисеевой продолжает разработку темы единства русской культуры средневековья и нового времени, которую исследовательница ведет уже многие годы. Ранее ею были опубликованы книги о связях творчества М. В. Ломоносова с русской средневековой культурой¹ и истории обнаружения «Слова о полку Игореве» в конце XVIII века².

Теперь рамки исследования раздвинулись. Новая книга посвящена связям художественного сознания и исторической мысли XVIII в. с памятниками средневековой Руси от киевских времен до XVII века. Автор исходит из идеи, что «культурное наследие было живым не только в Петровскую эпоху, но... преемственность и одновременно борьба с ним будут проходить на протяжении всего XVIII века». Совершенно справедливо в наследство, воспринятое XVIII в., включаются не только традиции древнерусской литературы, но и литературы второй половины XVII в., «обладающей многими новыми чертами» (с. 12). Таким

образом, автор присоединяется ко все более утверждающемуся в литературе положению о возникновении новой русской культуры в XVII в. (примерно со второй трети этого века).

Значительное место в книге уделено анализу особенностей, характера и методов публикации в изучаемое время древнерусских памятников, становлению отечественного источниковедения. По свежести привлеченного материала, обоснованности анализа страницы, посвященные этим вопросам, — лучшая часть книги. Для историка она представляет особенный интерес. В работах по историографии XVIII в. уже выяснены общие закономерности и направления становления и развития русской исторической науки в XVIII в., имеется также ряд исследований творчества крупных историков того времени³. Г. Н. Моисеева сосредоточила внимание на менее изученных проблемах, нашла новый подход к изучению исторической мысли и художественного сознания XVIII в., поставив задачей сво-

¹ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л. 1971.

² Моисеева Г. Н. Сласо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л. 1976.

³ См.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М. 1941; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX в. М. 1957; Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Чч. I—III. Л. 1961—1971; Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербаков. М. 1967; Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М. 1978; и др.

его исследования рассмотрение материала средневековой литературы «и через восприятие XVIII в.» (с. 18).

Заслуживает внимания мысль автора о том, что формирование русской художественной литературы в XVIII в. шло параллельно с развитием исторических знаний, а историческая тематика воплощалась в художественных произведениях (с. 234). Это заметил уже Ломоносов⁴. В книге мысль о взаимосвязях литературы и исторических знаний обусловила анализ автором трагедий, созданных писателями XVIII в. на темы русской истории (гл. II), и формирования эпической поэзии и торжественной лирики на основе традиций древнерусской литературы (гл. III).

Исследование построено на солидном материале. Автором изучены фонды 23 архивохранилищ, привлечено большое количество ранее публиковавшихся источников самого разнообразного характера — записки, дневники, переписка современников, летописи, маргиналии, произведения художественной литературы и общественной мысли средневековья и XVIII века. Именно основываясь на превосходном знании источников, в частности архивных, автор изучает особенности публикаций исторических текстов издателями XVIII века. Наглядно и убедительно показано в книге, что публикации Н. И. Новикова в «Древней российской вивлиофике» основаны на его знакомстве с подлинными рукописями, на сопоставлении различных их списков (с. 68, 71 и др.). Кстати, последнее дает возможность не только увидеть приемы издания и уровень текстологической техники XVIII в., а в ряде случаев и восстанавливать полные тексты древних памятников (например, пергаменного Синодика — памятника XV—XVII вв., см. с. 76—78).

Археографическая деятельность Новикова предстает под пером автора как одно из значительных явлений складывающейся национальной культуры. Со свойственным ему размахом и организаторским талантом Новиков объединяет вокруг дела публикации памятников отечественной старины множество различных людей, увлеченных русской историей. Г. Н. Моисеева выясняет круг лиц, которые помогали Новикову в его публикаторской деятельности, степень их участия, роль в разработке вопросов археологии и текстологии. Это в первую оче-

редь М. М. Щербатов, Г.-Ф. Миллер, затем П. К. Хлебников, В. П. Ознобишин и многие другие. Под влиянием Новикова, подчеркивает автор, «вырабатывались приемы издания и комментирования памятников» выдающихся археографов конца XVIII — начала XIX в. — Н. Н. Бантыша-Каменского, А. Ф. Малиновского, причастных к первому изданию «Слова о полку Игореве», Н. М. Карамзина (с. 79).

Высоко оценивая значение деятельности этих людей, автор не идеализирует состояние русской археографии в начальный период ее становления. В книге отмечается, что Новиков заменял орфографию подлинников на орфографию своего времени (с. 72, 73), что в издании «Русской правды» 1792 г. А. И. Мусин-Пушкин, И. Н. Болтин и И. П. Елагин «привнесли значительные изменения не только в орфографическую систему, но и в содержание текста» (с. 112). Из этого на первый взгляд частного момента выясняется специфика исторических воззрений XVIII века. Автор указывает, что система передачи древних текстов издателями того времени «базировалась на представлениях, характерных для просветительской идеологии XVIII в.» (с. 116). Связь с рационалистическими воззрениями современников здесь несомненна. Только вряд ли удачно в приведенной цитате выражение «просветительская идеология», тем более в применении к Мусину-Пушкину, Татищеву, Болтину и др. Кроме того, если «наиболее четко» выразил идею «очищения текста» Болтин, то ведь он, как явствует из его слов, приведенных автором, имел в виду ошибки, которые делались «нерадивыми невежами», работавшими «из найма» (с. 116).

Для понимания характера художественного сознания эпохи и места в нем древнерусской литературы большое значение имеет анализ приемов издания и комментирования «Слова о полку Игореве». Здесь, с одной стороны, подчеркнуто стремление к «максимальному приближению» к тексту памятника (с. 118), с другой, — и это очень важно, показано, что комментирование «Слова» «было подготовлено совершенно аналогично памятникам исторического и юридического содержания» (с. 117). Издатели сделали попытку найти жанровое определение памятнику, но все же видели в нем прежде всего историческое повествование (с. 118). Как явствует из наблюдений автора, именно такое понимание русских средневековых произведений и было преобладающим в XVIII веке. Поэтому не вполне

⁴ См. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 5. М.—Л. 1952, с. 618.

адекватным представляется название второй главы книги: «Трагедии XVIII в. на темы древнерусской литературы...». Весь материал этой и следующей главы подтверждает, что в XVIII в. еще не сложилось отношение к средневековым русским памятникам как к «литературе». Они воспринимались как исторические повествования и соответственно как источники сведений по отечественной истории. Анализируя трагедии писателей XVIII в. на темы русской истории, автор рельефно выявляет три различные порой противоположные, но тем не менее взаимосвязанные тенденции.

Во-первых, это «стремление деятелей русской культуры XVIII в. утвердить значение своего исторического прошлого, объяснимое общим становлением национального самосознания» (с. 126). Отсюда выбор в качестве сюжетов трагедий, как правило, героических страниц русской истории, которая и воспринималась в XVIII и начале XIX в. «как история героических подвигов и великих событий» (с. 185). Та же тенденция проявлялась в эпической поэзии и торжественной лирике. Разумеется, главными героями были князья, цари, полководцы. Хотя в этом сказывалась ограниченность исторической мысли, такой подход к прошлому в XVIII веке, сознательно или нет, помогал противостоять самоуничижительным оценкам уровня культуры допетровской Руси. Составляя «похвальные слова» Петру I, Феофан Прокопович и Ломоносов утверждали, что в России прежнего времени — «что же реши о арифметике, геометрии и прочих математических искусства... Тыя прежде были ли?» (Феофан). Ломоносов восхвалял Петра за насаждение наук, тогда как прежде математическое и физическое учение считалось чародейством и волхованием⁵. Один позднейший автор даже считал, что только Петр дал русским «бытие», а «душу» — Екатерина II⁶. Изучение истории, восприятие ее как героической было первым шагом к открытию богатств русской культуры. В рассматриваемое время уже рождается мысль о том, что одной из целей публикации источников должно быть опровержение «несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, кроме церковных, да и то будто только

служебных» (с. 60, цитируется предисловие Новикова к изданию «Древней российской гидрографии» 1773 г.).

Во-вторых, в книге показана тенденция к «исторически достоверной обрисовке событий и лиц в произведениях на историческую тему». Но «настоятельной потребностью литературно-эстетической мысли» эта тенденция стала лишь в конце XVIII — начале XIX в. (с. 179). Карамзин уже критикует трагедии Сумарокова за то, что он называл «героев своих именами древних князей русских, не думая соображать свойства, дела и язык их с характером времени» (с. 180, высказывание относится к 1802 г.). Так возникает проблема историзма, важная не только для художественной литературы, а и для развития истории как науки, для общественной мысли. В постановке и попытках решения этой проблемы историками и писателями проявилось взаимодействие исторической науки и художественной литературы. Наглядным выражением этого было то, что многие деятели русской культуры соединяли в себе и историков и писателей (например, Ломоносов, Карамзин).

В-третьих, автор прослеживает интенсивное накопление фонда исторических известий, что обуславливает не только возможность научной работы историков и расширение выбора тем, сюжетов для писателей, но и распространение исторических знаний в сравнительно широких общественных слоях, создает среду читателей, способных сознательно откликаться на жгучие проблемы современности, завуалированные историческими сюжетами, — как в трагедиях, так и в исторических трудах. Это так же хорошо показано автором, в особенности при анализе-сопоставлении (точнее — противопоставлении) исторических воззрений Екатерины II и А. Н. Радищева (с. 81—100). По мнению Г. Н. Моисеевой, именно Радищев «первый из писателей XVIII в. использовал художественные возможности древнерусской литературы в формировании русской литературы нового времени в ее движении к историзму реалистической литературы первой трети XIX в.» (с. 100).

В начале своего труда Г. Н. Моисеева указала на то, что невозможно в одной книге рассмотреть отражение во всей их совокупности памятников средневековья в XVIII веке. Она оговорила, что не будет рассматривать конфессиональную литературу, литературу старообрядчества, бытование произведений древнерусской литерату-

⁵ Феофан Прокопович. Сочинения. М.—Л. 1961, с. 135—136; Ломоносов М. В. Ук. соч. Т. 8, с. 591.

⁶ См. Всякая всячина, 1769, л. 51.

ры в рукописной традиции и т. д. (с. 5). Это означает, что исследование не только не закончено — оно лишь начинается. Связь художественного сознания и исторической мысли XVIII в. со средневековой культурой может быть осознана лишь при охвате всего ее противоречивого многообразия. Более того, встает задача рассмотреть восприятие наследия новой культурой в целом, изучить его роль в складывании национальной культуры не только в пределах XVIII в., а и в последующее время. Одновременно следует обратиться к сравнительному анализу восприятия наследия средневековой культуры различными национальными культурами, выявить общие историко-культурные закономерности и национально-

особенное. Это, в свою очередь, будет способствовать решению давней, но не вполне еще выясненной проблемы взаимодействия культур различных стран и народов. На основе таких исследований можно будет подойти наконец к созданию единой — в ее противоречивости — истории русской культуры за все время ее существования. Рецензируемая книга — серьезный шаг к осуществлению этой цели. Введен в оборот новый добротный материал, нарисована во многом убедительная картина развития исторической мысли. Книга заставляет думать, а главное — открывает перспективы дальнейшей исследовательской работы.

Б. И. Краснобаев

Я. Д. ИСАЕВИЧ. *Преемники первопечатника*. М. Книга. 1981. 192 с.

Интерес к проблемам истории книги вполне закономерен: печатное слово является мощным фактором культурной жизни. Старший научный сотрудник Института общественных наук АН УССР доктор исторических наук Я. Д. Исаевич давно и плодотворно работает в области истории культуры украинского и других славянских народов XVI—XVIII веков. Одна из его монографий была посвящена деятельности первопечатника и просветителя Ивана Федорова, возникновению книгопечатания на Украине¹.

Новая книга Я. Д. Исаевича знакомит нас с украинским книжным делом после Ивана Федорова. Первопечатник заложил основы постоянного книгопечатания в России, Белоруссии и на Украине; после него книгоиздание в восточнославянских землях уже не прерывалось. Работа ближайших учеников Ивана Федорова по сей день остается, пожалуй, наименее изученным разделом истории отечественного книжного

дела. Мы почти ничего не знаем о жизни и деятельности таких незаурядных московских мастеров, как Андроник Тимофеев Невежа, Анисим Михайлов Радишевский, Никита Фофанов. Мало знали мы — до появления рецензируемой работы — и об украинских учениках Ивана Федорова.

Автор ее не книговед. В этом есть свои как сильные, так и слабые стороны. Будучи историком культуры, Я. Д. Исаевич рассматривает изучаемые им явления в контексте социально-политической и общекультурной жизни интересующей его эпохи. Причины появления того или иного издания, роль, сыгранная им, — самое главное для него. Мы не найдем в монографии того, что обычно так ценят библиографы, — скрупулезного подсчета страниц, подробного описания всех сохранившихся экземпляров (такая работа зачастую считается черновой, но порой она приводит к интересным открытиям).

Культурная жизнь Украины на рубеже XVI—XVII вв. была пронизана борьбой против национально-религиозного угнетения, против польско-католической экспансии. В этом русле протекала издательская деятельность Острожской академии. Деятельность эта, о которой подробно, с прекрасным знанием источников рассказывает автор, до последнего времени почти не была персонифицирована. Ныне мы можем связать ее с именами таких превосходно

¹ Исаевич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. Київ. 1966; его же. Джерела з історії української культури доби феодалізму XVI—XVIII ст. Київ. 1972; его же. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів. 1975; его же. Юрій Дрогобич. Київ. 1972; Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні. (Сб. док. Сост. Я. Д. Исаевич и др.). Київ. 1975.

образованных людей, как Герасим Смотрицкий, Тимофей Михайлович Аннич, Василий Суражский, Гавриил Дорофеевич, Иван Вишенский. В 1603—1605 гг. Острожская типография работала при Дерманском монастыре. Я. Д. Исаевич вскрывает причины этого (с. 15), но о самой типографии рассказывает крайне скупое. Между тем в тот период в Дермани были напечатаны крупные, получившие широкое распространение издания.

Во Львове традиции Ивана Федорова продолжала Братская типография, использовавшая его шрифты и оборудование. В начале XVII в. здесь трудился Памво Берында, впоследствии прославленный киевский печатник. Интересны проведенные в исследовании параллели, показывающие черты сходства в деятельности Братской типографии и первой на территории СССР армянской типографии Ованеса Карматянца, работавшей во Львове в ту пору. Представляется важным, что в работе рассматриваются не одни лишь издания кирилловского шрифта. Подробно и обстоятельно говорится в ней о львовских типографиях, печатавших латинские и польские книги. Издания эти по праву входят в наше отечественное культурное наследие, и сбрасывать их со счетов не приходится. Мы можем лишь призвать историков белорусской культуры последовать примеру Я. Д. Исаевича и изучить деятельность польско-латинских типографий XVI в. в Крулевце, Бресте, Несвиже, Вильнюсе, Заславе, Лоске. Об этих типографиях мы почти ничего не знаем.

Освещая историю книгопечатания накануне воссоединения Украины с Россией, автор уделяет основное внимание типографии Киево-Печерской лавры. Вопрос о времени, когда возникло книгопечатание в Киеве, по сей день не решен. Называют разные даты. Я. Д. Исаевич, критически пересмотрев их, доказывает, что первая типография в Киеве не могла возникнуть ранее 1615 г., ибо именно в этом году сюда были привезены шрифты и оборудование из Стратина. Киевский Часослов (около 1616 г.) набран стратинским шрифтом (с. 50—51).

Среди киевских типографов внимание автора привлекает Памво Берында, составитель «Лексикона славено-росского», одного из первенцев отечественной лексикографии. Впрочем, биография Берынды очерчена в книге бегло, она могла бы быть и более подробной. В этом смысле больше

удовлетворяют страницы, посвященные Тимофею Вербицкому и Спиридону Соболю, написанные с привлечением архивных материалов. Интересны данные о дальнейшем развитии львовского книгопечатания. В Братской типографии одно время работал белорусский мастер Михаил Слезка, впоследствии основавший собственное предприятие. Рассказывается и о другом львовском мастере — Андрее Скольском.

Издательская деятельность на Украине в первой половине XVII в. стала одним из важных элементов идейной подготовки воссоединения двух братских народов — украинского и русского. Исследование показывает, как украинское книгоиздание подтачивало устои католической светской и духовной власти, способствовало усилению русско-украинских культурных связей.

Менее полно раскрыта автором тема об организации издательского дела и полиграфического производства, которой посвящена особая глава. Открывающий ее параграф назван «Как работали древние типографии». Однако подробностей историко-технического плана мы здесь почти не найдем. Речь идет в основном об организации распространения книг. Не следовало, видимо, объединять в одном разделе вопросы тематики изданий и их оформления. Предлагаемый автором типологический анализ слишком схематичен, а искусствоведческий разбор заменен статистическими сведениями об элементах художественного убранства книг и перечнем украинских гравюров первой половины XVII века. Вместе с тем Я. Д. Исаевич пересматривает дату появления украинской гравюры на меди. Ранее этот факт относили к 80-м годам XVII в., теперь — к 1615 г. (с. 136—139).

В главе, названной «Книга — путь к единству», проанализированы опубликованные ранее владельческие записи на страницах старопечатных книг, свидетельствующие о распространении русских книг на Украине и украинских — в России. Многие из этих записей выявлены автором. Результат чрезвычайно интересен, он по-своему говорит об интенсивном культурном сближении между русскими и украинскими землями в конце XVI — первой половине XVII века. Связи и взаимовлияния прослеживаются в постоянном обмене текстами, в перепечатке украинских изданий в Москве, в сходных приемах редакционной обработки и элементах художественного оформления.

Я. Д. Исаевичу удалось убедительно доказать значительную роль книжного дела в укреплении культурных связей восточнославянских народов, и более того — в укреплении межславянского общения, что

нельзя не рассматривать как достижение советской историографии культуры вообще, книги и книжного дела — в частности.

Е. Л. Немировский

А. Н. САХАРОВ. *Дипломатия Святослава*. М. Международные отношения. 1982. 240 с.

Рецензируемая монография А. Н. Сахарова тематически и хронологически продолжает его ранее опубликованное исследование¹. Поэтому ее содержание необходимо рассматривать с учетом уже сделанных наблюдений относительно основных закономерностей развития внешней политики Древнерусского государства. С другой стороны, новая работа имеет самостоятельное значение: 964—971 гг. явились периодом активной внешней политики Руси в Поволжье, Северном Причерноморье и на Балканах, вследствие чего могущество Руси усилилось, ее давний противник — Хазария была сокрушена, а Византии лишь посредством мобилизации всех резервов удалось отбить военный и дипломатический натиск северного соседа.

Характер исследования предопределил структуру книги. Автор выделил три темы, которые вводят в курс изучаемой проблемы самый широкий круг читателей — историков, специалистов по истории международных отношений, любителей истории. Первая глава раскрывает состав и содержание источниковой базы исследования, вторая — показывает степень изученности темы и суть основных спорных вопросов, которые обсуждаются уже более 200 лет в отечественной и зарубежной литературе, в третьей — исследуется дипломатия Святослава. Такая структура позволяет в полной мере сочетать популярность изложения со спецификой исследования периода феодализма, для которой характерно установление научного факта через источниковедческий анализ.

В сравнении с предшествующим периодом истории древнерусской дипломатии деятельность Святослава относительно хо-

рошо освещена в современных или близких по времени к происходившим событиям источниках. Поэтому перед автором стояла сложная задача не только показать содержание, но и, главное, раскрыть степень достоверности источников, а также соотношение памятников, использованных в исследовании (древнерусских, византийских и восточных). В предшествующей литературе большое внимание уделялось источниковедческим вопросам проблемы, и это облегчило задачу автора. Поэтому обзор источников выполнен скорее в историографическом плане, а внутренней критике текста, критике содержания, отдано предпочтение перед внешней критикой, источниковедением и текстологией.

Такой прием показывает сложность определения достоверности использованных материалов как историко-литературных произведений и памятников общественно-политической мысли. Но при этом возникает вопрос о правомерности привлечения поздних по происхождению источников, в частности Устюжского летописного свода. Поэтому полезными представляются хотя бы общие указания на результаты изучения известий древнейших слоев подобных памятников, но вместе с тем корректность (в исследовательском смысле) их привлечения (напомним, что А. А. Шахматов предполагал в «Архангелогородском летописце» отражение Начального свода «Повести временных лет» в новгородской редакции², но не продолжил это исследование). Существенным вкладом не только в позитивное решение исследуемых вопросов, но и в характеристику источников «Повести временных лет» явилось бы определение автором древнерусского «местного

¹ А. Н. Сахаров. *Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в.* М. 1980.

² Шахматов А. А. О Начальном киевском летописном своде. — ЧОИДР. Кн. 3. М. 1897, с. 52—57.

письменного источника, восходящего к рассказам очевидцев», который отразил события 964—972 гг. и имел впоследствии собственную литературную историю (с. 42).

Большое значение для понимания последовательности походов Святослава имеет интерпретация известий Ибн Хаукаля о нападении русов на Семендер, Булгар, Хазаран и Итиль, которое датировано арабским географом 358 годом хиджры (968—969 гг.). С учетом сообщения «Повести временных лет» о походе Святослава на волжских булгар и хазар в 965 г. высказаны в данной связи два мнения. Согласно одному, в те годы было совершено два похода на хазарские земли, причем второй — в период значительных военных и дипломатических усилий Святослава на Балканах. Согласно другой точке зрения, поход состоялся только в 965 г., тогда как 358 год хиджры в качестве даты похода появился в тексте ошибочно — только в этом году Ибн Хаукаль узнал о нападении русов. А. Н. Сахаров решительно высказался в пользу второй точки зрения.

В данной связи можно добавить, что в сообщении Ибн Хаукаля «И опустошили его (город Булгар.— М. С.) русы, и Хазаран, и Итиль, и Семендер в 358 году, и они отправились сразу же в страну ар-Рум и Ал-Андалус»³ контаминированы различные по времени и месту действия события⁴, причем в основу датировки событий были положены военные действия Руси против Византии. Причиной подобной контаминации явилось, вероятно, написание Ибн Хаукалем своего знаменитого сочинения «Книга путей и стран» значительно позднее происходивших событий. В данной связи важно определить, к какому времени относится сообщение последнего крупного представителя классической школы арабских географов, ал-Мукаддаси, о том, что «войско из ар-Рум, которых называют русь, завоевали их (хазар.— М. С.) и завладели страной их»⁵, и свидетельствует ли оно о походе Святослава на хазар в промежутке между войнами на Балканах. Ал-Мукаддаси поставил данное сообще-

ние во временную связь с призывами эмира Джурджани (Ургенча) ал-Ма'муна к «царю хазар» принять ислам (до 995 г.). На этом основании М. И. Артамонов с полным правом отнес поход русов не к Святославу, а к Владимиру Святославичу. Он отметил также, что в русских источниках есть данные о походе русов на хазар при Владимире⁶.

Большую роль в монографии играет обширная глава по историографии проблемы. Не стремясь к библиографической полноте, автор раскрыл содержание развития историографии как усложнение представлений о внешней политике и дипломатии Святослава, показал рост источниковой базы и плодотворность дискуссий по основным вопросам темы, отметил новые элементы трактовки.

Чрезвычайно важны отмеченные А. Н. Сахаровым качественные изменения в советской историографии во второй половине 30-х годов в результате усвоения марксистской методологии. При таком подходе внешняя политика Древней Руси стала рассматриваться «как историческое явление, обусловленное классово-феодалным характером древнерусского общества, развитием раннефеодальной государственности у древних руссов, как явление, закономерно отражающее различные этапы развития древнерусского общества, их специфические черты и историческую преемственность». А. Н. Сахаров показал и плодотворные результаты таких исходных позиций в трудах советских ученых (Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и других), «заложивших основы единого и комплексного изучения социально-экономической, политической, культурной истории древней Руси». Их работы, пишет А. Н. Сахаров, «позволили советским историкам подойти к изучению внешней политики древнерусского государства не с субъективистских позиций анализа деятельности отдельных удачливых или неудачливых князей, а с точки зрения выражения тем или иным деятелем общественных потребностей своего класса, развивающегося феодального государства» (с. 62—63). Как показывает историографический анализ А. Н. Сахарова, такой подход явился основой для преодоления характеристики политики Святослава лишь как грабительских походов и вместе с тем для использования

³ Bibliotheca geographorum arabicorum (BGA). Pars. II. Lugduni Batavorum. 1873, p. 14.

⁴ Бартольд В. В. Арабские известия о русах. В кн.: Советское востоковедение. Т. 1, М.—Л. 1940, с. 36; Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л. 1945, с. 263.

⁵ BGA, Pars. III, ed. 2. Lugduni Batavorum. 1906, p. 361.

⁶ Артамонов М. И. История хазар. Л. 1962, с. 435.

творческих наблюдений по данной проблеме зарубежных ученых.

Исследование А. Н. Сахарова комплексно, оно в единстве рассматривает восточную и балканскую дипломатию Святослава как продолжение предшествующей политики Древнерусского государства в контексте отношений не только с Хазарией, Византией, Болгарией, но и с уграми и печенегами. Автор высказал обоснованное мнение о том, что восточный поход Святослава в 964—965 гг. являлся продолжением предшествующей борьбы Руси с Хазарским каганатом, но цель его была иная: не закрепление позиций на Каспии и в Закавказье, а захват Поволжья и Приазовья после разгрома каганата. А. Н. Сахаров предположил, что борьба Святослава с Хазарией поддерживалась доброжелательным нейтралитетом Византийской империи, которая стремилась расправиться со своим давним противником в Причерноморье и Приазовье.

Неожиданное и тонкое наблюдение сделал автор в связи с изучением восточного похода, отметив в противоположность предшествующей литературе отсутствие данных о завоевании Святославом вятичей в 964 году. Отсюда следует важный вывод, согласно которому, отправляясь на Хазарию и зависимых от нее булгар и буртасов, киевский князь имел в тылу дружественный племенной союз вятичей, освобожденных от власти хазар. Вятичи были включены в состав Древнерусского государства позднее, в 966 г., когда участь Хазарии была решена. Эти данные, приведенные автором, свидетельствуют о решении Святославом основных задач восточной политики Древнерусского государства, что стало одной из причин столкновения Руси с Византией.

Анализируя политическое положение Болгарии в 30—60-х годах X в., А. Н. Сахаров показал, что оно определялось началом феодальной раздробленности страны, борьбой про- и антивизантийских группировок болгарской знати, сложными отношениями с Византией и венграми, а это создавало благоприятные условия для активизации политики Святослава на Балканах. Прослеживая процесс вовлечения Руси во все более усложняющийся комплекс византийско-болгарских и византийско-венгерских отношений, автор особо рассмотрел назначение миссии византийского патрикия Калокира к Святославу. Он поддержал ранее высказывавшуюся в историографии мысль о зада-

че Калокира предотвратить натиск Святослава в Причерноморье и отвлечь его от византийских владений в Крыму, обращая внимание киевского князя на Нижнее Подунавье. В данном контексте интерпретируются известия такого сложного для понимания источника, как «Записка греческого топарха», в котором, по мнению А. Н. Сахарова, содержатся сведения о русско-византийских столкновениях в византийских владениях в Северном Причерноморье, что явилось следствием усиления в данном регионе Руси после разгрома Хазарии⁷.

Данные источников, недостаточно ясные, передающие подчас внешнюю сторону событий, создают значительные сложности для анализа балканской дипломатии Святослава, являясь причиной гипотетических решений при изучении ряда важнейших ее аспектов. Вместе с тем проанализированные и сведенные воедино они позволяют автору проследить причинно-следственные связи балканских событий в 967—971 гг. и установить основные этапы развития политики Святослава на Балканах.

Первым этапом, по мнению А. Н. Сахарова, явилось заключение тайного русско-византийского договора и нейтрализация Византии в период борьбы Святослава в 967—968 гг. за Подунавье. Однако это была не только борьба за экономические и торговые интересы Руси. Она стала борьбой против провизантийски настроенной группировки вокруг болгарского царя Петра и за превращение Болгарии в дружественное Руси государство. По-новому, аргументированно автор локализует борьбу Руси только за низовья Дуная, а не за все Болгарское царство, как делалось ранее. Такое ограничение определялось стратегическими планами политики Святослава на Балканах в подготовке последующего противоборства с Византией, и в этой связи становится очевидной дальновидность такой политики, которая предполагала также опору на антивизантийские группировки в Болгарии и привлечение венгров в качестве союзников.

Содержанием второго этапа явилось за-

⁷ Можно пожалеть, что всегда внимательный к предшествующей историографии автор не высказал своего отношения к обстоятельному комментарию к «Записке» Г. Г. Литаврина (Литаврин Г. Г. Записка греческого топарха (Документ о русско-византийских отношениях в конце X века). В кн.: Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.) М. 1957).

ключение в 969—970 гг. союза Руси и Болгарии, в правящей знати которой стали преобладать прорусские настроения, а также участие венгров и печенегов в союзных действиях против Византии. Приведенные автором материалы, беглые подчас свидетельства источников, мимо которых проходили предшествующие исследователи, подтверждают его вывод о том, что политика Болгарии в 970—971 гг. определялась антивизантийской группировкой, стоявшей за спиной царя Бориса, а Болгария не была лишена самостоятельности и оставалась суверенным государством (с. 179). Однако императору Иоанну Цимисхию путем максимального напряжения сил удалось разбить союзников, что вело к вытеснению Руси с Балкан, захвату Восточной Болгарии Византией и к подготовке последующего уничтожения Западно-Болгарского царства.

Завершающим актом дипломатической деятельности Святослава явилось заключение русско-византийского договора 971 г., который восстанавливал систему отношений двух стран, существовавшую до нача-

ла военных действий в 966 году. Тем самым Святослав признавал свое поражение на Балканах, но вместе с тем, как отметил автор, Русь закрепила за собой завоевания в Северном Причерноморье, Приазовье и Поволжье (с. 202—203).

Монография А. Н. Сахарова является наиболее полным исследованием дипломатии Святослава в отечественной историографии. Автор смело включил в исследование гипотетические звенья, которые объединили в единую цепь причинно-следственные связи фактов, при этом отдельные спорные вопросы в интерпретации источников, неизбежные при недостаточной ясности известий некоторых письменных памятников, не нарушают цельности концепции. А. Н. Сахаров показал плодотворность изучения дипломатии Древней Руси как составной части системы межгосударственных отношений, в которых внешняя политика являлась отражением социально-экономического и политического развития раннефеодального Древнерусского государства.

М. Б. Свердлов

Рабочее движение Великобритании: национальные и расовые проблемы. М. Наука. 1982. 328 с.

Предлагаемая читателям коллективная монография написана группой сотрудников Института международного рабочего движения АН СССР¹. Актуальность настоящего исследования была не раз подтверждена и после того, как авторы завершили работу над книгой. Достаточно вспомнить волнения, прокатившиеся по городам Великобритании весной и летом 1981 года. Среди них особое место занимают события в лондонском районе Брикстон, населенном цветными иммигрантами. В эти же месяцы весь мир с напряженным вниманием следил за исходом голодовки протеста, предпринятой борцами за воссоединение Ирландии. В начале 1982 г. вновь обострились конфликты, связанные с расовой проблемой в Великобритании и принятием нового закона о гражданстве. Живучесть имперских шовинистических

настроений подтвердил также англо-аргентинский конфликт в Южной Атлантике весной 1982 года.

Избранный авторским коллективом аспект рассмотрения английского рабочего движения является в определенной степени новым для нашей литературы по истории современной Великобритании. Используя многочисленные документы, в первую очередь исходящие от различных организаций рабочего класса, авторы показывают успехи и трудности в борьбе за достижение единства современного многонационального и многорасового рабочего класса Великобритании. В книге учтена советская и зарубежная литература. Ведется полемика с буржуазными историками и политологами.

Основное внимание в монографии сконцентрировано на ведущих темах: положение и судьбы трудящихся, подвергающихся национальному и расовому гнету в Великобритании; позиция английских рабо-

¹ Авторы: А. Н. Байкова, М. Э. Крамаров, Ю. П. Мадор, С. В. Михайлов, М. Е. Орлова, Отв. ред. М. А. Заборов.

чих и политика английской буржуазии в отношении национальных и расовых меньшинств. На большом фактическом материале авторы убедительно показывают дискриминацию в области труда и зарплаты, жилищных условий, образования и здравоохранения, которой и подвергаются в современной Великобритании представители национальных и расовых меньшинств, составляющие $\frac{1}{5}$ населения страны.

Борьба с расизмом в современной Великобритании становится частью защиты прямых интересов рабочего класса. В книге прослежены причины, которые породили и поддерживали на протяжении длительного времени расовые предрассудки, укorenившиеся не только в высших и средних слоях, но и среди трудящихся. Борьба шовинизма и демократической тенденции резко обострилась в 60—70-е годы. «Важнейшую роль в изменении позиций масс по расовому вопросу сыграл кризис системы колониализма» (с. 62). Вместе с тем авторы отмечают, что «в процессе демократизации современной общественной жизни старые расистские пристрастия отнюдь не исчезли. Они по-прежнему довольно глубоки в сознании численно преобладающих слоев населения Великобритании» (там же). В книге показано, как правящие круги сознательно поддерживают и стимулируют расовые предрассудки среди населения страны. Главное внимание в книге уделено классовому содержанию этой политики. Не довольствуясь поддержанием настроений т. н. простонародного расизма, правые консерваторы создали ряд организаций, целью которых стало насаждение в стране атмосферы крайнего оголтелого расизма. И хотя «расизм фашистского толка... не находит надежных точек опоры в массовом сознании» (с. 88), тем не менее он является реальным врагом современного рабочего и демократического движения Великобритании.

Авторы указывают на факторы, которые способствуют постепенному изживанию старых расистских стереотипов в сознании английских трудящихся. Среди них первое место принадлежит совместному труду английских рабочих и служащих и цветных иммигрантов. В совместной профсоюзной деятельности и стачечной борьбе преодолевается взаимное отчуждение. Вовлечение рабочих-иммигрантов в британское профсоюзное движение в определенной мере влияет на радикализацию последнего.

Лейбористская партия и лейбористские правительства в 60—70-е годы не вели последовательной борьбы с расизмом, активно насаждаемым правыми консерваторами. Под покровительством последних в стране действуют воинствующие расистские организации и группировки во главе с профашистским «Национальным фронтом». Борющиеся против них демократические организации объединяют левых лейбористов и профсоюзных деятелей, коммунистов, демократическую интеллигенцию. Поляризация сил, противостоящих друг другу в расовой политике, продолжается.

Большой интерес вызывает характеристика рабочего и национального движения в Шотландии и Уэльсе. Книга дает яркое представление об исторических судьбах этих национальных окраин, о вкладе шотландцев и валлийцев в историю британского рабочего движения. Вопреки влиянию буржуазных националистов, трудящиеся Шотландии и Уэльса никогда не отделяли себя от английского рабочего класса. В книге подчеркнуто, что выступления трудящихся этих национальных окраин, начиная с промышленной революции и до наших дней, не были сколько-нибудь заметно окрашены в национальные тона (с. 145—188, 215). Вместе с тем «приоритет классового сознания перед национальным у основной части трудящихся не исключает сильного национального чувства, определенных интересов и установок по национальному вопросу» (с. 197—198). Значительные успехи националистических партий в 60—70-е годы привлекли широкое внимание английской общественности к национальной проблеме. Однако попытки лейбористского правительства решить эту проблему с помощью деволюции ни к чему не привели. И дело здесь не в том, что лишь треть шотландцев и 12% валлийцев (с. 207) проголосовали за автономию. Просто многие из тех политических деятелей, которые ратовали за деволюцию, сделали этот вопрос предметом межпартийной борьбы и политических спекуляций. Рассматривая проблему «национализм и рабочий класс», авторы подчеркивают, что буржуазный национализм был и остается опасным врагом трудящихся.

Большое место в книге посвящено проблеме взаимоотношений рабочего движения Великобритании и Ирландии за последние сто лет. Авторы показывают, что истории рабочего движения Ирландии и Великобритании тесно переплетены между собой.

«Сформулированная основоположниками марксизма идея коренной общности интересов английского рабочего движения и движения за национальную независимость Ирландии на протяжении столетия пробила себе дорогу в борьбе передовых общественных сил обеих стран» (с. 229). Однако, как показано в книге, на пути к осознанию этой общности имелись серьезные препятствия. Старшее по возрасту и более опытное английское рабочее движение не смогло повести за собой трудящихся ирландцев и в то же время оказать серьезное давление в пользу решения национальных чаяний Ирландии. Сказывалось то, что английских рабочих издавна приучали смотреть на ирландцев, как на людей «второго сорта». К этому следует добавить, что лейбористские и профсоюзные вожди Великобритании традиционно использовали борьбу за предоставление гомруля Ирландии как объект политических спекуляций. Лишь в периоды наибольшего подъема английское рабочее движение открыто проявляло классовую солидарность с трудящимися Ирландии. Так было накануне первой мировой войны и сразу после ее окончания. Но эта классовая поддержка почти никогда не сопровождалась пониманием национальных чаяний ирландского народа. За это была ответственна не только английская буржуазия, но и подавляющее большинство английских рабочих лидеров. Рабочее и демократическое движение Англии, как показано в книге, не выступило против планов раздела Ольстера накануне первой мировой войны, а в 1921 г. лейбористская партия помогла затянуть «ирландский узел» (с. 260, 284). В результате «раскол Ирландии стал не только ее национальной трагедией, но и источником острейших социально-политических — ольстерских — кризисов для Великобритании» (с. 284).

В книге отчетливо показаны слабости ирландского рабочего движения, которые особенно хорошо видны в исторической перспективе. Главная из них проявилась уже на рубеже XIX—XX вв., когда социальные и национальные требования были оторваны друг от друга. Ирландские лейбористы и тред-юнионы, стремясь подчеркнуть свое классовое родство с трудящимися Великобритании, сознательно уступили буржуазным националистам лидерство в национально-освободительной борьбе. Это привело к дряхлеющему до сих пор расколу в рабочем и демократическом движении

Ирландии. Общий итог столетнего периода сотрудничества и взаимодействия рабочего движения Ирландии и Великобритании формулируется в книге следующим образом: «В течение рассматриваемого нами столетия осознание британским рабочим классом его коренной заинтересованности в полном и окончательном решении ирландского вопроса... с трудом прокладывало себе дорогу, преодолевая сопротивление укоренившегося «имперского комплекса» превосходства над колониальными народами» (с. 321).

Между тем именно рабочий класс Великобритании является единственной реальной силой, которая может противостоять реакционному курсу правящих кругов страны в национальном и расовом вопросе. «Приходится, однако, считаться с тем, — справедливо говорится в заключении, — что усиление интернационалистских тенденций в организованном рабочем движении пока еще тормозится не изжитой еще пассивностью его поведения в вопросах, когда дело касается национальных меньшинств или расовой дискриминации» (с. 324). Нередко эта пассивность обуславливается грузом старых предубеждений и чувством «имперского превосходства», до сих пор свойственным многим жителям британских островов.

Материалы настоящей книги позволяют поставить ряд проблем, относящихся к истории и современному состоянию международного рабочего движения, в частности о связи между обострением расовых и национальных противоречий с дальнейшим углублением общего кризиса капитализма. Приток иммигрантов в развитые капиталистические страны в 60—70-е годы — лишь одна из причин осложнения этих проблем. Научно-техническая революция и обусловленное ею обострение социально-экономического положения трудящихся этих стран являются не менее важной причиной. Связанное с этим усиление классовой борьбы вызывает у правящих кругов растущее желание ослабить, расколоть рабочий класс. Одним из способов достижения этой цели служит сознательное культивирование и прямое разжигание национализма и расизма.

Таким образом, авторы данной книги предлагают читателю глубокое исследование тех явлений, которые оказывают серьезное влияние на социально-политическую жизнь современной Великобритании.

А. Г. Судейкин

Д. М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ. *Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799—1812 гг.)*. Изд-во Саратовского университета. 1980. 220 с.

Историография эпохи Наполеона поистине необозрима. Однако приходится согласиться с автором рецензируемой монографии доцентом Саратовского университета кандидатом исторических наук Д. М. Туган-Барановским, что «наряду с тщательным и, можно сказать, скрупулезным исследованием биографии Наполеона, до сих пор очень мало известно о том, что представлял собой его режим и каковы его истоки, какие слои населения поддерживали Наполеона, каков был механизм его диктатуры» (с. 3).

Книга Д. М. Туган-Барановского во многом является попыткой ответить на вопросы, поставленные в свое время в историографии¹. Работа написана на основе тщательного изучения широкого круга источников. Это заслуга автора, ибо материалы, относящиеся к республиканской оппозиции во Франции 1799—1812 гг., требуют долгого и упорного поиска. Они рассеяны по многим публикациям различной тематики, в мемуарных источниках, в ставших библиографической редкостью трудах и архивах (в процессе работы автору удалось получить некоторые важные документы из Национального архива в Париже). Д. М. Туган-Барановским была изучена многочисленная литература, отечественная и зарубежная.

В целом автору удалось раскрыть содержание и характер деятельности «якобинской партии», которая в новых условиях, после термидора была вынуждена постепенно перейти от легальной деятельности к подпольной. Им прослежено складывание двух враждебных друг другу политических группировок накануне 18 брюмера — «ревизионистской» (термидор и анской), стремившейся к пересмотру конституции 1795 г. на авторитарных началах, и «якобинской» (с. 11, 28). Автором тщательно изучены отношение демократических кругов Франции к перевороту 18 брюмера, их критика конституции 1799 г., первые якобинские заговоры 1800 г. (Ж. Арена, Шапелья и А. Шевалье), причем анализ состава их участников позволяет сделать вывод, что активное ядро заговорщиков состави-

ли бывшие участники движения Г. Бабефа (с. 43—44).

Следует согласиться с Д. М. Туган-Барановским, что слабость «якобинской партии» объяснялась главным образом отсутствием широкой поддержки в стране (с. 18). Вместе с тем необходимо было бы подробнее остановиться на рассмотрении внутривнутриполитического положения Франции при Директории, внутренней политики Наполеона, на ее социальной направленности как одной из главных причин полной изоляции якобинско-бабувистской оппозиции. Политический индифферентизм масс (с. 19, 45, 83, 107) станет понятнее при сравнительном анализе общей ситуации внутри Франции при Директории, первом Консульстве и Империи.

Несомненный интерес представляет раздел о республиканской оппозиции в 1801—1804 годах. Она ограничивалась либерально-республиканской критикой деятельности правительства, салонными разговорами и фрондерством генералов и, наконец, вылилась в заговор, во главе которого стал начальник штаба Рейнской армии генерал Симон. Автор убедительно показал, что оппозиция военных «могла представлять опасность во время политических кризисов, в мирные же периоды генеральская фронда была слабой и неопределенной, хотя и безусловно республиканского происхождения» (с. 86). Что касается генерала Ж.-В. Моро, которому оппозиционно настроенные круги часто отводили роль центральной фигуры, то, по нашему мнению, все еще нет серьезных оснований считать его жертвой политической интриги первого консула (с. 83—93). Последние публикации на эту тему не позволяют с полной уверенностью принять эту версию².

Весьма интересной представляется глава, посвященная «Обществу филаделфов» и заговорам генерала К.-Ф. Мале. В ней содержится большой материал, раскрывающий эволюцию этой организации масонского толка, превратившейся в республиканскую и поставившую своей целью ликвидацию наполеоновского правления во Франции путем заговора и убийства императора. Как в 1808 г., когда Мале и Э. Демайо

¹ См. Далин В. М. Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М. 1970, с. 96—97.

² Ruby E. Moreau fut-il un traître? — *Ecrit Paris*, 1972, № 315, 316.

составили группу по подготовке заговора из «филадельфов» и республикански настроенных военных («заговор предположений»), так и в 1812 г. все заговорщики были в прошлом активными участниками революции и принадлежали к якобинско-бабувистскому крылу (с. 120). Значительное место в главе занимает описание наиболее важного из этих заговоров, целью которого являлось провозглашение республики в то время, когда Наполеон находился в России (с. 130—153).

В центре внимания автора находятся последователи Г. Бабефа, участники «Заговора равных», лица, проходившие по вандомскому процессу, наиболее радикальные элементы из числа «людей 1793 года». Этот интерес закономерен и оправдан, но иногда приводит, несмотря на осторожность автора в суждениях и оценках, к известному преувеличению значения республиканской оппозиции на всем протяжении наполеоновского режима. В этой связи важно было бы проследить, как проявили себя в период Консульства и Империи остальные группировки, отстаивавшие в годы революции идею республики³. Были ли они связаны организационно? Продолжали ли выступать под прежними лозунгами? Всегда ли исповедовали республиканские идеи? Шли ли на союз с роялистами, как это, по-видимому, делали якобинцы и бабувисты?

История республиканской оппозиции прослеживается Д. М. Туган-Барановским до 1812 года. Возникает вопрос, что же было дальше. Представляется, что автору следовало бы довести изложение материала до падения Империи, осветить аспекты, связанные с активностью оппозиции Наполеону во время похода союзников во Францию в 1814 г., действия республиканцев в период первой реставрации Бурбонов и Ста дней. Французский историк Ж. Дотри в статье «Бабувистская традиция после смерти Бабефа и до революции 1830 г.» посвятил несколько страниц тому, как отнеслись

к вторжению союзников во Францию и к возвращению Наполеона с Эльбы бабувисты Р. Базен, Э. Демайо, Ф. Лепелетье, Ф. Буонарроти, сыновья Бабефа⁴.

Можно с уверенностью говорить об определенных переменах в политических взглядах этой группы, придерживавшейся республиканских убеждений, что, кстати, было типичным для большинства активных в прошлом революционеров. Однако не все до конца остается ясным. Например, каковы причины полного бездействия бабувистского крыла в общем русле движения в поддержку реставрации Империи в 1815 году? В какой степени эволюция Р. Базена от крайнего уравниательства к конституционному монархизму была характерна для остальных сторонников бабувистского движения? Последовательное освещение всех этапов, которые пережили бабувистская и республиканская оппозиции в целом, представило бы более полную картину внутриполитической ситуации во Франции на протяжении всего периода Консульства и Империи.

В главе «Филиппо Буонарроти и «Общество высокодостойных мастеров» едва ли не впервые в отечественной историографии поднимаются вопросы об участии пропагандиста идей Бабефа Ф. Буонарроти в практической революционной деятельности. Здесь подробно освещается история организации и социальный состав масонской ложи «Искренние друзья» в Женеве, структура тайной конспиративной организации «Общество высокодостойных мастеров», созданной Буонарроти в 1809—1811 гг. как продолжение «Общества филадельфов». Приведенные автором данные позволяют с большой долей уверенности говорить о связи между деятельностью Буонарроти в Женеве и мятежом генерала Мале в Париже в 1812 г. (с. 166—169).

В книге обстоятельно рассматривается деятельность якобинско-бабувистской оппозиции после смерти Бабефа в условиях коренного изменения ситуации во Франции после установления нового режима, пришедшего на смену Директории. Работа способствует уяснению социально-политической природы наполеоновского правления и одновременно свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения истории Консульства и Империи.

С. Н. Искюль

³ Нельзя сказать, что подобного рода исследования до настоящего времени не проводились. Так, Ж. Шомье впервые затронула вопрос о деятельности этой группировки участников революции во время Консульства и Империи (*Chaumie J. Sain-Just et le procès des Girondins—Annales historiques de la Revolution française*, № 191, janvier—mars 1968). Позднее она продолжила исследование этой темы (*Chaumie J. Les Girondins et les Cent Jours.—Ibid.*, № 205, juillet—septembre 1971).

⁴ Французский ежегодник, 1960. М. 1961.

К. Э. КИРОВА. *Жизнь Джузеппе Мадзини (1805—1872)*. М. Наука. 1981. 184 с.

Кандидат исторических наук К. Э. Кирова является автором ряда монографий по истории Италии конца XIX—начала XX века¹. В своей новой работе она исследует историю жизни, идей и борьбы идеолога и политического лидера итальянских республиканцев XIX в. Дж. Мадзини. Автором скрупулезно проработаны 94 тома издания его трудов, мемуары современников, учтены основные зарубежные работы по теме, изучены соответствующие высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Мадзини предстает перед читателем как национальный герой, неутомимый борец за освобождение родины от иноземного господства. Мы видим его организатором тайного революционного общества «Молодая Италия», инициатором ряда восстаний, наконец, триумвиром Римской республики 1848 г., в период наивысшего подъема его деятельности.

Впервые в советской литературе в книге столь обстоятельно раскрывается содержание экономической политики римского триумвиарита. Автор показывает, что именно в тот период Мадзини ближе всего подошел к пониманию социальных нужд различных слоев народа, в том числе крестьян, подробно анализирует ряд декретов, подготовленных Мадзини и изданных триумвиратом. Среди них особое место занимают декреты о земле, в которых беднякам было обещано наделить их (на льготных условиях аренды) землей за счет раздела владений религиозных корпораций (с. 100).

Правительство Римской республики, как показано в работе, приняло ряд мер и в интересах городской бедноты. Были отменены наиболее тяжелые налоги, введен максимум цен на продукты, беднякам предоставлялось жилище, открывались больницы, аптеки, детские приюты. Однако Мадзини не хватило времени и решимости действовать революционными методами. В эти месяцы, пишет К. Э. Кирова, «особенно ярко проявилась буржуазная ограниченность его взглядов, так и не позволившая Мадзини опрокинуть барьер, отделявший его от крестьянских масс, чье восстание (та «народная война», о которой он

не переставал мечтать) только и могло спасти республику» (с. 112—113).

Главное внимание уделено в работе идеям Мадзини, ставшего признанным идеологом революционно-демократического крыла Рисорджименто. Как справедливо заключает автор, Мадзини «создал свою концепцию итальянской революции, ее движущих сил и руководства ими, ее целей, сущности, методов и путей» (с. 12). Автор прослеживает эволюцию воззрений Мадзини, претерпевших изменения в ходе национально-освободительной борьбы. В начале своей деятельности он выступал приверженцем революционных методов борьбы, противопоставляемых им реформистским идеям пьемонтской монархии. «Реформа — дело королей, — провозглашал он. — Революция — вот секрет народов» (там же).

К. Э. Кирова выявляет принципиальное отличие революционных методов Мадзини от теорий его предшественников — карбонариев. Мадзини отверг «концепцию революции как военного заговора, оторванного от масс и охватывающего лишь одно какое-либо итальянское государство» (там же). Революция, к которой он звал, должна была стать революцией общенациональной, народной. Именно народ считал он главной движущей силой революции. Исходя из этого критерия, Мадзини впервые в Италии разработал теорию партизанской войны, успешно осуществленную в военно-революционной практике Дж. Гарибальди.

Вершиной политической концепции Мадзини, пишет К. Э. Кирова, была его идея Республики. Однако он ошибочно считал, что вопрос этот должен был решаться не в ходе национально-освободительной борьбы, а лишь после ее завершения, в результате созыва Национального собрания.

Весьма ценным и не освещавшимся до сих пор аспектом исследования представляется данный автором анализ социальных концепций Мадзини. К. Э. Кирова подчеркивает, что он рассматривал будущую итальянскую революцию как социальную, понимаемую как ряд мер в интересах широких слоев народа. Он был противником крупной земельной собственности. В целом, пишет автор, «концепция итальянской революции, разработанная Мадзини, — это концепция антифеодальной и национально-

¹ Кирова К. Э. Революционное движение в Италии в 1914—1917 гг. М. 1962; ее же. Западная Европа. 1917-й. М. 1977; и др.

освободительной революции, которую буржуазия совершает в союзе с народом. Это концепция объединения Италии «снизу» (с. 26).

К. Э. Кирова отмечает, что у Мадзини была своя социальная утопия, что он мечтал об идеальном мире, где восторжествовало бы политическое равенство и социальное благополучие. Этой стороне его воззрений автор придает большое значение, и не случайно элиграфом к книге взяты слова А. С. Пушкина: «Он имел одно виденье, непостижное уму...»

Отмечая слабые стороны революционной концепции Мадзини, автор раскрывает ее связь с религиозными мотивами, его мистическую экзальтацию. В работе показана и ограниченность социальной программы Мадзини. Так, он до конца своих дней оставался решительным противником насильственной экспроприации землевладельцев и так и не выдвинул аграрных лозунгов освободительного движения. Эта недостаточность аграрной программы Мадзини исходила из его убеждения в неприкосновенности частной собственности и объективно отражала классовые интересы буржуазии и либерального дворянства.

Как отмечается в книге, у Мадзини отсутствовало и понимание необходимости особых условий для начала революции. Он был убежден, пишет К. Э. Кирова, что «народ, уже в силу того, что он страдает и недоволен, можно поднять на борьбу в любой момент, были бы руководители да «первая искра», «первый сигнал» (с. 21). В книге показано, как эта уверенность Мадзини в постоянной готовности народа к вооруженной борьбе приводила к тому, что он предпринимал попытки поднять восстание в самый неподходящий момент, не учитывая того особого стечения обстоятельств и соотношения сил, которыми характеризуется возникновение революционной ситуации.

Автор прослеживает эволюцию в системе взглядов Мадзини, отмечая, что со временем в ней происходит сдвиг вправо. Особенно отчетливо это выявляется уже

после завершения объединения Италии. Мадзини предпринимал попытки овладеть руководством зарождавшегося рабочего движения и даже руководством I Интернационала, с тем чтобы увести рабочих от социалистических идеалов и примирить их с капиталистами на основе мелкобуржуазной республиканской программы. Если в плане международном эти замыслы не увенчались успехом, и борьба между сторонниками К. Маркса, Ф. Энгельса и мадзинистами в руководстве I Интернационала привела к победе марксистов, то в рамках итальянского рабочего движения влияние идей Мадзини, как отмечает автор, преодолевалось с трудом. К этому хотелось бы добавить, что тщательный анализ идей Мадзини, проделанный автором, весьма важен и для понимания развития общественной мысли Италии в новейшее время, ибо многие ее течения и поныне испытывают влияние идей Мадзини.

К. Э. Кировой удалось рассеять одно-стороннее представление о Мадзини как фанатике, лишенном чисто человеческих качеств. В работе показано, что Мадзини был сложным человеком, со своей тоской, своей болью, своей неудавшейся личной судьбой. Во имя владевшей им высшей идеи — свободы Италии — он принес в жертву свою личную жизнь.

Автор не прослеживает генезиса идей Мадзини и воздействия на него мыслителей прошлого. Недостаточно показано в книге и его окружение, в том числе мало внимания уделено теме «Мадзини и Россия», что, естественно, было бы весьма интересно для советского читателя. К сожалению, в книге отсутствует историографический обзор. В советской литературе тема Мадзини освещалась недостаточно, однако большой интерес представляет обращение к его идеям русской демократической публицистики.

Рецензируемая монография займет достойное место в советской итальянистике, ибо представляет несомненный интерес не только для специалистов, но и для всех любителей истории.

Н. П. Комолова

О. В. ЧЕРНЫШЕВА, *Швеция в годы второй мировой войны*. М. Наука. 1980. 382 с.

Вторая мировая война наложила глубокий отпечаток на все стороны экономической и общественной жизни Швеции. В условиях войны особенно резко проявились характерные для страны тенденции развития государственно-монополистического капитализма, взаимоотношений основных политических сил, четче обозначились пределы политики нейтралитета. Особенности этого периода во многом объясняют направленность процессов послевоенного развития, динамики классовой борьбы. Швеции военных лет и посвящена монография старшего научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР, кандидата исторических наук О. В. Чернышевой.

В основе работы лежат материалы крупнейших шведских архивов — прежде всего Государственного и Архива рабочего движения, прессы, а также многочисленных работ шведских историков и экономистов. Обзор источников и литературы, содержащийся в книге, представляет несомненную ценность для всех, кто изучает историю современной Швеции.

В центре внимания автора — перестройка экономики, вызванная войной, взаимоотношения частного сектора и аппарата власти, государственное регулирование всех сфер хозяйственной жизни, социальная политика коалиционного правительства. Значительное место отводится в книге политической жизни — взаимоотношениям партий правительственной коалиции, борьбе демократических сил, проблемам рабочего движения, деятельности антифашистских движений и групп.

О. В. Чернышева выделяет два этапа рассматриваемого периода — до и после перелома в военных действиях на основном — советско-германском — фронте войны. Это определило и структуру книги: вначале показывается внутривнутриполитическое развитие Швеции в первые годы войны (1939—1942 гг.), затем — вопросы государственного регулирования экономики в условиях войны и блокады и, наконец, рабочее и антифашистское движение после перелома в войне, распад правительственной коалиции.

Отправной пункт исследования — это, несомненно, вопрос о природе действовавшего в 1939—1945 гг. коалиционного правительства (с. 25—42). Автор показывает, что основой создания и сохранения правительства в сложной обстановке военного време-

ни было стремление монополистической буржуазии к укреплению своих экономических и политических позиций. Формирование правительства национального единства было подготовлено многолетним опытом сотрудничества социал-демократов с буржуазными партиями, политикой классового сотрудничества, проводимой руководством СДРПШ, которая находилась у власти с 1932 года.

В начальный период деятельности коалиционного правительства главным для него стал вопрос об отношении к советско-финскому конфликту 1939 года. Между членами только что созданного кабинета возникли разногласия по поводу масштабов поддержки, которую было решено оказать Финляндии. Правительство подвергалось прямым нападениям со стороны правых сил, требовавших прямого участия Швеции в войне на стороне Финляндии и пропуска войск западных держав через шведскую территорию. Но оно сумело противостоять этому нажиму, и Швеция не приняла участия в войне. Важное значение имело то, что «активистскому движению», которое под лозунгом «активной» внешней политики добивалось вооруженного вмешательства в военный конфликт, не удалось получить поддержки со стороны рабочего класса (с. 48—53).

Автор не ставил перед собой задачу специально рассматривать вопросы внешней политики Швеции в годы войны, уже достаточно глубоко изученные советскими учеными. Тем не менее, учитывая особый вес этих вопросов в борьбе политических партий, О. В. Чернышева внимательно прослеживает изменения, которые претерпевал внешнеполитический курс кабинета. В момент наибольших успехов гитлеровцев правительство, заявившее в начале войны о нейтралитете Швеции, пошло на крупные уступки фашистской Германии, вело с нею широкую торговлю. С изменением соотношения сил на фронтах второй мировой войны, особенно после побед Советской Армии, во внешнеполитическом курсе страны наступили перемены. Переориентация началась с весны 1943 г., а с осени того же года стал сокращаться объем шведско-германской торговли. С августа 1943 г. был прекращен германский транзит через территорию Швеции. К концу войны она уже придерживалась просоюзнической ориентации.

Период наибольших уступок гитлеровской Германии был отмечен и значительным ее влиянием на внутривнутриполитическую жизнь Швеции. Находившееся под контролем властей общественное мнение испытывало сильное давление со стороны Германии. Активизировали свою деятельность местные фашистские организации. О. В. Чернышева отмечает, что усилению внутренней реакции способствовало принятие риксдагом в первой половине 1940 г. чрезвычайных законов, значительно ограничивших демократические свободы. Автор характеризует этот период как время уступок реакции, которые заключались в значительном ограничении свободы печати, принятии закона, угрожавшего роспуском компартии, расширении полномочий тайной полиции, учреждении трудовых лагерей для «неблагонадежных» военнослужащих и иммигрантов-антифашистов и т. п.

В книге показано, что уступки гитлеровской Германии и наступление на демократические завоевания трудящихся, пассивность правительства, не реагировавшего на действия реакции, вызвали глубокое недовольство в различных слоях шведского общества. Возникали новые оппозиционные объединения, группы и даже партии, выступавшие с острой критикой правительства. Оппозиционное движение и особенно массовые выступления трудящихся ускорили процесс внешнеполитической переориентации и восстановления демократических прав. Однако, указывает автор, решающее значение для этого поворота имели изменения на международной арене (с. 316—317). Безусловно, этот фактор сказался и на судьбе лозунга «гражданского мира», под которым действовало коалиционное правительство. В условиях заметного ухудшения экономического и социального положения трудящихся, обострения классовых противоречий, роста оппозиционного движения идея «гражданского мира» обнаружила свою несостоятельность.

С полным основанием автор подчеркивает, что у социал-демократов нет никаких оснований ссылаться на опыт военных лет для подкрепления своей концепции общества классового сотрудничества (с. 355). Показательно, что завершение деятельности коалиционного правительства совпало с крупнейшей в истории страны стачкой металлургов (февраль—июнь 1945 г.), сравнимой лишь с всеобщей забастовкой 1909 года.

Из политических партий Швеции только коммунисты решительно и последовательно выступали с требованием изменить экономическую политику правительства и полностью поддерживали борьбу трудящихся за свои интересы, нередко являясь инициаторами массовых выступлений. Авторитет компартии, решительно боровшейся за восстановление демократии, улучшение социального обеспечения трудящихся, эффективную оборону и последовательный нейтралитет страны, заметно укрепился за годы войны, возросла роль партии как реальной политической силы (с. 143—146).

В монографии рассматриваются факторы, повлиявшие на экономическое развитие Швеции во время войны и, в частности, стимулировавшие тенденцию к укреплению государственно-монополистического капитализма. Это прежде всего нарушение традиционных внешнеэкономических связей, сокращение импорта и экспорта, рост военных расходов, изменение структуры промышленного производства и возникновение новых отраслей, падение спроса на потребительские товары в связи с уменьшением доходов трудящихся и введением карточной системы, неурожай первых двух лет войны (с. 156—158). Хозяйственные трудности, вызванные войной, объективно способствовали усилению роли государственных институтов в экономической жизни, расширению сферы государственного регулирования, которое, по существу, стало всеобъемлющим.

Важной составной частью процесса формирования и функционирования административного аппарата военного времени, отмечает автор, было сотрудничество с реформистскими рабочими организациями, означавшее фактически их вращение в структуру государственно-монополистического капитализма. Это обстоятельство наглядно выявило сущность лозунга «социализации», с которым выступали социал-демократы.

Соединение, слияние усилий государства и монополий, пишет О. В. Чернышева, шло параллельно с ростом влияния монополистической буржуазии на управление государством. Это выразилось не только в передаче в ряде случаев функций государственных органов управления частным фирмам, но и в массовом привлечении представителей буржуазии в административный аппарат военного времени (с. 168—169). Регламентация деятельности предпринимателей (направление сбыта продукции, определение ассортимента, сырья, цен и т. д.) соче-

талась с предоставлением им существенной помощи в виде ссуд, кредитов, государственных заказов, обеспечения дефицитным сырьем, рабочей силой и т. д. Таким образом, государство тесно связало себя с монополиями, служило их высшим интересам, сохранению и укреплению капиталистической системы в целом.

В работе приведены факты, свидетельствующие, что государственное регулирование экономики в военное время способствовало ускорению процесса складывания монополистических объединений в тех отраслях, где их еще не было, подталкивало частную экономику к укреплению своих организаций (с. 201—202). В то же время оно в определенной степени помогало предотвратить экономический хаос в сложных условиях изоляции Швеции от ряда внешних рынков и реорганизовать собственное хозяйство. Регулирование экономики сопровождалось инфляцией, ростом налогов и цен, ухудшением положения трудящихся (с. 236—242).

Взаимоотношения между частной эконо-

микой и государственной властью, сложившиеся во время войны, подчеркивает О. В. Чернышева, способствовали их дальнейшему сближению в послевоенный период, хотя и в изменившихся формах. Правомерно даже говорить о сращивании, тесном соединении монополий и государства, сопровождающимися втягиванием в государственно-монополистическую систему организаций рабочего класса, руководимых реформистами.

Естественно, автор не ставил своей задачей дать ответы на все вопросы, связанные с экономическим развитием и политической жизнью Швеции в условиях войны. В книге не рассматриваются вопросы обороны, валютной и финансовой политики. Ряд проблем, например, государственное регулирование внешней торговли, помощь Дании и Норвегии в борьбе за освобождение от фашистской оккупации и другие затрагиваются лишь косвенно. За рамками книги остался и вопрос о деятельности христианских демократов.

Г. Н. Пирогов

Политические партии США в новое время. Изд-во Московского университета. 1981. 264 с.; *Политические партии США в новейшее время.* Изд-во Московского университета. 1982. 284 с.

Научно-координационный совет МГУ по проблемам американистики и созданная в 1977 г. при кафедре новой и новейшей истории лаборатория по истории США совместно с американистами других факультетов МГУ и институтов АН СССР на протяжении ряда лет разрабатывают тему «История политических партий в США». Главным итогом этой работы стала концепция истории двухпартийной системы в США¹, положенная в основу рецензируемых книг².

¹ Маныкин А. С., Сивчев Н. В. Двухпартийная система в США: история и современность (некоторые методологические проблемы исследования). — Новая и новейшая история, 1978, № 3; Дементьев И. П. и др. К вопросу о периодизации истории двухпартийной системы США. В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 2. М. 1978; их же. О некоторых принципах функционирования двухпартийной системы США. — Вестник МГУ, 1981, серия 8, история, № 6; Де-

Указанная концепция построена на базе классового анализа буржуазных партий США, механизма их функционирования. В ней последовательно проводится принцип историзма. Каждый этап в эволюции двух-

ментьев И. П., Согрин В. В. О роли идеологии в истории двухпартийной системы США. — Новая и новейшая история, 1980, № 6; Маныкин А. С. История двухпартийной системы США. М. 1981.

² Авторский коллектив первой книги: Л. В. Байбакова, А. Г. Бочкарев, М. А. Власова, Г. А. Дубовицкий, А. А. Кормилец, А. С. Маныкин, А. С. Поршаков, А. А. Поршакова, В. В. Согрин, В. И. Терехов, Б. А. Ширяев; второй — В. И. Борисюк, Е. Я. Борщевская, И. В. Галкин, Г. А. Голованова, Г. Л. Кертман, М. Н. Марченко, А. С. Маныкин, В. А. Никонов, В. О. Печатнов, Н. В. Сивачев, А. Г. Тимошенко. Редакционная коллегия: Г. А. Голованова (отв. секр.), И. П. Дементьев, В. И. Добренчиков, А. А. Кокошин, А. С. Маныкин, А. А. Мишин, Г. Н. Севостьянов, Н. В. Сивачев (отв. ред.), Е. Ф. Язьков.

партийной системы исследуется как с точки зрения внутренних закономерностей, так и с точки зрения его обусловленности конкретно-исторической, социально-экономической, политической ситуацией, расстановкой сил, содержанием и характером классовой борьбы в данный период. При анализе и характеристике каждой ступени в развитии двухпартийной системы учитывается весь пройденный ею путь. Все исследование нацелено на более глубокое осмысление механизма функционирования данной системы в условиях современного этапа общего кризиса капитализма. Анализ идеологии буржуазных партий США, их принципиальных политических установок, социальной базы, приемов обработки электората и других сторон деятельности двухпартийной системы представляет, таким образом, не только чисто научный интерес, но и актуален в политическом отношении.

История двухпартийной системы представляет как отражение диалектики развития всей политической структуры США, борьбы классов в американском обществе. Существенной особенностью концепции, положенной в основу разработки темы, является системный подход, что обеспечивается рассмотрением двухпартийного механизма, с одной стороны, как составной части социально-классовой и политической структуры общества, а с другой — как относительно автономной системы, обладающей специфическими внутренними законами функционирования, как комплекса, в котором две составляющие его партии находятся в теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости.

Подход советских американистов к этой проблеме принципиально отличен от буржуазной историографии. В книгах разоблачается буржуазная трактовка партийных перегруппировок, когда в качестве движущей силы этого процесса рассматривается исключительно поведение электората, причем объективные причины и глубинные корни перемен не анализируются, а вся проблема сводится к т. н. критическим выборам, т. е. циклическим колебаниям в эмоциях массы избирателей³. Двухпартийная система определяется авторами как комбинация «буржуазных партий, функционирующих в тесном взаимодействии и взаимозависимости,

имеющих постоянно и на определенных исторических отрезках принципиально общие задачи, решаемые, однако, различными методами в зависимости от их истолкования теми социальными группами, интересы которых представляет и выражает каждая из партий» (I, с. 5).

Авторы раскрывают характерную для социальной базы буржуазных партий США пестроту и неоднородность, в чем немалую роль сыграли и региональные различия. Это отразилось в специфике организационной структуры партий. Авторы исходят из того, что отличающая их децентрализация является формой приспособления к «выполнению своих социальных функций на федеральном уровне»⁴. В обеих книгах убедительно показан консенсусно-альтернативный характер межпартийных взаимоотношений. Консенсус базируется на общности задач, решаемых господствующими классами, а альтернативы, как правило, возникали при решении вопроса о конкретных формах перехода к очередному этапу развития.

Авторский коллектив стремился вычленить узловые моменты в истории двухпартийной системы и проанализировать как деятельность этого комплекса в целом, так и функционирование его составных частей. В первой книге выдвигаются три темы: 1) предпосылки возникновения политических партий в США и самые первые шаги двухпартийной системы (джефферсоновские республиканцы — федералисты); 2) особенности партийной перегруппировки («эра доброго согласия» 1816—1824 гг.), приведшей в конечном счете к образованию партии демократов и вигов, и дальнейшая судьба первой из них; 3) воздействие на двухпартийную систему образовавшихся в конце XIX в. монополий.

Несколько особое место занимает статья А. С. Маныкина, в которой рассматриваются основные направления формирования организационного каркаса американских буржуазных политических партий. В ней показано, что «уже на ранней стадии развития двухпартийной системы, в ходе стихийного становления первых политических партий их ведущим идеологам удалось выработать такой модус поведения, который позволял (несмотря на некоторые издержки) успешно сочетать большую автономность партийных организаций штатов с эффективным взаимодействием всех составных

³ Подробнее об этом см.: Гаджиев К. С., Сивачев Н. В. Проблемы междисциплинарного подхода и «новой научной» истории в современной американской буржуазной историографии. В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 2, с. 136 сл.

⁴ Дементьев И. П. и др. О некоторых принципах функционирования, с. 38.

компонентов партии в процессе выполнения общенациональных задач» (I, с. 38). Эта черта внутрипартийной структуры главных буржуазных партий США весьма существенна, поскольку во многом именно благодаря ей двухпартийная система до сих пор остается «надежным инструментом в руках правящего класса, одним из основных средств его политического господства» (там же).

Каждая из трех перечисленных выше тем объединяется центральной статьей. В первом случае это статья В. В. Согрина. Анализируя политическую борьбу в различных штатах в ходе войны за независимость, автор приходит к выводу, что именно в то время завершилось политическое размежевание, которое явилось непосредственным прологом образования общеамериканских политических партий (I, с. 69). Статья намечает линии дальнейшего исследования сложной проблемы генезиса политических партий США. В примыкающих к ней статьях Б. А. Ширяева и М. А. Власовой показывается, как на базе политического размежевания происходило зарождение партий, действовавших в масштабе всей страны.

Центральной во втором случае является статья Г. А. Дубовицкого, в которой, пожалуй, впервые в нашей историографии столь детально исследуется эволюция ведущего звена в системе «демократы — виги» — демократической партии в крайне ответственный момент истории США. Автор сумел раскрыть процесс завоевания руководства демократической партией южными плантаторами-рабовладельцами. Вторая в истории США двухпартийная комбинация обнаружила неспособность найти ключ к решению основной для страны в тот период проблемы — проблемы рабства. Весьма поучителен и другой урок этого этапа в развитии двухпартийной системы — ее неспособность противопоставить сколько-нибудь убедительную альтернативу программе, выдвинутой возникшей в те годы третьей партией — фрисойлерами.

«Эре доброго согласия» посвящена статья В. И. Терехова. В ней прослеживается борьба в республиканской партии. Работа эта представляет интерес в плане раскрытия механизма партийной перегруппировки, обусловленной такими глубинными социально-экономическими процессами, как промышленный переворот, освоение западных земель, развитие плантационного рабовладельческого хозяйства на Юге.

В группе статей, касающихся третьей из перечисленных выше тем, читатель обратит особое внимание на работу А. Г. Бочкарева, в которой исследуется влияние брайанизма, этого мелкобуржуазного течения, выступавшего «против гнета крупного капитала и считавшего инфляцию средством от всех зол»⁵, на двухпартийную систему. В отличие от фрисойлеров и популистов это движение, представлявшее собой умеренный буржуазный реформизм, развивалось в рамках «отработанной двухпартийной системы с ее законами, демагогией и т. д.» (I, с. 208—209). Автор справедливо подчеркивает, что происшедшее при Брайане перемещение демократической партии «с правого фланга к... центру и даже несколько левее центра не могло не оказать воздействия на другую ведущую партию» (I, с. 210). Сходная идея развивается и в статье А. А. Поршаковой о борьбе партийных фракций в конгрессе по вопросам консервации естественных ресурсов. Завершающая первую книгу статья А. А. Кормильца и С. А. Поршакова посвящена приходящейся на 1913—1918 гг. попытке демократов привязать профсоюзы к институту двух буржуазных партий и тем ослабить накал классовых противоречий в стране.

Вторая книга построена по несколько иному принципу. Большая изученность периода новейшей истории позволила авторам выделить ряд сквозных сюжетов: государственно-правовое регулирование деятельности партий, деформация традиционных социально-экономических доктрин под воздействием государственно-монополистического капитализма, роль идеологии, организационной структуры, пропагандистского аппарата в функционировании двухпартийной системы. В подготовке книги, помимо историков, принимали участие юристы и журналисты. Авторам удалось проанализировать не просто отдельные эпизоды из истории партий, а в значительной мере осмыслить их в контексте двухпартийной системы.

Особенно в этом плане следует отметить статьи Н. В. Сивачева и А. С. Манькина, посвященные функционированию двухпартийной системы в годы «нового курса» и второй мировой войны. В первой показывается, как под влиянием факторов объективного развития происходила серьезная партийная перегруппировка, приведшая к формированию новой конфигурации двух-

⁵ Белявская И. А. Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М. 1968, с. 100.

партийного механизма (демократы — республиканцы), действующей с определенными модификациями и поныне. В этой статье наглядно показано, что «характерной чертой функционирования американских политических партий является то, что они скреплены в прочный системный механизм» (II, с. 67). На это в свое время обращал внимание В. И. Ленин, писавший, что в США партии действуют в виде «системы 2-х партий»⁶. Автор подчеркивает, что «закрепление внутренней перестройки партий, их модификация, а также стабилизация принципов взаимодействия между ними, сформировавшиеся в процессе перегруппировки в двухпартийной системе в годы «нового курса», были достигнуты лишь в результате и после второй мировой войны» (II, с. 93). В статье А. С. Манькина дан анализ основных направлений дальнейшей эволюции системного механизма, сложившегося в годы «нового курса». Главным итогом ее, пишет автор, «следует считать заметный сдвиг этого комплекса вправо при одновременной стабилизации» (II, с. 128), что было обусловлено изменением в соотношении классовых сил, выразившимся в укреплении позиций монополий и ослаблении антимонополистического движения, а также адаптации обоих компонентов двухпартийного механизма к условиям государственно-монополистического капитализма и превращении США в ведущую империалистическую державу (там же).

Тесно связанные друг с другом статьи Е. Я. Борщевской и И. В. Галкина касаются деятельности двух важных элементов партийной структуры (конкретно речь идет о демократах) — партийной фракции в конгрессе и национального комитета. Исследуя их деятельность в 50-е годы, авторы вместе с тем вносят определенный вклад в решение более общих теоретических вопросов функционирования партийного механизма. В. О. Печатнов на новых, почерпнутых из американских архивов материалах показывает сложное воздействие политики Дж. Кеннеди в отношении негритянского электората на демократическую партию. Главный вывод автора состоит в том, что, «хотя отчуждение наиболее радикально настроенной части негритянского электората сохранилось... массовый прилив негритянских избирателей к демократам, сопровождавшийся ослаблением позиции «старой гвардии» Юга в местных органах власти, в

конгрессе США, серьезно изменил лицо партии не только на Юге, но и в национальном масштабе» (II, с. 197).

Обе книги свидетельствуют о плодотворности междисциплинарного подхода к проблеме, что в данном случае было обеспечено наличием общей, разработанной специалистами разных дисциплин концепции, обоснованным распределением сфер исследования, а также применением адекватных методик анализа. В этой связи отметим статьи М. Н. Марченко и Г. А. Головановой. Первая из них представляет интерес в том отношении, что в ней рассматривается в сравнительно-историческом плане регулирование деятельности буржуазных партий, разоблачаются утверждения буржуазных авторов, будто в США отсутствуют общеамериканские буржуазные партии. Г. А. Голованова же приходит к выводу, что значение средств массовой информации в функционировании буржуазных партий возрастает, и вместе с тем подвергает убедительной критике концепцию буржуазных социологов о мнимом всемогуществе этих средств, об их особом, будто бы самодовлеющем положении в буржуазном обществе. Эта концепция, указывает автор, «затушевывает факт контроля финансовой олигархии над средствами массовой информации, сращивания капиталов и интересов владельцев банков и корпораций и монополизированных печати, радио, телевидения» (с. 245). И партии и средства массовой информации разными методами решают общую стратегическую задачу — поддержать стабильность капиталистической системы, воздействуя на избирателей в нужном для правящих кругов направлении.

Анализируемые авторами проблемы сложны и еще мало разработаны как в целом, так и в отношении отдельных сюжетов. Особенно большие трудности встают в связи с изучением истории политических партий США в XIX веке. Само содержание первой книги наглядно указывает на эти трудности. Так, в ней явно не хватает материалов по таким важным, с точки зрения процесса становления двухпартийной системы периодам, как «джексоновская демократия», гражданская война, последовавший за нею период, история республиканской партии. Не всегда еще внимание авторов сосредоточивается на главном: принципах взаимоотношения партий в системном механизме, их взаимосвязи и взаимовлиянии. Как раз вторая книга и показывает, насколько продуктивнее рассматри-

⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 193.

вать деятельность каждой партии на определенном этапе ее развития в рамках и взаимосвязях двухпартийной системы, в контексте ее эволюции. Несомненно больше внимания требуют и такие вопросы, как изменение социальной базы, межпартийная борьба по вопросам формирования внешнеполитического курса, взаимоотношения партий с различными группировками правящего класса, взаимодействие федерального, штатного и местного уровней во внутрипартийном механизме, равно как и функционирование двухпартийного механизма на этих уровнях, влияние различного рода массо-

вых организаций (возникающих по отдельным, но подчас весьма существенным проблемам внутренней и внешней политики) на двухпартийную систему. Думается также, что при исследовании данной проблематики уместно активнее обращаться к методам ретроспективного и сравнительно-исторического анализа.

Содержание двух крупных коллективных работ по истории политических партий США свидетельствует, что эти задачи вполне могут быть решены советскими американцами.

Р. Е. Кантор

М. С. КАПИЦА, Н. П. МАЛЕТИН. *Сукарно. Политическая биография.* М. Мысль. 1980. 331 с.

Авторы — профессор, доктор исторических наук М. С. Капица и доцент Московского института международных отношений МИД СССР доктор исторических наук Н. П. Малетин поставили перед собой задачу проследить эволюцию первого индонезийского президента как политика и идеолога в тесной связи с социально-политическими переменами в стране. Им удалось справиться с этой задачей. Фактически монография отражает все основные этапы индонезийской истории новейшего периода.

Авторы сумели дать объективную, сбалансированную оценку индонезийского лидера, продемонстрировав его заслуги и сильные стороны и не умолчав о негативных аспектах его жизни и политической деятельности. Они убедительно обосновали свой подход принадлежностью Сукарно к мелкобуржуазным радикальным кругам интеллигенции и его эволюцией.

Являясь работой обобщающей, книга, естественно, впитала в себя все лучшее, что написано о покойном президенте в советской и зарубежной историографии. Вместе с тем это — самостоятельное творческое исследование, где читатель найдет много свежих, убедительных оценок и выводов. Так, авторы отмечают, что вынужденное политическое лавирование Сукарно нередко до неузнаваемости искажало первоначальные цели, которые он перед собой ставил (с. 210). Действительно, «аномальность» своего положения в республике, вызванную отсутствием стабильной политической опо-

ры, подчеркивал и сам Сукарно: «Мое руководство не есть следствие победы какой-либо политической партии или воинского соединения... Я не принадлежу ни к какой партии. Я никогда не вел войска — ни в битву, ни даже в государственный переворот»¹.

Среди ценных обобщений, сделанных авторами, — вывод о том, что персонификация власти Сукарно в 1958—1965 гг. со всеми сопутствующими ей атрибутами не являлась исключительно следствием преднамеренно проводимого курса президента, но в известной степени была и закономерным явлением, объективно подготовленным массовой психологией, традиционным сознанием населения Явы (с. 198). Ряд интересных выводов имеется также на страницах 171, 190, 197 и т. д.

Мировоззрение Сукарно в зените его идейно-политической зрелости авторы обоснованно характеризуют как субъективный мелкобуржуазный утопический «социализм» народнического типа, тесно переплетающийся с радикальным антиимпериалистическим национализмом (с. 84—85). Такое понимание созвучно оценкам ряда советских историков² и не вызывает сомне-

¹ Sukarno. Reflections upon the Indonesian Revolution. Djakarta. 1964, p. 12.

² См., напр., Губер А. А. Избранные труды. М. 1976, с. 71—93; А. Б. Беленький. Об идейном наследии Сукарно. — Азия и Африка сегодня, 1980, № 12; Цыганов В. А. Национально-революционные партии Индонезии (1927—1942). М. 1969, с. 36—48, 83—88.

ний. Авторы убедительно показали корни эклектизма сукарновских общественно-политических теорий и программ. Нельзя не согласиться с их выводом о том, что Сукарно не был оригинальным теоретиком и глубоким аналитиком общественных явлений (с. 34). Нередко он заимствовал у различных — порой противоположных — общественных теорий привлекавшие его аспекты и пытался слить их в едином синтезе.

Вместе с тем — и это бесспорная удача книги — в ней показано, что эклектизм Сукарно не означал идейных метаний. Ряд узловых положений своей доктрины индонезийский лидер с поразительной последовательностью и настойчивостью отстаивал всю жизнь — даже тогда, когда верность им угрожала его благополучию и самой жизни. Среди них авторами отмечаются боевой антиимпериализм, лозунг НАСАКОМа (единства в массовом национальном движении националистических, коммунистических и религиозных сил), недоверие к буржуазной «либеральной демократии». К последовательно проводимым им идеям можно было бы, кроме этого, отнести своеобразную теорию «перманентной» национальной революции; убежденность в том, что состав органов народного представительства в независимой Индонезии не должен исчерпываться депутатами от политических партий; веру в особое, лидирующее место Индонезии в Юго-Восточной Азии, отведенное ей историей ввиду обширности ее людских и природных ресурсов.

Авторы прослеживают «перерождение как режима «направляемой демократии», так и его главы» (с. 200), сползание последнего на позиции мелкобуржуазного «революционаризма». М. С. Капица и Н. П. Малетин преодолели субъективистские оценки этого процесса, столь частые в историографии Запада³. Они вскрыли и объективную сторону дела: трагедию азиатского народника и мелкобуржуазного революционного националиста, пережившего свое время. Развитие и укрепление капиталистических отношений в Индонезии неумолимо размывало милые сердцу Сукарно патриархально-традиционные устои деревенской общины, все резче обостряло классовую борьбу, все настоятельнее ставило в порядок дня прогрессивные общественные преобразования,

которых Сукарно желал, но еще более страшился. В этой ситуации его национализм неизбежно приобретал консервативно-буржуазную окраску, а с ней — оттенок национальной исключительности и шовинизма, а сукарновский революционаризм выродился в манипуляцию массовым сознанием.

Кем же был Сукарно: социальным революционером, «сливающимся» с КПИ и готовящимся сделать эту партию своей «политической наследницей», как считает, например, американский автор П. Хаусведелл, социальным консерватором, объективно защищавшим интересы коррумпированной бюрократической элиты (голландский историк Я. Плювье и австралиец Дж. Легге), или — беспринципным политиканом, преследующим прежде всего собственные корыстные интересы (австралийский автор С. Пендерс)⁴? Книга опровергает все три толкования, подкрепляя складывающееся в советской историографии мнение, что первый индонезийский президент в центр своих общественно-политических концепций ставил национальное, государственное и социальное единство, в интересах чего ограничивал и сдерживал как правые, так и левые силы, закрывая при этом глаза на то, что отстаиваемая им «золотая середина» размывается потоком истории. Сердцевиной воззрений Сукарно никогда не был ни коммунизм, ни ислам, а всегда — национализм, что заставляло и его самого неизменно занимать центристские, «балансирующие» позиции. Поскольку в политической позиции Сукарно прочно запечатлелся примат массовой борьбы над борьбой верхушечной, он всегда стремился использовать КПИ для связи с организованными массами, ибо в условиях Индонезии конца 50-х — начала 60-х годов ни одна политическая сила не имела большего контакта с широкими массами.

Авторы детально прослеживают развитие отношений Сукарно с армейской верхушкой, в целом убедительно показывая их эволюцию от партнерства к противоборству. Здесь уместно, однако, сделать некоторые дополнения. Достоин упоминания тот факт, что в начале 50-х годов президент

³ Dahm B. Sukarno and the Struggle for Indonesian Independence. Ithaca — Lnd. 1969; Penders C. L. M. The Life and Times of Sukarno. Lnd. 1974.

⁴ Hauswedell P. C. Sukarno: Radical or Conservative? — Indonesia (Ithaca), 1973, № 15; Pluvier J. M. Confrontations. A Study in Indonesian Politics. Kuala Lumpur. 1965; Legge J. D. Sukarno. A Political Biography. Harmondsworth. 1973; Penders C. L. M. Op. cit.

отказывал армии в праве на самостоятельную политическую роль в обществе. Не менее важным обстоятельством является то, что инициатором возвращения к конституции 1945 г. был генерал Насутион, а не Сукарно. Это убедительно показали Дж. Легге и А. Ю. Юрьев⁵. Некоторые сомнения вызывает утверждение, что «инициатива в конфронтации с Малайзией» принадлежала, в частности, армейской верхушке (с. 219): в 1963 г. позиции армии были уже настолько сильны, что генералитет едва ли нуждался во внешнеполитической авантюре. Сукарно же, как хорошо продемонстрировано авторами, напротив, был заинтересован, чтобы надолго «застрять в конфронтации» (с. 221) и таким образом отвлечь внимание масс от внутренних трудностей, искусственным путем «сплотить национальное единство». К этому можно было бы добавить, что «конфронтация» позволяла направить в это удобное русло энергию КПИ, а заодно — занять армию ее «пря-

мыми обязанностями», оттягивая тем самым схватку двух сил-соперниц.

Представляется, что в монографии Сукарно выглядит более ревностным мусульманином (с. 46, 59), чем он был в действительности. Как правильно подчеркивает А. Б. Беленький, «Сукарно отказывался от... религиозного обоснования национального единства и был последовательным поборником секуляризма»⁶. При чтении страниц 289—290 может возникнуть представление, что перед сессией Временного Народного Консультативного Конгресса в июне 1966 г. потенциального преемника себе Сукарно подбирал сам, тогда как к тому времени этот кардинальный вопрос, несомненно, решался внутри генеральской верхушки.

Широкий охват источников и литературы, эрудиция авторов, всесторонний и объективный подход к предмету исследования уже привлекли к рецензируемой книге пристальное внимание как историков-востоковедов, так и широких читательских кругов.

В. А. Аркатов

⁵ Legge J. D. Op. cit., pp. 301, 306, 315; А. Ю. Юрьев. Индонезия после событий 1965 г. М. 1973, с. 7.

⁶ Беленький А. Б. Ук. соч., с. 21.

Г. М. КОРОСТЕЛЕВ, В. С. КРАЕВ. *Буржуазные концепции народонаселения. Критический анализ.* М. Финансы и статистика. 1981. 160 с.

В последние годы история развития народонаселения привлекает все более пристальное внимание советской исторической науки¹. Важное значение имеет и критический анализ историко-демографических концепций, разрабатываемых буржуазной наукой. Она пытается найти какой-либо один (по возможности как можно более далекий от основных противоречий капитализма и борьбы классов) фактор общественного развития — технологию, отношения человека и природы, воспроизводство населения — и представить его как «краеугольный камень» общей теории исторического процесса. Заметное место среди таких концепций занимает принцип демографического детерминизма.

¹ См. Проблемы исторической демографии в СССР. Таллин. 1977; Самаркин В. В. Историческая демография западноевропейского средневековья. — Вопросы истории, 1977, № 2; Шелестов Д. К. История и демография. — Там же, 1981, № 5.

В своей работе зав. кафедрой философии Свердловского пединститута профессор доктор философских наук Г. М. Коростелев² и доцент того же института, кандидат философских наук В. С. Краев поставили задачу проанализировать генезис, эволюцию и современные интерпретации демографического детерминизма — живучего и весьма влиятельного направления в буржуазном общественном знании. В книге сформулированы определения демографического детерминизма как социологического принципа, сущность которого сводится к преувеличению роли демографического фактора

² Он является автором работы «Рост народонаселения и общественный прогресс» (Свердловск. 1968), а также ряда исследований по вопросам теории народонаселения. Значительный интерес представляет подготовленная под его редакцией книга «Критика мальтузианских и неомальтузианских взглядов. Россия XIX — начала XX в.». М. 1978.

(численности, плотности, темпов роста населения, его пространственного размещения) в развитии общества в целом и отдельных его сфер (с. 21).

В предшествовавших работах советских ученых буржуазные концепции народонаселения критически анализировались в основном под углом зрения развития самой демографической науки³. Предметная область рецензируемого исследования «выводит» демографические концепции в сопредельные общественные науки, оказывается естественным логическим звеном, соединяющим буржуазные демографические, социологические и исторические теории.

В целом успешно реализована авторами центральная задача работы — раскрыть гносеологические корни демографического детерминизма в общественной мысли античности и средневековья, определить сущность и место мальтузианства как социологического учения, показать диалектическую взаимосвязь «старого» (заимствованного) и «нового» в мальтузианской доктрине, проследить эволюцию разнообразных форм демографического детерминизма в буржуазной философии, исторической науке и социологии XIX — первой половины XX века. Достоинством работы является аргументированное доказательство того, что идеи демографического детерминизма развивались главным образом за пределами собственно демографической науки, а сам этот ложный принцип, как правило, аксиоматически вносился в ту или иную историческую или социологическую схему, что и предопределило абсолютизацию роли демографического фактора в общественном развитии.

Г. М. Коростелев и В. С. Краев, по существу, впервые в советской литературе дали исторический очерк демографических воззрений древнекитайских мыслителей — основателя школы легистов Хань Фэй-цзы, основателя даосизма Лао-дзы, древнеиндийского философа Каутильи, одного из крупнейших представителей средневековой мусульманской культуры Ибн-Хальдуна. Анализ гносеологических корней демографи-

ческого детерминизма в философских концепциях Древнего Востока весьма важен, поскольку он способствует преодолению европоцентризма в интерпретации истории демографической мысли. Новым является и характеристика демографических взглядов в философии Просвещения (Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, К. А. Гельвеций, Ж. А. Кондорсе и др.). В частности, в работе показано, как социальный механицизм Руссо предопределил и интерпретацию им идеи «оптимума населения» Платона и Аристотеля в тесной взаимосвязи с идеалистической трактовкой проблемы свободы. Гельвеций использовал популярную в XVIII в. идею «робинзонады» для обоснования своей схемы исторического развития, в которой основной движущей силой является рост населения.

Особый интерес представляет вторая глава, в которой анализируется демографический детерминизм натуралистической социологии XIX — начала XX в., тем более, что соответствующий материал относится к периоду, когда уже произошло становление буржуазной исторической науки. Исследование системы взглядов родоначальников позитивистской социологии О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, их развития в трудах итальянских (А. Лориа, Э. Ферри) и американских (У. Самнер, А. Келлер и др.) позитивистов позволило авторам сформулировать важный вывод, что «факториальный подход позитивистской социологии к объяснению и анализу движущих причин общественного развития, эмпирическая направленность исследований, биологизм в разработке знаний о демографическом факторе заложили основу для появления теорий, объясняющих все общественные явления, весь ход исторического развития действием одного лишь демографического фактора, рассматриваемого как «объективная сила» (с. 77).

К сожалению, анализ демографических взглядов крупнейшего русского историка и социолога М. М. Ковалевского ограничивается беглой историографической справкой, противопоставляющей взгляды советских и буржуазных исследователей его творчества. Отсутствие цельного изложения взглядов М. М. Ковалевского на роль демографического фактора в истории не позволяет считать доказанным декларируемый авторами тезис, что «правильнее... будет говорить об идее демографического детерминизма, присущей взглядам М. М. Ко-

³ Попов А. Я. Современное мальтузианство. Очерк критики. М. 1960; Валентей Д. И. Реакционные теории народонаселения периода общего кризиса капитализма. М. 1963; Рубин А. Я. Теория народонаселения. М. 1972; его же. Оптимум населения: что за этим понятием? Минск. 1979; Судоплатов А. П. Демографические концепции. М. 1974; Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы. М. 1978.

валевского, но не включать его в число сторонников демографической школы» (с. 75).

Подробное исследование системы воззрений демографической школы натуралистической социологии (А. Кост, А. Секретан, С. Бугле, К. Джини, Ф. Карли) во взаимодействии гносеологических истоков и исторической специфики Франции, первой из всех буржуазных стран уже в начале XX в. столкнувшейся с проблемой депопуляции, позволило преодолеть присущую некоторым историографическим работам тенденцию рассматривать эволюцию обществоведческой мысли как чистую филиацию идей. Как справедливо отмечают авторы, во взглядах приверженцев демографической школы принцип демографического детерминизма нашел свое предельное выражение (с. 81). Вместе с тем авторы не пошли по упрощенному пути абсолютизации лишь методологически неверных и идеологически реакционных принципов демографической школы. Подчеркнув ее антимарксистскую направленность, обусловленную позитивистской методологией анализа исторического процесса, авторы вместе с тем отмечают ее антимальтузианский характер, вскрывают социально-политическую дифференциацию этой школы (некоторые прогрессивные взгляды Коста противопоставляются профашистским взглядам теоретиков «исторических циклов» (Джини и Карли).

Однако разнообразная палитра как прошлых, так и особенно нынешних буржуазных концепций народонаселения все же не может быть сведена к демографическому детерминизму. За пределами работы остались концепции детерминации самих демографических процессов, которые являются ядром собственно демографии как общественной науки. При этом механизм социально-экономической обусловленности воспроизводства населения является сегодня, пожалуй, наиболее дискуссионной областью народонаселенческой проблематики. Историческая демография, выдвигающая разнообразные (и подчас весьма плодотворные) идеи о взаимосвязях общественных отношений и демографического развития на разных этапах исторического процесса, нуждается в критическом анализе именно с точки зрения теоретико-методологического

и идеологического противоборства марксистско-ленинского и буржуазного общественно-научного воззрения. К сожалению, даже получившие широкую известность работы этого профиля⁴ остались вне поля зрения авторов.

Исследование воззрений буржуазных ученых XIX — начала XX в. по своей глубине и содержательности существенно превосходит анализ современных «приложений» демографического детерминизма в буржуазных общественных науках — он сводится лишь к беглому обзору (§ 3 главы 3). В книге встречаются и некоторые спорные суждения. Так, вряд ли оправданно причисление крупного американского социолога и демографа К. Дэвиса к адептам неопозитивизма (с. 127): он выдвинул и развил серьезную теоретическую конструкцию, объясняющую механизм социально-экономической обусловленности воспроизводства населения. Не совсем правомерно сводить буржуазную интерпретацию социальных факторов демографических процессов только к эклектике, а саму эклектику — к непониманию определяющей роли способа производства (с. 129).

В целом же интересное исследование Г. М. Коростелева и В. С. Краева принесет пользу в изучении исторических аспектов демографической проблематики, следовательно, послужит укреплению союза истории и демографии.

Л. П. Лашук, С. Ф. Иванов

⁴ Population in History. Essays in Historical Demography. Lnd. 1965 (статья Дж. Хаджнала из этой книги опубликована в кн. Брачность, рождаемость, семья за три века. М. 1979); Hollingsworth T. Historical Demography. Lnd. 1969; Dupaquier J. Introduction à la démographie historique. P.-Montréal. 1974; Ariès P. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. P. 1973 (русский перевод части этой работы опубликован в сб. Философия и методология истории. М. 1977); e j u s d. Essais sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Age à nos jours. P. 1975; Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America, with Further Materials from Western Europe. Cambridge. 1972 (русский перевод части введения к этой работе, написанного П. Ласлеттом, опубликован в кн. Брачность, рождаемость, семья за три века).

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Асмолов А. Н. *Фронт в тылу вермахта*. 2-е изд., доп. М. Политиздат, 1983. 302 с. 200 000 экз. 80 коп.

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Сост. Х. М. Астрахан. Л. Лениздат. 1982. 406 с. с илл. (Из искры возгорится пламя). 50 000 экз. 1 руб.

В осажденном Ленинграде. Воспоминания участников героической обороны о борьбе с голодом и создании в условиях блокады продовольственных ресурсов. Сост. Н. Р. Иванов, В. С. Лехнович, К. А. Никитин. 3-е изд., перераб. и доп. Л. Лениздат. 1982. 207 с. с илл. 50 000 экз. 55 коп.

Варичев Е. С. *Православная церковь*. История и социальная сущность. М. Советская Россия. 1982. 191 с. 50 000 экз. 25 коп.

Грошев И. И. *Сущность национальной политики КПСС*. М. Мысль. 1982. 303 с. 30 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Грязнов М. Н. *Моряки в битве за Сталинград*. Волгоград. Нижне-Волжское книжное изд-во. 1982. 208 с. 5000 экз. 35 коп.

Демократический фронт накануне Великого Октября. М. Мысль. 1982. 223 с. 4000 экз. 1 руб. 80 коп.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. Тексты, перевод, комментарий. М. Наука. 1982. 455 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР). 5000 экз. 4 руб. 70 коп.

Древнерусские предания. XI—XVI вв. Сост. вступительная статья В. В. Кускова. Подготовка древнерусского текста и пер. В. В. Кускова, В. А. Грихина, Г. Ю. Филипповского. М. Советская Россия. 1982. 366 с. с илл. (Сокровища древнерусской литературы). 50 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Дубинина Н. И. *Дальневосточницы в борьбе и труде*. Исторический очерк. 1917—1941. Хабаровск. Книжное изд-во. 1982. 176 с. 2000 экз. 45 коп.

Ермолин А. П. *Революция и казачество. 1917—1920 гг.* М. Мысль. 1982. 224 с. 14 000 экз. 85 коп.

Закарпатская область. История городов и сел Украинской ССР. В 26-ти т. Киев. Украинская советская энциклопедия. 1982. 611 с. 15 000 экз. 4 руб. 20 коп.

Иванов Е. *Меткое московское слово*. Быт и речь старой Москвы. М. Московский рабочий. 1982. 321 с. 50 000 экз. 80 коп.

Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М. Наука. 1982. 597 с. 6000 экз. 3 руб. 10 коп.

Индустриальное развитие Сибири в годы послевоенных пятилеток (1946—1960). Новосибирск. Наука. 1982. 224 с. 1600 экз. 2 руб. 30 коп.

История и историки. Историографический ежегодник. 1979. М. Наука. 1982. 412 с. 3250 экз. 3 руб. 60 коп.

История Украинской ССР. Краткий очерк. Авт. колл.: Ю. Ю. Кондуфор, В. И. Клоков, С. В. Кульчицкий и др. Киев. Наукова дум-

ка. 1982. 543 с. с илл. 30 000 экз. 5 руб. 50 коп.

Карсанов К. Д. *Огонь ведут гвардейские минометы*. Боевой путь 7-й гвардейской минометной Ковенской Краснознаменной, орденов Суворова II степени и Кутузова II степени дивизии. М. Воениздат. 1982. 152 с. с илл. 35 000 экз. 45 коп.

Комиссаренко Л. А. *В борьбе за массы*. Муниципальная деятельность петроградских большевиков в период подготовки Октябрьской революции. Л. Лениздат. 1982. 183 с. 3000 экз. 75 коп.

Кремль. Исторические, архитектурные и художественные памятники Московского Кремля. В 8-ми кн. Кн. 1. М. Искусство. 1982. 251 с. с илл. (Государственные музеи Московского Кремля). 25 000 экз. 20 руб.

Максимов Е. *Николай Крыленко*. М. Московский рабочий. 1982. 111 с. 30 000 экз. 15 коп.

Марцелов С. В. *Печать Белоруссии в период развитого социализма*. Минск. Беларусь. 1982. 239 с. 1600 экз. 2 руб. 20 коп.

Мельниченко А. М. В. И. *Ленин и становление народного образования на Украине*. Деятельность Коммунистической партии по созданию советской системы народного образования на Украине. 1917—1920 гг. Киев. Вища школа. 1982. 184 с. 2000 экз. 1 руб. 80 коп.

Научные основы советской внешней политики. М. Международные отношения. 1982. 167 с. 9000 экз. 85 коп.

Ногмов Ш. Б. *История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев*. Вступительная статья, подгот. текста Т. Х. Кумыкова. Нальчик. Эльбрус. 1982. 166 с. 1000 экз. 70 коп.

Очерки истории Липецкой организации КПСС. Воронеж. Центрально-Черноземное книжное изд-во. 1982. 454 с. 5000 экз. 80 коп.

Плечом к плечу. Документы и материалы о дружеских связях трудящихся Кубани с трудящимися областей, краев РСФСР и всех братских республик. 1922—1982. Сост. Н. А. Белых, Н. С. Вертышева, Э. М. Ефимова-Сякина и др. Краснодар. Книжное изд-во. 1982. 176 с. 4000 экз. 45 коп.

Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. М. Наука. 1982. 391 с. 5000 экз. 2 руб. 40 коп.

Семенова А. В. *Временное революционное правительство в планах декабристов*. М. Мысль. 1982. 206 с. с илл. 45 000 экз. 85 коп.

Славин С. В. *Освоение Севера Советского Союза*. 2-е изд., доп. М. Наука. 1982. 207 с. 50 000 экз. 75 коп.

Советская Армия — школа дружбы и братства. По материалам Всесоюзной научно-практической конференции «Развитие национальных отношений в условиях зрелого социализма. Опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания», Рига, 28—30 июня 1982 г. М. Воениздат. 1982. 160 с. (Опыт и актуальные проблемы идеологической работы). 30 000 экз. 25 коп.

Степанов П. Д. *Идейно-политическая*

работа Якутской областной партийной организации в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Якутск. Книжное изд-во. 1982. 120 с. 3000 экз. 50 коп.

Ступени роста: пятилетние планы — инструмент претворения в жизнь социально-экономической политики партии. Л. Изд-во ЛГУ. 1982. 224 с. 2000 экз. 2 руб. 30 коп.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М. Наука. 1982. 140 с. с илл. 9000 экз. 70 коп.

Федоровские чтения, 1979. М. Наука. 1982. 255 с. 4650 экз. 2 руб. 30 коп.

Финно-угорский сборник. Антропология, археология, этнография. Сборник статей. М. Наука. 1982. 215 с. 1550 экз. 2 руб. 30 коп.

Хрестоматия по истории Дальнего Востока. Кн. 1. Сост. Н. К. Кирюхин. Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1982. 555 с. 25 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Шестьдесят героических лет. Краткие очерки истории войск Краснознаменного Закавказского пограничного округа КГБ СССР. Тбилиси. Мерани. 1982. 180 с. с илл. 8000 экз. 1 руб. 50 коп.

Всеобщая история

Абаренков В. П., Семейко Л. С., Тимербаев Р. М. Проблемы ядерного разоружения. М. Наука. 1982. 110 с. (Международный мир и разоружение). 2200 экз. 70 коп.

Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. Сост. М. В. Баньковская. М. Наука. 1982. 535 с. 8400 экз. 3 руб. 70 коп.

Африканский этнографический сборник. Т. 13. Л. Наука. 1982. 239 с. с илл. 1200 экз. 3 руб. 80 коп.

Бакланов А. Г., Викторov А. В. Европа и современный мир. М. Международные отношения. 1982. 292 с. 12 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в. Документы и исследования. М. Наука. 1982. 288 с. 1400 экз. 2 руб. 80 коп.

Булатов А. Неоколониализм в военном мундире. М. Воениздат. 1982. 142 с. с илл. (Империализм: события, факты, документы). 80 000 экз. 25 коп.

Голенпольский Т. Г., Шестаков В. П. США: кризис духовной жизни. Противоборство двух культур. М. Мысль. 1982. 303 с. с илл. (Империализм: события, факты, документы). 100 000 экз. 60 коп.

Государство Израиль. Экономика и политика. М. Наука. 1982. 197 с. 12 000 экз. 80 коп.

Григорьева Г. М. Индийский штат Нагаленд: политика и этносоциальные проблемы. М. Наука. 1982. 128 с. 1000 экз. 1 руб. 20 коп.

Далин С. А. Китайские мемуары, 1921—1927. 2-е изд. М. Наука. 1982. 382 с. 30 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. Историко-этнографический очерк. М. Наука. 1982. 133 с. 10 000 экз. 45 коп.

Замойский Л. П. Тайные пружины

международного терроризма. М. Международные отношения. 1982. 104 с. 25 000 экз. 25 коп.

Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. М. Наука. 1982. 232 с. 3800 экз. 1 руб. 30 коп.

История древнего мира. М. Наука. 1982. Кн. 3: Упадок древних обществ. 303 с. 15 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Калтахчян Н. М. Социалистическая интеграция сегодня и завтра. М. Политиздат. 1982. 110 с. 80 000 экз. 20 коп.

Ковалев И. М. Судьбы индийских племен. М. Наука. 1982. 328 с. 14 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Кокошин А. А. США: кризис политической власти. М. Юридическая литература. 1982. 191 с. (Империализм: события, факты, документы). 50 000 экз. 60 коп.

Колкер Б. М. Африка и Западная Европа. Политические отношения. М. Наука. 1982. 216 с. 2400 экз. 1 руб. 50 коп.

Корнеев Л. А. Классовая сущность сионизма. Киев. Политиздат Украины. 1982. 263 с. (Критика идеологии и политики антикоммунизма). 10 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Крутова О. Н. Человек и история. Проблема человека в социальной философии марксизма. М. Политиздат. 1982. 208 с. 50 000 экз. 90 коп.

Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов, 1660—1681. М. Наука. 1982. 207 с. 3000 экз. 1 руб. 20 коп.

Международное рабочее движение. Справочник. М. Политиздат. 1982. 383 с. 37 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Международный терроризм и ЦРУ. Документы, свидетельства, факты. Авт. колл.: В. Сырокомский, Б. Светов, О. Тарин и др. 2-е изд. М. Прогресс. 1982. 270 с. 100 000 экз. 40 коп.

Проблемы мирового революционного процесса. Вып. 2. М. Мысль. 1982. 301 с. 8000 экз. 1 руб. 60 коп.

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М. Наука. 1982. 357 с. 2150 экз. 2 руб. 80 коп.

Развитой социализм и кризис «советологии». М. Наука. 1982. 365 с. 4900 экз. 2 руб. 20 коп.

Сергеев Ф. Тайная война против Кубы. М. Прогресс. 1982. 206 с. 50 000 экз. 40 коп.

Страны и народы Востока. Вып. 24: Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 5. М. Наука. 1982. 285 с. 3000 экз. 2 руб. 20 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Идейное наследие Сандино. Сборник документов и материалов. Пер. с исп. Вступительная статья И. Р. Григулевича, М. Ф. Кудачкина. М. Прогресс. 1982. 333 с. 4000 экз. 90 коп.

Котрелл Л. Во времена фараонов. Пер. с англ. Автор предисловия И. С. Кацнельсон. М. Наука. 1982. 380 с. с илл. (По следам исчезнувших культур Востока). 30 000 экз. 1 руб. 60 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

История СССР, 1982, № 6. Я с н о в М. А. Деятельность Советов народных депутатов Российской Федерации по выполнению социально-экономической программы КПСС; Шерстобитов В. П. Развитие советского народа — новой исторической общности на современном этапе; Ф а й н Л. Е. Образование СССР и кооперативное строительство в национальных республиках и областях (1922—1927 гг.); С у м б а т з а д е А. С. Расцвет республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана; К р у ш а н о в А. И. Борьба трудящихся Дальнего Востока за власть Советов. 1917—1922 гг. (К 60-летию освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев); С а н у к о в К. Н. Советская обществоведческая литература 70-х годов об экономическом сотрудничестве народов СССР в условиях развитого социализма; Б а р г М. А. О категории «историческое время» (Методологический аспект); А в а к о в а Л. А. Новые материалы о развитии торгового земледелия в Европейской России в конце XIX — начале XX века; К а ш т а н о в С. М. Творческое наследие С. В. Бахрушина и его значение для советской исторической науки (К 100-летию со дня рождения); П р о т о п о п о в Д. З. В. И. Ленин и создание Союза ССР (Воспоминания участника I Всесоюзного съезда Советов); И б а т о в М. Мелиоративное строительство в Туркменской ССР на современном этапе; Ч е р н и к о в В. С. Крестьянская колонизация Северного Казахстана в эпоху капитализма; Б е л о н о ж к о Ю. А. Первые сельскохозяйственные выставки в Сибири и на Дальнем Востоке; К о н д р а ш е н к о в А. А. Смоленская земля и объединение Руси; П р о х о р о в В. П., С е р г е е в С. В. Образование СССР и национальные отношения в советском обществе в освещении буржуазной историографии 70-х годов; Ч е р т и н а З. С. Буржуазные историки о новой исторической общности — советский народ.

Новая и новейшая история, 1982, № 6. И л ь и ч е в Л. Ф., Р а х м а н и н о в Ю. Н. СССР в борьбе за реализацию Программы мира на 80-е годы; Т и м о ф е е в Т. Т. Образование СССР и интернациональная солидарность трудящихся; Б е р х и н И. Б. Историческое значение образования и развития Союза Советских Социалистических Республик; М и х а й л о в М. И. Союз коммунистов в германской революции 1848—1849 гг.; Б а й б а к о в а Л. В. Негритянский вопрос в политике республиканской партии США (конец 70-х — начало 80-х гг. XIX в.); К а н д е л ь Е. П. Вильгельм Либкнехт — солдат революции; К р а с и л ь н и к о в Е. П. Ханни Схафт — героиня движения Сопротивления в Нидерландах; Н е в л е р В. Е. Л. Н. Толстой — страстный обличитель войны; П р а с о л о в С. И. Секретные чехословацко-германские переговоры (1936—1937 гг.); А л е к с а н д р о в В. В. Международное рабочее движение в 1924—1945 гг.

Советское славяноведение, 1982, № 6. М у р а ш к о Г. П., Н о с к о в а А. Ф. К вопросу о переходном периоде от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; Ч е р н о в а Л. Н. Роль обществ дружбы в становлении советско-болгарского сотрудничества в 1944—1948 годах; Г у д а к о в В. В. Экономическая экспансия фашистской Германии в Югославию во второй половине 30-х — начале 40-х годов; Р о н и н В. К. Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет); Н и к о л а е в В. Д. К истории русско-болгарских отношений в начале 40-х годов X века; С о ф р о н о в а Л. Теория культуры и некоторые проблемы польского искусства XVIII—XIX веков.

Народы Азии и Африки, 1982, № 6. У л ь я н о в с к и й Р. А. Советская социалистическая федерация и освободившиеся страны; Г р о м ы к о А. А. Опыт решения национального вопроса в СССР и афроазиатский мир; К у л е в И. А. Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Азии; Т и т к о в В. И. Особенности строительства социализма в МНР; Р е х о К. Социализм и современная японская литература; Б у н и я т о в З. М. Институт народов Ближнего и Среднего Востока Академии наук Азербайджанской ССР; С у л е й м е н о в Р. Б., М о н с е е в В. А. Востоковедение в Казахской ССР; Л у ц к е в и ч В. А. Социально-экономические проблемы Объединенных Арабских Эмиратов; И о р д а н с к и й В. Б. Тропическая Африка: общество в зеркале пословиц; Е р о ф е е в Н. А. Английский колониализм и стереотип индейца в XIX в.; К и с е л е в а Л. Н. Двухязычие пашто-дари в Афганистане; Т о р ч и н о в Е. А. Даосское учение о «женственном»; Д р и к к е р Х. Н. Опыт Таджикистана в преобразовании классовой структуры; М а л ь я р о в О. В. Социально-экономическая программа индийского монополистического капитала.

Советская этнография, 1982, № 6. Б р о м л е й Ю. В. Основные тенденции национальных процессов в СССР (К 60-летию образования СССР); Г у р в и ч И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза; Б у д и н а О. Р., Ш м е л е в а М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города; С м и р н о в а Я. С. Роли и статусы старших в абхазской семье (К проблеме геронтофильных факторов долгожительства); Б у т и н о в Н. А. Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории (в связи с кохау ронгоронго); А г р а н а т Г. А. Коренное население Аляски и Канадского Севера: современные социально-экономические и политические проблемы; С о к о л о в Б. В. Население Фолклендских (Мальвинских) островов; Г о р л е н к о В. Ф. Киев — центр этнографической науки на Украине (К 1500-летию Киева); Ч е р н е ц о в А. В. Полевые меты кр-

стьян Подмосковья в начале XX века; Алексеев В. П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. Скелеты из ипиутакских погребений на мысе Крузенштерн; Окладников А. П., Рогозин Л. А. Загадка Улалинки.

Рабочий класс и современный мир, 1982, № 6. Гришин В. В. На передовых рубежах коммунистического строительства; Ключев В. Г. Интернациональное братство людей труда; Дробижев В. З. Рабочий класс и образование СССР; Тимофеев Т. Т. Ведущая сила революционного интернационализма; Епископосов Г. Л. Ленинское учение о социалистической федерации и современность; Троицкий Е. С. Национальная политика КПСС и ее буржуазные «критики»; Брун-Цеховой В. А. Проблемы реального социализма в идеологической работе Германской коммунистической партии; Грачев А. С. Между конфронтацией и разрядкой; Яжборовская И. С. К 100-летию польского рабочего движения. Марксизм — революция — социализм; Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Современная женщина: проблемы труда и быта; Богорал В. А. Коммунисты в местных органах самоуправления в развитых капиталистических странах; Ершов С. А. Автомобильная промышленность: монополии и рабочий класс; Блинова Е. П. Трудящиеся женщины в странах ЕЭС; Баранова Т. Н. Роль коллективных договоров в усилении классовой борьбы в современной Испании; Иванов Ю. М. Жилищная проблема в городах развивающихся стран; Окунева М. А. Рабочий класс в Кубинской революции; Ивановский З. В. Структура и концентрация колумбийского пролетариата.

Общественные науки в Узбекистане, 1982, № 7. Иманалиев М. Достижения ученых Советского Киргизстана; Акилов К. А., Баракаев Д. Б. Рабочий класс и развитие культуры социалистического быта Узбекистана на современном этапе; Шаниязов К. Ш. Об исторической топонимике Ташкента; Умаров Б. О типологизации сельской семьи; Аскарров А. Еще раз о древних путях на юге Узбекистана; Абдуллаева Р. К историографии проблемы руководства КПСС Советами в период зрелого социализма.

Украинский исторический журнал, 1982, № 11. Гаврилюк А. Е. Деятельность парторганизаций республики по осуществлению переустройства и благоустройству сел на современном этапе; Солдатенко В. Ф. Борьба большевиков за интернациональное сплочение русских и украинских трудящихся в период подготовки Великого Октября; Гриценко А. П. Рабочий класс Украины в массовом стачечном движении в канун Октября; Хмиль И. В. Организации крестьянства Украины в период подготовки и проведения социалистической революции; Тимченко Ж. П. Борьба крестьян Украины за осуществление ленинского Декрета о земле (октябрь

1917 — март 1918 г.); Денисов А. Ф., Ковальский Б. П. Социалистическое соревнование трудовых коллективов РСФСР и УССР в 1970—1980 гг.; Зубалий А. Д. Сотрудничество и взаимопомощь рабочих союзных республик в создании материально-технической базы сельского хозяйства Украины (1928—1937 гг.); Самсонов А. М. Историческое значение Сталинградской битвы; Петровичев М. Н. Деятельность партийных организаций Ивановской области по оказанию помощи в восстановлении Донбасса (1943—1945 гг.); Кумбабчук В. В. Участие трудящихся Сибири в освобождении Украины от войск буржуазно-помещичьей Польши и Врангеля; Иваненко В. В. Участие мопровских организаций в социалистическом строительстве на Украине (1933—1937 гг.); Забарко Б. М. Конгресс Коминтерна об интернациональной пролетарской солидарности; Панченко С. П. Интернациональное и патриотическое воспитание рабочей молодежи промышленных предприятий УССР в 70-х годах; Иванов В. М. Опыт борьбы КПСС против правого и «левого» оппортунизма и его значение для современности; Замлинский В. А. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.).

Россия на путях централизации. Сборник статей Института истории СССР АН СССР. М. 1982. Пашуто В. Т. Предисловие; Данилова Л. В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси; Бромлей Ю. В. Некоторые средневековые хорватско-русские параллели; Горский А. Д. О вотчинном суде на Руси в XIV—XV вв.; Хорошкевич А. Л. Право «вывода» и власть «государя»; Алексеев Ю. Г. Челядин-наймит Правосудия митрополичьего; Панеях В. М. Генеалогия холопских семей и холопья старина; Масленникова Н. Н. О земельной политике правительства Василия III в Пскове; Янин В. Л. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской; Каштанов С. М. Финансовая политика периода опричнины; Фомин Н. К. Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда; Ивина Л. И. Внутренняя колонизация восточной окраины Русского государства в XV — начале XVII в.; Дмитриев В. Д. О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле; Колычева Е. И. Податное обложение в центральных уездах России; Мельникова А. С. Московская английская компания и русское денежное дело; Милос Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М. Об экономической структуре поместья и вотчины начала XVII в. (опыт количественного анализа); Лурье Я. С. Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в.; Белякова Е. В. К истории учреждения автокефалии русской церкви; Казакова Н. А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV — первой половине XVI в.; Колесников П. А. Вологда в политических планах

Московского княжества (к постановке вопроса); Назаров В. Д. К источниковедению дворовой тетради; Бычкова М. Е. О социальном составе тысячников; Соболева Н. А. О датировке большой государственной печати Ивана IV; Абрамович Г. В. Дворянское войско в царствование Ивана IV; Рыков Ю. Д. Князь А. М. Курбский и его концепция государственной власти; Никитина Л. А. Англо-русские дипломатические связи (по материалам хроники Эдмонда Хауэса); Лихачев Д. С. Авторы рязанского цикла «Повестей о Николе Заразском»; Шапов Я. Н. Вторая жизнь памятников права Древней Руси; Синицына Н. В. Авторское самосознание в русской литературе и общественной мысли; Шмидт С. О. Из истории редактирования Царственной книги (Известия об опале бояр летом 1546 г.); Клибанов А. И. Некоторые идеологические формы социального протеста русского крестьянства; Пушкарёв Л. Н. Отражение истории Русского централизованного государства в устном народном творчестве XVI—XVII вв.; Кобрин В. Б. Новейшие труды о процессе централизации Русского государства; Ермолаев И. П., Литвин А. Л. Новая советская историография о Среднем Поволжье в XVI в.; Овчинников Р. В. К историографии Крестьянской войны начала XVII в.; Курмачева М. Д. Крепостной интеллигент Андрей Лощманов об истории России; Козлова Н. А. Труды Н. Н. Бантыш-Каменского по истории России.

Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинградское отделение Археографической комиссии АН СССР. Т. 13. 1982. Шепелев Л. Е. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: к вопросу об их задачах и роли в историческом исследовании; Носов Н. Е. Актовые источники по истории русского Севера и некоторые вопросы изучения социального расслоения крестьянства XVI в.; Гладкий А. И. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник «Скифской истории» А. И. Лызова; Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси; Солодкин Я. Г. К истории создания «Иного сказания»; Степанов Н. Н. Об авторстве А. И. Герцена в статьях «Вятских губернских ведомостей»; Луцкий Е. А. Проект закона о земле Всероссийского учредительного собрания (1917—1918 гг.); Свердлов М. Б. К изучению древнерусских топонимов как исторического источника; Андреев В. Ф. Новгородские духовные грамоты XII—XV вв.; Клейненберг И. Э. О денежных единицах в «Памяти как торговали доселе новгородцы»; Амосов А. А. Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде (Заметки о бумаге так называемой Царственной книги); Ивина Л. И. Опыт ретроспективного изучения пис-

цовых книг 20—30-х годов XVII в. как источника по исторической географии (на материалах Угличской земли); Мионов Б. Н. Формализация и генерализация содержания массовых исторических источников (по материалам анкеты о ярмарках 1779 г.); Чернуха В. Г. Из истории государственных учреждений: Главный комитет об устройстве сельского состояния. 1861—1882 гг.; Киселева Л. И. Новые методы определения почерков (палеография и математическая статистика); Мажуга В. И. О технике средневекового латинского письма. Таценко Т. Н. Палеография немецких документов XVIII в.; Панченко Д. В. Кампанелла и Ямбул (опыт текстологического анализа); Медведев И. П. Софийский список «Шестикнижия» Константина Арменулула; Лурье Я. С. Об А. А. Зимине — источниковеде и текстологе.

Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.). Институт истории, филологии и философии Сибирского Отделения Академии наук СССР. Новосибирск. 1982. Курилов В. Н. Сибирская промышленность в XVII в.; Резун Д. Я. О числе ремесленников в городах Сибири XVII в.; Вилков О. Н. К проблеме наемного труда в сибирской промышленности конца XVI — начала XVIII в.; Курилов В. Н. Наемные работники в Сибири в XVII в., их социальное положение и борьба; Агапова Т. И., Изгачев В. Г., Карпенко З. Г., Романов В. В. Сибирская горно-металлургическая промышленность и предприятия Кабинета в XVIII — середине XIX в.; Рабцевич В. В. Правовое положение промышленных работников Сибири в 80-х гг. XVIII — первой половине XIX в.; Люндарская А. А. Мельничное дело в Томске в начале XVIII века.

Проблемы истории античности и средних веков. Сборник статей. М. 1981. Карпюк С. Г. Керамическое производство позднеархаических Афин (вторая половина VI в. до н. э.); Стрелков А. В. Некоторые проблемы истории I Афинского морского союза в немецкой буржуазной историографии; Ляпустин Б. С. Развитие шерстоделательного производства в Помпеях в I в. н. э.; Бородин О. Р. Итальянский историк IX в. Агнелл из Равенны и его мировоззрение; Червонов С. Д. Социально-экономическое развитие кастильского города XI—XIII веков в зарубежной средневековедении; Колесник В. И. Социальный состав сельской коммуны в Пикардии в XI—XIII веках; Руденко О. А. Англо-испанский союз 1554 г.; Владыко Н. Н. В. В. Макушев и его работы по истории Дубровника; Думин С. В. Ремесло и ремесленники Смоленского повета Речи Посполитой в первой половине XVII в.; Костяшев Ю. В. К вопросу о социально-экономическом положении сербского крестьянства в Австрийской империи в конце XVII — начале XVIII в.

Хроникальные заметки

◆ «Советы национальных районов на путях к образованию СССР» — тема Всесоюзной научной конференции, состоявшейся 14—16 декабря 1982 г. в г. Юрмала. Конференция была созвана по инициативе Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Института истории СССР АН СССР, Института истории АН ЛатвССР. На пленарном заседании были заслушаны доклады: Ю. И. Кораблев — Великий Октябрь, Советы и образование СССР; акад. АН ЛатвССР А. А. Дризул (Рига), акад. АН ЭССР В. А. Маамяги (Таллин) — Историческое значение вступления прибалтийских советских республик в состав Союза ССР; Ю. М. Гамрецкий (Киев) — Национально-государственное строительство на Украине (декабрь 1917 — апрель 1918 г.); чл.-корр. АН ЛатвССР В. О. Миллер (Рига) — Первые шаги прибалтийских советских республик на пути объединения с другими республиками; акад. АН БССР И. М. Игнатенко, П. К. Башко, Е. К. Прыгунова (все — Минск) — Участие БССР в создании союзного государства; Г. С. Азимов (Баку) — Роль Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане. Затем работа конференции протекала в двух секциях: Советы Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии и общие проблемы истории Советов; Советы Грузии, Армении, Азербайджана, Северного Кавказа, Казахстана, Средней Азии, Поволжья и других национальных районов РСФСР.

◆ В Вильнюсе 29—30 ноября 1982 г. проходила Всесоюзная научная конференция «Интернационализация духовной жизни советских народов в условиях развитого социализма», посвященная 60-летию образования СССР. Она была организована Научным советом АН СССР «История социалистического и коммунистического строительства в СССР», Институтом истории СССР АН СССР и Институтом истории АН ЛитССР. В конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Риги, Таллина, других городов. Вступительным словом конференцию открыл президент АН ЛитССР акад. АН ЛитССР Ю. Ю. Матулис. С докладом «Советская Литва в братской семье советских народов» выступил секретарь ЦК Компартии Литвы Л. К. Шепетис. Акад. М. П. Ким прочитал доклад на тему «Реальный социализм и социальные функции духовной культуры». Всего было заслушано более 20 докладов.

◆ 16 декабря 1982 г. в Москве состоялась научная конференция «Дружба и братство народов СССР — источник могущества Советских Вооруженных Сил», посвященная 60-й годовщине образования СССР. Конференцию открыл начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев. На конференции были за-

слушаны доклады начальника Военно-политической академии им. В. И. Ленина генерал-полковника Г. В. Средин «Образование и развитие СССР — триумф ленинской национальной политики КПСС» и начальника Института военной истории Министерства обороны СССР, чл.-корр. АН СССР генерал-лейтенанта П. А. Жилина «Военно-политическое значение образования Союза Советских Социалистических Республик».

◆ Объединенная юбилейная научная сессия, посвященная 60-летию образования СССР, была проведена 30 ноября 1982 г. в Тбилиси. Ее организовали Институт истории партии при ЦК КП Грузии, Академия наук Грузинской ССР и Тбилисский университет. Сессию открыл директор Института истории партии Д. Г. Стурua. Борьбе большевиков Закавказья за создание СССР, расцвету Советской Грузии в единой семье братских республик, национальным отношениям в СССР на этапе развитого социализма были посвящены доклады Г. К. Жвания, Ю. М. Качаравы, Р. К. Грдзелидзе. Историческое значение I Всесоюзного съезда Советов осветил Ф. М. Махарадзе.

◆ Республиканская научно-теоретическая конференция «Образование СССР и его роль в развитии советских республик», посвященная 60-летию образования Союза ССР, состоялась 28 октября 1982 г. в Кишиневе. Конференцию открыл секретарь ЦК Компартии Молдавии П. П. Петрик. Были заслушаны доклады: акад. АН МССР Д. Т. Урсул — 60-летие СССР — торжество ленинской национальной политики; чл.-корр. АН МССР В. И. Царанов — Образование СССР — историческая веха в развитии социалистических республик; Г. Н. Сингур — Экономика Молдавской ССР в едином народнохозяйственном комплексе страны, акад. АН МССР С. С. Чиботару — Чувство семьи единой (дружба народов — дружба литератур); чл.-корр. АН МССР Б. Е. Мельник — Братская помощь народов СССР в подготовке кадров для народного хозяйства Молдавской ССР.

◆ Научная конференция «Советская Молдавия в братской семье народов СССР», посвященная 60-летию образования СССР, состоялась в октябре 1982 г. в Кишиневе. Ее организаторы — Институт истории АН МССР и Институт истории партии при ЦК Компартии Молдавии. Вступительным словом конференцию открыл вице-президент АН МССР акад. АН МССР Д. Т. Урсул. С докладами выступили: Л. Е. Репида — Образование СССР — торжество ленинской национальной политики КПСС; чл.-корр. АН МССР С. Я. Афтенюк — Значение образования СССР в создании советской национальной государственности молдавского народа; В. И. Мокряк — Критика буржуазных фальсификаций ленинских принципов образования СССР.

◆ В Волгограде в ноябре 1982 г. состоялась научно-теоретическая конференция

«Победа под Сталинградом — исторический подвиг советского народа», посвященная 40-летию разгрома немецко-фашистских войск в битве на Волге. В ней приняли участие ученые, партийные работники, военачальники, участники Сталинградской битвы. Конференцию открыл первый секретарь Волгоградского обкома партии Л. С. Куличенко. Он же выступил с докладом «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы советского народа и его Вооруженных Сил в битве под Сталинградом». Затем были заслушаны доклады: чл.-корр. АН СССР — П. А. Жилин — Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и его военно-политическое значение; акад. А. М. Самсонов — Вклад советского тыла в достижение победы под Сталинградом.

◆ Узловым вопросам советского славяноведения была посвящена IX Всесоюзная научная конференция историков-славистов, которая работала в сентябре 1982 г. в Ужгороде. В ней приняли участие около 250 работников академических учреждений и вузов Москвы и всех союзных республик. Вступительным словом конференцию открыл ректор Ужгородского университета В. И. Лендье. Доклад на тему «Образование СССР и расцвет Закарпатья в братской семье народов Советского Союза» сделал секретарь Закарпатского обкома партии Н. Н. Семенюк. На конференции работало девять секций.

◆ Коллоквиум советских и австрийских историков, посвященный 60-летию образования СССР, состоялся 30 ноября — 1 декабря 1982 г. в Москве. В нем участвовали научные сотрудники Институтов всеобщей истории и международного рабочего движения АН СССР, преподаватели вузов. Были заслушаны доклады и сообщения: А. А. Ахтамзян — Образование Союза ССР и развитие его отношений с Австрией; В. В. Соколов — Становление дипломатических отношений между СССР и Австрией; И. Хаутман — Связи австрийского рабочего движения с Советским Союзом в 20-е годы; Х. Хаас — позиция австрийской социал-демократической партии в отношении Советского Союза; Г. Оберкофлер — Австрийско-советские научные связи 1918—1938 годов; Ф. Штэдлер — Советско-австрийское сотрудничество в изучении вопросов организации производства и производственной статистики; Ю. П. Муравьев — Деятельность Австрийского общества культурного и экономического сближения с СССР в 20—30-е годы; М. Г. Сизова — Деятельность Общества друзей СССР и Австрии в 20—30-е годы; и др.

◆ В Улан-Удэ в октябре 1982 г. прошла научная конференция к 80-летию со дня рождения Ю. Н. Рериха, внесшего большой вклад в развитие индологии, тибетологии и монголоведения. Конференция проводилась по инициативе Института истории, филологии и философии Сибирского отделения (СО) АН СССР и Института общественных наук Бурятского филиала СО. Работали секции истории, археологии, этнографии,

философии и религиоведения, восточной медицины, литературы и искусства. Заслушано около 50 докладов ученых Москвы, Ленинграда, Фрунзе, Новосибирска, Абакана, Горно-Алтайска, Улан-Удэ и Читы.

◆ Исполнилось 100 лет со дня рождения исследователя Севера А. В. Журавского. Юбилейную научную конференцию, состоявшуюся в сентябре 1982 г. в Усть-Цильме, открыл заведующий отделом науки и учебных заведений Коми обкома КПСС Л. Т. Россохин. Выступавшие рассказали о жизни и деятельности А. В. Журавского, его роли в развитии науки на Севере, его этнографических и иных исследованиях.

◆ В октябре 1982 г. в Душанбе работал семинар-совещание хранителей фондов партийных архивов институтов истории партии республик Средней Азии, Казахстана, Закавказья и РСФСР. Вступительным словом его открыла секретарь ЦК Компартии Таджикистана Г. Б. Бобосадыкова. С докладом «Состояние и меры дальнейшего совершенствования учета и обеспечения сохранности документов архивного фонда партии в свете решений XXVI съезда КПСС» выступил Р. А. Усиков.

◆ Издательство политической литературы выпустило книгу Л. А. Левина «Советуюсь с Марксом... (Ленин — исследователь и пропагандист Маркса и Энгельса)». М. 1982. В ней рассказывается, как В. И. Ленин изучал труды основоположников марксизма и пропагандировал их идеи в тесной связи с актуальными задачами революционной борьбы и строительства социализма.

◆ В монографии В. Я. Бондаря «Ленинская партия — партия нового типа» (М. Политиздат. 1982) анализируется марксистско-ленинское учение о рабочей партии нового типа и показывается претворение в жизнь этого учения в деятельности КПСС, дальнейшее его развитие в документах Коммунистической партии Советского Союза.

◆ В монографии И. И. Климина «Аграрная политика КПСС (1917—1937 гг.). Действительность и буржуазные вымыслы» (Л. Изд-во ЛГУ. 1982) дана критика буржуазной французской и англо-американской историографии по вопросам аграрной политики КПСС в 1917—1937 гг., разоблачаются антикоммунистические концепции буржуазных авторов.

◆ В книге «Демократический фронт накануне Октября» (М. Мысль. 1982) рассматривается опыт партии большевиков по созданию демократического фронта в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и формированию политической армии социалистической революции.

◆ А. П. Ермолин (Революция и казачество: 1917—1920 гг. М. Мысль. 1982) освещает ход классовой борьбы в казачьих районах России периода Октябрьской революции и гражданской войны, переход трудовых казаков на сторону Советской власти и разгром казачьей контрреволюции.

◆ В. М. Селунская и Т. А. Сивохина (Социально-политическое единство советского общества. М. Мысль. 1982) характеризуют путь становления единства советского общества, направления, формы и методы его укрепления и совершенствования в условиях развитого социализма, его продвижение к социальной однородности.

◆ В воспоминаниях Н. Е. Чернышева «Огонь сердца. Записки бывшего парторга ЦК ВКП(б) на Кузнецком металлургическом комбинате» (М. Политиздат. 1982) рассказывается о трудовом подвиге сибирских металлургов в годы Великой Отечественной войны, о людях «огненной профессии», сумевших в неслыханно короткие сроки и в невероятно трудных условиях освоить производство металла для оборонной промышленности и перестроить предприятие на выпуск продукции для фронта.

◆ Издательство «Мысль» выпустило в свет монографию А. В. Семеновой «Временное революционное правительство в планах декабристов» (М. 1982), в которой рассматриваются контакты дворянских революционеров с государственными деятелями, отличавшимися оппозиционностью правительству и желавшими некоторых перемен в общественном строе, — М. М. Сперанским, М. С. Мордвиновым, А. П. Ермоловым, П. Д. Киселевым. Анализируются планы декабристов по созданию временного революционного правительства, в состав которого должны были войти и эти лица.

◆ 60-летию образования СССР посвящен изданный Московским университетом коллективный труд «Историография истории КПСС в период восстановления и развития народного хозяйства, 1921—1925 гг.» (М. 1982). В нем рассматриваются историко-партийные работы, освещающие деятельность КПСС в первой половине 20-х годов. Главное внимание уделяется историографическому анализу книг, брошюр, статей, опубликованных по этой тематике за последние два десятилетия.

◆ Н. Г. Думова в книге «Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.)» (М. Наука. 1982) исследует роль главной партии российской буржуазии — кадетов как виновников развязывания гражданской войны, вдохновителей и пособников империалистической интервенции в России, разоблачает антинародный характер их политики, показывает историческую закономерность их крушения. В работе раскрывается несостоятельность концепций буржуазной историографии, пытающейся изобразить кадетов поборниками свободы и демократии.

◆ К 70-летию газеты «Правда» издательство Саратовского университета опубликовало в 1982 г. книгу А. Воротникова «Вторгаясь в жизнь. Саратовская область на страницах «Правды». В ней представлены материалы, опубликованные в центральном органе партии, о работе промышленных предприятий, колхозов и совхозов, строительстве и транспорте, борьбе парторганизаций за претворение в жизнь решений съездов КПСС за последнее десятилетие.

◆ Книга Г. С. Азимова «Бакинская Коммуна» (Баку. Гянджлик. 1982) посвящена борьбе за Советскую власть в Азербайджане. В работе освещаются революционные события с марта 1917 до конца июля 1918 года. Автор раскрывает закономерность победы Советской власти в Азербайджане, историю создания первого на Кавказе рабоче-крестьянского правительственного органа — Бакинского губернского Совета Народных Комиссаров, показывает ведущую роль бакинского пролетариата, руководящую и направляющую деятельность большевистских организаций в борьбе трудящихся за социальную и национальную свободу.

◆ Книга А. Н. Асмолова «Фронт в тылу вермахта» (изд. 2, доп. М. Политиздат. 1982) повествует о борьбе советских людей в тылу врага на северо-западе России и юго-западе Украины в годы Великой Отечественной войны. Большое место уделено Словацкому национальному восстанию 1944 года.

◆ В книге Д. А. Севьяна «Из истории Союза коммунистов Югославии. 1919—1945» (М. Мысль. 1982) рассматриваются важнейшие этапы развития и деятельности партии югославских коммунистов с момента ее создания до победы социалистической революции. Автор освещает роль СКЮ как руководителя и организатора общенародной борьбы против фашистов и коллаборационистов, за независимость и социальное освобождение Югославии.

◆ В комплексном исследовании «Социалистическая ориентация освободившихся стран» (М. Мысль. 1982) анализируются условия, содействующие вступлению развивающихся стран на путь социалистической ориентации, и опыт отдельных государств.

◆ «Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке» — сборник работ В. И. Ермолаева (М. Мысль. 1982). В нем представлены статьи по истории стран Латинской Америки в 1870—1927 гг., о первых шагах рабочего движения, распространении марксизма, возникновении и деятельности компартий Аргентины, Бразилии, Кубы, Чили, Уругвая.

◆ В работе Т. М. Червонной «Феодалные отношения во Франции», опубликованной Горьковским университетом (Горький. 1982), анализируется Парижская кутюма 1581 г. — один из источников обычного права, регулировавшего отношения сеньоров с подданными. Работа содержит текст кутюмы, ее анализ и вспомогательные материалы. Она продолжает исследование ранее тем же автором исследования кутюмы Нормандской и Нивернз.

◆ «Судьбы древних монет (Опыт лирической нумизматики)» — книга В. Б. Виноградова, выпущенная Чечено-Ингушским книжным издательством (Грозный. 1982) и знакомящая с монетными находками и кладами, оставленными в земле Чечено-Ингушетии от эпохи античности до конца XVIII века.

◆ Изучение «лавочных книг» 1583 г., хранящихся в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике, позволяет

восстановить историю торговли русского города в XVI веке. Новгородский рынок состоял тогда из 43 рядов-улиц, главный из которых тянулся вдоль Волхова. В рядах было 1800 лавок, лабазов, площадок, других торговых заведений. Новгородские и заморские купцы торговали драгоценными металлами и медью, сукном и вином, заключали сделки на оптовую продажу воска, меда, кожи, льна. Объединения купцов — общины и братства регулировали куплю-продажу. Вступительный взнос в них составлял 50 гривен серебра.

◆ Редкое старопечатное издание — книга «Брашно духовное» (пища для раздумья) обнаружено в хранилище Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника. Напечатана она была в первой провинциальной печатне Руси — типографии Валдайского Иверского монастыря, созданной патриархом Никоном в середине

XVII века. Книга, насчитывающая около 500 страниц, содержит псалмы, часослов, календарь-месяцеслов. Приведена дата ее выхода в свет — октябрь 1661 года.

◆ Мастерская по выделке железных предметов VII—начала VIII в. обнаружена при раскопках городища Кугант-тепе, расположенного на окраине Ташкента. Среди находок — хорошо сохранившийся горн.

◆ Захоронение племенного вождя обнаружила археологическая экспедиция АН АзССР под курганом на окраине с. Борсунлу. Оно относится к концу II тыс. до н.э. Умерший возлежал на деревянном помосте, обитом золотыми и бронзовыми гвоздями, окруженный богато орнаментированными украшениями из слоновой кости. Рядом лежали секира, мраморная булава, орудия труда, останки девяти соплеменников и коней, которые должны были служить вождю в «ином мире».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

СИМПОЗИУМ ИСТОРИКОВ СССР И ШВЕЦИИ

С 19 по 21 октября 1982 г. в Новгороде проходил очередной, IV симпозиум историков СССР и Швеции¹. С советской стороны организатором встречи был Национальный комитет историков Советского Союза; в подготовке ее принимали участие Институт истории СССР АН СССР, Ленинградское отделение института и его сектор в Новгороде, Институт всеобщей истории АН СССР. С шведской стороны симпозиум организовывали Королевская Академия гуманитарных наук и университет г. Упсалы.

В отличие от предыдущих встреч, где обсуждалось несколько тем, — отдельно по средневековой, новой и новейшей истории, симпозиум 1982 г. занимался одной стержневой темой — «Культурные связи между народами СССР и Швеции от раннего средневековья до наших дней». В Советский Союз прибыла представительная делегация шведских ученых — как историков, так и специалистов по истории литературы, искусства, театра. Возглавлял делегацию вице-президент Королевской Академии гуманитарных наук С. Карлссон (Упсала). В состав ее вошли Б. Альтгрен (Упсала); директор Балтийского центра при Стокгольмском университете А. Лойт; К. Петерсон (Стокгольм), руководитель Славянского института Стокгольмского университета Н. О. Нильссон; М. фон Платен (Умео); У.-Б. Лагеррот (Лунд); сотрудник Национального музея У. Абель; ответственный секретарь редколлегии журнала «Historisk Tidskrift» Х. Де Геер, а также К. Гернер (Лунд) и И. Ольдберг (Стокгольм). В качестве гостя АН СССР в составе шведской делегации приехала Б. Пальме — вдова С.-У. Пальме, одного из инициаторов и организаторов проведения встреч между историками двух стран. Советскую делегацию возглавлял Председатель Национального комитета историков Советского Союза, академик-секретарь Отделения истории АН СССР акад. С. Л. Тихвинский. В ее состав

входила большая группа историков из Москвы, Ленинграда, Тарту: чл.-корр. АН СССР В. Л. Янин, ответственный редактор «Скандинавского сборника» Х. А. Пийримяэ (Тартуский университет), И. П. Шаскольский (Ленинград), Г. А. Некрасов и другие.

Симпозиум открыл вступительным словом С. Л. Тихвинский, который указал на традиционность связей между историками Советского Союза и Швеции и высказал надежду на расширение и углубление совместной работы. Он подчеркнул, что взаимопонимание и сотрудничество между историками двух стран играют большую роль. В ответном слове С. Карлссон остановился на предыстории симпозиумов, указав, что в центре их внимания находятся как контакты между нашими странами и народами, так и их развитие. Он отметил, что симпозиумы создают возможности для установления личных контактов между историками двух стран.

Советской стороной были представлены доклады: И. П. Шаскольский и М. Е. Свердлов (оба — Ленинград) — «Культурные связи России и Швеции в IX—XVII вв.»; Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина — «Культурно-исторические взаимосвязи Восточной Европы и Скандинавии в раннее средневековье» и сообщения: А. В. Фомин — «Русь, Швеция и Восток в X в. по нумизматическим данным», М. Е. Бычкова — «Каменное строительство в Новгороде в XVII в.», Е. А. Рыбина — «Шведский двор в Новгороде». К сожалению, шведская сторона аналогичных докладов по средневековью не сделала, приняв, однако, активное участие в полемике вокруг поставленных проблем. Б. Альтгрен высоко оценил советские доклады и высказал ряд советов в связи с ведущимися в Новгороде раскопками. По случаю 350-летия Тартуского университета было сделано два доклада — шведский и советский А. Лойт («Дерптский университет как зеркало социальных

¹ О III симпозиуме см. Вопросы истории, 1980, № 8.

противоречий шведского владычества») показал, как отражались социальные конфликты Прибалтики эпохи шведского владычества на жизни этого учебного заведения. Х. А. Пийримяэ осветил роль университета в развитии научных и культурных связей XVII — начала XVIII века.

Два доклада касались научных и культурных русско-шведских связей XVIII века. Были зачитаны тезисы доклада отсутствовавшего на симпозиуме шведского ученого Т. Френссюра (Линчёпинг) «Ранние научные связи между Швецией и Россией» о становлении в XVIII в. контактов между русскими и шведскими учеными в области точных и естественных наук. С докладом «Русско-шведские культурные связи во второй половине XVIII в.» выступил Г. А. Некрасов, который привел неизвестные до сих пор сведения о русско-шведских контактах в области культуры и науки.

Второй день работы симпозиума открылся докладом К. Петерсона «Свобода и гражданское общество: важный вопрос шведской политической теории периода эры свобод», в котором была сделана попытка проанализировать изменение реального содержания понятия «свобода» в представлениях шведских правоведов 1717—1772 годов. В. В. Рогинский в сообщении «Петр Сухтелен — посланник России в Швеции» осветил жизнь дипломата, с 1809 по 1836 г. представлявшего Россию в Стокгольме и немало сделавшего для улучшения русско-шведских отношений. В докладе М. фон Платена «Тайные агенты, эстеты и другие шведские путешественники в России» содержалось систематизированное в хронологическом порядке описание неопубликованных шведских записок о России за период с середины XVII в. до 1809 г., хранящихся в Королевской библиотеке Стокгольма. Автор выделил те из них, где речь шла о пребывании шведов в Новгороде.

Ряд аспектов культурных контактов двух стран был затронут в сообщениях. Е. А. Сорокина остановилась на вопросах проникновения русской книги и русского языка в Швецию XVIII в.; Ю. Н. Беспятых (Ленинград) проанализировал неопубликованную рукопись начала XVIII в. Л. Ю. Эренмальма «Состояние России при Петре I», хранящуюся в библиотеке Упсальского университета; В. Е. Возгрин (Ленинград) характеризовал русские заимствования в Швеции в области дипломатии и военного дела при Петре I. Было зачитано сообщение

Е. А. Савельевой (Ленинград) о шведских инкунабулах, хранящихся в ленинградских библиотеках. В сообщении чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и Т. Н. Джексона содержался критический разбор изложения истории России периода феодализма в шведском школьном учебнике по всеобщей истории, подготовленном в Лундском университете.

Заключительный день симпозиума был отведен изучению связей между нашими странами в области искусства, литературы и театра. У. Абель доложил о деятельности шведского художника К. Мазера, который в 30—50-х годах прошлого века жил в России, предпринял путешествие в Сибирь, где рисовал декабристов, в частности С. Г. Волконского, братьев Н. А. и М. А. Бестужевых, М. И. Муравьева-Апостола и других. Эти рисунки хранятся в Национальном музее Стокгольма. М. И. Безрукова рассказала о советско-шведских связях в области изобразительного искусства по материалам шведских выставок в СССР.

Н.-О. Нильссон в докладе «Русская литература в Швеции» дал широкую панораму появления произведений русской литературы на шведском языке, начиная с Н. М. Карамзина и до наших дней. Широкий интерес к русской литературе в Швеции начался лишь в 20-х годах нашего столетия, когда на шведский язык стали переводиться книги Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, а затем и советских писателей — М. Горького, И. Эренбурга, Ф. Гладкова и других.

У.-Б. Лагеррот показала большое влияние, которое с 1910-х годов стал оказывать на шведский театр русский, а затем советский театр. Она рассказала о гастролях 1922 г. МХАТ и 1923 г. театра им. Вахтангова в Швеции, о приезде в СССР шведских режиссеров П. Линдберга (1927 г.) и А. Шёберга (1935 г.), их встречах к К. С. Станиславским, В. Э. Мейерхольдом, А. Я. Таировым, о появлении в Швеции в конце 1920-х годов под влиянием советского театра рабочего театра «Синяя блуза». Д. К. Хачатурян выступил с сообщением «Шведская литература в трудах советских скандинавистов последних лет»; Р. М. Ахметшина рассказала о становлении советско-шведских культурных связей в первые годы Советской власти; Н. С. Плевако сделала сообщение «А. В. Луначарский о творчестве А. Стриндберга», Г. И. Федулаев — «Советско-шведские культурные

связи на современном этапе» по материалам обществ «СССР — Швеция» и «Швеция — СССР».

В. В. Рогинский проинформировал участников симпозиума о начале работы над совместным советско-шведским изданием — сборником документов из архивов обеих стран о русско-шведских отношениях в 1809—1819 гг.

Закрывая симпозиум, В. Л. Янин и С. Карлссон оценили его как успешный и подчеркнули его вклад в развитие научных связей и сотрудничество между советскими и шведскими историками.

От имени Королевской Академии гумани-

тарных наук и от шведской делегации С. Карлссон выразил благодарность АН СССР и Национальному комитету историков Советского Союза за организацию симпозиума и пригласил советских историков в Упсалу на следующий симпозиум, который состоится в 1984 году. Предварительно было условлено обсудить следующие темы: «60 лет установления советско-шведских дипломатических отношений (1924—1984 гг.)» и «Город и общество в раннее средневековье», а также продолжить обсуждение проблем культурных контактов между народами СССР и Швеции.

В. В. Рогинский

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В УЛАН-БАТОРЕ

15 декабря 1982 г. в столице Монгольской Народной Республики Улан-Баторе, в Доме Правительства состоялась международная научная конференция на тему: «Победа ленинской национальной политики и ее международное значение», посвященная 60-летию образования СССР. Она была созвана Институтом общественных наук при ЦК МНРП, Академией наук МНР и Высшей партийной школой при ЦК МНРП. В работе конференции приняли участие члены Политбюро и секретари ЦК МНРП, руководители государственных учреждений республики.

На конференции были заслушаны и обсуждены доклады секретаря ЦК МНРП Г. Адъя — Воплощение идей ленинской национальной политики в монголо-советских отношениях и директора Института истории СССР АН СССР С. С. Хромова — Исторический опыт образования и развития СССР и проблемы его изучения.

С сообщениями на конференции выступили вице-президент, директор Института истории АН МНР Ш. Нацагдорж — Значение образования СССР для укрепления международной позиции и внутреннего положения МНР, старший научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС А. И. Холмогоров — Руководство КПСС развитием национальных отношений в СССР, директор Института общественных наук при ЦК МНРП, чл.-корр. АН МНР Б. Лхамсүрэн — Ленинское учение по национальному

вопросу — основа международных отношений нового типа, зав. международным отделом ЦК МНРП Ц. Балхажа — Изучение и применение исторического опыта советского народа — важнейшее условие построения социализма в МНР, профессор АОН при ЦК КПСС И. П. Олейник — XXVI съезд КПСС об обмене опытом стран социализма, его роли в развитии теории и современной практики социалистического строительства, председатель Центрального Совета монгольских профсоюзов Б. Лувсанцэрэн — Роль совместной деятельности монголо-советских производственных коллективов в углублении интернациональной традиции дружбы монгольского и советского народов, директор Института философии, социологии и права АН МНР, чл.-корр. АН МНР С. Норовсамбуу — Некоторые вопросы формирования социалистической монгольской нации в свете опыта решения национального вопроса в СССР, директор Института истории партии при ЦК КП Туркмении Р. М. Каррыева — Опыт осуществления ленинской национальной политики в республиках Советского Востока, ректор ВПШ при ЦК МНРП Г. Миээгомбо — Курс всестороннего сближения МНР с СССР в действии, ректор Института русского языка МНР С. Галсан — Актуальные задачи изучения русского языка в МНР, доцент АОН при ЦК КПСС Б. М. Пугачев — Сближение стран социалистического содружества — торжество ленин-

ской национальной политики, старший научный сотрудник ИОН при ЦК МНРП Д. Д а ш — Значение воплощения ленинской национальной политики для формирования интернационалистических взглядов монгольских революционеров, директор Музея В. И. Ленина в Улан-Баторе Ж. Р о о з о н — Из практики работы Музея В. И. Ленина по интернациональному воспитанию трудящихся, а также старший научный сотрудник Института востоковедения АН МНР, чл.-корр. АН МНР Н. И ш ж а м ц.

В докладах и сообщениях большое внимание было уделено анализу ленинской теории развития ранее отсталых стран по пути социализма, минуя капиталистическую стадию, и воплощению ее в жизнь на примере

Монголии. Ученые МНР подробно раскрыли роль помощи СССР в строительстве социализма в своей стране.

Делегацию советских ученых и руководителей научных учреждений МНР принял Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбал, который рассказал о праздновании 60-летия образования СССР в МНР и современных проблемах социалистического строительства в республике.

Участие ученых СССР в работе конференции способствовало дальнейшему укреплению научного сотрудничества двух стран.

Ю. Огнев

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

ХИТЦЕР Ф. *Под именем доктора Иорданова: Ленин в Мюнхене*. Пер. с нем. М. Политиздат. 1981. 446 с., илл.

Создание в России революционной пролетарской партии проходило в особых, исключительно трудных условиях. В стране отсутствовали демократические свободы. Рабочий класс жестоко эксплуатировался и не имел политических прав. Полицейские репрессии, которым подвергались революционеры, вынудили В. И. Ленина дважды эмигрировать. Германия, Англия, Швейцария, Франция, Австро-Венгрия — в этих странах он прожил около 15 лет. Документальных источников об отдельных периодах его жизни и деятельности за границей, в частности в Германии, сравнительно мало. Обнаруженные новые документы или открытые новые факты представляют поэтому большую ценность.

Как известно, мюнхенский период эмиграции Ленина (август 1900 — март 1902 гг.) имел важное значение в развертывании организационной работы по объединению разрозненных сил российской социал-демократии и созданию революционной пролетарской партии. В Мюнхене находилась главная часть редакции «Искры». В этом городе Ленин теоретически обосновал разработанный ранее план организационного построения такой партии. Здесь им были написаны работы «Насушные задачи нашего движения», «С чего начать?», «Аграрный вопрос и «критики Маркса», «Что делать?», «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии» и многие другие. В Мюнхене были заложены прочные основы организационно-технического аппарата «Искры»: налажено издание газеты (а в Штутгарте — журнала «Заря»), получили развитие многочисленные связи Ленина и редакции «Искры» с ее агентами и социал-демократическими организа-

циями, начали функционировать нелегальные транспортные пути по перевозке искровских изданий в Россию. Руководимая Лениным редакция газеты стала идеологическим и организационным центром создания революционной пролетарской партии и подготовки II съезда РСДРП.

Сказанным объясняется тот интерес, который проявляют советские и зарубежные исследователи к жизни и деятельности Ленина в эмиграции, в частности в Мюнхене¹. Это подтверждает и книга западно-германского публициста Фридриха Хитцера «Ленин в Мюнхене. Документы и факты», изданная в 1977 г. баварским Обществом содействия развитию отношений между Федеративной Республикой Германии и Советским Союзом. В русском переводе она получила название «Под именем доктора Иорданова». Используя ленинские произведения, письма, переписку редакции «Искры», воспоминания, архивные материалы и другие источники, автор создал обстоятельное исследование о мюнхенском периоде жизни и деятельности Ленина.

Ф. Хитцер исследовал деятельность Ленина в Мюнхене на широком фоне общественной жизни Баварии, показал роль этого города в развитии немецкого социал-демократического движения со времен «Искры» до образования Баварской Советской республики (1919 г.). На основе документальных данных и воспоминаний многих видных общественных деятелей того пе-

¹ Streb X. Lenin in Deutschland. Brl. 1960; Donath F. Auf Lenins Spuren in Deutschland. Brl. 1970; Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтanova И. И. Ленин в Мюнхене. М. 1976; и др.

риода автор знакомит читателей с Мюнхеном начала века, поясняя при этом, что Ленин не случайно остановил свой выбор на этом городе. Тогда столица Баварии отличалась от столицы Германской империи — Берлина более либеральными порядками. Там нашли приют многие эмигранты: среди литературной, художественной и преимущественно критически настроенной интеллигенции 70% происходили из небаварских городов империи, 18% прибыли из-за границы, прежде всего из Восточной и Юго-Восточной Европы (с. 26). В городе имелось 3500 различных кружков и союзов, представлявших широкие возможности для творческой и общественной деятельности, работало около 30 издательств, выходило более 30 журналов (с. 27). В высших учебных заведениях Мюнхена, где существовали более демократические порядки, чем в университетах России, обучалось большое число русских студентов, в среду которых проникали социал-демократические идеи. Автор приводит интересные сведения из полицейских донесений о жизни русского студенчества, его связях с немецкими социал-демократами (с. 305—311).

В начале века в этом городе проходили крупнейшие во всей Германии демонстрации и митинги, направленные против прусского закона о цензуре. В 1902 г. здесь состоялся съезд Социал-демократической партии Германии, в адрес которого поступили приветствия «Искры» и «Зари» от имени «Лиги русской революционной социал-демократии» и других социал-демократических организаций России (с. 98). В книге подчеркивается то внимание, которое Ленин уделял развитию немецкого социал-демократического движения, в становлении которого немалую роль сыграл рабочий класс Мюнхена. обстоятельно исследовал автор подготовку издания «Искры» в Германии, большую помощь, которую оказали Ленину немецкие социал-демократы К. Цеткин, К. Леман, Г. Рау, И. Дитц и другие.

Упомянув о количестве номеров «Искры», отпечатанных в Лейпциге и Мюнхене, Ф. Хитцер пишет, что № 1 «Искры» был издан в типографии Г. Рау в Лейпциге, а последующие, по № 21 включительно, — в типографии М. Эрнста в Мюнхене (с. 201 и др.). Эти сведения, не подвергавшиеся ранее сомнению, почерпнуты им из литературы. Однако автору этих строк удалось установить, что №№ 1—5 «Искры» были изданы в Лейпциге, а №№ 6—21 — в Мюн-

хене². Это обстоятельство имеет существенное значение для правильного понимания работы редакции «Искры» в условиях конспирации, которая требовала размещения первой искровской типографии и ее редакции в разных городах. В книге анализируются опубликованные в «Искре» статьи, отмечается, что они явились вкладом в теорию марксизма-ленинизма (с. 205).

Немецкие социал-демократы оказывали помощь не только в постановке издательского дела «Искры», но и в хранении и транспортировке газеты и других искровских изданий. Эти связи были раскрыты немецкой тайной полицией. Значительное место в книге уделяется Кенигсбергскому процессу над немецкими социал-демократами (1904 г.). Одним из мотивов привлечения их к суду было предъявление им обвинения в организации транспортировки искровских изданий в Россию. На процессе были представлены номера «Искры» и «Зари». Не найдя достаточных улик, суд вынужден был некоторых обвиняемых оправдать, а других приговорить к незначительным срокам заключения. Приводя официальные документы, относящиеся к процессу, автор расширяет сведения о характере помощи немецких социал-демократов «Искре» (с. 252—284).

Детально характеризует Ф. Хитцер обстановку, царившую в Мюнхене в период деятельности редакции «Искры». Известно, что в целях борьбы с противниками самодержавия департамент полиции распространял свою агентуру далеко за пределы России, в том числе и в Германию. Автор подчеркивает, что правительства Германии и России в этой борьбе выступали совместно на основе тайного соглашения (с. 105). Используя материалы мюнхенской полиции, он попытался выяснить, насколько был известен Ленин полицейским органам Германии, и пришел к выводу, что ни фамилия Ульянов, ни его псевдонимы в германском розыском листе, который выходил до 1914 г., не значатся, что Ленин тщательно продумывал меры конспирации (с. 134), и тайная полиция ничего не знала о его проживании в Мюнхене (с. 324).

Однако активная работа редакции «Искры» не могла остаться незамеченной заграничной агентурой департамента полиции и немецкой тайной полицией. В книге приводится запрос, который сделали 6 авгу-

² См. Вопросы истории, 1976, № 11, с. 199—203.

ста 1901 г. германские власти по поводу пребывания в стране лиц, подозреваемых в принадлежности к изданию «Искры» (с. 230). Заметим, что первые сведения о надвигавшейся со стороны охранки угрозе всему издательскому делу «Искры» в Германии редакция газеты получила в июне — июле 1901 г. из Петербурга от искровца С. И. Радченко³. В конечном итоге, чтобы избежать ареста и разгрома, редакция, а затем и ее типография переместились в Лондон.

Большую работу по выявлению новых документов о Ленине Ф. Хитцер провел в баварских архивах. Ему удалось найти подлинник листа прописки, в котором значился адрес д-ра Иорданова в Мюнхене — Зигфридштрассе 14/II (с. 184) — и установить, что по документам Иорданова действительно жил Ленин, хотя личность болгарина Иордана К. Иорданова продолжает оставаться невыясненной. Автор рассказывает об истории поиска листа прописки, заполненного Лениным на основании болгарского паспорта, и приводит доказательства достоверности этого документа (с. 183—186). Интенсивно занимаясь научной работой, Ленин посещал Баварскую королевскую библиотеку. Ф. Хитцер опубликовал автограф Ленина, обнаруженный в регистрационной книге библиотеки (с. 185), с указанием адреса, по которому он был прописан.

³ См. Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. Т. I. М. 1969, с. 179.

Подробно рассказано в книге о возвращении Ленина и других российских политэмигрантов через Германию в Петроград после свержения самодержавия, о той помощи, которую оказали им в этом немецкие и швейцарские социал-демократы. На основании документов и воспоминаний лиц, непосредственно участвовавших в организации выезда Ленина в Россию, Ф. Хитцер разоблачает лживые инсинуации буржуазной пропаганды об истории возвращения Ленина в Петроград (с. 356—360). Победа социалистической революции в России имела огромное значение для всех стран мира. Мюнхенские социал-демократические газеты выражали свои симпатии к Октябрьской революции и большевикам (с. 370). На документальных материалах исследует автор историю Баварской Советской республики, приводит тексты радиogramм, которыми обменивались Ленин и ее руководители.

В книге широко использованы воспоминания о Ленине его родных и близких. Автор выражает сожаление, что лица, знавшие Ленина по его жизни в Мюнхене (М. Эрнст, Г. Риттмейер, К. Леман, Р. Этцольд, А. Браун и др.), почти не оставили воспоминаний о Владимире Ильиче.

Историко-документальное исследование Ф. Хитцера имеет значительное научное и общественное значение. Оно обогащает историю жизни и деятельности Ленина мюнхенского периода ранее неизвестными фактами.

Ю. С. Уральский

CUBA y la defensa de la Republica española (1936—1939). Editora política. La Habana. 1981. 307 p.

Куба и защита Испанской республики (1936—1939)

История движения международной солидарности с республиканской Испанией привлекает внимание многих исследователей, а также участников национально-революционной войны в Испании. Этой важной теме посвящен сборник воспоминаний кубинских бойцов-интернационалистов, участвовавших в борьбе за свободу испанского народа. Книга подготовлена в Институте истории коммунистического движения и социалисти-

ческой революции на Кубе Р. Николау, возглавлявшим в 1936 г. по решению ЦК КП Кубы комиссию по мобилизации кубинских добровольцев в интербригады.

В книге собраны свидетельства более 40 кубинцев — участников национально-революционной войны в Испании. Документы, воспоминания современников, фотографии, приведенные в сборнике, свидетельствуют о силе пролетарского интернационализма.

Кубинские интернационалисты «на испанской земле вписали одну из самых прекрасных страниц в летопись пролетарского интернационализма,— писал Ф. Кастро.— Почти тысяча посланцев нашего народа сражалась с фашизмом в Испании... В этом прежде всего состоит заслуга нашей первой коммунистической партии, ее самый почетный и героический вклад в международное революционное движение» (с. 1). Компартия Кубы, сразу же после образования в Париже Международного координационного комитета помощи Испанской республике (август 1936 г.), приступила к оказанию эффективной помощи республиканцам¹. По всей стране коммунисты создали центры по мобилизации добровольцев. В итоге в интербригады было мобилизовано более 850 добровольцев, в том числе около 50 офицеров². Члены прогрессивных партий — Национальной аграрной партии, антиимпериалистической организации «Молодая Куба», возглавленной А. Гитерасом, видным деятелем национально-освободительного движения Кубы, «Организации аутентиков», отколовшейся от реформистской Кубинской революционной партии (аутентиков), оказали помощь коммунистам в мобилизации кадровых офицеров, а также студентов и рабочих.

Во введении к книге проанализирована связь этой кампании с внутривнутриполитическим развитием Кубы и сложным международным положением. Работа кубинских коммунистов по мобилизации добровольцев для защиты Испанской республики проводилась в обстановке, сложившейся после поражения буржуазно-демократической революции 1933—1935 гг., когда партия подвергалась полицейским преследованиям и находилась в подполье. Рабочий класс, студенчество, прогрессивная интеллигенция, левые партии и организации стремились отвоевать права и демократические свободы, попранные режимом Ф. Батисты, добиться легализации профсоюзов, амнистии тысячам политзаключенных и созыва Конституционной ассамблеи. Диктаторский режим не мог воспрепятствовать грандиозным манифестациям и митингам солидарности с испанским народом. Речи ораторов на митингах против франкизма воспринимались как выступления против режима Батисты. Защищать

испанских республиканцев в то время означало бороться за восстановление демократии и на Кубе (с. 4).

В сборнике подчеркивается, что помощь другим народам, борющимся за свободу, означает защиту свободы и интересов собственной нации. Участие добровольцев в военных действиях в Испании было частью борьбы их народов против фашизма, за свое существование. Разгромить фашизм в Испании означало нанести ему поражение в международном плане (с. 5). Из материалов сборника явствует, что интернационалистская помощь республиканской Испании осуществлялась в трех направлениях: политическом (проведение митингов, различные виды пропаганды), материальном (сбор денежных средств, продовольствия и одежды) и военном (отправка добровольцев на театр военных действий).

Собранные в книге свидетельства воссоздают героизм и самоотверженность кубинских бойцов-интернационалистов: П. Кандона, командира 1-й ударной мобильной бригады, получившего звание майора республиканской армии (с. 216), П. де ла Торрьенте Брау, политического комиссара бригады Кандона (с. 224—229), Р. Армаса, командовавшего «Сотней Гитераса» в составе батальона «Авраам Линкольн», майора Х. А. Вильясаны — командира одной из подводных лодок республиканской армии, павшего от рук батистовских агентов в 1955 г. (с. 179—184), и др. Многие кубинцы занимали высокие военные посты: майор Ф. Майдаган стал начальником штаба 67-й бригады, П. Перрас Хенер командовал 404-м батальоном, участвовал в штурме франкистских бастионов в Мадриде; супружеская пара А. Санчес Менендес и Э. Эрнандес получили звания майоров республиканской армии.

Корреспондент газеты американских коммунистов «Daily Worker» в Испании Д. Форд писал, что «Куба может гордиться своими сыновьями» (с. 250). Немало кубинцев отдали свои жизни на полях сражений с фашизмом в Испании. В письме Секретариата ЦК Компартии Испании кубинцам — членам интербригад от 4 марта 1938 г. говорилось, что их потери «еще более тесно связывают наши народы в совместной борьбе против угнетателей и врагов человечества» (с. 269). По словам военврача батальона «Авраам Линкольн» Л. Диаса Сото, самым его большим приобретением в Испании стало убеждение в дей-

¹ Noticias de hoy, 22.IV.1939, p. 7.

² Archivo Nacional, fondo especial, caja 4, № 197.

ственности пролетарского интернационализма (с. 269).

Документы, приведенные в сборнике, содержат свидетельства об эффективной моральной поддержке, оказанной кубинскими коммунистами республиканской Испании с самых первых месяцев национально-революционной войны. В письме Политбюро ЦК КП Кубы от 18 ноября 1936 г. содержался призыв ко всем, «кто симпатизирует испанскому народу, всем сторонникам культуры и прогресса, демократии и свободы, выступить против войны и фашистского варварства, активно бороться за свободу Испании». В документе давалась высокая оценка действий «СССР и его Коммунистической партии, которая прилагает большие усилия и обеспечивает наиболее эффективную помощь испанскому народу», воздавалось должное Французской компартии (с. 206), организовавшей, в частности, переброску добровольцев, в том числе и кубинских, в Испанию.

Страницы воспоминаний повествуют о боевых буднях бойцов-интернационалистов, о партийно-политической работе коммунистов среди личного состава бригад в промежутках между боями, пропагандистских передачах на переднем крае, которые вел Х. Марреро для солдат мятежников, собраниях, посвященных годовщине гибели Х. А. Мельи, встречах с Д. А. Сикейросом,

подполковником, командиром 46-й интербригады, уже известным в ту пору художником, Э. Хемингуэем, П. Робсоном, легендарной Пасионарией (с. 146, 162). Кубинские трудящиеся собирали продукты для бойцов республиканской Испании. Эту работу осуществляла Ассоциация помощи испанскому народу, возглавляемая Г. Альдерегия. В нее включились профсоюзы, общественные, спортивные, женские и молодежные организации, общества культуры, которые использовали свои собрания для сбора средств в помощь Республиканской Испании. В каждом номере газета кубинских коммунистов «Noticias de hoy» сообщала о количестве собранных продуктов и денежных суммах в постоянной рубрике «Сообщение Ассоциации помощи испанскому народу».

Авторы воспоминаний тепло отзываются о Розе Пасторе Леклер, которая по инициативе Ассоциации помощи детям испанского народа на Кубе организовала детскую колонию. В ней нашли приют и материнскую ласку многие маленькие испанцы, потерявшие родителей на фронтах национально-революционной войны (с. 277).

Сборник — ценное издание, пополняющее фонд опубликованных источников о национально-революционной войне испанского народа против фашизма и реакции.

Ю. Г. Беловолов

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Исторически преглед. София. 1982, № 5.

Людмила Живкова и болгарская историческая наука; В. Хаджиниколов. Историческое наследие академика Жака Натана; Ив. Стоянов. Политическая борьба и распад либеральной партии (июнь 1884 — август 1886 г.); Е. Михайлов. Киевская Русь (882—1132 г.); К. Венев. Политика сербского правительства во время русско-турецкой войны (1877—1878 гг.); К. Кирьяков. Книгопечатание в Рыльском монастыре; Ив. Недева. Американская историография о взаимоотношениях балканских государств (1944—1948 гг.); А. Тотев. Ценный документ по истори-

ческой этнической демографии Балканского полуострова; Г. Пырвев, Кр. Банев. Встреча Г. Цамблака с папой Мартином V на Констанцском соборе в 1418 г.

Bulgarian Historical Review. Sofia. 1982, № 3.

И. Димитров. Эволюция фашистской диктатуры в Болгарии (1934—1939 гг.); В. И. Косик. Создание министерства иностранных дел и установление Болгарским княжеством дипломатических контактов с Турцией, Сербией и Румынией; И. Митев. Гарибальди и Апрельское восстание; Д. Петков. Культы и мифы в Южной

Италии и Сицилии; К. Гардев. Болгарско-венгерские экономические отношения (1920—1940 гг.); П. Георгиев. К вопросу о локализации крепости Мундрага; Б. Бешевлиев. Итальянские картографы и изучение болгарских земель; С. Драганова. Государственные расходы в Дунайском вилайете в начале 70-х гг. XIX в.

Etudes balkaniques. Sofia. 1982, № 2.

С. Петров. Г. Димитров и народная демократия; М. А. Бирман. Г. Димитров — руководитель революционных профсоюзов Болгарии в 1904—1923 гг.; А. Кузманова. Отставка министра иностранных дел Румынии Н. Титулеску (29 августа 1936 г.); Д. Н. Каридис. Развитие городов на Балканах в XV—XIX вв. — Афины; П. Шрейнер. Образ болгар в период европейского средневековья; Р. Константеску. Об одной славянской формуле приема богомилов; К. Гиднева. Э. Хемингуэй на греко-турецкой войне 1919—1923 гг.; Р. Цветкова. Болгарская культурная среда и борьба за национальное освобождение Албании (конец XIX — начало XX вв.).

Századok. Budapest. 1982, № 4.

Л. Надь. Трансильвания и Тридцатилетняя война; Л. Лукач. Г. Фридеши и Дж. Гарибальди в 1866—1867 гг.; И. П. Варшаньи. Надькикинда (Кикинда) и Южная Венгрия весной 1848 г.; П. И. Хидаш. Венгрия под влиянием экономической политики австрийского режима в 1848—1853 гг.; Э. Тот. Pamфлет Лайоша Мочари, считавшийся утерянным. «Примирение».

Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin. 1982, № 6.

К. Добнас, Д. Ленц, Г. Соммерфельд. Профсоюзы и развитие связей между рабочим классом и научно-технической интеллигенцией (1971—1976 гг.); У. Хесс. Антифашистская стратегия и тактика КПГ (1922—1923 гг.); Б. Мальке. Вклад КПГ в разоблачение Коминтерном сути и функций фашизма в 20-х гг.; З. Козик. К 100-летию первой партии польского рабочего движения; Документы и материалы. Г. Эйслер в борьбе с администрацией США в 1946—1947 гг. (Ю. Шебера); Воспоминания. Л. Цаан. Эмигрантка во Франции и США; Б. Литц. Второй набросок «Капитала», полностью опубликованный в MEGA; М. Хундт. Один из участников Гамбахского праздника — член Союза Коммунистов; В. Ковальски. Пролетарские элементы в германском демократическом движении после Июльской революции; В. А. Ананьев. Германские интернационалисты в Оренбургской губернии; К. Ледневский. Экономические проблемы в коммунистической литературе Германии в 20 и 30-х гг.; Биографические очерки. Революционер-ленинец Владимир Михайлович Загорский (З. Беккерт).

Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Berlin. 1982, III.

О присуждении «премий Рене — Кучинского» в 1981 г.; Т. Малецка. Погашение американских займов и кредитов польским правительством (1919—1939 гг.); Г.-И. Рок. Территориально-структурные аспекты складывания районов с повышенной плотностью населения (1890—1940 гг.); З. Вегнер-Корфес. К истории бисмарковской политики в отношении русских ценностей в германских банках; Х. Шулльц. Развитие деревенского ремесла накануне промышленной революции. Факторы и значение «про-тоиндустриализации»; К. Шпадинг. Железные молоты в померанских округах Ясениц и Укермюнде в XVI в.; В. Бляйбер. Исследование взаимоотношений землевладения и торговли в районе между Луарой и Рейном в IX в.

Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1982, IV.

П. Рёслер. Управление народными промышленными предприятиями с 1945 до начала 1960 г.; Т. Шольц. Социальное происхождение и социальная среда (по материалам фарфоровой мануфактуры г. Мейсен 1882 г.); В. Валин. Развитие структуры датского общества от феодализма до монополистического капитализма (межклассовые отношения и взаимоотношения между городом и деревней); Я. Петерс. К вопросу о размерах крестьянской ренты в Шведской Померании; В. Хельд. Социальное происхождение и положение манфельдских горняков (I пол. XVI в.); В. Велков. Социально-экономическое и политическое развитие Северной Болгарии во времена Римской империи.

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin. 1982, № 12.

М. Кайзер, К. Клозе, У. Мюнх. Политика блоков СЕПГ (1955—1961 гг.); Ю. Ион. «Критика» фашизма в журнале «Der Arbeitergeber». К вопросу о политике ведущих объединений немецкой монополистической буржуазии в 1923/24—1932 гг.; Г. Гензекке, Г.-Э. Соннет. О профессиональной подготовке учителей истории; Г. Лангер. Будни войны и крестьяне. Замечания и дополнения к «Истории будней немецкого народа» Ю. Кучинского.

Anale de istorie. Bucureşti. 1982, № 6.

И. Попеску-Пуцурь. Призыв к созданию (IV); И. Чаушеску. От независимого и централизованного дакийского государства Буребисты до румынского социалистического государства. Единство и преемственность (II); М. Максим. Из истории румынско-османских отношений — «Капитуляции»; В. Никулае. Парламент — трибуна утверждения социалистического идеала в Румынии (1888—1899 гг.); Навстречу празднования 90-летия создания по-

литической партии рабочего класса Румынии. Развитие партии рабочего класса Румынии в 1893—1918 гг. (VII); Причины и роковые последствия установления фашистских реакционных режимов. Л. Гергели. Норвегия; Е. Кампус. Парижская мирная конференция 1946 г. и заключение мирного договора с Румынией (1947 г.).

Revista de istorie. București. 1982, № 9.

История и мир (Ш. Паску, Ф. Константиу); 350 лет восшествия Матая Басараба на валахский трон; Н. Стоическу. Борьба Матая Бринковени за трон в Валахии; К. Резачевици. Начало эпохи Матая Басараба и Василе Лупу в свете взаимоотношений между Османской империей и Трансильванией; Н. Циачир. Россия и революционные движения 1821 г. на Юго-Востоке Европы; Проблемы современной историографии. Замечательный синтез экономической истории новой и новейшей истории (А. Порцеану); Д. Бериндей. О характеристике программы румынской революции 1848 г.

Revista de istorie. 1982, № 10.

История и мир (Э. Кондураки, Т. Джорджеску); И. Якош. Значение конференции Партии рабочих Румынии (июнь 1898 г.); В. Циоцилтан. Борьба за контроль над Нижним Дунаем (1412—1420 гг.) (I); К столетию со дня смерти Дж. Гарибальди; Н. Лиу. Дж. Гарибальди — великий итальянский патриот, борец за свободу народов и сторонник мира; Д. Бериндей. Дж. Гарибальди и румыно-итальянские отношения в эпоху Рисорджименто; Ш. Делуреану. Румыны на стороне Дж. Гарибальди во время экспедиции «тысячи»; 23 августа 1944 г. в воспоминаниях германского генерала (Ф. Константиу).

Revista de istorie. 1982, № 11.

История и мир (Ш. Штефанеску, Дж. И. Ионица); В. Будрига. Из истории антифашистской борьбы РКП (1935—1937 гг.); В. Циоцилтан. Борьба за контроль над Нижним Дунаем (1412—1420 гг.) (II); М. Попа. Наполеоновская континентальная блокада; Р. Циобану. Начало инквизиции; Ц. Шербан. Из истории пиротехники в Молдавии в конце XVIII в.; А. В. Дица. Уточнение относительно секретной ноты Константина Бранкована.

Ceskoslovenský časopis historický. Praha. 1982, № 6.

К. Герман. Шестьдесят лет СССР; М. Бауерова. Заводы Шкода — Пльзен в период борьбы рабочего класса за национализацию; Т. Войтех. Чешская буржуазная историография о своем развитии (Попытка критической реконструкции), (ч. I); Ю. Кржижек. Некоторые проблемы исторических исследований.

Historický časopis. Bratislava. 1982, № 5.

С. Цамбел. 60 годовщина образования СССР; Ю. А. Поляков. Некоторые вопросы переходного периода от капитализма к социализму в СССР; М. Госиоровски. Непосредственное влияние Великой Октябрьской социалистической революции на возникновение Чехословакии; Л. Голотик. Отклики на Великую Октябрьскую социалистическую революцию в Словакии (1917—1921 гг.); Б. Глава. Ленинская аграрная программа до Великой Октябрьской социалистической революции; Д. Чирна-Лантайова. Методологические исходные позиции для изучения истории возникновения и развития мировой социалистической системы.

Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Řada historická. Series historica. Brno. 1982. XXXI, с. 29.

К юбилею Б. Шиндлера; Б. Черешняк. Ленинизм и революционное рабочее движение на чешских землях; И. Малирж. К содержанию понятия «чехословацкая история»; И. Доровски. Путевые записки Константина Иречека как источник по истории южных славян; Я. Кудрна. К типологии буржуазной историографии в первой половине XIX в.; Я. Колейка. Австрийская империя весной 1849 г.; Я. Янак. Дж. Вудвард — один из первых фабрикантов текстильных машин в Австрийской империи; В. Вашку. Подтверждение привилегий альтбруннского женского доминиканского монастыря в XVIII в.; Ф. Хейл, Р. Фишер. Торговля восточно-словацкого города с границей в период антигабсбургских восстаний; М. Маречкова. Восточнославянский город во время восстания Бетлена; Р. Пражек. Путешествия венгерских гуманистов — церковных реформаторов в чешские земли накануне Тридцатилетней войны; Я. Крейчикова. Внутренние отношения соборного капитула в годы бранденбургского господства; М. Флодр. Из истории кампанологической литературы (Теофилий).

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Алпатов М. В. Этюды по всеобщей истории искусств. Западноевропейское искусство. Русское и советское искусство.— М., 1979.—287 с. Рец.: Вепла К.—*Umění, Praha*, 1982, č. 1, s. 86.

Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881—1904.— М., 1980.—239 с. Рец.: Массеу D. A. J.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 281—284.

Балашова Н. А. Российский либерализм начала XX века: (Банкротство идей «Моск. еженедельника».— М., 1981.—182 с. Рец.: Ферент С.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 284—286.

Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов.— Минск, 1979. Т. 4. Социально-политическая история и культура Белоруссии 1-й половины XIX в. Отечественная война 1812 г. /Сост.: Чепко В. В., Шатилло В. В.—376 с. Рец.: Орловский D. G.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 278—279.

Берзина С. Я., Куббель Л. Е. История Африки: Хрестоматия /Сост. М., 1979.—383 с. Рец.: М. Т.—*Przegląd historyczny, Warszawa*, 1982, t. 72, z. 4, s. 784—785.

Бирма и Китай: (Пробл. взаимоотношений). Сб. ст. /Редкол.: Васильев В. Ф. (отв. ред.) и др.— М., 1982.—197 с. Рец.: *Sprawy międzynarodowe, Warszawa*, 1982, № 8—9, s. 181—182.

Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века /Сост. Дубинская Л. Г.; под ред. Левшина Б. В.— М., 1980.—271 с. Рец.: Scheidegger G.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 272—274.

Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: Соц.-экон. проблемы.— М., 1980.—342 с. Рец.: К. С.—*Przegląd historyczny, Warszawa*, 1982, t. 72, z. 4, s. 786.

Вздорнов Г. И. Исследование о киевской Псалтири.— М., 1978.—171 с. Рец.: Stichel R.—*Byzantinoslavica, Praha*, 1981, č. 2, s. 221—224.

Внешняя политика стран Африки /Отв. ред. Громыко Анат. А. и др.— М., 1981.—333 с. Рец.: Poláček J.—*Nový Orient, Praha*, 1982, č. 5, s. 159—160.

Гросул В. Я. Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980.—336 с. Рец.: Н. Н.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 309—310.

Из древнейшей истории балтских народов: (По дан. археологии и антропологии) /Редкол. Мигуревич Э. С. (отв. ред.) и др.— Рига, 1980.—139 с. Рец.: J. T.—*Przegląd historyczny, Warszawa*, 1982, t. 72, z. 4, s. 783.

Источниковедение отечественной истории: Сб. статей /Редкол.: Буганов В. И. (гл. ред.) и др.— М., 1980.—277 с. Рец.: D. B.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 307—308.

Маньков А. Г. Уложение 1649 года— кодекс феодального права России.— Л., 1980.—271 с. Рец.: Neyhauser H.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 271—272.

Разрядка против антиразрядки: Некоторые вопр. борьбы КПСС против подрыва разрядки агрессив. силами /Деборин Г. А. (руководитель) и др. М., 1982.—271 с. Рец.: *Sprawy międzynarodowe, Warszawa*, 1982, № 8—9, s. 185—186.

Сапронова Н. Т. Великая Октябрьская социалистическая революция и учительское движение в Болгарии (1917—1923).— Воронеж, 1981.—198 с.— Рец.: Радева М.—*Исторически преглед, София*, 1982, кн. 7, с. 131—134.

Славянские древности: Этногенез, матер. культура древ. Руси. Сб. науч. тр. /Редкол.: Корольюк В. Д. (отв. ред.) и др.— Киев, 1980.—166 с. Рец.: Schramm G.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 261—265.

Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.): Сб. статей /Редкол.: Корольюк В. Д. (отв. ред.) и др.— Кишинев, 1980.—256 с. Рец.: Ambruster A.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1981, Bd. 30, H. 2, S. 298—299.

Тер-Авакимова С. А. Армяно-русские отношения в период подготовки персидского похода.— Ереван, 1980.—127 с. Рец.: Oswald J.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 274—275.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки соц.-полит. истории.— Л., 1980.—256 с. Рец.: Russ H.—*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden*, 1982, Bd. 30, H. 2, S. 266—268.

Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX века.— М., 1979.—336 с. Рец.: Милојевић Д.—*Историјски часопис, Београд*, 1980, кн. 27, с. 295—297.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора.— М., 1980.—215 с. Рец.: Tinnefeld F.—*Byzantinoslavica, Praha*, 1981, č. 2, s. 217—219.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в октябре 1982 года.

Хроникальные заметки

◆ Общество историков ГДР, Совет по исторической науке и Центральный институт истории АН ГДР явились организаторами VII конгресса историков ГДР, состоявшегося в декабре 1982 г. в Берлине. В работе конгресса приняли участие ученые Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии, Австрии, ФРГ и Швеции. Вступительное слово произнес председатель Общества историков Г. Шеель. От Международного комитета исторических наук выступила его генеральный секретарь Е. Арвейлер (Франция), от Национального комитета историков Советского Союза — акад. С. Л. Тихвинский. Заглавный доклад сделал председатель Совета по исторической науке Э. Диль. На пленарном заседании было заслушано 14 докладов. Дальнейшая работа проходила в 12 секциях: истории строительства социализма в ГДР (1 и 2), социалистических революций в странах Европы (3), древней истории, археологии и этнографии (4), феодализма (5 и 6), капитализма (7, 8 и 9), фашизма (10), национально-освободительного движения (11), рабочего движения (12). На заседании Общества историков его президентом был переизбран вице-президент АН ГДР Шеель. На заключительном пленарном заседании выступил член Политбюро и секретарь ЦК СЕПГ К. Хагер.

◆ Итоги новейших исследований по движению Сопротивления и фашистским режимам обсуждались в Центральном институте истории АН ГДР (январь 1983 г., Берлин). Были рассмотрены причины и последствия установления нацистского режима в 1933 г., роль КПГ в антифашистской борьбе. Директор института Х. Бартель сделал доклад об актуальности исследований по истории фашизма, В. Виммер и В. Бартель — о месте КПГ в европейском Сопротивлении, К. Госсвайлер и И. Петцольд — об участии немецкой крупной буржуазии в организации падения Веймарской республики и установлении фашистской диктатуры. Об иных аспектах проблемы говорили О. Грёлер, Х. Хёрниг, К. Петцольд и В. Руге.

◆ Секция истории Гумбольдтовского университета (Берлин) провела в январе 1983 г. в Эгсдорфе коллоквиум на тему «Реакция европейских государств и США на установление фашистской диктатуры в Германии». Его участники касались откликов на события 1933 г. в Германии, имевших место в СССР, капиталистических странах (в правительствах и в ряде компартий), а также оценки этих откликов в свете современной международной обстановки.

◆ Историки культуры, специалисты по реставрации и сохранению исторических памятников и искусствоведы из 10 стран в ноябре 1982 г. провели в Дрездене (ГДР) международный коллоквиум по памятникам, пострадавшим в годы второй мировой войны. Работу коллоквиума открыл президент Международного комитета по охране па-

мятников М. Паран (Франция). С заглавным докладом выступил президент Национального комитета по охране памятников ГДР Л. Дайтерс, затронувший соответствующие вопросы в основном применительно к историческим памятникам Берлина, Дрездена, Потсдама и Лейпцига.

◆ В Линце (Австрия) в январе 1983 г. состоялась научная конференция на тему «Марксизм и историческая наука», проведенная прогрессивной общественностью в рамках «Года Карла Маркса». Тематический доклад сделал Э. Хобсбаум (Англия). С проблемными докладами выступили Х. Хайцер и В. Кюттлер (ГДР), Ф. Вебер и Г. Штайнер (Австрия), Х. Грабер (США). В прениях рассматривались такие проблемы, как результаты последних работ по теории марксизма и методологии исторических исследований, новейшей марксистской историографии в отдельных странах, применения марксистской теории к истории освободившихся стран. В работе конференции приняли участие свыше 100 ученых из 22 стран, включая Болгарию, Венгрию, СССР и Чехословакию.

◆ Во Франции издается литературное наследие Ш. де Голля, собранное в сериях «Очерки», «Воспоминания», «Размышления», «Статьи», «Письма, заметки и записные книжки». В последней увидели ранее свет тома за 1905—1918 и 1919—1940 годы. Сейчас опубликованы еще два тома, по май 1943 года (Ch. de Gaulle. Lettres, notes et carnets. Juin 1940—Juillet 1941. Paris. Plon. 1981. 521 p.; Juillet 1941—May 1943. 1982. 652 p.).

◆ Французский вольноопределяющийся в первую мировую войну Андре От служил после нее в оккупационных войсках, находившихся в Болгарии, а в 1927 г. опубликовал свой дневник этой службы. Теперь он переиздан с авторскими дополнениями, охватывающими события по 1978 г. (A. Ott. Témoignages sur la Bulgarie. Paris. Editions Albatros. 1979. 192 p.).

◆ Используя малонизвестные архивные источники — личные свидетельства участников первой мировой войны, французский историк Жан-Жак Беккер анализирует отношение к этой войне различных слоев французского общества — классов, партий, церкви, властей, представителей разных профессий, полов и возрастов, приводя обильные выдержки из документов какого-то одного города или департамента (J. - J. Becker. Les Français dans la Grande guerre. Paris. Robert Laffont. 1980. 317 p.).

◆ В 1770 г. впервые было напечатано сочинение аббата Г. Рейналя «Философская и политическая история торговли и заведений европейцев в Обеих Индиях», сыгравшее важную роль в борьбе против старого режима во Франции и против рабства в ее колониях. Переиздание этого сочинения под редакцией и с примечаниями Ива Бено снабжено вводной статьей, которая характеризует историческое место этой работы,

прославленной энциклопедистами (G. Th. Raynal. *Histoire philosophique et politique des Deux Indes*. Paris. Francois Maspero. 1981. 382 p.).

◆ В Инсбруке (Австрия) состоялся в сентябре 1980 г. Международный симпозиум по истории испано-австрийских отношений первой половины XIX века. Увидели свет его материалы под общей редакцией профессора Инсбрукского университета Вольфрама Крёмера. Это — тетрадь 52 серий трудов по культуроведению, публикуемых этим университетом (*Spanien und Österreich 1800—1850*. Innsbruck. IGP. 1981. 126 S.).

◆ Коллектив норвежских социологов, публицистов, экономистов, историков, преподавателей и политических деятелей во главе с Тором Бьёрклундом и Бернтом Хагветом освещает в сборнике статей различные аспекты новейшей истории и современной деятельности партии Хейре (*Høyrebølgen — epokeskifte i norsk politik?* Oslo. H. Aschehoug. 1981. 451 s.).

◆ Одна из страниц истории норвежского профсоюза моряков — его борьба за право на Тайный фонд норвежской миссии морской торговли в 1944—1954 гг. — освещена публицистом и профсоюзным функционером Лейфом Ветлесеном (*L. Vettlesen. Reis ingen monumenter*. Oslo. Gyldendal norsk forlag. 1981. 238 s.).

◆ При университете в Осло (Норвегия) действует Американский институт. В публикуемой им серии книг о норвежско-американских отношениях увидел свет подготовленный Ингрид Семмингсен и Пером Сейерстедом сборник статей о скандинавских переселенцах в США. Авторы — вузовские преподаватели из Норвегии, Швеции, Финляндии, Англии и США — освещают период с середины XIX в. до 1970-х годов (*Scando-Americana Papers on Scandinavian Emigration to the United States*. Oslo. AIUO. 1980. 213 p.).

◆ Институт социальной антропологии при университете Бергена (Норвегия) издает серию трудов «Очерки африканской саванны». Выпуском 20 в ней явилась работа Ехана Хелланда о пастушеском хозяйстве: его теории, истории возникновения на земном шаре, развитии после второй мировой войны в Эфиопии и Кении (*J. Helland. Five Essays on the Study of Pastoralists and the Development of Pastoralism*. Bergen. NAID. 1980. 225 p.).

◆ Преподаватель Сомерсетского колледжа (Англия) Тони Бирн написал работу об истории, структуре и деятельности местных органов власти в Англии, Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии после 1945 года. Отдельные главы посвящены Лондону и Сомерсету (*T. Burre. Local Government in Britain*. Harmondsworth. Penguin Books. 1981. 347 p.).

◆ Английский публицист Пьер Брендон, специализирующийся на написании биографий известных англичан конца XIX — начала XX в., в своей новой книге рассказывает о жизни и деятельности газетного магната лорда Нортклиффа, дипломата Артура Джеймса Бальфура, суфражистки

Эмелин Панкхёрст и участника колониальных войн, организатора движения бойскаутов генерала Р. Бэйдена-Пауэлла (*P. Bredon. Eminent Edwardians*. Harmondsworth. Penguin Books. 1981. 255 p.).

◆ Смысл названия монографии американского античника Тимоти Барнса «Новая империя Диоклетиана и Константина» заключается в том, что он, опираясь на максимум известных науке источников, стремится показать принципиальное политико-административное отличие Римской империи конца III — начала IV в. от предшествовавшего ей государства как результат социально-экономического кризиса III века (*T. D. Barnes. The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge (Mass.). HUP. 1982. 305 p.).

◆ Австралийский публицист Уорд Макнэли написал биографию немецкого этнографа Теодора Георга Генри Штрелова, ставшего одним из видных представителей современной австралийской этнологии (*W. McNally. Aborigines, Artefacts and Anguish*. Adelaide. Lutheran Publishing House. 1981. 208 p.).

◆ Чарльз О'Хара Бут был в первой половине XIX в. британским военным администратором в разных городах Тасмании. Он вел дневник, считающийся ныне одним из уникальных источников по истории острова. Дора Хиэрд из государственной библиотеки в Хобарте издала этот дневник со своим источниковедческим введением (*The Journal of Charles O'Hara Booth, Commandant of the Port Arthur Penal Settlement*. Hobart. THRA. 1981. 298 p.).

◆ Книгу о прошлом и настоящем аборигенов Тасмании написал преподаватель Гриффитского университета в Австралии Линдэл Райен (*The Aboriginal Tasmanians*. St. Lucia. UQP. 1981. 315 p.).

◆ Деятельность австралийских профсоюзов в разных сферах хозяйства, их отношения с властями, участие в общественной жизни страны, структура и эволюция за 1970-е годы — тема исследования, осуществленного австралийской публицисткой Кэтрин Коул в сотрудничестве с другими авторами (*K. Cole e. a. Power, Conflict and Control in Australian Trade Unions*. Ringwood. Penguin Books. 1982. 309 p.).

◆ Австралийский политический деятель Барри Джонс характеризует на основе статистических данных по Австралии за последний век с небольшим, какое влияние на историю местного общества оказывал прогресс промышленности и технологии. Главное внимание он уделяет 1970-м годам (*B. Jones. Sleepers, Wake!* Melbourne. Oxford University Press. 1982. 285 p.).

◆ При реконструкции средневековой Черной башни в Ческе-Будеёвице найден ящик с пергаментом 1551 г., содержащий именной список членов городского совета, а также деньги XVI—XIX вв., часть которых была там спрятана в 1809 году.

◆ Последнее исследование средневековых слоев Старого Места в Пражском граде дало, среди прочих находок, серьги, выполненные в виде малой грозди винограда.

Они датируются IX в. и созданы мастером из Великой Моравии.

◆ В Обуде (Венгрия) раскопаны руины здания III — IV веков. Его владельцем было римское должностное лицо, жившее на дороге, которая связывала лагерь легионеров с населенным пунктом Аквинк.

◆ Раскопки в предместье Берлина выявили остатки славянской материальной культуры III — IV веков. Из трех колодцев извлечены керамика и кости домашних животных. Обнаружены следы поселения, в котором обитали земледельцы и скотоводы.

◆ Между Дрозой и Вульфеном (округ Кётен, ГДР) найдена урна для хранения зерна, закрываемая сбоку глиняной пластинкой, висящей на пруте, вдетом в ушки урны. Она извлечена из захоронения эпохи раннебронзового века (III тыс. до н. э.). В то время подобные сосуды имели хождение во всей Центральной Европе.

◆ В I тыс. до н. э. на месте современного итальянского г. Катандзаро находился древнегреческий поселок Скиллетий. В I тыс. н. э. его сменила римская крепость Сколаций. Изучение культурных слоев той эпохи привело к открытию на площади в 30 га следов обоих старинных селений. Среди находок — две мраморные скульптуры греческой работы. Намечено расширить раскопки, превратив отреставрированную виллу в музей.

◆ В Риме на Капитолии при расчистке старых зданий выявлена система колодцев и каналов, служившая для снабжения водой кварталов, возведенных еще в эпоху, к которой, по преданию, относится деятельность первых потомков Ромула.

◆ На берегу итальянского оз. Вивероне севернее Турина обнаружен свайный поселок бронзового века, состоявший из 60 строений. В нем обитало до 500 жителей. Два меньших селения образовывали его «предмесья». Среди находок — вазы, миски, кубки, пряжки с геометрическим орнаментом, относящиеся к подкультуре Террамаре культуры Ремеделло.

◆ Завершено предварительное археологическое исследование фессалоникского некрополя VI — V вв. до н. э. Из 121 могильника извлечена масса бронзовых, железных, глиняных, золотых и серебряных предметов — утварь, женские украшения, лицевые маски, оружие. Эти находки характеризуют время греко-персидских войн и отражают культуру не столько местного, македонского, сколько пришедшего с юга, аттического населения. Там же выявлены руины античного театра, возведенного в IV в. до н. э. и связанного со строительством, развернутым при царе Филиппе II, отце Александра Македонского.

◆ Изучение культурных слоев Коринфа, относящихся к середине I тыс. до н. э., показало, что потреблявшаяся горожанами рыба была не только средиземноморского, но и атлантического происхождения. Она мариновалась или солилась рыбаками Пиренейского п-ова, помещалась в амфоры и доставлялась на кораблях в Элладу. Осколки тысяч таких амфор использовались как настил во внутренних дворах коринфских домов.

◆ Систематическое обследование пещер в р-не испанского г. Альтамира, где находятся образцы древнейшей в Европе настенной живописи каменного века, привело к новой находке: обнаружен известняковый жертвенник вышиной 75 см со статуэткой вдвое меньшего размера, изображающей доисторического Януса. Одно его лицо — мужское, бородатое; другое — звериное; они разделены природной трещиной в камне, обработанном первобытным художником. Найдено около 14 тыс. лет.

◆ Раскопки в Лондоне вдоль берега Темзы позволили выявить сточные каналы и двориче позднебронзового или раннего железного века. Подтвердилось предположение, что люди жили в этом месте еще за несколько тысяч лет до н. э.

◆ В 1667 г. у юго-восточных берегов Исландии потерпел крушение голландский корабль «Varren van Amsterdam» с экипажем в 300 человек, имея на борту 43 бочонка с золотом и 4 бочонка с алмазами. Он обнаружен под 15-метровым слоем наносного песка, намытого волнами с языков глетчера. Ведутся расчистные работы.

◆ В египетском оазисе Дахла при расчистке захоронения I в. до н. э. найдены пять деревянных саркофагов с выполненными при помощи цветных красок портретами фаюмского типа.

◆ В селении Кафр-эль-Габель (Египет) неподалеку от Гизской пирамиды обнаружено святилище XIII в. до н. э., возведенное в честь бога мудрости Тота. Его стены и колонны покрыты иероглифами.

◆ Очередная экспедиция норвежского путешественника Т. Хейердала, изучающего в настоящее время древние культуры Индийского океана, обнаружила в джунглях одного из южных островов Мальдивского архипелага следы цивилизации, существовавшей тут до н. э. и генетически связанной с культурой верхних слоев Хараппы и Мохенджо-Даро в долине р. Инд. Главная из находок — храм Солнца, возведенный в виде пирамиды, декорированной кораллами.

◆ Возле японского г. Сакураи (префектура Нара) расчищен деревянный храм VII в. н. э. Он функционировал вплоть до конца I тыс., когда был уничтожен пожаром.

КРЕПОСТНОЙ ТРУД НА СЕРПУХОВСКОЙ МАНУФАКТУРЕ КИШКИНЫХ В 30—40-е ГОДЫ XVIII ВЕКА

Характерной особенностью развития мануфактур в России являлось использование на них труда крепостных. В 30—40-е годы XVIII в. численность крепостных работников резко возросла. Как установлено в литературе, произошло это в результате создания указом 1736 г. категории «вечноотданных» работников, закрепленных с их потомством за мануфактуристами, а также за счет покупки к предприятиям деревень по указу 1744 года¹.

Изученные нами материалы Серпуховской крепостной конторы² позволяют дополнить существующие представления о путях формирования крепостной рабочей силы в мануфактурной промышленности России второй четверти XVIII века.

Во второй половине 30-х годов в Серпухове возникли первые парусные мануфактуры. К середине столетия крупнейшей среди них стала мануфактура братьев Кишкиных, основанная их отцом Григорием в 1737 году. Среди материалов Серпуховской крепостной конторы второй четверти XVIII в. имеется восемь записей о найме работников Г. Кишкиным и его сыновьями. В сентябре 1736 г. Г. Кишкин нанял на 3 года серпуховского купца С. Хотунцова «к продаже... откупным разным питьям», а в 1742 г. — одного работника на свой винокуренный завод, а другого «для изучения торгового промыслу... в москотильном ряду сидет в лавке». Еще десять работников были наняты в 1737, 1739, 1743 и 1747 гг. на сроки от года до пяти лет. Их обязанности указаны очень неопределенно: «жить в доме ево», «всякую работу работать», «всякую домовную и другую надлежащую работу работать»³, т. е. функции этих лю-

дей, вероятно, сводились к работе по дому и обслуживанию торговых промыслов хозяина. Сведений же о нанятых для работы на мануфактуре Кишкиных выявить не удалось.

По переписи 1737—1739 гг. на предприятии Г. Кишкина числилось 248 «вечноотданных»⁴. Вероятно, с 1736 г. на нем применялся в основном труд этой категории работников, хотя использовался и наемный⁵. Определить соотношение обоих видов труда на мануфактуре в последующие годы не позволяет отсутствие в источниках прямых данных о численности наемных работников. Однако в литературе была предпринята попытка косвенного подсчета общего числа работников у Кишкиных в середине 40-х годов XVIII века. Так, Е. И. Заозерская, учитывая, что для обслуживания каждого из 100 станков, имевшихся у них, требовалось по четыре работника, и зная, что в это время на предприятии трудилось 60 «отданных» работников, пришла к выводу, что Кишкины в значительных размерах эксплуатировали наемный труд даже в то время, когда численность крепостных работников на текстильных мануфактурах в целом резко возросла⁶.

Материалы Серпуховской крепостной конторы свидетельствуют, что на предприя-

л. 1 об.; д. 10202, л. 10; д. 10229, л. 7 об.; д. 10239, л. 24 об.

⁴ См. Курицын И. С. Формирование рабочей силы на текстильных мануфактурах в XVIII в. В кн.: Исторические записки. Т. 5, 1939, с. 172.

⁵ Известны данные о том, что в конце 30-х годов XVIII в. на предприятии Кишкина работало 40 человек с паспортами (см. Заозерская Е. И. Ук. соч., с. 257).

⁶ См. Заозерская Е. И. Ук. соч. с. 263, 253. Следует учитывать, что подобный подсчет численности работников предприятий не мог быть вполне надежным, поскольку часто не все станы действовали. При осмотре серпуховских мануфактур в ноябре 1748 г., например, выявилась неполная их загрузка (см. Курицын И. С. Ук. соч., с. 151).

¹ См. Заозерская Е. И. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х годах XVIII в. М. 1960, с. 253.

² ЦГАДА, ф. 615, оп. 1, ч. 2, дд. 10198, 10229, 10234, 10237—10239, 10241, 10243.

³ Там же, д. 10201, лл. 104 об.—105; д. 10221, л. 23 об.; д. 10198, л. 30 об., д. 10209,

тии Кишкиных, помимо «отданных», имелись и другие категории крепостных работников. Так, в качестве одного из способов обеспечения своего предприятия рабочей силой Кишкины прибегали к покупке крестьян и дворовых. В 40-е годы XVIII в. они приобрели 48 человек, в основном дворовых людей серпуховских купцов⁷. Таким образом, несмотря на указ 1744 г., согласно которому запрещалась покупка крестьян в розницу и допускалось их приобретение только деревнями⁸, мануфактуристы находили способ его обойти, покупая купеческих крепостных людей.

Другим источником пополнения рабочей силы являлось предоставление денежных ссуд помещикам под заклад крепостных и имений, вследствие чего часть помещичьих крестьян до выплаты их владельцами долга переходила в полное распоряжение мануфактуриста. В случае же несостоятельности должника кредитор закреплял работников за собой уже на правах вотчинника. В июле 1746 г. отставной майор Е. Маслов занял у Василия и Николая Кишкиных 100 руб. до 1748 г., заложив свое имение в Тульском уезде со всеми людьми и обязавшись дать из того имения четырех человек для работы на мануфактуре «безденежно» до условленного срока. Особо указывалось, что по истечении двух лет в случае невыплаты долга Кишкины «вольны были... то недвижимое имение к той своей фабрике записать». В марте 1747 г. помещица Каширского уезда Дарья Никифорова за взятые у Кишкиных 30 руб. отдала им на год своего дворового человека, также оговорив их право в случае невозвращения

долга в срок «того дворового человека за собою укрепить»⁹.

Нередко в записях совсем не указывался срок погашения долга, а следовательно, и закрепления крестьян в качестве работников за кредитором¹⁰. В таких случаях они передавались «до платежа тех заемных денег», что фактически являлось скрытой формой их продажи, особенно распространявшейся после запрещения розничной продажи крестьян мануфактуристам. Всего в 40-е годы XVIII в. Кишкины таким способом приобрели 57 человек¹¹. Этот путь обеспечения предприятия рабочей силой служил каналом распространения принудительного труда в промышленности. Работая «безденежно», получая от владельца предприятия одежду и еду (что оговаривалось в заемных записях), такие люди фактически оказывались на полсжении крепостных мануфактуриста. Контингент крепостных работников, таким образом, не исчерпывался «отданными» работниками. К концу 1740-х годов на мануфактуре Кишкиных имелось не менее 165 крепостных.

Разобранный выше пример с предприятием Кишкиных показывает что материалы крепостных контор позволяют более полно судить о масштабе применения крепостного труда на мануфактурах второй четверти XVIII века.

Н. В. Козлова

⁷ ЦГАДА, ф. 615, д. 10234, лл. 6, 12 об., 18; д. 10238, лл. 3 об., 4 об., 6 об.; д. 10241, лл. 6 об., 40; д. 10243, л. 11 об.

⁸ См. ПСЗ. Т. XII. № 9004.

⁹ ЦГАДА, д. 10238, л. 12; д. 10239, л. 14.

¹⁰ Там же, д. 10239, лл. 27 об.—28, 51 об.—52; д. 10241, лл. 17 об.—18, 24 об.—26, 32, 35 об., 36 об.—37, 42 об.—43; 52 об.; и др.

¹¹ Подсчитано по книгам Серпуховской конторы (там же, д. 10237, лл. 4 об., 11 об.; д. 10238, лл. 12, 15 об.; д. 10239, лл. 14, 27 об.—28, 51 об.—52; д. 10241, лл. 17 об.—18, 24 об.—26, 32, 35 об., 36 об.—37, 41 об.—43, 52 об.; д. 10243, лл. 3, 10, 16, 19, 22 об.).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

«КАПИТАЛ» В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПОДПОЛЬЕ РОССИИ 1870-х ГОДОВ

Весной 1872 г. вышел в свет русский перевод т. I «Капитала» К. Маркса. Россия была первой иностранной державой, где был издан перевод этого великого труда. История публикации и распространения «Капитала» в России 1870-х годов получила широкое освещение¹. Однако не все архивные источники по этой теме введены в научный оборот. В фондах Особого присутствия правительствующего Сената (ОППС) — высшего судебного органа по делам о государственных преступлениях в царской России находится коллекция «вещественных доказательств». В ней собраны различного рода бумаги (письма, записные книжки, тетради с конспектами и выписками из книг и др.), печатные материалы как подпольного, так и легального происхождения, изъятые при обысках и арестах у революционеров и лиц, связанных с ними. В этих материалах есть данные и о распространении в России «Капитала» (1872 г. издания).

Выход в свет этого труда совпал с подготовкой революционной молодежи России к «хождению в народ», которое явилось «расцветом действенного народничества»². Прежде чем нести в народ революционное слово, молодежь стремилась многое узнать, выяснить, «выработать себе мировоззре-

ние»³. Идейно воспитать себя в условиях самодержавной России можно было только самообразованием, углубленной самостоятельной работой над передовой социально-экономической литературой. «Нам нужна была такая наука,— вспоминал революционер-семидесятник М. Ф. Фроленко,— которую можно было бы использовать сейчас, в настоящее время, и притом не ради личной выгоды, а на пользу общую, на пользу бедняка»⁴. И молодежь вступала в кружки самообразования, возникавшие в начале 70-х годов прошлого века почти повсеместно. Многие из них вошли в созданное в то время Большое общество пропаганды, энергично осуществлявшее «книжное дело». Сначала оно подбирало по специальной программе книги для чтения и рассылало их по стране, затем наладило собственное издание. В список литературы, изучавшейся в кружках, сразу вошел т. I «Капитала» (немецкого, 1867 г., и русского, 1872 г. изданий).

Народник Н. С. Русанов писал о быстром распространении среди русской интеллигенции «из столиц в большие провинциальные центры, из центров по всем городам и весям вести о новой великой книге «Капитал»⁵. Об интересе молодежи России к труду Маркса говорится, например, в письме черниговского гимназиста Е. Имшенецкого студенту-пропагандисту И. Гнипову от 1 декабря 1873 г.: «Капитал» Маркса постарайтесь, пожалуйста, как можно скорее достать и переслать его... Хотя мы еще не чувствуем себя в силах читать эту книгу, но в Чернигове, кроме нас, еще есть люди, которые очень желают прочесть ее и которые наверно одолжат ее. Да и нам

¹ См.: Реуэль Л. Э. Русская экономическая мысль 60—70-х гг. XIX века и марксизм. М. 1956; Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М. 1958; Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. М. 1959; Троицкий Н. А. Большое общество пропаганды 1871—1874 (так называемые «чайковцы»). Саратов. 1963; Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М. 1965; Первый Интернационал. Ч. 2: 1870—1876. М. 1965; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967; Уроева А. В. Книга, живущая в веках. М. 1972; Панухина Н. Б. Москвичи. Из истории революционного подполья 70-х годов XIX века. М. 1974; Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л. 1974; и др.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 304.

³ Аптекман О. В. Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов (По личным воспоминаниям). Ростов н/Д. 1907, с. 31.

⁴ Фроленко М. Ф. Собр. соч. Т. 1. М. 1932, с. 172.

⁵ Русанов Н. С. Из моих воспоминаний. Берлин. 1923, с. 115.

она впоследствии будет весьма необходима»⁶. Автор письма, еще не прочитав «Капитал», уже имел о нем представление как о книге серьезной и нужной для будущей революционной деятельности. Очевидно и то, что просьба прислать том не была личной, а исходила от группы заинтересованных в его приобретении лиц, которые и организовали весной 1874 г. кружок революционеров. Е. Имшенецкий стал активным его членом.

О распространении и изучении «Капитала» народниками 70-х годов XIX в. свидетельствуют списки (каталоги) книг для чтения. В делах ОППС выявлено 16 каталогов, в которых наряду с литературой разного содержания значится и «Капитал» (1872 г. издания). Каталоги принадлежали А. В. Андреевой, А. М. Ветухову, Е. Ф. Завадской, Л. И. Корниловой, С. Г. Лурье, И. К. Львову, В. и С. Новодворским, М. Г. Селенкиной, В. Т. Тимофееву, И. Д. Трезвинскому, Н. П. Цакни, Ф. Н. Цебенко, Л. М. Щиголеву, В. М. Якушеву⁷. Почти все они активные участники «книжного дела» Большого общества пропаганды. Андреева, член московского кружка, вела пропаганду в Курской губ.; харьковский революционер Ветухов причастен к устройству в Харькове столярных мастерских как опорных пунктов пропаганды; Селенкина руководила учащейся молодежью в Вятке. Заметную роль в народническом движении играл тогда Цебенко, осуществлявший пропаганду в Воронежской губ., Харькове, Одессе. В истории революционного движения того периода хорошо известны имена члена петербургского кружка пропагандистов («чайковцев») Корниловой, киевского студента Лурье, московского пропагандиста Цакни. В «книжном деле» участвовал и рабочий Невского механического завода в Петербурге Тимофеев. Некоторое время он заведовал подпольной библиотекой для рабочих. Перечисленные в его каталоге книги, видимо, находились в этой библиотеке и среди них — «Капитал»⁸.

Труд Маркса включался пропагандистами чаще всего в каталог под рубриками: «Книги по экономическим вопросам», «Общественно-политическая наука», «Политиче-

ская экономия и социальные науки»⁹. У Цакни он значится среди книг по политической экономии и по рабочему вопросу (последняя рубрика имеет заголовок «Попытки разрешения рабочего вопроса») ¹⁰. Кроме «Капитала» в ней указаны сочинения Ф. Лассалья, «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского, «История политической литературы XIX столетия» Ю. Г. Жуковского, «История Великой Французской революции» Л. Блана, сочинения Н. А. Добролюбова, А. П. Шапова и другие¹¹. В группу книг по политической экономии Цакни внес «Капитал», сочинения Лассалья и Жуковского¹².

В каталоге Цебенко книги распределены по следующим разделам: «I. Исторический обзор событий, приведших современные общества к тому состоянию, в котором они теперь находятся; II. Теоретически отвлеченное разъяснение принципов, на которых зиждется современный порядок вещей; III. Проявление этих принципов в социально-политическом строе современных обществ и по преимуществу в трех вещах: в государстве, крупном землевладении и крупной промышленности; IV. Рассмотрение переходного момента от современного к вполне рациональному, нормальному; V. Исследование социально-политического строя, долженствующего следовать за переходным моментом и составляющего *idée fixe* наших стремлений; VI. Средства, при помощи которых можно выйти из настоящих обстоятельств»¹³. «Капитал» упомянут в третьей группе вместе с сочинениями Лассалья, Флеровского, Жуковского и Чернышевского.

В известных нам каталогах книга Маркса обычно обозначена в числе сочинений, научное содержание которых имело мало общего с изложенным в ней учением. В этом можно видеть проявление своеобразного понимания «Капитала» читателем 70-х годов прошлого столетия. Живя в условиях пореформенной российской действительности, отличавшейся неразвитостью капиталистических отношений, семидесятники не были готовы постичь революционную сторону этой работы. И после прочтения труда Маркса они продолжали оставаться лишь

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 112, ОППС, оп. 2, д. 712, л. 8.

⁷ Там же, дд. 368, 587, 845, 1435, 2091, 2303, 2324, 2454, 2547, 2613; ф. 1167, оп. 2, дд. 1987, 3391, 5243, 5246.

⁸ Там же, д. 2303, л. 7.

⁹ Там же, ф. 1167, оп. 2, д. 5246, л. 24; ф. 112, оп. 2, д. 1435, л. 14; д. 2091, л. 50б.

¹⁰ Там же, ф. 1167, оп. 2, д. 5246, л. 22.

¹¹ Там же, лл. 22—22об.

¹² Там же, л. 28.

¹³ Там же, ф. 112, ОППС, оп. 2, д. 2454, лл. 14—18об.

«на точке зрения утопического социализма»¹⁴.

Изучение «Капитала» требовало большого напряжения мысли. У некоторых из революционеров 70-х годов сложилось о книге Маркса впечатление, изложенное, например, Н. К. Бухом: «Первая часть «Капитала», усваиваемая девственными умами с большим трудом, внушала нам, молодым поклонникам Маркса, наряду с уважением к глубокой мудрости этого писателя, страх и трепет»¹⁵. Нередко молодые люди знакомились с «Капиталом» по излагавшим его содержание более доступным статьям профессора Н. И. Зиберы, печатавшимся в журнале «Знание»¹⁶. Но были среди молодежи и такие читатели, которые старались серьезно и глубоко изучить этот труд. Подтверждение тому — выписки из «Капитала», сделанные при его чтении. Они позволяют определить, какие положения книги вызвали особый интерес у семидесятников.

Известны три выписки, относящиеся к началу 70-х годов. Одна из них принадлежит С. С. Голоушеву, организатору кружка «оренбуржцев», члены которого вели пропаганду в Оренбургском крае. Его внимание привлекла глава 1 книги, а в ней — определение понятий «товар», «стоимость», «потребительная стоимость». Запись о стоимости содержит вопросы и подчеркивания («Стоимость измеряется количеством труда, а оно количеством рабочего времени????? общественно необходимого»)¹⁷. Видимо, для Голоушева оставалось неясным понятие «общественно необходимое рабочее время». Определения товара и стоимости заинтересовался и киевлянин И. Д. Трезвинский. В его конспекте «Капитала» выделена такая мысль: «Величина стоимости товара прямо пропорциональна количеству и обратно пропорциональна силе осуществляющегося в нем труда»¹⁸. Трезвинского привлек и вывод Маркса о закономерности исторического процесса, прокомментированный им так: «О естественных фазах развития общества, которые оно не может устранить путем декретов, через ко-

торые оно не может преступить»¹⁹. Выписка из «Капитала» о товаре содержится в записной книжке Щиголева: «Ценность товара есть не что иное, как заключенный в нем труд»²⁰.

Известно, что Маркс, раскрывая систему таких экономических категорий, как «товар», «товар — труд», «стоимость», «потребительная стоимость», «рабочее время» и др., изложил свою теорию стоимости, где показал двойственный характер труда, создающего товар, двойственность товара как потребительной стоимости и стоимости, вскрыв тем самым «экономическую клеточку» буржуазного общества. Эта сторона экономической теории Маркса тоже привлекала внимание передового читателя 70-х годов. На интерес семидесятников к учению Маркса о трудовой ценности и «взглядам его на отношения между трудом и капиталом» указывал Ковалик²¹. О том же писал Н. А. Морозов: «Наглядное выражение Маркса, что «товар есть откristаллизовавшийся полезный труд», объединило для меня все формы продуктов в их трудовой ценности, которую до Маркса смешивали с рыночной ценою, тогда как она производит на деле лишь приливы и отливы на уровне трудовой ценности в зависимости от колебаний спроса и предложения на данный продукт»²². Известно также, что основы теории прибавочной стоимости излагал по «Капиталу» семидесятник С. С. Синегуб на занятиях с рабочими. «Давая рабочим такую плату, чтобы ее хватало только для жизни, — объяснял он своим слушателям, — капиталисты желают, чтобы человек за эту плату сработал как можно больше»²³. Синегубу принадлежит и конспект главы «Капитала» — «Рабочий день»²⁴.

Власти, сначала официально допустившие издание «Капитала» на русском языке, вскоре стали преследовать за его чтение²⁵. В фонде ОППС среди материалов судебных следствий хранится «Дознание по делу о намерении открыть библиотеку и о распро-

¹⁴ Ковалик С. Ф. Движение семидесятых годов по Большому процессу (193-х). — Былое, 1906, № X, с. 6.

¹⁵ Бух Н. К. Воспоминания. М. 1928, с. 34.

¹⁶ Ашенбреннер М. Ю. Автобиография. — Энциклопедический словарь «Гранат», Т. 40. М. Б. г., прил., стб. 14.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 112, ОППС, ош. 2, д. 546, л. 3.

¹⁸ Там же, д. 2324, л. 6.

¹⁹ Там же, л. 5.

²⁰ Там же, д. 2547, л. 49.

²¹ Ковалик С. Ф. Ук. соч., с. 6.

²² Морозов Н. К. Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов. — Каторга и ссылка, 1933, № 3 (100), с. 144.

²³ Цит по: Базанов В. Г. Ук. соч., с. 511.

²⁴ Там же.

²⁵ Т. I русского перевода «Капитала» был запрещен для публичных библиотек в 1884 году.

странении некоторыми лицами в городе Туле книг революционного и социально-демократического направления». В нем сообщается, что 20 мая 1876 г. жандармы произвели обыск в квартире А. Д. Соколовой. При этом был обнаружен сундук с книгами — 399 томов. 15 из них вызвали подозрение и были отобраны «для просмотра в управлении», в том числе «Капитал» 1872 г. издания²⁶. На допросе Соколова заявила, что эта книга была приобретена ею в «лавочке Малинина»²⁷. На процессе 193-х (1877—1878 гг.) книга Маркса оказалась в числе «вещественных доказательств», которые дали царскому суду основание для обвинений.

Итак, факты, извлеченные из дел ОППС, подтверждают уже известные по литературе выводы об интересе народников 70-х годов XIX в. к труду Маркса. Наиболее ав-

торитетным суждением по этому вопросу является высказывание самого Маркса. В письме Ф. Зорге 5 ноября 1880 г. он упоминал, что «в России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш успех еще значительнее»²⁸.

Народники не восприняли ни философии марксизма, ни его политической программы: «Широко распространилось лишь чисто экономическое учение Маркса... Семидесятники ощутили в своих сердцах ненависть к эксплуатации труда капиталистами и без колебаний признали освобождение труда одной из первых задач всякой прогрессивной программы»²⁹. Распространение марксистской литературы готовило осуществившийся позднее переход в революционном движении от народничества к марксизму.

Т. В. Антонова

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 112, ОППС, оп. 1, д. 201, лл. 13об.—14.

²⁷ Там же, л. 25об.

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 34, с. 380.

²⁹ Ковалик С. Ф. Ук. соч., с. 5—6.

МОСКОВСКАЯ УЛИЦА АРБАТ

Существует несколько предположений о происхождении названия этой московской улицы. И. Е. Забелин производил его от русского «горбат», что обозначало кривизну улицы¹. П. М. Строев считал, что оно образовано от татарского «арба»². Наиболее вероятной является гипотеза о происхождении этого слова от арабского «арабад» — предместье³. Употребление арабского слова не вызывает удивления: известны давние торговые транзитные связи через Москву при посредстве арабских купцов. Клад с арабскими монетами найден в районе московской улицы Волхонки⁴, где перекрещивались сухопутные дороги из Новгорода в Рязань и из Южной Руси в Ростов Великий, Суздаль и Владимир. Воз-

можно, что здесь, под рублеными стенами небольшой крепости на Боровицком холме, находилось первоначально торгово-ремесленное предместье. Справедливость такого предположения подтверждает документ 1608 г. «О вестях про Лжедмитрия»: «Который де вор называется Царем Дмитрием и тот де вор с Москвы с Арбату от Знамения Пречистыя из-за Конюшен»⁵. Здесь речь идет о церкви «что на Знаменке» (ныне ул. Фрунзе, д. 19, не сохранилась) и царских конюшнях на Волхонке.

Судя по летописным известиям, в XV в. Арбатом назывался район, центром которого была начальная часть современного проспекта Калинина (быв. Воздвиженка)⁶. С возведением новых оборонительных сооружений предместье перемещалось все далее от центра города, и во второй половине XVI в. название «Арбат» перешло на

¹ Забелин И. Е. Опричный двор царя Ивана Васильевича. — Археологические известия и заметки, 1899, № 11, с. 407.

² Строев П. М. Указатель исторический. В кн.: Выходы государей, царей и великих князей. М. 1844, с. 87.

³ Трутовский В. Происхождение названия «Арбат». В кн.: Старая Москва. Вып. 1. М. 1912, с. 37.

⁴ Марков А. Топография кладов восточных монет. СПб. 1910, с. 27.

⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею. Т. II. СПб. 1836, с. 192.

⁶ ПСРЛ. Т. 8. СПб. 1859, с. 226, 272; т. 13, 1-я половина. СПб. 1904, с. 69; т. 13, 2-я половина. СПб. 1906, с. 401; т. 34. М. 1978, с. 15, 29, 182.

современную улицу⁷. Однако и Воздвиженка долго еще называлась Арбатом: так, в допросах служилых людей после пожара 1737 г. упоминалась церковь Благовещения на Старом Ваганькове (ныне ул. Маркса и Энгельса, д. 19; не сохранилась) «меж Знаменки и Арбату»⁸. Современная трасса улицы служила путем в Можайск и Смоленск. Как можайская дорога она упоминается в документе XV в.⁹, а как смоленская — в документах XVII века.

Застройка улицы в основном шла в XVI веке. По соседству с ней располагались несколько слобод: стрелецкие, плотников, иконников, черная слобода — Арбатская четверть сотни. Во второй половине XVIII в. улица являлась одной из самых аристократических. В 1812 г. по Арбату прошла часть русской армии, переправившейся через Москву-реку по Дорогомиловскому мосту: «В 3 часа пополудни армия, имея один Драгомиловский мост к отступлению, выступила одною колонною и в самом большом порядке и тишине проходила Москву», — говорилось в «Журнале военных действий» за 2 сентября 1812 года¹⁰. Затем проследовал арьергард под командованием М. А. Милорадовича¹¹, а непосредственно за ним наступал авангард наполеоновских войск Мюрата. В него, очевидно, приняв его за Наполеона, на Арбате стрелял неизвестный русский патриот¹². По этой же улице проехал Наполеон после тщетного ожидания депутации «русских бояр» с ключами от города. «Арбат был совершенно пуст, — сообщал очевидец. — Первые и единственные лица, которые видел на сей большой улице Наполеон, были у окна арбатской аптеки содержатель оной с своею семьею и раненый французский генерал, накануне к ним поставленный постоем»¹³. По ней же Наполеон вынужден был

спасаться от пожара, который начался в первые дни после занятия Москвы и от которого Арбат полностью выгорел.

До 60—70-х годов XIX в. Арбат был тихой улицей, в основном с небольшими деревянными домами, палисадниками и садами. В глубине улицы, по словам современника, «не было не только магазинов, но и где-нибудь приютившейся табачной лавочки»¹⁴. Лишь в начале и конце улицы шла оживленная торговля. Только к исходу XIX столетия Арбат начинает приобретать черты деловой улицы большого города: появляются магазины и доходные дома, прокладываются рельсы сначала конки, а потом трамвая.

В революционном 1905 году улица была одной из линий обороны Красной Пресни. На ней в первые же дни Декабрьского восстания были сооружены несколько баррикад. 11 декабря царские войска вышли к Смоленской площади и установили там орудия, которые простреливали Арбат. Баррикады защищали дружины булочников, вступившие в бой с драгунами. В одном из них был убит рабочий-большевик И. В. Карасев. В ноябре 1917 г. в районе Арбата белые оказывали упорное сопротивление красным отрядам. Дом № 2 занял отряд юнкеров, там же находился склад оружия; на Арбатской площади и Знаменке, в Александровском юнкерском училище, располагался один из главных центров сопротивления белых. 2 ноября по Арбату от Смоленской пл. наступали революционные отряды по направлению к этому училищу, и на следующий день началось разоружение юнкеров.

В советское время улица сохраняет в основном жилое, транзитное и торговое значение. На ней появилось несколько новых зданий. С прокладкой проспекта Калинина значение улицы как транзитной магистрали уменьшилось. Сейчас Арбат является заповедной зоной. Дома №№ 1—5 были снесены в 1970 г., и ныне улица начинается с д. № 7. В 1905 г. здесь находились Центральное бюро профсоюзов и профсоюз текстильщиков. В левой части дома, соединенной с правою бывшим фотографическим павильоном, в начале XX в. находился кинематограф «Паризьен», а в полуподвальном помещении в начале 1920-х годов располагался экспериментальный театр «Мастфор» (мастерская Н. М.

⁷ Иван IV в 1565 г. «повеле же и на посаде улицы взять в опришнину от Москвы: Чертолкускую улицу и з Семчиньским селцом и до всполья да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцовом Врагом и до Дорогомиловского всполья» (ПСРЛ. Т. 13, 1-я половина, с. 395).

⁸ Памятники московской деловой письменности XVIII века. М. 1981, с. 160.

⁹ Акты древней России, относящиеся до юридического быта. Т. II. СПб. 1864, с. 563.

¹⁰ М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV, ч. 1. М. 1954, с. 225.

¹¹ 1812 год в записках графа Ф. В. Ростопчина. — Русская старина, 1889, № 12, с. 724; Глинка С. Н. Записки о 1812 годе. СПб. 1836, с. 69.

¹² Русский архив, 1885, № 11, с. 410.

¹³ Сын Отечества, 1813, ч. 7, с. 103.

¹⁴ Щукин П. И. Воспоминания. Ч. II. М. 1911, с. 38.

Фореггера), где работали С. М. Эйзенштейн и С. И. Юткевич. В д. № 9 в сентябре 1879 г. останавливался у родственницы Л. Н. Толстой, приезжавший в Москву для работы в архивах. Левая часть здания построена в 1823 г. и переделана с надстройкой третьего этажа в конце века, а правая возведена по проекту архитектора Н. И. Гушина. Небольшой участок д. № 11 до середины XIX в. принадлежал шереметевским крестьянам. В 1855 г. здесь появился двухэтажный дом. В начале следующего столетия стараниями общества «Московский частный ломбард» его надстроили и сделали новый фасад (архитектор Н. Д. Струков).

Строение на углу ул. Мяковского (№ 13) возведено в 1908 году. Здесь в 1919 г. жили видные физики С. Н. Ржевкин и Э. В. Шпольский. Их квартиру — «мужской монастырь» — посещали А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилов, П. П. Лазарев и другие известные ученые. На месте д. № 15 стояло двухэтажное здание, где помещался один из первых в Москве кинотеатров, который в 1909 г. посетил Л. Н. Толстой с семьей и друзьями. Толстой «был поражен нелепостью представления и недоумевал, как это публика наполняет множество кинематографов и находит в этом удовольствие»¹⁵. Участком № 17 в конце XVIII в. владел отец декабриста подполковник А. И. Фонвизин, а перед 1812 г. — камер-юнкер гр. А. И. Соллогуб. Дом во время Отечественной войны сгорел, владелец «лишился богатой движимости, утвари, ценной библиотеки»; «московский дом моих родителей был игрушкой»¹⁶, — писал его сын, известный в 1840-е годы писатель. В 1834 г. здесь жил филолог Ф. И. Буслаев, в конце 1890-х годов — поэт С. А. Епифанов, работавший в журналах «Будильник» и «Развлечение» одновременно с А. П. Чеховым. Рядом с д. № 17 еще недавно стояло здание, где помещался антикварный магазин; в нем многие музеи приобретали шедевры живописи и прикладного искусства. Одноэтажный д. № 21, где разместился книжный магазин, появился в 1846 году.

Большой участок № 23 во второй половине XVIII в. принадлежал Голицыным. Потом он был разделен, переходил из рук в руки, в конце XIX в. им владел брат знаменитого путешественника В. М. Прже-

вальский, наследники которого продали участок А. К. Ечкину, выстроившему во дворе один из первых автомобильных гаражей в Москве. Он же построил и существующее здание (1902 г., архитектор Н. Г. Лазарев). Перед Октябрьской революцией дом принадлежал жене известного историка С. Б. Веселовского, который здесь жил. В мансарде этого дома находилась мастерская художников братьев А. Д. и П. Д. Кориных, которую в 1931 г. посетил А. М. Горький. Известная картина начала 1830-х годов изображает вид Арбата с церковью Николы Явленного на первом плане именно с этого места.

На углу Староконюшенного пер. в начале XIX в. стоял одноэтажный деревянный особняк с мезонином. В 1869 г. он перешел к А. А. Пороховщикову, одному из активнейших деятелей славянских комитетов — общественно-политических благотворительных организаций, возникших в середине XIX века. В 1870—1871 гг. для него по проекту Р. А. Гедике был построен существующий дом (№ 25), где с 1870 г. помещалось Общество русских врачей, открывшее здесь лечебницу и аптеку. В 1878 г. в доме находилась редакция популярного тогда «Календаря Гатцука». В советское время здесь жил выдающийся математик Н. Н. Лузин. На этом участке фасадом в переулочек был выстроен в 1870 г. деревянный дом, изукрашенный резьбой¹⁷. Автором его называют А. Л. Гуна, но в архиве на рисунке фасада дома — подпись архитектора А. С. Каминского¹⁸. Резьба по дереву была выполнена талантливым резчиком И. А. Колпаковым. На другом углу того же переулка высится один из доходных домов (№ 27), выросших на Арбате уже в XX веке. Он был построен С. Е. Трындиным по проекту архитектора С. Ф. Кулагина в 1911—1912 годы. В этом доме были пользовавшиеся широкой известностью кондитерская и кофейная «Трамбле». Дом № 29 построен в 1904 г. архитектором Н. Г. Лазаревым.

На участке № 31 в 1887 г. старые здания были перестроены по проекту М. Г. Пиотровича. До этого здесь находились два двухэтажных дома — каменный и деревянный. Один из них снял Н. П. Огарев, при-

¹⁷ Зодчий, 1872, № 2, с. 16.

¹⁵ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Т. 1. М. 1922, с. 347.

¹⁶ Соллогуб В. А. Воспоминания. М.-Л. 1931, с. 140, 142.

¹⁸ Московский городской исторический научно-технический архив при Государственной инспекции по охране памятников архитектуры ГлавАПУ Мосгорисполкома, Пречистенская часть, д. 478.

ехавший в 1839 г. из ссылки¹⁹. Дом, где он жил, «сделался средоточием, в котором встречались старые и новые друзья»²⁰. Здесь бывали А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, В. П. Боткин и многие другие. На соседнем участке вместо небольшого деревянного здания в 1860—1870-е годы архитектором М. Г. Лопыревским построен существующий дом (№ 33). Сохранилась фотография баррикад, возведенных в 1905 г. около магазина гастрономической фирмы «А. Д. Белов», располагавшегося в этом доме. В нем же помещался и один из первых в городе родильных приютов. Между Калошиным и Кривоарбатским переулками возвышается самый большой на Арбате бывший доходный дом (№ 35) архитектора В. Е. Дубовского (1913 г.).

Один из немногих хорошо сохранившихся ампирных домов на Арбате — № 37, центральная часть которого относится, вероятно, к середине XVIII века. В 1796 г. его купил отец будущего известного мемуариста Д. Н. Свербеева, который здесь и родился. В 1805 г. дом перешел к А. А. Всеволожскому, а от него — к кн. В. А. Хованскому²¹. После пожара 1812 г. дом был перестроен гр. В. А. Бобринским, имевшим отношение к делу декабристов. Он продал дом Е. С. Семенов-Гагариной, знаменитой актрисе, знакомой А. С. Пушкина, владевшей домом немногим более полугода. В середине века здесь помещалась Провиантская комиссия, а с 1882 г. — Военно-окружной суд. В д. № 39 долгое время находилась женская гимназия А. С. Алферовой. Современный вид это здание получило после переделки его в 1913 г. для кинематографа «Ампир», позже называвшегося «Карнавалом» и «Юным зрителем». Дом № 41 перестроен из зданий начала XIX в. в 1859 году. Соседний шестиэтажный дом (№ 43) как бы составлен из трех разновременных слоев; первые два этажа построены купцом Игольниковым в 1797 г., следующие два надстроены в 1900 г., а последние — в 1935 году.

На месте дома, возведенного в 1935 г. (№ 45, архитектор Л. М. Поляков), до 1932 г. стояла церковь Николы «в Плотниках». Это была приходская церковь для плотничьей слободы, давшей имя и сосед-

нему переулку. На другом его углу находились дворы причетников этой церкви. На их месте в 1914 г. построен существующий дом (архитектор М. Д. Холмогоров). Этот и следующий дом (оба под № 49), возведенный по проекту В. Ф. Жигардловича в 1904 г., были надстроены в 1938—1941 годы. В XVIII в. на участке № 51 было два небольших владения, объединившихся в конце века в руках статского советника И. С. Любученинова. Только в начале XX в. здесь поднялся огромный доходный дом (проект В. А. Казакова) паркетного фабриканта В. П. Панюшева. До Великого Октября тут находилось реальное училище, после революции — кинотеатр «Арбатский Арс». В доме Панюшева в мае 1920 г. останавливался А. А. Блок.

«Квартира А. С. Пушкина на Арбате» — филиал московского музея поэта, который будет открыт в д. № 53. Пушкин нанял этот дом с 22 января 1831 г. на шесть месяцев за 2 тыс. руб. ассигнациями²². Здесь перед свадьбой поэт собрал своих друзей на «мальчишник», сюда приехала чета Пушкиных после свадьбы 18 февраля 1831 года. Они прожили в этом доме до середины мая 1831 года. Здесь часто бывали друзья поэта — представители московских литераторов и деятелей искусства²³. Дом этот — самый старый на Арбате, в основе его — одноэтажные каменные палаты секретаря Мануфактур-коллегии С. Ф. Неронова, построенные между 1752 и 1760 годами. В 1777 г. он расширяет палаты к западу и надстраивает второй этаж²⁴. В марте 1803 г. дом покупает коллежский асессор Н. С. Хитрово, отец владельца дома в пушкинское время. В 1812 г. дом, как и весь Арбат, горел, но был «починкою исправлен 1815 года ноября 2-го»²⁵. Он часто сдавался жильцам; так, в 1885 г. у своего брата, жившего здесь, гостил П. И. Чайковский. В течение XIX в. дом много раз перестраивался, теряя свой ампирный облик. В 1980 г. началась его реставрация.

Дом № 55 построен в 1878 г. (архитектор М. А. Арсеньев). В нем жили математик Н. В. Бугаев и его сын, поэт и писа-

²² ЦГИА г. Москвы, ф. 14, оп. 7, д. 3928, л. 3.

²³ Романюк С. К. Московский адрес Пушкина. — Городское хозяйство Москвы, 1979, № 6, с. 37—38.

²⁴ ЦГАДА, ф. 931, оп. 2, д. 473, л. 1; д. 4972, л. 4; ЦГИА г. Москвы, ф. 46, оп. 7, д. 2900, л. 4.

²⁵ ЦГИА г. Москвы, ф. 14, оп. 6, д. 188, л. 460б.

¹⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 14, оп. 7, д. 6499, л. 6.

²⁰ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. IX. М. 1956, с. 10.

²¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 5. М. 1900, с. 29—34.

тель Андрей Белый. Их квартиру посещали выдающийся ботаник А. Н. Бекетов, экономист И. И. Янжул, поэты В. Я. Брюсов и К. Д. Бальмонт, многие другие. На правом углу ул. Веснина (быв. Денежного пер.) до 1931 г. стояла приходская церковь Троицы, построенная в 1690 г. стрельцами приказа Леонтия Азарьева. К 1739 г. она была разобрана и возведена вновь в 1741 г. по проекту И. Ф. Мичурина. В квартале между Садовым кольцом и переулком в 1930-е годы намечалась постройка большой гостиницы Общества пролетарского туризма и экскурсий по проекту И. А. Голосова и Д. Д. Булгакова. Часть ее была построена и вошла позже в состав высотного здания.

Пространство рядом с перекрестком с Садовым кольцом было заполнено множеством мелких торговых заведений²⁶. Они простояли до июня 1927 г., когда их сломали и стали рыть котлован под дом кооператива «Рабочая Москва» (№ 54), построенный в 1929 г. по проекту В. М. Маята. Малопримечательные здания рядом (№№ 52 и 50) появились в первой половине XIX века. Под № 48 — два здания: правое, трехэтажное, построенное в 1837 г., надстроено в 1878 г. архитектором А. И. Вивьеном, и левое, двухэтажное, выстроенное в 1801 году. За типовым зданием телефонной станции находится строение XVIII века. Здесь было владение бригадира Романа Тургенева, прапрадеда писателя. В начале XIX в. владелицей его была П. Д. Тютчева, бабка поэта, от нее дом перешел к А. И. Голохвастову, родственнику А. И. Герцена. Дом обгорел в пожар 1812 г. и много лет стоял неотделанным. Между участками №№ 42 и 40 до 1822 г. проходил переулок, позднее присоединенный к соседним владениям. Дом № 42 построен вскоре после 1812 г., а № 40 — по проекту И. А. Германа в 1910 году.

На углу Спасо-Песковского пер. в 1814 г. появился двухэтажный дом (№ 38); надстроенный, он дожил до нашего времени. В XVIII в. на другом углу переулка стояла караульная будка, казенный «Спасский» питейный дом и рядом — каменная «лавка-блинная»²⁷. После пожара 1812 г. был построен существующий скромный домик (№ 36). До Октябрьской революции здесь находились издательство и библиотека из-

вестного деятеля просвещения И. И. Горбунова-Посадова. В 1870—1871 гг. в доме жил поэт А. Н. Плещеев, а в 1890-е годы — ученый-лесовод М. К. Турский. Дом № 34 в XIX в. принадлежал причту церкви Спаса Преображения на Песках и был построен в 1888 г. (архитектор В. П. Гаврилов). В XVIII в. участки домов № 34 и № 32 разделял крошечный «переулок прохожий к церкви», шириной в полсажени²⁸.

Дом № 32, построенный в 1882 г., принадлежал к концу XIX в. адвокату кн. А. И. Урусову. Рядом с ним небольшой дом в 1833 г. был приобретен полковником В. А. Насакиным, родственником А. И. Герцена, который бывал здесь. Существующее здание (№ 30) построено в 1904 г. (архитектор Н. Н. Боборыкин). В этом доме некоторое время жил художник С. В. Иванов. Вычурный д. № 28 построен в 1901 г. по проекту А. А. Остроградского. Здесь в 1920-е годы жил поэт П. Г. Антокольский. Монументальное здание театра им. Вахтангова было возведено в 1947 г. архитектором П. В. Абросимовым. Это вторая постройка; первая, переоборудованная из старого особняка, построенного для Василия Сабашникова, отца Михаила и Сергея, основателей известного издательства, была разрушена немецкой бомбой в ночь на 24 июля 1941 года. На этом месте после пожара 1812 г. пустопорожнюю землю купил архитектор И. Л. Мироновский и выстроил себе двухэтажный дом. Его в 1820-е годы приобрел сенатор Л. А. Яковлев, дядя А. И. Герцена; Александр Иванович, должно быть, бывал здесь. В этом же доме зимой 1856/57 г. жил С. Т. Аксаков. Существующий д. № 24 построен С. М. Калугиным в 1899 году. Небольшое торговое строение (№ 22) стоит здесь с 1816 г., а сосед его (№ 20) построен в 1926—1928 гг. для кооператива «Красный уголок» по проекту В. М. Маята. В этом здании с 1958 г. находится редакция журнала «Москва». На его месте стоял ранее деревянный особняк, который с 1 мая 1829 г. снял А. Я. Булгаков, оставивший в своих письмах широкую картину жизни московского общества начала XIX века. Возможно, А. С. Пушкин, хорошо с ним знакомый, бывал в его доме. Перед Октябрьской революцией особняк снимался Центральным комитетом буржуазно-помещичьей партии «Союз 17 октября».

По обоим углам Серебряного пер. — быв-

²⁶ ЦГАДА, ф. 931, оп. 2, д. 5356; ЦГИА г. Москвы, ф. 16, оп. 1, д. 1430, л. 430.

²⁷ ЦГАДА, ф. 931, оп. 2, д. 3523, л. 5; д. 4983, л. 5.

²⁸ ГИМ, ОПИ, ф. 440, оп. 1, д. 946, л. 164.

шие владения церкви Николы Явленного. Доходный дом причта (№ 18) построен по проекту М. Д. Холмогорова в 1909 г., а два небольших домика (№ 16) стояли по сторонам одной из лучших в Москве шатровых колоколен XVII в.; сама же церковь 1594 г., перестроенная в середине XIX в., находилась в глубине участка. На месте д. № 14 был двор, принадлежавший матери А. В. Суворова²⁹, урожденной А. Ф. Мануковой (по ее фамилии и соседний переулок назывался Мануковым). В начале XIX в. этот же, но значительно увеличенный участок был приобретен княжной А. П. Шаховской; от того времени сохранился рисунок фасада и план ее дома³⁰. После 1812 г. здесь был выстроен деревянный дом в стиле «ампир», принадлежавший директору Московского архива МИД археографу кн. М. А. Оболенскому. В конце века дом был необитаем и слыл среди москвичей «домом с привидениями», которыми, как выяснилось, оказались воры и бродяги, поселившиеся там. На части этого владения, где был сад, купцами Орловыми в 1873—1889 гг. было выстроено существующее здание (№ 12). В доме Орловых в начале мая 1874 г. народником И. Н. Мышкиным была организована типография, работавшая до июня того же года³¹. На участке № 10 находился небольшой дом, где в 1820-е годы жил Ф. Ф. Кокошкин, директор московских театров. У него в доме состоялся дебют знаменитого комика В. И. Живокини. Дом № 8, стоявший на углу Арбатского пер., принадлежал премьер-майору П. П. Годенну, по фамилии которого переулок до 1952 г. назывался Годейнским. Сын владельца Николай Годейн был членом декабристского «Союза

²⁹ Сохранилась запись о продаже этого двора 5 апреля 1740 г. (Переписные книги Москвы 1738—1742 гг. Т. 1. М. 1881, стб. 271).

³⁰ Архитектурные альбомы М. Ф. Казакова. Подготовка к изданию, статьи и комментарии Е. А. Белецкой. М. 1956, с. 215, 269.

³¹ Антонов В. С. Революционная типография И. Мышкина в Москве. — Вопросы истории, 1974, № 12, с. 202.

благоденствия». В том же доме в конце 1850-х годов жил актер Малого театра С. В. Васильев.

Дом № 6 построен в 1898 г. и надстроен в 1903 г. (архитектор С. М. Калугин). Длинное здание № 4 построено в 1857 г.; вскоре в нем открылись меблированные комнаты «Гуниб», названные так по аулу в Дагестане, где был пленен Шамиль. Позже меблированные комнаты назывались «Столица». В них жили в разное время архитектор Е. Д. Тюрин, писатели А. И. Левитов и И. А. Бунин, историк А. Д. Удальцов, литературовед С. К. Шамбинаго, композитор С. Н. Василенко. В 1887 г. дом был куплен либерально настроенным золотопромышленником ген. А. Л. Шанявским, основателем первого в России народного университета, подарившим этот дом городу. В правой части здания заключен перестроенный позднее в классическом стиле особняк секунд-майора А. П. Загряжского; часть его декоративного убранства еще видна со двора.

На Арбатскую пл. выходит д. № 2. В основе его — здание рубежа XVIII и XIX веков. В нем в 1870-е годы был открыт трактир «Прага», превратившийся в 1896 г. в популярный ресторан. В 1914 г. интерьеры и внешний вид здания были переделаны по проекту архитекторов А. Э. Эрихсона и Л. Н. Кекушева. В ресторане в 1913 г. чествовали И. Е. Репина, приехавшего для реставрации картины «Иван Грозный и сын его Иван», изрезанной умалишенным. Здесь же 1 мая 1899 г. собрались участники просмотра пьесы «Чайка», поставленной Художественным театром, и А. П. Чехов до утра беседовал с актерами о премьере. В советское время в доме находились также аукционный зал, кинотеатр, столовая и библиотека, а в 1955 г. вновь открылся ресторан «Прага».

Итак, даже краткое описание упомянутых зданий древней московской улицы показывает ее тесную связь со многими событиями отечественной истории.

С. К. Романюк

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Б у г а н о в Виктор Иванович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории СССР АН СССР, заведующий сектором источниковедения истории СССР дооктябрьского периода. Специалист по отечественной истории периода феодализма, источниковедению и историографии. Автор монографий: «Разрядные книги последней четверти XV—начала XVI вв.», «Московское восстание 1662 г.», «Московские восстания конца XVII в.», «Отечественная историография русского летописания» и других исследований.

Т р у к а н Герман Антонович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории СССР АН СССР, заведующий сектором источниковедения истории советского общества. Специалист по истории Октябрьской революции и советского общества. Автор монографий: «Солдат ленинской гвардии», «Октябрь в Центральной России», «Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти» и других исследований.

Я к и м е н к о Николай Андреевич — кандидат исторических наук, и. о. доцента Полтавского сельскохозяйственного института. Автор статей по истории крестьянских переселений в капиталистической России.

С о г р и н Владимир Викторович — доктор исторических наук, зав. сектором зарубежной историографии и научной информации Института всеобщей истории АН СССР, специалист по истории США, автор монографий: «Истоки современной буржуазной идеологии в США», «Идейные течения в американской революции XVIII века» и других работ.

П о л т а в с к и й Моисей Анатольевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР. Специалист по новой и новейшей истории стран Западной Европы. Автор монографий: «Баварская Советская республика», «Австрийский народ и аншлюс 1938 г.», «Дипломатия империализма и малые страны Европы» и многих статей.

Р о к и т я н с к и й Яков Гершкович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС.

Р ы б и к о в а Алла Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС.

Л и в ш и ц Соломон Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент Барнаульского пединститута. Специализируется по истории интервенции и гражданской войны в Советской России. Автор книги «Империалистическая интервенция в Сибири в 1918—1920 гг.».

Г л у х о в Юрий Васильевич — журналист-международник, заместитель редактора по отделу развивающихся стран газеты «Правда».

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Институт истории СССР АН СССР объявляет прием в аспирантуру по следующим специальностям:

1. История СССР, с отрывом и без отрыва от производства (с отрывом от производства — история советского общества).

2. Историография и источниковедение, с отрывом и без отрыва от производства (с отрывом от производства — историография и источниковедение советского общества).

Прием документов до 31 июля с. г. Приемные экзамены — с 1 сентября с. г.

Справки по адресу: 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Отдел аспирантуры Института истории СССР АН СССР. Телефон: 126-94-79.

SUMMARIES OF ARTICLES

V. I. BUGANOV, G. A. TRUKAN. Study of Source Materials on the History of the U.S.S.R. at the Present Stage.

The article outlines the main trends in the study of source materials on the history of the U.S.S.R. in the second half of the 1970s. The authors show how the study of works by K. Marx, F. Engels and V. I. Lenin continued in this period, how historians developed problems such as the correlation between methodology and methods, theory and fact, the specific features of social knowledge, the notion of historical source material, the classification of such materials, the object of source study, the integration of data of source study and other special historical disciplines, informatics as applied to source study, the use of mathematical methods in historical research. A review of concrete source studies and publications is included. It is pointed out that works pertaining to the development of Soviet source study as well as those containing a critique of the theory and practice of modern source study abroad have made their appearance.

N. A. YAKIMENKO. Agrarian Migrations in Russia (1861-1917).

The article considers the reasons for peasant migrations in Russia, which represented a totality of economic, political and socio-psychological factors. The economic factors, in the author's opinion, played the determining role. The character of production relations in post-reform Russia and the presence of enormous tracts of free land in its outlying areas ultimately dictated the scope of its agrarian migrations in the 1861-1917 period. A statistical analysis leads to the conclusion that the bulk of the migrants was formed by the poorest sections of the rural population.

V. V. SOGRIN. Bourgeois Revolutions in U.S.A.: the General and the Specific.

The author surveys the place of two American revolutions—the War of Independence of 1776-1783 and the Civil War of the 1860s—in the process whereby the bourgeois socio-economic formation came into existence. The general and the specific features of the American revolution in comparison with the European are clarified. In the course and under the influence of the two American revolutions were destroyed colonial oppression, feudal-aristocratic survivals and the hierarchical slave-owning society of the South, which had considerably limited the potential for the rapid development of capitalism in the U.S.A.

M. A. POLTAVSKY. Formation and Development of Austrian Nationality before the Revolution of 1848.

In addition to tracing the formation of the Austrian territorial, economic and cultural community, the author dwells on how German developed into the language of the Austrian nationality in the mid-19th century—the period by which its formation had, in the main, become completed and conditions necessary for the development of the Austrian nation had been formed.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 3, 1983

Articles: **V. I. Buganov, G. A. Trukan.** Study of Source Materials on the History of the U.S.S.R. at the Present Stage; **N. A. Yakimenko.** Agrarian Migrations in Russia (1861-1917); **V. V. Sogrin.** Bourgeois Revolutions in U. S. A.: the General and the Specific; **M. A. Poltavsky.** Formation and Development of Austrian Nationality before the Revolution of 1848. Publication: From the Letters of the 1840s about K. Marx. Historical Essays: **S. G. Livshits.** The Kolchak Coup; **Yu. V. Glukhov.** Camp David: Pandora's Box. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys: **Ye. V. Bernadskaya.** Review of the Collection of Articles "The Middle Ages" **Book Reviews:** Problems of the History of the Russian Social Movement and Historical Science; **G. N. Moiseyeva.** Old Russian Literature in the Artistic Consciousness and Historical Thought of 18th-Century Russia; **A. N. Sakharov.** Diplomacy of Svyatoslav; **D. M. Tugan-Baranovsky.** Napoleon and the Republicans (From the History of Republican Opposition in France in the 1799-1812 Period); **K. E. Kirova.** The Life of Giuseppe Mazzini (1805-1872); Political Parties of U.S.A. in Modern Times; **M. S. Kapitza, N. P. Maletin.** Sukarno: A Political Biography; **G. M. Korostelyov, V. S. Krayev.** Bourgeois Conceptions of Population. A Critique; Cuba and Defence of the Spanish Republic (1936-1939). (T). Havana Historical Notes. Facts, Events, Personalities. Articles in Soviet and foreign historical journals. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire » n°3, 1983

Articles: **V. I. Bouganov, G. A. Troukan.** L'étude des sources de l'histoire nationale à l'étape contemporaine; **N. A. Yakimenko.** Les migrations agraires en Russie (1861-1917); **V. V. Sogrine.** Les révolutions bourgeoises aux Etats-Unis: le général et le particulier. **M. A. Poltavski.** La gestation et le développement de la nationalité autrichienne avant la révolution de 1848. Ecrit inédit: Des lettres des années 1840 sur K. Marx. Aperçus historiques: **S. G. Livchitz.** Le coup d'Etat de Koltchak; **Yu. V. Gloukhov.** Camp David: la jarre de Pandore. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Revue: E. V. Bernadskaïa.** A travers les pages du recueil « Sredniè véka ». **Comptes rendus des livres:** Problèmes de l'histoire du mouvement social russe et de la science historique; **G. N. Moïsséeva.** La littérature russe ancienne dans la conscience artistique et la pensée historique de la Russie du XVIIIe siècle; **A. N. Sakharov.** La diplomatie de Sviatoslav; **D. M. Tougan-Baranovski.** Napoléon et les républicains (De l'histoire de l'opposition républicaine en France en 1799-1812); **K. E. Kirova.** La vie de Guiseppe Mazzini (1805-1872); Les partis politiques des Etats-Unis aux temps nouveaux; Les partis politiques des Etats-Unis à l'époque contemporaine; **M. S. Kapitsa, N. P. Malétine.** Sukarno: biographie politique; **G. M. Korostélev, V. S. Kraév.** Les conceptions bourgeoises de la population. L'analyse critique; Cuba et la défense de la république espagnole (1936-1939) (La Havane) **Notes scientifiques. Faits, événements, hommes.** Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

revista «Cuestiones de historia» N 3, 1983

Artículos: V. I. Bуганов, G. A. Трукан. Estudio de las fuentes de la historia patria en la etapa contemporánea; N. A. Yakimenko. Migraciones agrarias en Rusia (1861-1917); V. V. Sogrin. Revoluciones burguesas en EE.UU.: lo general y lo particular; M. A. Poltavski. Proceso de formación y desarrollo del grupo étnico austriaco antes de la revolución de 1848. Publicación: De las cartas de la década de 1840 sobre C. Marx. Ensayos históricos: S. G. Livshits. El golpe de Kolchak; Yu. V. Glújov. Camp David: la caja de Pandora. Ciencia histórica en la URSS y en el exterior. **Resúmenes:** E. V. Bernádskaia. Por las páginas de la recopilación «La Edad Media». **Reseñas de libros:** Problemas de historia del movimiento social ruso y de la ciencia histórica; G. N. Moiséeva. Literatura rusa antigua en la conciencia artística y el pensamiento histórico de Rusia del siglo XVIII; A. N. Sájarov. La diplomacia de Sviatoslav; D. M. Tugán-Baranovski. Napoleón y los republicanos (De la historia de la oposición republicana en Francia en 1799-1812); K. E. Kirova. La vida de Giuseppe Mazzini (1805-1872); Partidos políticos de EE.UU. en la época moderna; M. S. Kapitsa, N. P. Maletin. Sukarno: la biografía política; G. M. Korosteliyov, V. S. Kráev. Concepciones burguesas de la población. Análisis crítico; Cuba y la defensa de la República española (1936-1939) (La Habana), etc. Apuntes científicos. Hechos, acontecimientos personales. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el exterior.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, В. А. ДЬЯКОВ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, В. А. КУМАНЕВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 31.01.83. Подписано к печати 28.02.83. А 00631. Формат 70 × 108^{1/16}.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Учетно-изд. л. 19,37. Усл. кр.-отт. 17,33.
Тираж 18 000 экз. Изд. № 808. Заказ № 165.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

България в руската дореволюционна литература (XVIII — началото на XX в.). Библиогр. указ. Съст.: от СССР Н. В. Буссе, Г. И. Ильинова, И. А. Калоева, от България Ан. Хр. Вълчева, Д. А. Григорова, Инст. за научна информ. по обществените науки при Акад. на науките на СССР — Москва. Нар. библ. «Кирил и Методий» — София. 1981. Т. 1. Материали от научни периодични издания. 597 с.

ДУИЧЕВ И. Проучвания върху средновековната българска история и култура. София. Наука и изкуство. 1981. 382 с.

МАРКОВ К. В бой последен /Кирил Марков — Златан.—2-о прераб. и доп. изд. София. Партиздат. 1981. 470 с.

РАДУЛОВ С. Управлението на БЗНС и българската буржоазия. София. Изд-во на БЗНС. 1981. 407 с.

Стопанска история на България, 681 — 1981. Авт. колектив: Николай Тодоров, Димитър Ангелов, Бистра Цветкова и др. София. Наука и изкуство. 1981. 613 с.

1300 години на стража. Авт. колектив Атанас Пейчев — ръководител, Върбан Янчев, Игнат Криворов и др. 2-о прераб. изд. София. Воен. изд-во. 1981. 277 с.

Mutató az Etnographia — a Magyar Néprajzi Társaság folyóirata — 1940—1969. (LI—LXXX.) évfolyamához. Összeáll. Tátrai Zsuzsanna. Budapest. Akad. kiadó. 1982. 374. old.

PUSKAS J. Kivándorló magyarok az Egyesült Államokban, 1880—1940. Budapest. Akad. kiadó. 1982. 638. old.

VARGA J. Szervitorok katonai szolgálata a XVI—XVII. századi dunántúli nagybirtokon. Budapest. Akad. kiadó. 1981. 203. old.

FRENCL A. Podlu Klósterskeje wody. Budyšin. Domowina. 1981. 135 s.

LÉWIN W. Gaius Julius Caesar. Aufstieg u. Fall eines römischen Politikers. Biogr. 2. Aufl. Berlin. Neues Leben. 1982. 307 S.

LOTH H. Das portugiesische Kolonialreich. Aufstieg u. Fall. Berlin. Dt. Verl. der Wiss. 1982. 241 S.

PIECHOCKI W. Die Halloren. Geschichte u. Tradition der „Salzwirkerbruderschaft im Thale zu Halle“. Mit Fot. von Walter Danz. Leipzig. Koehler und Amelang. 1981. 191 S.

PAVON TAMAYO E. Dos siglos de agresiones. Reportaje histórico cultural. Pt. I. (1762—1901). Santiago de Cuba. Oriente. 1981. 301 p.

НАВААН Д. Эртний монголын туухийн дурсгалууд. Эртний туух, дурсгал судлан сонирхогч, музей, кабинетын ажилтан нарт зориулсан гарын авлага. Улаанбаатар. БНМАУ-ын Соёлын яамны хэвлэл. 1980. 204 х.

CZAPLINSKI W. et al. Historia Niemiec./Wladyslaw Czapliński, Adam Galos.

Waclaw Korta. Wrocław etc. Zakł. nar. im. Ossolińskich wyd-wo. 1981. 862 s.

Organizacja Układu Warszawskiego: LRB, ČSRs, NRD, PRL, SRR, WRL, ZSSR. Dokumenty, 1955—1980./Min. spraw zagranicznych PRL. Warszawa. KiW. 1981. 344 s.

Przewroty i zamachy stanu. Europa, 1918—1930. Warszawa. Czytelnik. 1981. 243 s.

RACILAE. Contribuții privind lupta Românilor pentru apărarea patriei în primul război mondial. Situația administrativă, economică, politică și socială a teritoriului românesc vremelnice ocupat, 1916—1918. București. Ed. științifică și encicl. 1981. 423 p.

KŠČ v Bratislave, 1921—1945. Dok. Sprac. Vladimír Horváth. Bratislava. Obzor. 1981. 445 s.

VELIKÝ M. Základné otázky politického systému ČSSR. Bratislava. Veda. 1981. 337 s.

«... vzhůru k cilům svým». Z dějin komunistického hnutí v Západočes. kraji. Aut. kolektiv: Vladimír Brichta, Vladimír Bystrický, Zdeněk Macek et al. Plzeň. Západočes. nakl. 1981. 136 s.

HASANDEDIC H. Spomenici kulture turskog doba u Mostaru. Sarajevo. Veselin Masleša. 1980. 229 s.

НЕДЕЉКОВИЋ Д. Революција и револуционари на делу. Светозарево. Библ. Посебна издања «Светозаревих сусрета». 1980. 457 с.

CHACON V. História dos partidos brasileiros. Discurso e praxis dos seus programas. Brasília. Univ. de Brasília. 1981. XII, 570 p.

NOVAIS F. A. Portugal e Brasil na crise do antigo sistema colonial (1777—1808). 2-a ed. São Paulo. Hucitec. 1981. XIII, 420 p.

A Dictionary of British History. Ed. Consultant: J. P. Kenyon. London. Secker and Warburg. 1981. 410 p.

ALLDAY D. H. Insurrection in Wales. The Rebellion of the Welsh led by Owen Glyn Dwr (Glendower) against the English Crown in 1400. Lavenham (Suffolk). Dalton. 1981. XII, 182 p.

DE SILVA K. M. A History of Sri Lanka. London. Hurst. Berkeley. Los Angeles. Univ. of California Press. 1981. XX, 603 p.

RICHARDSON H. G., SAYLES G. O. The English Parliament in the Middle Ages. London. The Hambledon Press. 1981. 277 p.

PORSMOSE E. Den regulerede landsby. Studier over bebyggelsesudviklingen på Fyn i tiden fra ca. 1700 til ca. 1000 e. Kr. fødsel. Odense. Odense Univ. Studies in History and Social Sciences. 1981. I. 363 s. 2. 364—550 s.

НОВЫЕ КНИГИ

BRAVA CASTANEDA G. *Coyuntura sociopolítica y estructura social de la producción en la época de Diocleciano.* — Salamanca. Univ. de Salamanca. 1981. 435 p.

El franquisme i l'oposició. Una bibliografia crítica (1939—1975). Sota la dir. de Emili Giralt i Raventós. Barcelona. 1981. (6), 885 p.

GARCÍA CARCEL R. *La revolta de les Germanies.* València. Inst. Alfons el Magnànim. Diputació provincial de València. 1981. III p.

LLORENTE J. A. *Historia crítica de la Inquisición en España.* I. 332 p. 2. 390 p. 3. 303 p. 4. 326 p. Madrid. Lib. Hiperión. 1980.

INSOLERA I. *Roma. Immagini e realtà dal X al XX secolo.* Bari. Laterza. 1980. X, 468 p.

POLEGGI E., CEVINI P. *Genova.* Bari. Laterza. 1981. 292 p.

PROCACCI G. *Storia degli italiani.* Vol. I. XV, 250 p. Vol. 2. 253—580 p. Bari. Universale Laterza. 1980.

GARFIAS M., L. *Verdad y leyenda de Pancho Villa.* Vida y hechos del famoso personaje de la Revolución Mexicana. México. Panorama. 1981. 165 p.

MARTINEZ CARAZA L. *La intervención norteamericana en México, 1846—1848.* Historia política-militar de la pérdida de gran parte del territorio mexicano. México. Panorama. 1981. 234 p.

BEISHULZEN J., WERKMAN E. *De magere jaren.* Nederland in de cristijd. 1929—1939. 3. herz. druk. Alphen aan den Rijn. 1980. 239 blz.

GODINHO V. M. *Os descobrimentos e a economia mundial.* Vol. I. 290. p. Lisboa. Presença. 1981.

GARD W. *Frontier Justice.* 4th print. Norman. Univ. of Oklahoma Press. 1981. XI, 324 p.

POULSON B. W. *Economic History of the United States.* New York. Macmillan. London. Collier Macmillan. 1981. X, 672 p.

STERNS I. *The Greater Medieval Historians: an Interpretation and a Bibliography.* Washington Univ. Press of America. 1981. VI, 254 p.

Deutsche Flugschriften zur Reformation (1520—1525). Hrsg. von Karl Simon. Stuttgart. Reclam. 1980. 383 S.

Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. Frank Deppe et al. (Hrsg.). Mit Beitr. von Frank Deppe, Georg Fülberth, Käthe Gerstung et al. 3. verb. Aufl. Köln. Pahl-Rugenstein. 1981. 483 S.

Rüstungs- oder Sozialstaat? Zur wirtschaftlichen u. sozialen Notwendigkeit von Abrüstung in der Bundesrep. Ein Handb. Jörg Hufschmid (Hrsg.). Arbeitsgruppe Abrüstung Köln. Pahl-Rugenstein. 1981. 286 S.

LÖNNQVIST J. *Suomenruotsalaiset Kansatieteellinen tutkielma kieliryhmästä.* Jyväskylä. Gummerus. 1981. 170 s.

ANTOINE G. *Liberté, égalité, fraternité ou les fluctuations d'une devise.* Paris. UNESCO. 1981. 186 p.

BOURDERON R. *Le fascisme, idéologie et pratiques.* Essai d'analyse comparée. Paris. Ed. sociales. 1981. 219 p.

LAURAIN-PORTEMER M. *Etudes mazarines.* I. XI, 552 p. Paris. Boccard. 1981.

LIN LU-TCHE. *Le règne de l'empereur Hsuan-Tsong (713—756).* Trad. et complété par R. Des Rotours. Paris. Presse univ. de France. 1981. XCIII, 587 p.

CARLSSON I. *Parti — partiväsen — partipolitiker, 1731 — 1743.* Kring uppkomsten av våra första politiska partier. Stockholm. Almqvist and Wiksell intern. 1981. XII, 341 s.

Дай Нихон сирё. Т. 5. Ч. 26. Токио. дайгаку сюппанкай. 1982. 25,444 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи, исторические очерки и публикации объемом в 1—1,5 авторского листа (24—36 стр.); обзоры — до 16 стр.; рецензии, письма и заметки — 6—8 стр.; заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3,5 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через полтора интервала). Вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

О ВКЛАДАХ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ

- Сберегательные кассы помогают трудящимся более правильно строить личные бюджеты, рационально расходовать заработную плату и другие денежные доходы.

- Путем регулярных взносов на счета по вкладам миллионы советских граждан сберегают необходимые суммы денег на различные цели, в том числе и для покупки товаров длительного пользования. Многие трудящиеся за счет своих сбережений совершают увлекательные путешествия по родной стране и зарубежным странам.

- Сберегательные кассы принимают от населения вклады нескольких видов: до востребования, срочные, выигрышные, условные и на текущие счета.

- Вкладчикам выплачивается доход в виде процентов или выигрышей.

- Вклады принимаются сберегательными кассами без ограничения предельного размера. Минимальный размер первоначального взноса установлен в пять рублей.

- Вкладчик имеет право хранить вклад в сберегательных кассах страны неограниченный срок.

- Пополнить вклад можно в любой сберегательной кассе. По желанию вкладчика его вклад может быть переведен в сберегательную кассу другого города или района страны.

- Получить вклад можно не только в сберкассе, куда он был внесен, но и в центральной сберегательной кассе, которой подчинена эта касса.

- Сберегательные кассы выдают вклады по первому требованию вкладчика частями или полностью. Вкладчик имеет право распоряжаться вкладом как лично, так и через своего представителя путем выдачи ему доверенности.

- Вкладчик имеет право указывать сберегательной кассе лиц, которым вклад должен быть выдан в случае смерти вкладчика. Вклад может быть завещан одному или нескольким лицам, как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также государству или отдельным государственным, кооперативным и общественным предприятиям, организациям и учреждениям.

Правление Гострудсберкасс
СССР